Департамент образования и науки города Москвы
Самарский филиал
Государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИМЕНА В АКТУАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ЮЛИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ ПОРТУГАЛОВ

Избранные научные труды

Самара
2025

УДК 159.9
ББК 88

Научная редакция:
А. Л. Журавлев – академик РАН, д. психол. н., проф., научный руководитель Института психологии РАН,
О. А. Корнилова – д. психол. н., доцент, профессор кафедры пед. и прикл. психологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета,
Г. В. Акопов – д. психол. н., проф., профессор кафедры общ., соц. психол. и управл. персоналом Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Рецензенты:
Е. В. Захарова – д. психол. н., проф., дир. Института соц.-гум. и цифрового развития медицины, зав. каф. общ. и клин. психол. Самарского государственного медицинского университета,
Ю. Н. Олейник – к. психол. н., доц., зав. каф. общ., соц. психол. и истор. психол. Московского гуманитарного университета,
Н. Ю. Стоюхина – к. психол. н., доц. Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского.

Издание подготовлено в рамках Губернского гранта в области науки и техники, предоставленного за счет средств бюджета Самарской области (соглашение от 17 декабря 2025 года № 30-2025-007858).

Исторические имена в актуальной психологии: Юлий Вениаминович
И90 Португалов: избранные научные труды / сост. О. А. Корнилова; науч. ред.: А. Л. Журавлев, О. А. Корнилова, Г. В. Акопов. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2025. – 268 с.

ISBN 978-5-6055655-1-2

В книге собраны неизвестные широкой аудитории работы выдающегося самарского психолога, психиатра, педагога, организатора научных исследований и помогающих практик, общественного деятеля и публициста Юлия Вениаминовича Португалова. Научные исследования Португалова, опубликованные в первой трети прошлого века, обретают новую теоретическую и практическую актуальность в условиях современной трансформации всех сфер жизнедеятельности человека.

Издание может быть интересно не только профессиональным психологам, психиатрам, представителям смежных наук и специалистам в области исторического краеведения и персонологии, но также всем интересующимся российской и мировой историей.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-6055655-1-2 © СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЮЛИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ ПОРТУГАЛОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВИЗМА В ПСИХОЛОГИИ
Г. В. Акопов, О. А. Корнилова, В. В. Шестерикова 5

«Я ХОТЕЛ СЛУЖИТЬ НАРОДУ...»
Е. Ю. Евстигнеева 14

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АФФЕКТ
Вопросы психиатрии / под ред. Ю. В. Португалова. Самара, 1925. С. 33–61 …….. 16

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ И ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Вопросы психиатрии / под ред. Ю. В. Португалова. Самара, 1925. С. 87–93 …….. 34

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ОБ УМСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ ЧУВАШСКОЙ (БОЛГАРСКОЙ) ШКОЛЫ
Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории и пед. персонала дет. домов и школ. Вып. 2 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1926. С. 85–98 …… 38

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС У ДЕТЕЙ 5-Й ОПЫТНОЙ ШКОЛЫ
Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории и пед. персонала дет. домов и школ. Вып. 2 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1926. С. 99–126 …….. 44

ПОРТУГАЛОВ В. Ю. в сотрудничестве с Благосклоновой В. Н., Верховской М. В., Выходцевой О. А., Лобановой Т. Л., Освецимской Л. В. К ПСИХОЛОГИИ УПРЯМСТВА
Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории и пед. персонала дет. домов и школ. Вып. 2 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1926. С. 127–194 …… 59

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ДЕТСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ КАК ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ
Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории и пед. персонала дет. домов и школ. Вып. 2 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1926. С. 195–218 …… 96

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. К ИССЛЕДОВАНИЮ ОДАРЕННОСТИ
Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории. Вып. 3 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1927. С. 1–45 ……. 109

ЛЕВИНА К. С., ПОРТУГАЛОВ Ю. В. О ДЕТСКОЙ НЕПОДЧИНЯЕМОСТИ
Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории. Вып. 3 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1927. С. 49–76 ……... 139

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕДОЛОГИИ
Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. профил. амбулатории Самарского окрздравотдела и детской профил. (педолог.) амбулатории здравотдела Самара-Златоуст. жел. дор. Вып. 4 / под общ. ред. Ф. Ф. Бурлакова, М. И. Дальнова, А. П. Лебедева и Ю. В. Португалова. Самара, 1928. С. 3–160 …… 157

ЮЛИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ ПОРТУГАЛОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ЭПОХУ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВИЗМА В ПСИХОЛОГИИ

Гарник Владимирович Акопов,
д. психол. н., профессор, профессор
кафедры общей, социальной психологии и управления персоналом СФ МГПУ,
Ольга Алексеевна Корнилова,
д. психол. н., доцент, профессор
кафедры педагогической и прикладной психологии СФ МГПУ,
Виктория Владиславовна Шестерикова,
начальник отдела использования архивных документов
ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области»

Имя Юлия Вениаминовича Португалова – весьма крупного по современным оценкам ученого, психолога, психиатра, литературоведа, организатора психологических исследований и профессионального психиатрического и психологического сообществ, педагога, просветителя, общественного деятеля – почти неизвестно. Научные интересы Португалова были связаны не только и не столько с психиатрией, сколько с методологией психологии, общей и социальной психологией, детской, возрастной и педагогической психологией, психологией художественного творчества и др.

Юлий Вениаминович Португалов
(4 ноября 1876 г. – 20 февраля 1936 г., Самара)

Португалов был инициатором и организатором весьма масштабной практической психологической работы с детьми и взрослыми в рамках руководимой им Центральной детской амбулатории, решавшей неотложные психологические задачи жизненного устройства большого числа беспризорной молодежи в первые годы после Гражданской вой-

ны. В амбулатории при самом активном участии Португалова проводился широкий спектр различных видов работ: психологические обследования детей и взрослых, консультативно-профилактическая работа по выявляемым особенностям, мероприятия по психологическому оздоровлению детей, оперативное конструирование необходимых психологических и иных измерительных методик, обоснование эффективности художественного творчества детей в коррекционной работе, чтение научных и популярных лекций по психологии для широких слоев населения, организация общедоступной психологической библиотеки.

Юлий Вениаминович родился 4 ноября 1876 г. в семье известного в Самаре врача, теоретика и практика земской медицинской работы, публициста Вениамина Осиповича (1835–1896) и его жены Розалии Исаковны (урожд. Шайкевич).

Отец Португалова, Вениамин Осипович Португалов, родился в 1835 г. в Полтаве, в купеческой семье иудейского вероисповедания Иосифа и Марии Португаловых. После окончания Полтавской гимназии он поступил в 1854 г. на медицинский факультет Харьковского университета, но закончил обучение в Казанском университете в 1860 г. и в 1861 г. получил звание уездного врача. В сентябре 1862 г. Вениамина Осиповича выслали из Казани (из-за политической неблагонадежности?). В 1868 г. В. О. Португалов все же был допущен к должности красноуфимского городского врача, но оставался при этом под надзором полиции. Первоначально он работал младшим лекарем Нижнеисетского завода, затем – врачом Каменского завода, позже заведовал Нижнеисетским госпиталем. В марте 1871 г. В. О. Португалову было разрешено переехать на местожительство в Самару с оставлением под надзором полиции. В Самаре он был утвержден ординатором губернской земской больницы. Семья Португаловых была многодетной: старший сын, Осип (1866–1936) – юрист, присяжный поверенный, писатель-мемуарист; Александр (1870–?) – агроном, профессор; Виктор (1873–1930) – публицист, член конституционно-демократической партии; после революции 1917 г. в эмиграции; Юлий (1876–1936) – психолог, психиатр, ученый, публицист; Михаил (1879–1927) – историк литературы, первый директор Государственного литературного музея И. С. Тургенева в Орле; Мария (1869–?) – учительница; Евгения (1875–?); Надежда (1881–?) – учительница и писательница; Зинаида (1884–?); Лидия (1887–?).

Юлий Вениаминович, получив образование в Самарской гимназии – первой мужской классической гимназии в то время, поступает в Императорский Казанский университет. После окончания медицинского факультета Казанского университета по специальности «Нервные и душевные болезни» в 1899 г., Португалов в 1900 г. отправляется в Санкт-Петербург, где трудоустраивается в должности ассистента психиатрической Больницы Всех Скорбящих и одновременно – стажером в Клинике душевных болезней у профессора В. М. Бехтерева (1900–1902 гг.). Затем он работает ординатором Одесской городской психиатрической больницы (1902–1906 гг.); психиатром отделения Земской больницы в Оренбурге (1906–1910 гг.), где организует психологическое и психопатологическое общество (участники общества переписывались с Иваном Петровичем Павловым) и публикует в жанре лекций монографию «К психологии русских литературных течений эпохи 1860–1890 годов»[1]. С 1910 до 1911 г. Португалов в Московской окружной лечебнице, а с 1912 г. он – врач психиатрической больницы села Орловка, ныне – Воронежская областная клиническая психиатрическая больница. В этот же период младший брат Португалова Михаил работал в Воронежском университете[2]. Позже и до 1917 гг. он предположительно служил в Вятской, Екатеринославской психиатрических больницах и колониях (конкретные данные неизвестны).

[1] Акопов Г. В., Ковшова О. С. Проблематика общественного сознания в работе Ю. В. Португалова «К психологии русских литературных течений эпохи 1860–1890 годов» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6, № 4(24). С. 368–385.

[2] Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии / [В. М. Абакумов и др.]; гл. ред. О. Г. Ласунский. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006.

Вернувшись снова в клинику В. М. Бехтерева, Португалов опубликовал большую исследовательскую работу «О характере ассоциационных процессов при меланхолических формах», которая была удостоена лестного отзыва в Париже. Своим главным учителем в психиатрии он считал французского психиатра Жака-Жозефа-Валантена Маньяна (Magnan Valentin, 1835–1916), чью книгу-исследование «Вырождающиеся» (Les degeneres) перевел с большим увлечением. Предисловие к книге написал В. М. Бехтерев, которого Юлий Вениаминович также считал своим учителем, равно как и старшего врача клиники душевных болезней в Санкт-Петербурге Альфонса Феликсовича Эрлицкого»[3].

Интересы Ю. В. Португалова проявлялись в разных областях научного знания. Он публиковался в таких журналах, как «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма», «Вопросы философии и психологии», «Труды Петербургской клиники душевных болезней», «Практический врач», «Русский врач», «Учительский вестник»; в отчетах Одесской, Екатеринославской психиатрических больниц и колоний, журнале «Понизовье», общей прессе, а также его работы выходили отдельными изданиями. В 1905 г. Португалов опубликовал в «Вестнике психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» статью «Чехов как психолог», а в 1911 г. – «О психологии творческой работы Л. Н. Толстого».

С первого курса университета Ю. В. Португалов увлекся марксизмом, попав под влияние экономиста, историка, автора работ по политэкономии социализма, аграрной теории, истории крестьянства в России Петра Павловича Маслова, а также экономиста, писателя Романа Эмильевича Циммермана (псевдоним Гвоздев). Под их руководством он изучал марксистскую литературу, которой интересовался всю дальнейшую жизнь.

С 1917 г. и до самой смерти Ю. В. Португалов жил и работал в Самаре. Именно здесь у него прошли самые насыщенные трудовой и научной деятельностью годы. Вернувшись в Самару, Ю. В. Португалов читал лекции о «трудном детстве» на филологическом факультете Самарского педагогического института, одновременно по нервным болезням в Самарской фельдшерской школе, параллельно работал ординатором по нервным болезням в земской больнице им. Пирогова, больнице им. Калинина, Физиатрическом институте.

В декабре 1919 г. Ю. В. Португалов был зачислен в штат Самарского государственного университета. Занимал сначала должность преподавателя курса «Общая патология», затем должность преподавателя курса «Антропология» на естественно-географическом отделении педагогического факультета университета.

В 1923 г. Юлий Вениаминович был утвержден Государственным ученым советом Главпрофобра на должность профессора кафедры психиатрии медицинского факультета Самарского государственного университета. Кафедра открылась в 1921 г., сначала там читали только теоретические лекции, и лишь к январю 1922 г. в одном из бараков губернской больницы начали демонстрировать душевнобольных, привозя их из психиатрической больницы, располагавшейся в Томашевом Колке (историческое название местности в Самаре в XIX в. – Томашев Колок, ныне Промышленный район Самары). В 1925 г. кафедра существовала уже четвертый год, но материальная база оставляла желать лучшего: «она не получала ни разу ниоткуда никаких денежных средств и учебных пособий; кафедра не располагает специальным зданием для клиники и... не имеет больных в пределах города; доставка больных из загородной психиатрической больницы происходит с весьма большими затруднениями... при этом весьма трудно приурочить привозимый материал к определенным отделам прочитываемого курса; весь состав кафедры – профессор, ассистент, ординаторы – заняты службой в учреждениях, ничего общего с кафедрой не имеющих, эта служба неизбежна, ибо оклады врачей клиники небольшие (профессор – 25 руб., асси-

[3] Шестерикова В. В. Юлий Вениаминович Португалов – самарский ученый-психиатр // Память о прошлом – 2024. Образ ученого в архивных документах: диалог архивистов и исследователей: сборник научных трудов межрегиональной научно-практической конференции (Самара, 25 сентября 2024 г.) / сост. О. Ю. Козырь, Г. С. Пашковская, О. Н. Солдатова. Самара: РГА в г. Самаре, 2024. С. 213–216.

стент – 15 руб., ординаторы без содержания); Самарский университет три года находится в стадии медленной ликвидации, что, конечно, отражается на энергии сотрудников кафедры, лишенных надежды питать какие-либо планы на будущее кафедры; никаких приборов, книг, журналов и прочих учебных пособий никогда не выписывалось за отсутствием средств. Имеется лишь микроскоп, подаренный кафедре американской миссией, и остатки полусломанных приборов психологической лаборатории закрытого педагогического факультета». В изданном на личные деньги сотрудников кафедры сборнике «Вопросы психиатрии» Ю. В. Португалову принадлежат статьи «Проблемы строения тела», «Патологический эффект», «Условные рефлексы и психическая деятельность», «Методика антропометрического исследования», «Механизм литературно-художественного творчества у душевноздоровых и душевнобольных», «Современное естественно-научное миросозерцание и психизм» (по данным Самарского областного архива).

Ещё одним серьезным научным направлением, где Юлий Вениаминович показал свою высокую компетентность ученого и исследователя, была педология – комплексная наука о детях, их развитии, обучении и воспитании. Впервые интерес к педологии обозначился докладом, прочитанным в Санкт-Петербургском обществе нормальной и патологической психологии 8 октября 1906 г. В основе доклада – обобщение опыта работы в 1905–1906 учебном году в Екатеринославском коммерческом училище, где Юлий Вениаминович провел серию индивидуальных и коллективных психологических опытов над учениками по методикам А. Ф. Лазурского. Психологические исследования осуществлялись после соматических обследований: состояние сосудистой системы, физические признаки вырождения (психиатрия), невропатические особенности. Коллективные (групповые) исследования были направлены на исследования восприятия, памяти, преобладающих ассоциаций, воображения. По тому времени это было типичное педологическое обследование психологического и физического состояния детей.

Интерес к педологии, получившей широкое распространение в 1920–30-х гг., в полной мере реализовался и в Самаре вплоть до запрета. В марте 1924 г. Самарским губернским отделом здравоохранения была открыта Центральная детская амбулатория с функциями диспансера, руководителем которой стал Ю. В. Португалов. Амбулатория выполняла исследовательские, профилактические, консультативные и лечебные функции по охране здоровья детей Самары и Самарской губернии. С самого начала в ней были организованы кабинеты: соматоантропометрический, глазной, зубной и психоневрологический. Через год работы сотрудники амбулатории опубликовали результаты своей деятельности в первом выпуске сборника «Детская психология и антропология». Из материалов выпуска следовало, что сотрудники, работая по общим положениям и инструкциям, идущим из Москвы, все же шли своим творческим путем, в чем была несомненная смелость и заслуга Португалова. Творчество подкреплялось существованием многих школ и направлений, ожесточенно враждующих между собою, и сотрудники лаборатории, пытаясь следовать своим путем, внимательно следили за европейской и московской наукой. Деятельность лаборатории была обширной: 1) регулярные обследования групп детей, присылаемых из детских домов и школ; 2) индивидуальные обследования детей, имеющих патологические, асоциальные особенности и пр.; 3) коллективные опыты в детских учреждениях для изучения каких-либо психических процессов или комплексов; 4) консультативная помощь детям (умственно-отсталым, нервным, примитивным, психически-больным, заикам и пр.); 5) обработка материалов исследований; 6) сведение их в литературно обработанные статьи для печати; 7) редактирование сборников, выпускаемых амбулаторией; 8) организация психопедологической библиотеки; 9) создание инструментария и комплекта учебных пособий; 10) изучение текущей литературы по педологии, педагогике, психологии и составление схем, программ и анкет по злободневным педологическим вопросам; 11) организация лекций и практических занятий с врачами-педологами и педагогами; 12) чтение докладов в научно-педологическом кружке; 13) обследование рабочих подростков и обработка материала, полученного в результате этого обследования.

Португалов как руководитель амбулатории ежегодно представлял отчеты, на основании которых учредитель, трижды изменивший свое название, предоставлял возможность продолжения как практической работы, так и серии научно-прикладных исследований по детской психологии и антропологии в сфере здравоохранения под эгидой Самарского губернского отдела здравоохранения (1925–1926 гг.), народного здравоохранения (1927 г.), Самарского окружного отдела здравоохранения Средневолжской области (1928 г.).

В каждом выпуске сборника «Детская психология и антропология» можно найти его авторские, а также в соавторстве статьи конкретного практико-ориентированного содержания, методологического и полемического характера. Второй выпуск открывается введением профессора А. П. Нечаева – первого ректора Самарского университета. Выпуск также содержит статью профессора В. А. Вагнера о физиологии, биопсихологии и социологии. В редакционных статьях Португалов отстаивает необходимость развития психологии как самостоятельной науки вопреки экспансии «физиологического материализма» (выражение Португалова), подкрепляемого условно-рефлекторной идеологией, а также рефлексологическим объективизмом, в связи с чем имели место его письменные дискуссии с Бехтеревым.

К сожалению, биографическое и событийное описание жизнедеятельности Португалова на сегодняшний день весьма скудное. Отсутствуют многие важные документальные и живые свидетельства внешнего порядка (родные, родственники, друзья, знакомые, коллеги и т. д.), а также самоописания или воспоминания самого Португалова, связанные с развитием и саморазвитием личности как субъекта многосторонней деятельности, внешнего и внутреннего созерцания. Известное изречение «Время – действующее лицо», на наш взгляд, также определяет один из важнейших факторов развития личности и становления индивидуальности Португалова. На границе веков, в том числе XIX и XX, происходит существенная трансформация всех сфер жизнедеятельности человека. Социальная турбулентность, вызванная пред- и постреволюционной жизнью в России, несомненно, в значительной мере повлияли на Португалова. Об этом можно судить, в частности, по содержанию некоторых опубликованных его работ.

В многоаспектном научном творчестве Юлия Вениаминовича условно можно выделить три временных периода, отличающихся предметной направленностью содержания исследований:

– первый, связанный с профессиональным самоопределением, социальной и личностной самоидентификацией, включает этапы обучения в Самарской гимназии, Казанском университете, профильных учреждениях Санкт-Петербурга;

– второй, насыщенный многочисленными переездами предположительно в поисках места, объекта и предмета удовлетворяющей Португалова психиатрической практики в диалектическом противоречии с комплексом научно-исследовательской самореализации в психологии VS психиатрии, литературно-художественных и социально-политических исканиях, а также, возможно, в семейном и ином обустройстве личной жизни;

– третий период связан с возвращением в Самару, окончательным трудоустройством и вершинными достижениями в органичной связке с творческой самореализацией в целостном сочетании организационной и профессиональной педагогической деятельности, практической и научной психологической, инновационной и учебно-воспитательной, общественной и просветительской активности.

Если отследить хронологию публикаций Португалова, то можно заметить содержательное соответствие научных интересов автора обозначенным выше периодам:

1901 г.: Задачи клинического исследования преступности.

О психолого-антропологическом исследовании преступников.

1902 г.: Об измерениях черепа у душевнобольных (в двух частях).

1903 г.: О пояснично-крестцовом гипертрихозе.

Перевод с французского книги «Вырождающиеся».

По поводу полемики проф. В. Ф. Чижа и д-ра Я. Ф. Каплана (заметки читателя-психиатра).

1904 г.: Об организации ухода и надзора за больными (Одесская гор. психиатрическая больница, 1903 год).

1905 г.: Чехов как психолог (по поводу годовщины со дня смерти Антона Павловича Чехова 2 июля 1905 г.).

1906 г.: Об экспериментальном исследовании памяти.

1908 г.: К психологии русских литературных течений эпохи 1860–1890 годов (курс лекций, монография, Оренбург).

1909 г.: О характере ассоциативных процессов при меланхолических формах (две части).

1911 г.: К психологии творческой работы Л. Н. Толстого.

Объективная психология и эмпириокритицизм.

Субъективная и объективная психология.

1912 г.: К вопросу об апперцепции.

1922 г.: Механизмы литературно-художественного творчества.

1923 г.: Введение в курс психиатрии: конспект лекций. СГУ.

1925 г.: Вопросы психиатрии. Под ред. Ю. В. Португалова, СГУ.

1925 г.: Н. Степной: отзывы о рассказах «Юность», романе «Перевал».

Детская психология и антропология. Вып. 1. Ю. В. Португалов – редактор, составитель, автор (от редакции), ключевых статей и соавтор.

1926 г.: Детская психология и антропология. Вып. 2.

1927 г.: Детская психология и антропология. Вып. 3.

1928 г.: Детская психология и антропология. Вып. 4.

1931 г.: Камаев А. Л. Анашизм: социально-бытовое и клинико-психиатрическое исследование. Предисловие Ю. В. Португалова.

В представленной хронологии заметна длительная пауза (1912–1922 г.г.) в публикационной активности, которую можно объяснить как внешними социально-политическими и экономическими факторами, так и обстоятельствами личного плана. В спектре профессиональных интересов доминирует психология с учетом значительного по численности и проблематике количества статей в четырех выпусках «Детской психологии и антропологии».

Психология, обретя статус самостоятельной науки в конце XIX века, в поисках новой, постфилософской методологии, оказалась под сильным влиянием естественнонаучной методологии одностороннего объективизма. Односторонность естественнонаучного объективизма, до широкого науковедческого распространения положений и парадоксов квантовой теории, связана с установкой материалистического монизма, в противоположность идеалистическому монизму Гегеля, Ньютона и др.

Популярность естественно-научного мировоззрения в XIX–XX вв. основывалась не только на успехах новых теоретических изысканий, но также на результатах их внедрения в экономическую жизнь и повседневный быт. Расширению сторонников и укреплению этого мировоззрения способствовала также логическая простота монистических связей и объяснений, несопоставимых со сложностью дуальных процессов, многомерных и нелинейных систем, понимание которых стало приходить несколько позже.

В этом контексте понятно, что методологический кризис в психологии, о котором писал Л. С. Выготский, стал общей проблемой психологов и разделил их по отстаиваемым позициям. Если до революции 1917 года позиции и приоритеты в отношении психологии высказывались достаточно свободно, то после известных ограничений в науке советского периода, принималась исключительно официальная точка зрения. В соответствии с этим опубликованные Ю. В. Португаловым работы по психологии в той или иной мере отличаются в аспектах методологии и авторской позиции.

Опубликованная в 1908 г. в Оренбурге в жанре лекций книга «К психологии русских литературных течений эпохи 1860–1890 годов» представляется нам весьма интересной с точки зрения идентификации авторской позиции в психологическом анализе неоднозначных по идейной направленности литературных течений в России 1860–1890 гг. В качестве главных носителей идей этой эпохи в России автор определяет Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Лаврова, Михайловского, Щедрина, Достоевского и Толстого, включая в содержание общественного сознания этого периода также популярные на определенном временном этапе идеи марксизма. Отчетливость авторского психологического анализа основана на триадичной структуре психических явлений, восходящей еще к работам Аристотеля и используемой также в современной психологии. Психологические характеристики российского сознания Португалов фиксирует и в каждом из десятилетий (1860–1870 гг., 1870–1880 гг., 1880–1890 гг., 1890–1900 гг.), устраняя затем из анализа малодинамичное десятилетие 1880–1890 гг.

В соответствии с триадичной структурой автор определяет следующие обобщенные характеристики: 1) интеллектуальная сфера, в содержание которой включены представления, мысли, суждения (в современной психологии – когнитивная сфера): 2) основные чувствования, т. е. эмоциональные проявления, переживания; 3) волевая сфера, включающая намерения, призывы к действиям, направления деятельности и содержание действий.

Соответствующая источниковедческая основа анализа представлена литературными произведениями, литературной критикой, публицистикой, а также научными трудами как избранных автором выдающихся мыслителей, так и других исследователей русской общественной мысли.

В этой, как и в другой, научно-организационной работе по подготовке и ежегодному изданию четырех выпусков «Детской психологии и антропологии» (Самара, 1925–1928 гг.) впечатляет научная обстоятельность, креативность, самостоятельность поиска новых, соответствующих времени и задачам, решений, масштабная трудоспособность, спокойствие (что чувствуется в стилистике текстов), уверенность в себе (что ясно из бестрепетного отношения Ю. В. Португалова к авторитетам и лидерам). В первом томе из 151 страниц предисловие Португалова и его же большая статья «Как исследовать детскую психику» занимают с 3-й по 126-ю страницы. Автором дан обзор рефлексологических и иных течений в их отношении к психологии вообще и к детской психологии в частности. Показательны с точки зрения отношения Ю. В. Португалова к рефлексологии используемые им обозначения: «рефлексологическая ортодоксия», «научный деспотизм», «новые течения, страдающие психофобией» и др.

Собственно, антропологической тематикой в первом сборнике занято две страницы, представленные специалистами узкого профиля (органы зрения, состояние полости рта у детей). Остальные двадцать страниц посвящены состоянию нервно-психической сферы у детей Самарских детских учреждений. В этом разделе Ю. В. Португаловым представлены результаты обследований нервной системы (двигательные расстройства, «чувствительные расстройства» (сенсорика), мышечные и рефлекторные расстройства), а также сознания (ориентация в окружающей обстановке и времени, восприятие, ассоциации, память, внимание, высшие процессы – мышление, сфера чувств, воля, характер, речь).

Не менее насыщен содержанием второй выпуск «Детской психологии и антропологии» (1926 г.) с кратким предисловием профессора психологии А. П. Нечаева (г. Москва) и вступительной статьей профессора биологии В. А. Вагнера (г. Ленинград), посвященной «взаимоотношению физиологии, биопсихологии и социологии», что, по мнению автора, «имеет не только теоретическое, но и практическое значение». В этом же томе со ссылкой «От редакции» содержится большая статья о состоянии психологии и «новых течениях, страдающих психофобией», по-видимому, написанная самим Португаловым.

В помещенном в сборник «Отчете по Психо-неврологическому кабинету» (1925–1926 гг.) Ю. В. Португалов отмечает многочисленные обследования детей школ и детских домов, консультации и опытную работу. В работу кабинета также включены подготовка

статьи, организация психолого-педагогической библиотеки, разработка инструментария и учебных пособий, изучение текущей педагогической литературы, чтение лекций и проведение практических занятий со школьниками, врачами и педагогами, выступление с докладами на «научно-педологическом кружке», а также «обследования рабочих подростков».

Отдельно во втором выпуске «Детской психологии и антропологии» (1926 г.) опубликованы статьи Ю. В. Португалова «Об умственном развитии детей чувашской (болгарской) школы 2-й ступени» (13 страниц), «Литературно-творческий процесс у детей 5-й опытной школы (экспериментально-психологическое исследование)», «Детские переживания как причины преступлений в зрелом возрасте»; «К психологии упрямства» (85 страниц, пять соавторов).

В подготовке третьего выпуска (Самара, 1927 г.) приняли участие 14 человек. В этом издании Ю. В. Португалов отмечает, что «в новейшей психологии большое значение приобретает теперь немолодое уже учение Э. Гуссерля, разработавшего особый феноменологический метод исследования». В этом контексте акцентируется тема «нормальной и больной психики» и затем, переходя от психиатрии к К. Ясперсу, Ю. В. Португалов фиксирует психологические различия между пониманием и объяснением. В этом же выпуске опубликована его статья «К исследованию одаренности» (48 страниц) и подготовленная совместно с К. С. Левиной «О детской неподчиняемости (по материалам Самарской психоневрологической школы-санатория)» (28 страниц).

Последний, четвертый выпуск «Детской психологии и антропологии» (1928, Самара) открывает большая статья Португалова «Предпосылки педологии» (157 страниц из 286 всего сборника). Помещены также совместно подготовленные статьи с А. В. Винокуровой «Умственно-отсталые в нормальной школе по материалам обследований учащихся 28 школы» и совместно с М. И. Широковой «О состоянии непосредственной репродукции зрительных образов с высшими интеллектуальными процессами (на основании экспериментального психологического исследования 41-й школы)».

В связи с непомерно большим объемом работ уже с 1930 г. здоровье Юлия Вениаминовича сильно ухудшилось; его коллеги на заседании Краевого общества психиатров и невропатологов 7 февраля 1934 г. специально докладывали о физическом состоянии и материальном положении профессора. Общество постановило: «Ю. В. Португалов в данное время вследствие болезненного состояния (троекратный инсульт с осложнениями) не может работать столь продуктивно как прежде и вынужден резко ограничивать свою работу, а отсюда и заработок, что весьма плохо отражается на экономике его семьи. Общество констатирует, что при должном бережном отношении к здоровью профессор Португалов еще немало лет сможет приносить пользу как научными трудами, консультациями по детской амбулатории, так и своим ученикам, врачам и преподавателям школ» и решило ходатайствовать перед руководством Средневолжского края о предоставлении профессору персональной пенсии за счет местных средств» (по данным Самарского областного архива).

Умер Юлий Вениаминович Португалов 20 февраля 1936 г. В некрологе его коллеги и ученики писали о смерти «крупнейшего специалиста-психиатра, единственного в Куйбышеве специалиста по детской психоневрологии. ...Его диагностика и советы считались окончательными и бесспорными. Несмотря на свою болезнь и инвалидность 2-й группы, Юлий Вениаминович до последнего дня не бросал службы и научной работы. Почти лишенный дара речи и не владея правой рукой, он все же закончил свой последний труд «Гештальт-психология и марксизм».

Через несколько месяцев после смерти ученого его вдова, Евгения Людвиговна Португалова, обратилась в президиум крайкома союза «Медсантруд» с просьбой ходатайствовать перед горсоветом о закреплении за ней занимаемой квартиры по ул. Фрунзе, 130, состоящей из двух смежных комнат. В заявлении, в частности, сообщалось, что «в этом доме семья Португаловых живет 55 лет. В этой квартире умер отец мужа – врач, публи-

цист, политкаторжанин, здесь же умер мой муж. В этой же квартире у Португаловых бывал В. И. Ленин».

Масштаб личности Ю. В. Португалова – ученого, педагога, практика, общественного деятеля, просветителя – можно косвенно определить по тем характеристикам, которыми он наделяет ранее работавшего у него А. А. Гайворовского, обратившегося к нему за отзывом в 1929 году «для ведения кафедры при педвузе» (по данным архива СГСПУ). Профессиональные характеристики Гайворовского: «самостоятельный научный деятель, разрабатывающий тщательно, уверенно и с полным знанием дела новейшие психологические проблемы и заявляющий себя как оригинальный автор новых методов, тестов, программ» – Португалов дополняет такими личностными особенностями, как «спокойная осторожность, чувство меры, несклонность благоговеть перед модными случайными направлениями, захватившими нестойких и пассивных научных работников, самостоятельность, редкая усидчивость и трудоспособность, совершенно объективное беспристрастное отношение к борющимся лагерям в современной психологии». Эти характеристики, на наш взгляд, вполне можно отнести к самому Португалову. Личностные черты Португалова (прямые свидетельства, суждения и оценки со стороны коллег и людей, знавших его близко, отсутствуют), отчетливо просматриваются в стилистическом своеобразии разнообразных по содержанию и направленности текстов опубликованных им работ. Они продолжают оставаться актуальными, т. к. вневременной или, так называемый, перманентный кризис в психологии, связанный главным образом с определением предмета и методов психологии, был теоретически и практически преодолен Португаловым в пользу современных трактовок.

«Я ХОТЕЛ СЛУЖИТЬ НАРОДУ...»

Елена Юрьевна Евстигнеева, к. м. н., врач-психиатр I категории,
Самарский психоневрологический диспансер

Приступая к изучению немногочисленных уцелевших работ Ю. В. Португалова по психиатрии, мы погружаемся в забытый мир интеллигенции девятнадцатого столетия. Трудно для нас, впитавших в себя ритм последних десятилетий, понять интеллектуальные привычки и особенно стиль мышления людей того времени. Ю. В. Португалов был одной из последних звезд, засиявших на небосклоне века уходящего, девятнадцатого. Но грохоту века двадцатого не было никакой возможности оценить по достоинству тонкость, тишину и особую, уходящую корнями в классическую философскую традицию ясность его мысли. «Врач – философ, ведь нет большой разницы между мудростью и медициной», – сказал в свое время Гиппократ, и слова его легли в основу классического медицинского образования в большинстве университетов того времени, когда революция еще не провела по карте Европы демаркационную линию.

Прежде всего научная среда девятнадцатого века носила отпечаток сотрудничества и даже некоего братства, свойственных членам одного сословия. Поэтому труды ученых разных стран, попадая на стол их коллег из других, сколь бы далекими они ни были, воспринимались как живое биение мысли, требующей отклика и диалога, полемики, а не хвалебных дифирамбов авторитету автора. Чтение работ Ю. В. Португалова погружает нас в эту полемику, делает ее частью, заставляя не слепо принимать мнение автора, а побуждая собственное наше движение мысли, призывая идти самостоятельно. Мыслящий человек, имеющий всестороннее, энциклопедическое образование, свойственное людям той эпохи, он призывает и нас приобщиться к этому искусству – мыслить.

Малая толика его наследия, позволяющая делать нам крайне скромные выводы о психиатрической практике автора, изложена в небольшом, изданном в 1925 году на скромные средства сотрудников издании «Вопросы психиатрии». Страшные годы приближающегося рокового для отечественной психиатрии и психологии полувека тишины, когда страна лишилась доступа и возможностей сотрудничества с определившей становление и развитие психиатрии и психологии нового времени западной наукой. Годы, когда кафедра психиатрии Самарского университета существовала в жутких условиях отсутствия финансирования, когда преемственность поколений, связь времен разрывалась невозможностью преподавания дисциплин в том объеме, в каком это необходимо было для создания следующего поколения думающих, рассуждающих специалистов.

И в эти годы уже немолодой, но по-прежнему широко мыслящий и не идущий на компромиссы со своей совестью и научным достоинством Ю. В. Португалов публикует свои работы, в которых, рассуждая о патологическом аффекте, делает отсылки к работам Фрейда, Юнга, Блейлера, обозначает основные принципы работы бессознательного, конструктивно подходит к интерпретации этих теорий в рамках исследуемой им темы. Это большая смелость для того времени, своего рода научное подвижничество. Проблематика его работы не потеряла актуальности и на сегодняшний день, мало того, последовательность, ясность языка и логическая непротиворечивость его аргументов выгодно отличает работу от современных опусов, написанных выспренным научным языком, полных неглубоких, не имеющих способности будить полет мысли выводов. То же самое мы наблюдаем всегда, переходя от написанных авторами предыдущих лет работ к современным. И именно поэтому ценность таких авторов останется непреходящей и работы Ю. В. Португалова в их числе не будут забыты и найдут свой путь к сердцам и умам современников или последующих поколений.

Вопросы, ответы на которые автор считает своим долгом полностью раскрыть в работе, четко сформулированы и освещены со всех сторон, максимально раскрывая проблему. Ю. В. Португалов проводит границу между представлениями о патологическом аф-

фекте как о привнесенном, случайном образовании в психике, что ставит под сомнение логическую непротиворечивость, оспаривая, по сути, древний аргумент о невозможности происхождения из ничего, и патологическом аффекте как следствии уже происходивших в психике процессов, смещенных под влиянием обстоятельств с периферии – из бессознательного – в центр личности и нашедших отражение в поведении. Он апеллирует к «новой психологии», указывая на то, что открытие бессознательных процессов сделало понятным ранее необъяснимые явления в психике, разбирает архитектуру и динамику патологического аффекта, опираясь на все имеющиеся к тому времени исследования без высокомерия и пренебрежения какими-либо из них, подчеркивая те аргументы, которые он находит состоятельными, и тактично полемизируя с несостоятельными. По окончании чтения складывается ощущения владения темой, причем не последнюю роль играет легкость языка и последовательность изложения.

Очень интересна работа из этого же сборника, озаглавленная «Проблемы строения тела». Удивительна не столько ее научное значение (проблемы антропологии входили в сферу интересов Ю. В. Португалова и развивались им неоднократно в публикациях), сколько простота и ясность аргументов, которыми он доказывает несостоятельность притязаний Кречмера на открытие теории об антропологических особенностях душевнобольных. Его доказательства об отсутствии в работах Кречмера достаточных данных о том, чтобы делать настолько далекоидущие выводы, точны и выстроены по принципу Оккамовского лезвия. Эта работа как образец блестящей риторики, наподобие платоновских диалогов о Сократе, заслуживает внимания не только специалистов.

Заметим, что среди дошедших до нас обломков творческого наследия нет руководств или сборников лекций, сохранились по большей части те труды, которые отражают настроения автора именно как мыслителя, обозначают нам абрис его мысли, а не прописные истины современной ему психиатрической теории и практики. И именно они дают нам представление о том, почему чаще всего Ю. В. Португалов обращается к психологии больше, чем к психиатрии. Есть в этом сборнике одна жемчужина – это работа «Условные рефлексы и психическая деятельность». Тонкий и последовательный философ, автор остро почувствовал, чем грозит переход психиатрии на материалистические рельсы. Вопросы различения психического аппарата и сомы, восходящее к традициям классической философии, эхом повторяющее интуицию Декарта и nervus probandi позднейшей философской мысли, беспокоят Ю. В. Португалова гораздо больше, чем теория и практика психиатрии, потому что слияние и растворение психики в соме опасно полной механизацией человека, опасно тем, что произошло сегодня, когда, по словам профессора М. М. Решетникова, «душа, наконец, была найдена в синаптической щели». Колоссальное развитие фарминдустрии нынешнего времени, когда антидепрессанты назначаются практически при любой патологии, мало-мальски имеющей отношение к психосоматике и именуемой депрессией без классических критериев этого диагноза, – что это, как не способ управлять психикой человека через синаптическую щель? Можем ли мы в таком случае игнорировать попытки авторов, подобных Ю. В. Португалову, предвосхитить эру бездумного и неконтролируемого приема фармпрепаратов вместо поиска иных смыслов и причин подобных состояний? Ему эти опасности грядущего были ведомы, и именно они ведут за собой его мысль к основам, началу всех начал – вопросам психологии и педологии, к тому, что лежит в основе правильного (вот она, классическая философская традиция – что есть благо?) формирования психического аппарата и психической деятельности. И здесь, исходя их этих предпосылок, трудно развести Португалова – патолога и психиатра и Португалова-психолога. Возможно, в этом и нет острой необходимости, и это тоже одна из примет нынешнего времени – узкая специализация и отмежевание одной науки от другой, тогда как для человека девятнадцатого века, глобально и масштабно мыслящего, подобное деление было не более чем формальностью. Не стоит забывать о том, что колыбелью психологии была психиатрия, и у истоков науки стояли психиатры, такие как Жане, Фрейд, Блейлер и другие, которые хотели в своем поиске дойти до сути явлений.

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АФФЕКТ

Вопросы психиатрии / под ред. Ю. В. Португалова. Самара, 1925. С. 33–61.

Подобно многим вопросам клинической психиатрии и судебной психопатологии, вопрос о патологическом аффекте нуждается в подробном пересмотре и изменении в соответствии с новыми данными науки.

Необходимо последовательно рассмотреть все главы этого вопроса.

I. Сознание при патологическом аффекте. Крафт-Эбинг указывает на «исключительное состояние сознания» или «сновидную спутанность» при п. а.). В высших степенях «глубокое расстройство, нередко – даже совершенное исчезновение самосознания», и, наконец, «состояние болезненной бессознательности».

Миттермейер считает пат. афф. «кратковременным психозом, который может не сопровождаться потемнением сознания». Каспер полагает, что при п. а. человек находится «при почти полном или совершенно полном отсутствии сознания». Ковалевский находит при п. а. «моментальную потерю сознания». Пастернацкий определяет деяние, совершаемое во время п. а., как «бессознательное...» «Масштабом интенсивности и. а. является потеря самосознания». Кандинский при п. а. тоже) усматривает «расстройство сознания»; Н. М. Попов – «более или менее резкое помрачение сознания»; Н. А. Оболонский: «Почти полное и даже совершенное исчезновение самосознания...» «Сознание окружающего мира глубоко расстроено или даже совершенно потеряно». В. Д. Колотинский: «Сознание при п. а. обязательно расстраивается или частично или помрачается совсем»; С. С. Корсаков: «Сознание... всегда бывает помрачено в различной степени (1-й тип). 2-й тип характеризуется «не столько помрачением сознания, сколько таким изменением личности...» и т. д.; В. П. Сербский: «Сознание бывает глубоко расстроено или помрачено...» Итак, из изложенного явствует, что сознание при п. а. может быть помрачено глубоко, расстроено частично или целиком, может совершенно отсутствовать, может моментально утратиться, но может быть и мало помрачено. Самосознание же расстроено глубоко или совсем исчезает. Пред нами, таким образом, движение сознания из более ясного к менее ясному впредь до угасания.

Впоследствии мы постараемся доказать, что п. а. в начале своего развития и. на зените действия не может происходить при отсутствии сознания; это отсутствие мыслимо лишь по завершении фазы взрыва. Самый же момент аффекта не может строиться при отсутствии сознания, как это, напр., бывает при глубоком обмороке, глубокой спячке, сопоре, наркозе, во время сна без сновидений и им подобных состояниях. Взрыв чувств, напряжение эмоций, концентрация представлений на определенном фокусе внимания – все эти ингредиенты п. а. не могут происходить на фоне абсолютно-бессознательного состояния. Авторы смешивают здесь подсознательное с бессознательным. Иногда они верно понимают суть дела и только путают термины; иногда же они утверждают, что п. а. – феномен с полной утратой сознания, чего не может происходить в действительности.

Далее, говоря о расстройствах сознания при п. а., старые авторы касались этого вопроса в общем виде. Необходимы детали, как-то: 1) расстраивается ли при п. а. сознание, как условие опыта? 2) Расстраивается ли функция сознания? 3) Что делается с объёмом сознания при п. а.? 4) Нарушается ли единство сознания при п. а.?

I. Сознание, по Вундту, является обязательным условием всякого опыта. При п. а., раз вонзаются новые потрясающие восприятия, опыт в известный момент впитывается; поскольку он впитывается, постольку сознание имеется. Следовательно, оставляя в стороне вопрос о модификации последнего, следует признать, что, как условие опыта, сознание при п. а. присутствует, по крайней мере, в фазе восприятия новых впечатлений вплоть до кульминационного момента фазы взрыва, после каковой уже возможно падение сознания.

II. Что касается до функции сознания, заключающейся в том, что мы имеем возможность находить и действительно находим и отмечаем происходящие в нас психические

процессы, узнаем переживания, сознаем их, что надо сказать, что эта функция здесь не утрачена совсем, но расстроена. Напр., возьмем известное дело убийства Железновой чл. Государствен. думы Недоносковым. Последний чувствует в себе приступы каких-то бурных чувств, испытывает наплыв эмоций, нарастание их, ощущает натиск идущей изнутри психомоторной волны, но он не может осознать всю массу психического хаоса, не определяет себе физиономию отдельных элементов этого хаоса. Для него наплыв этих бурных волн неведом, непонятен, уложить их в нормальное русло, определить, учесть и разместить их он не может в виду того, что функция сознания у него расстроена.

III. Объем сознания при п. а., ввиду отмечаемой авторами приостановки в течении представлений, должен быть максимально сужен. Это сужение сказывается также в утрате привычных представлений, невозможности поставить новые восприятия в должную связь с прежними содержаниями опыта. С другой стороны, авторы отмечают наплыв идей, вихрь представлений при п. а. (Крафт-Эбинг, Корсаков). Но все это указывает лишь на количественное увеличение содержания осознания, на скопление кучки представлений в единицу времени, объём же, психобиологическая емкость сознания, в норме позволяющая умещаться рядам представлений, при п. а. явно сужена, ибо обладатель наплыва представлении не может, что называется, развернуться логически, выйти из тесного круга суженного мышления.

IV. Единство сознания при п. а. определенно нарушается. Для единства сознания требуется отнесение содержаний сознания к. одному общему центральному пункту, к нашему Я (безразлично в отношении времени). При п. а., ввиду диссоциации представлений, хаотического характера в распределении их рядов, постоянной диффузии представлений то в сферу ясного сознания, то в краевую зону, то в подсознательное, подобного единства быть не может. Как мы увидим ниже, самый Я – комплекс при п. а. теряет острый тон внимания; последний переходит к комплексу сильного чувственного тона. При таких условиях самая целость Я, как относящегося к личности, колеблется и, следовательно, единство сознания нарушается. Итак, при патологическом аффекте: 1) сознание, как условие опыта, сохраняется; 2) функция сознания расстраивается; 3) объем сознания суживается; 4) единство сознания нарушается. Нужно оговориться, что не все согласны по вопросу о самом определении сознания. Блейлер, напр., полагает, что сознание есть некое качество психизмов, отличающее нас от автоматов, а посему оно не может быть расстроено; оно может только или отсутствовать вовсе или быть на лицо. Если встать на эту точку зрения, то из психиатрии придется выкинуть все отделы о расстройствах сознания. Практически Блейлер сам не может выдержать этой точки зрения и вынужден говорить о расстройствах сознания, хотя и ставит эти слова в кавычки. Для проводимой нами тенденции о неверности взгляда, по которому сознание при п. а. отсутствует совсем, воззрения Блейлера были бы весьма на руку. Ибо, если признать отсутствие сознания при п. а., то о последнем нечего было бы и говорить, как о психически мертвом образовании; однако мы понимаем условность точки зрения Блейлера, и практически, при анализе фактов, разрубить сложный узел сознания на две контрастные половины не так-то легко.

Поэтому, мы все же последуем за Вундтом, которого так недолюбливает Блейлер, и будем полагать, что под сознанием следует понимать «взаимную связь психических образований».

При п. а. мы склонны предполагать такое же систематическое искажение ситуации, какое Блейлер отмечает при сумеречном состоянии, которое начинается и кончается обычно сразу, продолжается недолго, от нескольких минут до нескольких дней. Подобно сумеречному состоянию, при п. а. имеется только одно единственное стремление и то, что нужно, чтобы осуществить его; вся же остальная личность, поскольку она противоречит этому, перестает существовать.

Итак, каким же образом характеризовать расстройство сознания при п. а. с точки зрения клинической психиатрии?

Согласно Крафт-Эбингу, мы можем здесь видеть состояние отупения (ступор), омрачение сознания, сновидную спутанность – иногда галлюцинаторный бред и исчезновение самосознания.

Полное бессознательное состояние, как указывалось выше, едва ли можно допустить при п. а., при котором хотя бы на один момент, но что-то творится с человеком, вспыхивают и загораются страсти, мгновенно охватывает какая-то шальная идея, волевая энергия разряжается каким-то диким поступком. Психические элементы – мысль, чувство, воля – при полном прекращении сознания бездействуют, при п. а. резко и бурно действуют. Совсем иное дело указываемые Крафт-Эбингом состояния.

Нам приходилось видеть пожилую психастеничку, которой принесли известие о расстреле сына. Она впала в состояние патологического аффекта, именно в депрессивной его форме: обнаружилась картина временного отупения – ступора с утратой каких бы то ни было проявлений воли; сознание определенно было помрачено. Это именно та картина ступора, которую наблюдают при истерии и которая некоторыми авторами называется эмоциональным ступором. Правда, подавление сознания представляется нам здесь вторичным, но так или иначе оно характерно для внезапно наступающего ступора. Наличность спутанности сознания, помрачения его и даже появления галлюцинаторного бреда показывает, что при п. а. формы разложения сознания неодинаковы. Одни наблюдают аментивную картину, другие сумеречное, состояние, подобное эпилептическому, третьи кратковременный галлюциноз. Все это весьма важно для доказательства судьям, что при п. а. расстройства сознания не шаблонно одинаковы, построены не по одному типу, а могут проявляться в многораличной инсценировке, по типу клинических синдромов разных душевных болезней, протекающих как бы в чрезвычайно сокращенный срок. Но все эти различные формы разложения сознания могут быть уложены в одну общую родовую форму – именно в подсознательную деятельность. Новая психология, вводя эту концепцию, освобождает нас от путаницы и недоговоренности, давая рациональное понятие о психозе; отсутствие всякого сознания невозможно при п. а., раз мы признаем здесь и страсти, и руководящую идею, и волевой разряд, но расстройство сознания в смысле отдаления к периферии от центра – это вполне приемлемо. Нужно только при агрессивных формах патологического аффекта отличать отношение Я к бурно-врывающимся комплексам. При этих формах имеется нечто диаметрально противоположное невротическим симптомам психогенного происхождения. Поскольку при последних имеется кататимическое выключение из сознания невыносимых комплексов (вытеснение), постольку при п. а. господствующий комплекс сам привлекает к себе сильнейший тон внимания, сам вытесняет остальные содержания сознания, сам деспотически распоряжается и личностью и ее психомоторным аппаратом. Употребляемое Гроссом выражение «распад сознания» в смысле расслоения ассоциативных рядов может быть здесь применено, если только сделать оговорку, что распад этот моментален, связан с остротой эмоции и длится кратковременно. Итак, утверждая, что при п. а. имеются интеллектуальные мотивы к нарастанию раздражительности, взрыву эмоций, разряжению, остановке на каком-либо действии (убийство, поджог) и определяя эти явления как требующие элементов какого-либо сознания в своем процессе становления, мы избегаем фантастической и даже мистической туманности, так как переносим все в область подсознания, подобно тому как кровоизлияние в мозг, ведущее к гемиплегии, невропатолог переносит во внутреннюю сумку, избегая локализировать его в коре головного мозга. Галлюцинации, бред, грезы, сновидения, сумеречные состояния, трансы, раздвоение личности, меланхолический раптус – все эти разнообразные феномены могут происходить на общем фоне подсознательной деятельности. В подсознание можно временно уйти и можно потом возвратиться из него в сферу ясного сознания. При п. а. человек временно уходит в подсознание и впоследствии возвращается в ясное поле сознания. Итак, первое, что нужно помнить для понимания п. а., – это то, что инсценируемые при нем действия происходят на арене подсознания.

Определяя в подобном смысле п. а., мы должны выяснить вопрос: какова высота порога сознания при п. а.? Ведь, степень ясности сознания определяется высотою порога сознания. Всякое раздражение, достигающее сознания и этим путем вызывающее психическое впечатление, должно обладать известной силой, которая не может быть ниже так наз. порога сознания.

Высота порога сознания колеблется в зависимости от состояния мозговой коры. Крэпелин отмечает, что при глубоком обмороке самые сильные раздражения не в состоянии вызвать процессов сознания. Если ясность сознания опускается ниже определенной границы, то возникает более или менее глубокое «сумеречное состояние», при котором как внешние, так и внутренние раздражения вызывают неясные и слабые психические впечатления. Скоропреходящее сумеречное состояние бывает при эпилепсии и истерии. (Между прочим, преступления, совершаемые эпилептиками в состоянии патологического аффекта, трудноотличимы от преступлений, совершаемых ими же в состоянии сумеречного сознания.) При описаниях п. а. нередко встречаешь выражение: «сознание при п. а. недоступно воспоминанию». Такое выражение справедливо и верно при практическом наблюдении, но отнюдь не представляет безусловной истины с чисто психологической точки зрения. Во-первых, самый кульминационный пункт раздражения есть финал давления потоков воспроизведенных представлений, объединенных перенапряженной эмоцией; во-вторых, моментально происходит слияние ранее бывших содержаний сознания со вновь возникшими восприятиями; напр., на подготовленную ранее, бывшим комплексом ревности, почву, падают новые искры подобных же представлений еще более интенсивной эмоциональной окраски – и от перенапряжения эмоции вспыхивает взрыв в форме патологического аффекта. Отрицать здесь участие (во вновь возникающих восприятиях) воспоминаний весьма рискованно; если мы обратим внимание на то мощное, независящее от нашей воли, влияние апперцепции на характер свежего восприятия или, другими словами, влияние субъективной стороны восприятия на объективную его сторону (перцепцию), то роль первой при п. а. нам кажется неизбежной. (Ср. узнавание пейзажа по контурам. Об этом см. у С. И. Поварнина в его «Педагогии, психологии».) С другой стороны, сумасбродное действие, выполняемое в п. а. как уникум не есть моментальное изобретение его обладателя, а выражает хоть какое-нибудь содержание его опыта, основанного на ассоциациях, на прежних сериях представлений, воспроизводимых суммарно и оцениваемых опять-таки по памяти, как пригодных к действию. Правда, весь этот процесс происходит в сфере подсознательного, но опять-таки, повторяем, подсознательное не есть бессознательное, не обморок, не глубокий сон, не спячка, не сопор, а мир представлений, эмоций, желаний и намерений, протекающих ниже порога ясного сознания.

II. Представления и их ассоциация при патологическом аффекте. При п. а. могут наблюдаться состояния приостановки процесса представлений, но и вихрь представлений (Крафт-Эбинг); истощение ассоциационного аппарата (Мейнерт); полная остановка течения представлений; ограниченность круга идей, в которых вращается смена представлений; наплыв идей или крайняя бедность в сочетании представлений; в сознании не являются соображения самые простые, самые привычные; отсутствие самых привычных ассоциаций (Корсаков); прекращение продукции в области представлений, остановка хода представлений (Ковалевский); прерывается обычное течение представлений с характером насильственности (Боткин Я. А.). Здесь мы видим движение ассоциационной работы в сторону или чрезмерного усиления до вихря и наплыва представлений или в сторону обеднения, истощения и даже приостановки. Таким образом, если сознание при п. а. не может быть подведено под единообразный тип, то и ассоциативный процесс может быть различен от ускоренного до приостановки. Значительную, роль при п. а. играет диссоциация представлений. Сочетание представлений не упорядочено, ряды представлений обрываются, не поддаваясь естественному завершению; эти ряды сталкиваются между собой; между этими рядами на зените аффекта происходит беспорядочная свалка и давка. Диссоциация представлений сбивает волю субъекта, которая лишается координации и дисцип-

лины. Пресловутая «утрата самообладания», которую любили так старые юристы при квалификации состояний «умоисступления», «потери способности владеть рассудком и волею»» – и имеет в своей основе эту диссоциацию представлений, которая препятствует центральному сознанию давать осмысленные и здоровые директивы волевому началу. Но отчего же возникает эта диссоциация представлений? Мы знаем, что сильные эмоции стремятся усилить одни процессы и подавить другие. «Если подавленный процесс обладает сильным эмоциональным тоном, он стремится диссоциироваться и действовать подсознательно». Один из результатов этой борьбы мы уже видели: это сужение поля сознания: при гневе человек не слышит никаких доводов, не испытывает никаких иных чувств и мыслей; происходит диссоциация в сознании, содержание ограничивается немногими мыслями. То же бывает, по Прайнсу, при панике, страхе. Есть еще, так наз. «систематизированная диссоциация», когда определенная группа представлений не допускается к ясному сознанию («Человек ищет предмет, находящийся у него пред глазами, и не видит его»). Диссоциация представлений влечет за собою диссоциацию многого, что с ними связано, лишает личность целого ряда переживаний. (Человек может убить, забыв, что это его друг – лишился переживаний дружбы). Итак, при патологическом аффекте: 1) ассоциация представлений расстроена; 2) количество представлений или крайне увеличено или низведено до минимума; 3) скорость течения представлений или усилена до максимума или замедлена до остановки; 4) характер расстройства представлений проявляется, главным образом, в диссоциации их.

III. Восприятия при патологическом аффекте. Субъект А. входит в комнату, видит, как его приятель Б. обнимает его жену, и, «не помня себя от ярости», кидается с топором на Б., раскраивает ему череп, режет ему горло бритвой и перетягивает шею трупа электрическими шнурами. Требуется решить задачу: каков был характер восприятий у А. при мгновенном созерцании происходившей сцены; чем обусловливалось возникновение эмоции ярости; почему последствием такого, а не иного восприятия данных нового опыта явился резкий психомоторный взрыв?

В былое время на восприятие смотрели, как на чистый акт запечатлевания; затем стали в нем различать субъективную и объективную стороны: восприятие как перецепцию стали отличать от восприятия как апперцепции. Последнему термину, начиная с Вундта, придавали в разное время разное значение и, наконец, многие постановили упразднить самое понятие об апперцепции, чем, конечно, далеко не разъяснили дела. Определяя восприятие – апперцепцию, как синтез первичных и вторичных впечатлений, Мортэн Прайнс не вносит ничего нового по сравнению с теми старыми психологами, которые уже давно определяли апперцепцию, как «восприятие нового в свете старого». Как бы то ни было, но для нас важно, что и старая и новая психология сходятся в одном: вводя в поле ясного сознания какой-либо новый психический материал из внешнего мира, субъект не может воспринимать его иначе, как через фильтр субъективной эмоциональной окраски, стоящей в связи со старыми представлениями. Может быть, для кого другого сцена объятия жены вызвала, бы и иной поток представлений и иную форму настроений и иную линию отреагирования, чем у упомянутого А.; но у данного субъекта, А., она мгновенно пробудила поток, специфических переживаний (главным образом, ревности, оскорбленного самолюбия, чувство нарушенной собственности, мщения и т. п.), вызвала ряд воспроизведенных представлений, гармонирующих именно с потребностью нападения, борьбы, отражения опасности, а не с какими-либо иными. Откуда же берутся эти потоки переживаний, эти ряды воспроизведенных представлений? В поле ясного сознания их не было. Следовательно, их надо искать дальше, т. е. в краевой зоне и в подсознательной сфере. Но, как говорит Прайнс, «кроме ощущений первичных и вторичных или (представлений), всякое восприятие заключает в себе еще один элемент – специфическое значение для данного лица, обусловленное апперцепцией, т. е. известной совокупностью ассоциаций, относящихся к данному предмету и играющих по отношению к нему такую же роль, как контекст по отношению к данному слову: одно и то же слово в различных контекстах приоб-

ретает разное значение». Как значение ощущений, входящих в состав восприятия, определяется и дополняется прежними представлениями, так и значение самого восприятия для данного лица определяется бессознательно сохраненными комплексами мыслей и чувств, так или иначе с этим восприятием связанных; они образуют ту точку зрения, с которой мы смотрим на воспринимаемое нами. Вот именно точка зрения, с которой оценивается в психике входящее в сознание восприятие, нам и нужна при определении роли восприятия при п. а. Пусть ее Прайнс называет точкой зрения, а Г. И. Челпанов апперцепцией – дело не в названии; А. воспринял сцену приставания Б. к его жене с какой-то точки зрения, обусловившей внезапный ход его чувств и действий. Точка зрения здесь в сущности должна быть понимаема, как род отношения к данному событию. Она сложилась раньше путем долгих и сложных ассоциативных и эмоциональных сплетений; она же определяет характер действия при п. а., силу действия и скорость действия. А. мог сложить свои убеждения и чувства таким образом, что чувство ревности было бы им неприемлемо; мог бы также преисполниться презрением к этой сцене; мог бы погрузиться в грусть и печаль... Но точка зрения как род отношения определила иной путь: она заставила воспринять сцену, как нечто опасное, ужасное, возмутительное, требующее немедленного отражения. Это повело к эмоции нападения, борьбы, ярости. Максимально отрицательная оценка повела к максимальному характеру действия: напасть; к максимальной силе действия; убить, уничтожить; к скорости действия: убить немедленно первым попавшимся орудием с гарантией за прочность убийства.

Итак, значение восприятия при п. а. должно оцениваться в связи с апперцепцией, которая буквально определяет характер ответной реакции организма на введенное в сознание восприятие.

IV. Память при патологическом аффекте. Говорить о состоянии памяти при возникновении и развитии п. а., а также при проявлении его в действии – задача неблагодарная и малоцелесообразная, ибо в этих фазах играют роль другие психические силы, как-то: апперцепция, эмоции, фиксация идеи, психомоторное разряжение. Гораздо важнее вопрос о состоянии памяти по завершении фазы взрыва. В большинстве учебников и руководств по психиатрии и судебной психопатологии отмечается состояние полного беспамятства как завершение п. а. Необходимо разобраться, что, собственно, означает это «полное беспамятство» и какими научными гарантиями авторы обеспечивают объективную истинность этого беспамятства. Утрачиваются ли все элементы того процесса, который в общежитии принято называть памятью, или только некоторые? И действительно ли, при современных воззрениях на память возможны ручательства за «полное беспамятство» кого-либо?

Таким образом, необходимо поставить вопрос: при амнезии, следующей за патологическим аффектом, утрачиваются ли все три звена «памяти», т. е.: 1) регистрация или первичное запечатлевание; 2) сохранение или удерживание; 3) воспроизведение представлений?

Диагностика полного абсолютного беспамятства базируется обычно на субъективных указаниях свидетельствуемого, утверждающего, что он решительно ничего не помнит. (Мы берем частые случаи, где симуляция безусловно исключается.) Однако это заявление субъекта может иметь значение лишь для диагностики третьей фазы: утраты способности воспроизводить представления. Для установления утраты сохранения представлений оно не имеет никакого диагностического значения. Свидетельствуемое лицо со своими показаниями, хотя бы самыми чистосердечными, совершенно некомпетентно в оценке утраты второй фазы (сохранения), ибо последняя откладывается по ту сторону краевой зоны, в подсознательной сфере, жизни которой совсем не знает ее обладатель. Ошибка старых авторов, писавших о «беспамятстве», заключалась в том, что исчезновение события из области ясного сознания они смешивали с исчезновением события из психики вообще, что не одно и то же.

В настоящее время едва ли целесообразно как самое употребление термина: «полное беспамятство» в применении к утрате представлений из всей психики, так и смешение

сознания с психикой в целом. В современных психологических течениях различают сознательное воспоминание от подсознательной памяти. Признав последнюю, мы должны изменить взгляд по вопросу об амнезии при п. а. И если новая психология утверждает, что границ сохранения представлений установить невозможно, что кое-что утрачивается, а кое-что сохраняется, то феномен полного беспамятства явится еще более сомнительным. При этом для сохранения воспоминаний не имеют значения ни условия, в которых протекало данное переживание, ни количество времени, прошедшего с тех пор. Переживания патологических состояний сохраняются точно так же, как и нормальные. Другие авторы указывают на состояние неполного беспамятства при патологическом аффекте. Крафт-Эбинг, упоминая о полной утрате воспоминаний о содеянном, в то же время указывает, что бывает смутность и отрывочность воспоминания. В судебно-психиатрической практике, насколько позволяет нам судить наш опыт, нередко наблюдаются именно эти состояния частичной амнезии после фазы взрыва, однако эксперты-психиатры не особенно охотно идут на утверждение именно этой формы. С одной стороны, придерживаясь господствующих описаний о полном беспамятстве, с другой стороны, руководствуясь гуманным отношением к свидетельствуемому, опасаясь, как бы термин «неполное» не вызвал сомнений у суда и не повлек бы за собой наложения наказаний на лицо, в психиатрическом смысле невменяемое, эксперты чаще ставят диагноз полного беспамятства. В наше время пора оставить этот обычай измерять патологичность состояния степенью последующей амнезии. Гораздо рациональнее осведомить и магистратуру, и прокуратуру, и адвокатуру, что при современном понимании процессов памяти не может быть абсолютно полной амнезии ни при каких самых очевидных патологических состояниях, как-то: эпилептическое сумеречное состояние, алкогольный транс старых авторов, истерическая диссоциация представлений, травматическая амнезия, гипнотическое состояние и т. п. И необходимо убедить судебную власть, что всплывание воспоминаний из сферы подсознательного на арену ясного сознания отнюдь не говорит против явной патологичности, а следовательно, и невменяемости пережитого аффекта. Если же имеются несомненные клинические данные для установления неполной амнезии, то в отношении к п. а. необходимо различать, как это делает Прайнс для диссоциированных состояний вообще, два вида амнезии:

1) эпизодическую амнезию, т. е. когда лицо, пережившее п. а., утратило воспоминание о каком-либо определенном событии;

2) амнезию к известному периоду времени, когда все, происшедшее в определенный строго ограниченный срок, выпало из памяти. Согласно новым психологическим школам, причиною амнезии может быть сильный эмоциональный топ забытых событий. Сильная эмоция, как думает Прайнс, стремится нарушить целость душевной жизни, диссоциировать переживания, вызвавшие самую эмоцию, так, чтобы они уже не составляли части личного сознания. Как раз при п. а. мы имеем все эти данные. Сильная эмоция здесь налицо. Напр., взрыв ревности, мести, ужаса, гнева и т. п. Сгущение однородных чувств свидетельствует, что гармоническая целость душевной жизни нарушена. Одноуклонный путь психомоторной волны показывает, что переживания разъединены, что какое-то из них взяло верх над всеми иными и выбило их из поля личного сознания. Таким образом, во многих случаях п. а. пресловутая «внезапность» есть лишь финал конфликта между одним резко выраженным эмоциональным переживанием и другими антагонистическими сопереживаниями. Как ни толковать эти факты – по Фрейду ли, как диссоциацию антагонистических эмоций, по Блейлеру ли (и Юнгу), как борьбу комплексов сильного чувственного тона с менее сильными, или по Мортэн Прайнсу, как вмешательство старых неврограмм или контекстов в новые восприятия, а смысл получится один и тот же. Еще в 1913 году в своей работе: «К вопросу об апперцепции» («Вестник психологии», Петербург) мы указывали, что наличная сила и характер восприятия как у здоровых, так и у душевнобольных обусловливается резонаторами или отголосками сознания, апперцеп-

тивными направлениями потока воспроизведенных представлений. Проблема патологического аффекта тоже не может избежать при своем разрешении этих резонаторов сознания.

Следует только помнить, что когда побеждают антагонистические представления и когда таким путем происходит подавление первичных эмоциональных переживаний, тогда по механизму фрейдовского вытеснения может сформироваться психогенное невротическое или психо-невротическое состояние (судорога, тик, фобии, навязчивые действия). А когда побеждает первичная эмоциональная волна, узурпирующая в данный момент всю психомоторную силу личности, тогда наступает патологический аффект. Но так или иначе, как в том, так и в другом случае, а амнезии является результатом диссоциации, вызванной эмоциональным конфликтом.

Но как мы должны отвечать судебной власти на вопрос о продолжительности амнезии, возникшей вслед за п. а.? Сколько времени, напр., преступник может не помнить о содеянном им в состоянии п. а.?

На этот вопрос можно ответить так: амнезия после п. а. продолжается постольку, поскольку действует сила се вызвавшая. Как только прекращается действие этой силы, так прекращается и амнезия. Но это возможно, если мы признаем сохранение диссоциированного душевного опыта, каковое имеет место в области подсознательного.

Итак, продолжительность амнезии прямо пропорциональна пребыванию диссоциированных представлений за пределами краевого сознания личности.

Но каким образом представить себе хотя бы частицу из амнезированного события сохраненной в мозговом аппарате субъекта, впавшего в п. а. или иное психологически однородное состояние? Для объяснения этого в настоящее время мы имеем теорию Мортэна Прайнса о неврограммах. «Неврограмма» есть чисто отвлеченное представление, играющее такую яге служебную роль, как атом в химии или ион в теории электричества. Вышедшие из сознания переживания и комплексы идей производят какие-то изменения в нервной системе, которая их и сохраняет, подобно тому, как пластинка граммофона сохраняет произносимые над ней звуки в виде бороздок на своей поверхности. Физиологическое объяснение сохранения весьма расширяет объём понятия «память», включая в него и такие процессы, как привычка мускулов к определенным движениям при выполнении известных действий. Какой-либо стимул в подсобных случаях вызывает определенное физиологическое действие потому, что нейроны, связанные с данным действием, организованы в систему, обладающую предрасположением это действие вновь производить. Вот эту-то организованную систему нейронов, обусловливающую собою процесс сохранения, Прайне и называет неврограммами, а подсознательное он определяет, как «склад» неврограмм, которые сами по себе лишены всяких признаков сознательности. Все эти неврограммы пассивны и заключают в себе соответствующее им психическое переживание лишь потенциально; но при известных условиях они могут становиться активными, и тогда мы говорим о возникновении идей или образов из подсознательного. Итак, активирование неврограмм равносильно появлению психических эквивалентов их; последние могут смело оставаться вне поля сознания; таким образом, весь психический процесс сохранения представлений в данном случае становится чисто подсознательным; внешним же образом получается впечатление полного безпамятства. Учение Прайнса о неврограммах имеет некоторое сходство с учением Семона об энграммах. По Семону, процессы, происходящие в невронах, оставляют в них следы – предрасположения к повторному более легкому возникновению; эти предрасположения должны выражаться в субстанциальных молекулярных изменениях нервных элементов, которые Семой называет энграфическими изменениями или энграммами. Комплексы энграмм лежат в основе сохранения впечатлений, запоминания. Активирование энграмм называется экфорией их. С точки зрения новейшей неврологии, учения эти ближе к истине, чем какие-либо иные. Светило современной неврологии «сам» Монаков тоже полагает, что раздражения передаются комплексами невронов, а не отдельными нервными элементами.

Р. В. Семон пытался доказать, что между явлениями памяти и явлениями развития и наследственности существует не только аналогия, но даже идентичность. Процесс воспоминания предполагает такое изменение в мозгу, что при повторении первичного раздражения или одной из его частей, мозг реагирует на него уже в качестве измененного, так что весь комплекс воспоминания может быть вызван, «экфорирован» каждою частью первичного процесса. Мы оставляем в стороне вопрос о достоинствах физиологических теорий Семона, Прайнса и им подобных. Заметим только, что как бы остроумны они ни были, но все же они покоятся на теории нейронов, которая только-только терпится в науке и которая, если и лучше других старых плохих теорий, то все же является в общем неудовлетворительной; сторонники этой теории привыкли объяснить и измерять психические явления чуть не аршинами и пудами. Мы, конечно, в тонкости физиологического механизма памяти пускаться не будем; для нас важна здесь лишь идея сохранения представлений при кажущемся по внешности полном беспамятстве. По поводу этого Блейлер говорит: «Забывание зависит не от исчезания энграмм, а от невозможности оживить их и превратить в воспоминание, от невозможности их экфорировать ассоциативным путем». (Руководство к психиатрии. 1920). Он же утверждает, что продолжительность существования энграмм совпадает с периодом, пока нет грубого повреждения мозга. При патол. аффекте нет особенных данных предполагать грубое повреждение мозга, а потому и сохранение представлений в подсознательной сфере при нем вполне допустимо. Итак, со всех точек зрения мы вправе предполагать, что «полное беспамятство» при п. а. едва ли имеет место.

Нам только необходимо ответить на вопрос: каким же образом возникает внешняя картина полного беспамятства при п. а., при допущении мысли, что секретное воспоминание о содеянном хранится где-то в тайниках подсознательного. Для этого мы должны определить фокус внимания при п. а. и дальнейший маршрут эмоционально окрашенных представлений.

К моменту взрыва – думаем мы – старый апперцепционный материал сливается с новыми восприятиями, и тогда происходит конденсация однородных представлений, повелительно требующих немедленного отреагирования. Этот момент служит воспламеняющим стимулом, так что за конденсацией следует взрыв, как реакция на собравшиеся в фокусе внимания представления + переживания. Затем в виду потрясения организма, эмоционально окрашенные представления претерпевают отток в краевую зону сознания и затем погружаются на дно... в подвалы подсознания, примем между ними и ясным полем сознания временно образуется глухая демаркационная полоса. Следовательно, занавес, опущенный перед авансценой ясного сознания, дает иллюзию того, что за этим занавесом никакого действия не происходит. На самом же деле, действие происходит за кулисами сознания, – и в числе действующих лиц фигурирует и память.

V. Строение патологического аффекта как процесса. Три новых течения необходимо иметь в виду при намерении понять патологический аффект в духе современной психопатологии.

Первое – учение об аффективности Блейлера; второе – учение о подсознании Жанэ, Жастрова и пр.; третье – учение о комплексах Юнга, Блейлера, Прайнса и пр. Мы не будем повторять изложение этих учений.

Запомним только следующие мысли Блейлера, необходимые для понимания постройки аффекта:

«Ценность или логический удельный вес мысли, соответствующей аффекту, повышается, а безразличной и противоречащей понижается. Тормозя все, что к ним прямо не относится, аффекты действуют суживающим образом на окрашенные им группы мыслей».

Далее из учения о подсознательном, опуская все, что известно об этом по Жанэ, Прайнсу, Фрейду, и др., мы отметим для памяти, что подсознательное дает импульс к обнаружению в наших поступках примитивно-эгоистических сторон личности; непроглядная откровенность затаенных побуждений, наивная грубость и даже жестокость, обуслов-

ленная родовыми биологическими данными, выступают открыто при захвате власти подсознательной областью.

При устранении сознания, энергия, хранящаяся в подсознательной сфере, ничем не обуздываемая, находит свое разряжение.

Наконец, из учения о комплексах, разработанного, главным образом, Юнгом, нам небходимо помнить о случаях «внезапного врывательства» комплекса сильнейшего чувственного тона, который подавляет я – комплекс, вытесняет многие представления из сознания, формирует новое другое «аффективное я», к которому и переходит острый тон внимания.

Только приняв во внимание эти течения; можно строить заново феномен, известный под именем п. а. Во-первых, на основании учения об аффективности следует рассматривать всё связанные с нею явления эволютивно, избегая усматривать скачки там, где скрыта подготовка. В этом отношении на п. а. мы должны более подробно посмотреть с точки зрения подготовительного стадия. Если п. а. – взрыв, то, значит, где-то таился порох; взрыв – лишь финал целой цепи психических нарастаний, которые присоединяются лишь количественно на общем фоне аффективности и потом разряжаются, когда переходят известный предел.

Во-вторых, теория подсознательного дает нам ключ к пониманию того чрезвычайно важного клинического признака, который, по Крафт-Эбингу, заключается в «глубоком расстройстве, нередко даже исчезновении самосознания при высших степенях патологического аффекта». Куда же оно девается? На это старая психопатология не могла дать исчерпывающего ответа.

В-третьих, характеристика п. а. как скоропреходящего психоза, сделанная Крафт-Эбингом, разумеется, слишком общая и нисколько не уясняет механизма п. а. Для выяснения этого механизма и годится учение о комплексах.

И. а, как бы кратковременен он ни был, есть процесс. По времени этот процесс может рассматриваться в трех фарах:

1. Подготовительная фаза.
2. Фаза взрыва.
3. Исходная или заключительная фаза.

Рассмотрим все эти фазы по отдельности.

1. Подготовительная фаза. Читая описания п. а. у разных авторов, а также просматривая манеру описания и. а. в судебно-казуистическом материале, убеждаешься, что многие склонны представлять себе п. а. как врезанный чужеродный психический эпизод, неожиданно ворвавшийся в психику человека и как бы дотоле не имевший в последней ни корней ни связей. «Безумная» ярость, «бессознательная жестокость», «внезапное зверство», «полное беспамятство», «автоматизм», словом, как бы полное перерождение личности в сплошной хаос бессознательных зверских инстинктов – такова характеристика п. а., представляющая его как феномен совершенно новый, изолированный от прежнего «я». Этим-то и объясняется утверждение некоторых экспертов, что хотя субъект такой-то ранее и одержим был какою-либо страстью, доводящей его до раздражительности и гнева, однако в момент п. а. не эта страсть руководила им, а какое-то особенное, вне постройки «я» состояние; и если совершается зверское убийство, то будто бы не по мотивам нарастающей страсти, а по нахлынувшей волне зверства, о которой больной не помнит впоследствии и, узнав о которой, содрогается от ужаса. Нам кажется, что нет необходимости так оригинально представлять себе психику человека, чтобы при моментах, подобных п. а., она оказывалась лишенной всякой связи с элементами прежнего опыта личности. Не нужно забывать о бесконечной отдаленности переферии сознания, о неисчерпаемых кладах подсознательной сферы. Кроме того, и в области эмоций нужно предполагать подчувствования, т. е. переживания, лишенные отчетливости, ясности окраски, неопределимые по степени силы, напряжения; в квалификации этих переживаний человек не может дать себе отчета, ибо они – полутоны эмоций и как таковые не подлежат полному осознанию.

Не нужно вести анализ п. а. как чего-то необычайно чудовищного, инфернального и чуждого обычной природе свидетельствуемого, который-де и сам удивляется сатанинскому характеру злодейства, когда очнется от п. а. Трудно отказаться от мысли, что при п. а мы имеем все ту же динамику психических феноменов, хотя и протекающих в крайне быстрый срок. Гипотеза автономно вспыхивающего аффекта как «постороннего психического тела» лишена идеи психологического детерминизма.

Подсознательная работа как реальный факт и идея психологического детерминизма как необходимая презумпция – вот условия, заставляющие нас с большей осторожностью смотреть на утверждение, что патологический аффект – случайный подкидыш в чужую психику. Когда нас уверяют, что ревнивец, целые годы раздражавшийся, совершил убийство не из ревности, а под влиянием неведомых сил, ввергших его в бессознательно-рефлекторно-автоматическую пучину новых психотических образований, то мы должны с большою осторожностью относиться к таким утверждениям, какими бы авторитетами они ни были скреплены.

Наконец, у нас нет никаких оснований думать, что эти неведомые силы, то есть попросту психо-рудиментарные механизмы как отголоски атавистических напластований, не бродили в психике субъекта и до патологического аффекта, обусловливая ход мышления, характер переживаний и форму решений и замыслов этого человека. Бессмысленная дикость злодеяния, совершаемого при п. а., несомненно, может быть осмыслена при планомерном обследовании психики. Даже в бессвязном кататоническом бреде, в вербигерации шизофреников Блейлеру и Юнгу удалось найти строго логическую причинность, путем расшифрования – ассоциативного эксперимента и сцепления обрывков и клочков разорванных цепей ассоциаций в нужные связи, а в таком пышном процессе, как п. а., будто бы нет идеомоторных и эмоциональных стимулов действия, связанных с прежней личностью? Нет. Если они не проявляются человеком заметно для окружающих или если он сам воображает, что лишен скрытых намерений, то мы вправе не верить ему, так как не полагаемся на его потенцию в деле определения собственных подэмоций. Учение о подсознании говорит нам, что мы себя не знаем, не знаем подлинных и сокровенных наших стимулов, не знаем вытесненных комплексов, которые так или иначе за кулисами сознания ведут свою интригу. Мы уже упоминали, что учение о подсознательном следует понимать шире, т. е. не только как феномен вытесненных представлений или вообще элементов интеллектуального порядка. Ввиду того, что одновременно с представлениями вытесняются эмоции, чувствования, можно говорить о подчувствованиях, т. е. о скрытых эмоциях, ибо не о всяком чувствовании человек дает себе отчет и не все свои переживания он учитывает и осознает. Иначе было бы нецелесообразным самое учение о комплексах, так как последние суть группы представлений, объединённых аффективностью, т. е. скрашенных тем или иным чувственным тоном. Вот эти-то скрытые чувствования в соединении в вытесненными представлениями, не всплывающие в поле ясного сознания целыми месяцами, и должны быть приняты во внимание при анализе подготовительной фазы п. а., предшествующей взрыву. Они суть элементы предварительной постройки будущего здания п. а. Они подвозятся постепенно, накапливаются, суммируются, бродят в подсознании, забегают на краевую зону, мимолетно перескакивают иногда в ясное сознание, подавляются, отходят опять к периферии, вытесняются снова в подсознание, оказывают влияние на настроение личности, изменяют отношение ее к окружающим определенным лицам, питают страсти, заряжают гневом, досадой, местью. Словом, они суть тот горючий материал, который моментально вспыхивает, если в благоприятный момент подносится спичка – и тогда разгорается патологический аффект, как вторая фаза, фаза взрыва или действия.

Итак, какая-то связь старых содержаний сознания, хранившихся и в пределах сознания и за пределами его, должна быть признана с новым, внезапно возникающим состоянием, составляющим сущность патологического аффекта в момент его возникновения и развития.

В механизме этой связи играет значительную роль апперцепция, как явление определяемости восприятия ранее бывшими содержаниями сознания. Вся эта связь на вершине развития п. а. происходит в области подсознательной. С этой точки зрения, п. а. не есть «постороннее психическое тело», а оживание, воспламенение и модификация старого, с присоединением эвокативного фактора из области новых восприятий. Этим устанавливается единство патологического аффекта как процесса.

2. Фаза взрыва. С точки зрения биологической патологический аффект есть не что иное, как процесс отреагирования; но в противоположность невротической конверсии, это отреагирование не откладывается в долгий ящик, не подвергается после психической травмы подавлению, вытеснению, трансформации в соматический симптом (судорога, припадок, тик), а проявляется в возможно более кратчайший срок и с затратой наибольшего напряжения психомоторных сил. Общим для этих состояний является лишь наличность амнезии, причем при невротической конверсии амнезии устраняется лишь тогда, когда психическая травма будет вскрыта более или менее искусным психоанализом, а здесь, при п. а., амнезия вообще или не устраняется в целом или устраняется путем разъяснения окружающими, впрочем, не в полной форме.

Что же является характерным для фазы взрыва?

Взрыв – это максимум аффективности; это наибольшая степень напряжения эмоций, какую только может дать организм в данную единицу времени; это наибольшее достижение волевого начала как в положительную, так и в отрицательную сторону, т. е. вплоть до прорыва психомоторной волны, ломающей все задержки, а также (в других случаях) вплоть до наивысшей точки пассивности личности, вплоть до приостановки каких бы то ни было волевых проявлений. Взрыв инспирируется нарастающей раздражительностью стенического и астенического типов. В первом случае формируется агрессивное направление психических сил, во втором депрессивное. В первом случае разрастаются эмоции нападения, борьбы, гнева, ярости; во втором эмоции самозащиты, страха, испуга, ужаса, отчаяния. Финал первого типа выразится в психомоторном акте большей частью разрушительного характера; финал второго типа – в съёживании всяких психомоторных актов вплоть до отупения, остолбенения (эмоционального ступора). Ниже мы укажем, какова физиологическая подкладка этих явлений, теперь же отметим, что сама раздражительность, питающая фазу взрыва, вызывается в свою очередь какими-то представлениями. Эти представления суммируются в группу. Самая группировка, представлений носит избирательный характер, согласно уже выше отмеченному правилу Блейлера. Это так называемая констелляция представлений. Констелляция эта такова, что обусловливает дальнейший ход эмоциональной волны. Если она гармонирует с агрессивными намерениями, возникает разрушительное действие; если она гармонирует с тревожно-пугливыми переживаниями, возникает наклонность спрятаться, сохраниться, спастись от грозы. Наступает ступор, который с биологической точки зрения есть не что иное, как оборонительное мероприятие организма против внешней опасности; «бегство в ступор» при депрессивной форме патологического аффекта является полным аналогом «бегству в невроз» при психических травмах и сексуальных неудачах. Остолбенение при пожарах есть в этом смысле самозащита организма, хотя она построена по страусовой тактике.

Какие представления содействуют фазе взрыва: однородные или разнородные? Если мы рассмотрим случаи агрессивных форм п. а., характеризующихся эмоциями борьбы, нападения, ярости, разрушения, то, как показывает клиника и судебно-казуистический материал, здесь преобладают однородные представления, объединяющие волевое устремление личности в одном направлении, ведущие энергию к единой цели – отражению. Что же касается депрессивной формы, то, принимая во внимание беспорядочность предварительных порывов, бесцельность действий, нецелесообразную хлопотливость и общую растерянность, характерные для этих форм, вполне дозволительно допустить наличность и разнородных представлений, толкающих человека то в ту, то в другую сторону, сбивающих его с толку, лишающих его единообразия в тактике, до тех пор, пока кульминационная

волна устрашающей эмоции не оглушит его окончательно и не ввергнет в пучину эмоционального ступора.

Но каковы бы ни были в конце концов представления, они так или иначе объединяются общей руководящей доминирующей эмоцией, которая диктует личности, судя по типу п. а., две линии поведения: или напасть, или спрятаться.

Следовательно, тактика действий личности при фазе взрыва п. а. обусловливается группой представлений, объединенных доминирующей эмоцией. Это и есть то, что Блейлер называет комплексом сильнейшего чувственного тона. Таким образом, постройка п. а. есть прежде всего постройка комплекса сильнейшего чувственного тона, который, захватив власть над я-комплексом, проявляет свою узурпаторскую деятельность в период взрыва, п. а. Итак, с точки зрения комплексной психологии, патологический аффект в фазе взрыва есть кратковременное болезненное состояние, организующееся в пределах подсознательной деятельности. Формируясь по типу комплексов, т. е. группы представлений, объединенных общей доминирующей эмоцией, патологический аффект на зените своего развития подавляет я-комплекс и выступает как комплекс сильнейшего чувственного тона, требующий немедленного отреагирования, каковое и проявляется в необычном действии.

Коснемся теперь другой стороны вопроса при обсуждении фазы взрыва, именно, полной потери самообладания. Мейнерт характеризует этот период как полную потерю свободы выбора действий; Корсаков – как уменьшение влияния высших задержек (при 2-м типе); Миттермейер – как утрату способности обсуждать свои поступки; Ковалевский, как уничтожение свободы воли. Предстоит, следовательно, обсуждение вопроса: каково состояние волевого начала при патологическом аффекте: ослаблено ли оно или совсем прекращено? Или, может быть, усилено, даже патологически усилено? Изменено ли при п. а. побудительное начало воли или, наоборот, тормозящий аппарат? Все ли звенья волевого процесса расстроены или отдельные его звенья и какие именно, т. е. влечения, стремления, обсуждение мотивов, решения, действия?

Возьмем сперва побудительную сторону воли. Как указано авторами, эта сторона является при п. а. ослабленной и даже утраченной. Но можно ли допустить такое утверждение без оговорок? Если субъект в приступе ярости хватает оружие, набрасывается и убивает, то можно ли здесь говорить об ослаблении или утрате воли, особенно побудительного начала воли? Нам кажется, что пока по поводу данного случая можно сказать, что воля здесь расстроена; но расстройство это здесь может быть двоякого рода: или в смысле чрезмерного усиления побудительного начала вплоть до патологического обострения; или в смысле утраты задерживательного начала при усилении или нормальном побудительном. Ибо если побудительное начало ослаблено или утрачено, то и не будет никакого разрушительного действия; а если сохранено задерживательное начало, то оно затормозит тоже это действие. Если задерживательный аппарат утрачен или ослаблен, то опять-таки разрушительное действие может произойти только в том случае, если побудительный аппарат или усилен или, по крайней мере, нормальной силы, иначе, даже при утрате задержек, действие не выполнится, раз побудитель спит.

Итак, волевые расстройства при фазе взрыва п. а. должны проявляться в нарушении обычного равновесия между побудительным и тормозящим аппаратами волевого начала. Это нарушение при агрессивных формах п. а. должно сказаться в болезненном усилении побудителей при средней или ослабленной задержке; или в болезненном ослаблении и даже утрате задержек при усиленных и средних побудителях.

Наивысшая форма волевых расстройств при п. а. – это болезненное усиление побудителей при полной утрате задержек. Такое состояние часто наблюдается при агрессивных формах п. а.

Несколько иное соотношение мы наблюдаем при депрессивных картинах п. а. Взрыв эмоций, ведущий к эмоциональному оглушению (остолбенению) именно ставит волевой аппарат в положение бездеятельности. Здесь вполне уместны выражения «уничтожение

свободы воли», «утрата самообладания» и т. п., так как мы видим клинически очевидную картину поражения побудительного начала, воли; насколько здесь расстроены тормозы, сказать трудно; ибо при поражении побудителей, нечего тормозить; а, во-вторых, при этом же поражении побудителей, трудно диагностировать степень действия задержек: нормальны ли они или тоже спят. Во всяком случае, и в депрессивных формах п. а. гармоническое соотношение побудительных и тормозящих аппаратов волевого начала должно быть признано нарушенным. В связи с такой общей психобиологической постановкой проблемы мы и должны решать вопрос о состоянии влечений, стремлений, обсуждений, решений и действий при п. а.

Напр., вполне понятно, что влечение враждебного характера, как-то неприязнь к данной личности, вызывает стремление нанести ей вред; это стремление мгновенно может, при напряжении эмоций, повести к решению напасть на эту личность, – и это действие, т. е. нападение, при условии утраты или ослабления задержек, выполняется. Следовательно, все вышеуказанные звенья волевого акта при агрессивной форме п. а. могут быть активированы; наоборот, при депрессивных картинах, в виду диссоциированных представлений и в виду разнородности последних, все эти звенья должны быть так или иначе расстроены.

Касаясь специального вопроса об утрате самообладания при и. а., мы должны прежде всего сказать, что термин: «утрата самообладания» – вульгарный, в крайнем случае, публицистический, по не научно-психологический. Рассуждать о нем, при допущенной нами схеме рассмотрения вопроса в плоскости побудителей и задержек, не следовало бы совсем; но так как он весьма часто фигурирует и в судебных разбирательствах, то приходится остановиться и на нем.

Прежде всего мы должны указать, что утрата, самообладания не всегда шествует параллельно с полным и глубоким помрачением сознания, а между тем многие авторы считают эти явления при п. а. как бы неразрывными.

Во-вторых, так наз. «уничтожение воли» наблюдается при экстатических состояниях и именно эти состояния диаметрально противоположны патологическому аффекту, как являющие апофеоз пассивности и безволия при наивысшей концентрации на определенном идеоаффективном материале, а пат. аффект является выражением резкой и непосредственной активности, будь то акт разрушения или обезумевшее бегство в остолбенение или в ступор. При экстазе блаженное спокойствие, самоупоенный квиэтизм, восторженное саморастворение в чужой воле, полнейшее упразднение волевого начала, словом, апофеоз созерцательности, уничтожившей всякие проблески активности.

При патологическом аффекте такого уничтожения воли не наблюдается, имеется лишь нарушение соотношения между антагонистическими механизмами волевого начала. Жестокие, злодейские акты, совершаемые при п. а., не могут выполняться при отсутствии волевого начала; они являются результатом идеоаффективных построек, действующих в районе отколовшегося участка сознания.

Каждому психиатру известно состояние глубокого поражения волевого аппарата до степени полного угасания всех элементов воли, однако такие состояния отнюдь не сопровождаются не только глубоким помрачением сознания, но часто являются стационарными при полном сохранении сознания.

Из таких состояний мы можем указать на абулию, встречающуюся при дегенеративных состояниях, описанную прекрасно французскими авторами (Маньян, Фовилль, Вуазен, Легрэн), бельгийскими (Даллемань); эти состояния могут никогда не доходить до степени психоза; далее можем указать на состояния заторможенности и волевой задержки при торпидных формах, на глубокое безволие при депрессивных формах, при инволюционных меланхолиях; ту же картину могут давать артериосклеротические психозы, а также смешанные крэпелиновские формы, где при резком поражении волевого начала интеллект и сознание почти совсем не затронуты. Об экстатических состояниях мы уже говорили. Подробнее об этом читатель найдет у Рибо в его «Болезнях воли». Но допустим, что тер-

мину «утрата самообладания» нужно придавать другое значение, т. е. не систематическую атрофию воли, а бессилие сдержать свой аффект, несмотря на ряд колебаний, на борьбу мотивов, несмотря на интеллигентность и культурность человека, на привычку сдерживать себя вообще... Все эти культурные навыки и наслоения вдруг пропадают под давлением аффективного взрыва – и человек действует как разоренный зверь.

Если рассматривать взрыв и последующее за ним криминальное действие, как результат победы нарастающих патологических элементов над волевою уздою, если под влиянием напряженной эмоции самообладание падает, то ясно, что как фаза взрыва ни мимолетна, но это самообладание падает после борьбы каких-то мотивов; иначе излишни были бы всякие предварительные взвешивания и задержки; криминальное действие тогда возможно было бы и без патологического аффекта, как это мы наблюдаем у дикарей, слабоумых и морально дефективных субъектов, а также у ломброзовских делинквентов; но при втором допущении, утрата самообладания есть финал борьбы мотивов. Самое выражение «утрата самообладания» указывает на перевес каких-то недопустимых волевых устремлений над устремлениями благоразумными. Перевес этот предполагает у личности оценку действий, различение действий, а следовательно, хотя бы и моментальный выбор действий (напр., субъект не ударяет прикладом, а прицеливается и стреляет. Здесь выбор действий, хотя и элементарный).

Все эти акты, т. е. оценка, различение, выбор, суть акты одновременно и волевые и интеллектуальные, как связанные с вниманием; последнее же в настоящее время изучается как волевой акт и постольку же как акт интеллектуальный: на внимании с ясностью демонстрируется искусственность деления психики на традиционных три начала.

Таким образом, наличность ясного сознания может быть при полной утрате самообладания; и наоборот, при расстроенном сознании волевое напряжение) может быть сохранено. Человек при полном сознании может проявить высшую степень утраты самообладания, вследствие малодушия, пристрастия (напр., мать в двадцатый раз дающая деньги картежнику-сыну, обнаруживает полную утрату самообладания при полном сохранении сознания). И наоборот, ряд координированных и сложных волевых действий может быть выполнен за порогом сознания (случаи прокурсивной эпилепсии: больной парижанин в сумеречном состоянии берет билет, верно считает сдачу, садится на свое место в вагоне, едет и просыпается в Бомбее. Случай приводится во многих руководствах).

Итак, основная характеристика аффективных состояний как феноменов неразрывной связи глубокого помрачения сознания с полной утратой самообладания не может быть признана обязательной. Не обязательна она и для патологического аффекта.

3) Исходная или заключительная фаза.

Авторы отмечают, что вслед за бурной двигательной реакцией наступает резкое истощение физических и психических сил, иногда сон, душевная тупость, равнодушие, безучастность. Восстановление сознания и иногда раскаяние наблюдается через несколько часов и дней. Память сильно страдает. Нам нечего прибавить к этому, за исключением тех оговорок, которые мы уже сделали по вопросу об амнезии.

VI. Патологическая физиология патологического аффекта. Согласно Крафт-Эбингу, душевные волнения при п. а. потрясают сосудодвигательную систему. Внезапно возникает спазм или паралич сосудов. Кровообращение в головном мозгу расстраивается: вызванное душевным волнением, это расстройство кровообращения действует самостоятельно. Возникает чрезмерный приток крови к мозгу при параличе сосудов или недостаточный приток при спазме их. Мозговая кора изменяется: сосудодвигательный центр или чрезмерно участвует или быстро истощается. Всему этому предшествует предрасположение: слабость сосудов или нервной системы. Состояние, непосредственно предшествующее аффекту, по Мейнерту, таково: нервные элементы находятся в состоянии диспноэтической фазы питания. Механизм этой фазы таков: масса однородных отрицательных ощущений влияет на мыслительную работу в кратчайший срок. Это влияние сказывается в смысле ограничения ассоциации представлений, ход которых может быть и

ускоренным, но количество которых уменьшено и по качеству они гармонируют с отрицательным настроением. Неприятные ощущения вызывают усиленное раздражение сосудодвигательных центров, результатом чего является сужение артерий и нарушение питания нервных элементов, как следствие активной анемии.

Эта начальная стадия истощения нервных элементов и названа диспноэтической фазой питания их (Яковлев).

Разделяя клинические формы п. а. на агрессивные и депрессивные, мы предполагаем, что в состав первых входят следующие эмоции: эмоция отражения, нападения, борьбы; эмоция гнева, ярости, негодования; эти эмоции могут быть инспирированы страстями: местью, ревностью, завистью. В состав вторых входят: эмоции тоски, страха, испуга, отчаяния, ужаса. Физиологическими коррелатами ярости, гнева, негодования являются: прилив крови к лицу, набухание лобных и шейных вен, багровый цвет лица (иногда), расширение глазных щелей и ноздрей, блеск и покраснение глаз, наморщивание лба, сближение бровей, прерывистое, дыхание, общее напряжение мускулатуры, сжатие челюстей, оскаливании зубов, сжатие рук в кулаки, дрожание рук, ног, голоса, бессвязность речи, ломание предметов, жестикуляция с характером угроз, агрессивные акты.

Наоборот, аффект страха и особенно ужаса выражается такими симптомами: брови поднимаются к верху, неподвижность сопровождается задержкой дыхания, развивается усиленное сердцебиение; бледность кожных покровов, которые иногда покрываются потом; волосы поднимаются дыбом (действие сократившихся эректоров), дыхание вслед за остановкой учащается, мышцы дрожат, во рту пересыхает, голос становится прерывистым, сиплым, даже пропадает; глаза направлены неподвижно на предмет, вызвавший страх; зрачки расширяются; раздается пронзительный крик. Аффект ужаса может сопровождаться расслаблением сфинктеров, что приводит к непроизвольной дефекации и уринации; это наблюдается и у человека и у животных. Неподвижное положение, вызванное ужасом, может привести к общему расслаблению поперечно-полосатой мускулатуры, и человек остается на месте, в других же случаях состояние неподвижности сменяется неудержимым бегством.

Наиболее подробно и обстоятельно обрисована картина физиологического соответствия эмоциям, входящим в состав п. а., в работе Н. Кабанова: «Простейшие чувства и эмоции». Согласно этому автору, при эмоции нападения – борьбы – ярости наблюдается:

1) изменения в секреции надпочечников; найдено повышенное содержание в крови адреналина; повышенная деятельность надпочечных желез через кровь вызывает повышенную деятельность поперечно-полосатых мышц как орудия борьбы; функционирование их становится свободнее и активнее;

2) вещества, выделяемые надпочечниками внутрь организма, усиливают сердечную деятельность, обусловливают отлив крови из брюшных внутренностей, прилив крови к мозгу, к сердечной мышце и к поперечно-полосатым мышцам; последние повышаются в своей возбудимости;

3) при чувствовании способности отражения опасности является возбуждение соответствующих центров; в головном мозгу возникают соответствующие двигательные представления; поэтому в этих центрах происходит значительное и быстро развивающееся накопление нервной энергии.

Финал эмоции ярости, столь характерный для фазы взрыва п. а., сопровождается следующими экспрессивными симптомами:

а) кожные сосуды расширены (до степени кровотечений);

б) некоординированные спастические движения – как разряжение энергии (главным образом, при гневе, ибо при нападении нервная энергия разряжается координированными движениями, направленными на объект эмоции);

в) тело наклонено вперед, кулаки сжаты (приготовление к борьбе);

г) голос хриплый (от набухания слизистой оболочки, вследствие усиленного прилива крови);

д) обильное слюнотечение, отрывистое сильное дыхание, красное лицо, глаза налиты кровью, выступают (усиленное лимфо- и кровообращение в глазнице), блестят (повышенная секреция многих желез, в том числе и слезных);

е) взгляд устремлен и брови подняты (усиленное сосредоточение внимания на объекте эмоции);

ж) зубы оскалены (готовность кусать).

Соответственно, таким выразительным и сопутствующим изменениям получаются внутренние ощущения сильного общего возбуждения, напряжения, усиленного дыхания (до степени одышки), сердцебиения, ощущения тепла во всем теле, особенно в периферии.

Не менее обстоятельную картину дает Н. Кабанов при описании эмоций страха, ужаса. «Надо полагать, – говорит автор, – что уже в ранней истории человеческого рода установились прочные рефлексы при восприятии всего «устрашающего»; и потом установились рефлексы аналогично тому, как устанавливается, напр., условный рефлекс на отделение желудочного сока при восприятии звука колокольчика. И рефлексы условные в течение бесконечного ряда поколений стали безусловными. Но, во всяком случае, «предвкушение» боли, хотя бы и бессознательное, составляет ядро страха.

Здесь мы имеем рефлексы, угнетающие поперечнополосатую мускулатуру, сердце, дыхание и некоторые другие центры, – и возбуждающие на центры гладких мышечных волокон и на некоторые сосудодвигательные (сосудосжимающие) центры».

Выразительные изменения эмоции страха стоят в связи с подобными рефлекторными влияниями: расслабление произвольных мышц – конвульсивная дрожь (состояние раздражительной слабости поперечно-полосатых мышц); задержка секреции многих желез; ослабление дыхания и сердечной деятельности; спазм гладких мышц.

Итак, в состав депрессивной формы п. а. входят эмоции страха, ужаса, которые, до стадии остолбенения могут выразиться в следующих соматических симптомах: общее расслабление членов (подкашиваются ноги, опускаются руки), дрожание, упавший голос вплоть до потери его (расслабленнее голосовых связок и мышц фонации), опущение нижней челюсти (ослабление жевательных мышц), кожа лба приподнята кверху, глаза широко раскрыты (сосредоточение внимания на источнике страха), бледная гусиная кожа, волосы, поднявшиеся дыбом, холодный пот, тяжелое дыхание, понос (спазм гладких мышц кишечника и расслабление поперечно-полосатых мышц, сживающих анальное отверстие), рвота (спазм желудочных мышц); ряд внутренних ощущений: резкая общая слабость, трудно говорить, дыхание затруднено – не хватает воздуха, трепетание, замирание, остановка сердца, сердечная боль, ощущение холодного пота, дрожь, мурашки, ощущение поднимания волос, стеснение в глотке, сжатие в животе, исчезновение аппетита, сухость во рту. Максимум задерживательных влияний характерен для депрессивных форм п. а.

Необходимо поставить вопрос: каков психогенезис и соматогенезис угнетающих эмоций, характерных для депрессивных форм патологического аффекта?

«Задерживающие» восприятия, представления, суждения оказывают задерживающее влияние на мышцы, сердце, дыхание и пр., и, следовательно, такие задерживающие восприятия, представления, суждения вызывают соответствующие изменения во внутренних органах (понижение мышечного тонуса, ослабление сердечной деятельности, дыхания, ослабление секреции надпочечников и др.) и внутренние ощущения, соответствующие этим изменениям; таким путем и возникают все угнетающие эмоции. Механизмы многих таких угнетающих эмоций врожденны (напр., механизм эмоции страха); механизмы других эмоций организуются по законам условных рефлексов. Первой причиной всех таких задерживательных влияний Н. Кабанов считает болевую эмоцию с ее внешними источниками; постепенно, по закону условных рефлексов, целый ряд внешних восприятий сочетается с болевым рефлексом; эти восприятия (или представления) получают способность воспроизводить «предвкушение боли»; и многие такие условные рефлексы, повторяясь бесконечное число раз в истории поколений, превратились в безусловные рефлексы, во врожденные механизмы многих эмоций.

За последнее время отмечаются в литературе сведения о биохимических проявлениях аффекта. Подлинников мы не имеем, и приходится довольствоваться рефератами. Мюллер указывает на возникновение «аффективной гипергликемии» при запугивании кошек собаками. Вызывая у кошек аффект, Каннон находил в надпочечной вене увеличенное количество адреналина. Гедгардт находил у неврастеников после психических травм скоропреходящую гликозурию. Вообще, аффект действует на органы внутренней секреции, на надпочечники по преимуществу, надпочечники же в свою очередь определяют усиленный распад белков и жиров.

Эти данные об аффектах вообще не могут не иметь самого ближайшего отношения к биохимической основе патологического аффекта.

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ И ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вопросы психиатрии / под ред. Ю. В. Португалова. Самара, 1925. С. 87–93.

Вначале излагаются важнейшие работы И. П. Павлова. В них входят сообщения последнего о центрах больших полушарии, понятие о рефлекторной дуге, как о системе анализаторов, замыкателей и исполнительном аппарате; вкратце упоминается о параличе анализаторов; затем излагается учение о безусловных и условных рефлексах, учение о коррегировании условных рефлексов явления угасания условных рефлексов, запаздывание их, понятие о следовых рефлексах. Касаясь учения Павлова об основных правилах работы больших полушарий, докладчик излагает сущность нервной деятельности по Павлову, т. е. явления раздражения и торможения, изъясняет феномены иррадиации и концентрации раздражений и, наконец, описывает в деталях процесс торможения. Давая понятия об условном торможении и дифференцировочном торможении, докладчик коснулся анализаторской деятельности нервной системы, указав на замечательно нарисованные И. П. Павловым картины взаимной индукции, аналогичности внутреннего торможения и сна, явление внешнего торможения, отношения между внутренним и внешним торможением, завершая эту главу рассуждениями о рецепторных и эффекторных функциях коры.

Каждый периферический рецепторный аппарат имеет, с точки зрения излагаемого учения, в коре центральную специальную обособленную территорию как его конечную станцию, которая представляет его точную проекцию. Моторная область как рецепторная (!) должна быть рассматриваема как проекция всего двигательного аппарата, а вместе с тем рецепторные элементы этой же системы могут быть расположены и гораздо дальше центральной территории. Далее докладчик приводит опыты Павлова, подтверждающие взгляды последнего по вопросу о том, существуют ли в коре отделы более высшего и управляющего значения, кроме рецепторных функций, и, наконец, заключает эту часть изложением взглядов Павлова на каталептоидные явления как связанные с выключением деятельности больших полушарий.

Во второй части доклада излагаются вкратце главнейшие работы учеников Павлова последних годов, а именно работы, касающиеся дифференцирования зрительных раздражений и пределах дифференцирования в глазном анализаторе собаки (работа Н. Р. Шенгер-Крестовниковой). В случае автора на пределе дифференцирования формы световых раздражений, торможение должно было достигнуть максимального напряжения: торможение здесь дошло даже до перенапряжения, что повлекло за собой продолжительное последовательное и очень сильное, ослабление торможения вообще; автор работы приводит то условие истощения тормозного процесса, то ход восстановления его после неврастенического со-состояния. По вопросу о разрушительных условных рефлексах М. Н. Ерофеевой приводятся любопытные данные, согласно которым при применении очень сильных электрических раздражителей собака не кричала, не кусалась, не хватала электродов зубами, а поворачивалась к экспериментатору, облизывалась и у нее начинала течь слюна. Следовательно, все возбуждение пошло на пищевой центр. Собака, у которой условный рефлекс на разрушительные раздражения уже образовывался, охотно шла в лабораторию и сама становилась в станок. Желая точно убедиться в том, что все раздражение идет на пищевой центр, М. Н. Ерофеева произвела наблюдения на двух собаках, – и оказалось, что путем особой выработки при разрушительном раздражении появлялось возбуждение пищевого центра и торможение центра оборонительных движений. Старые пути, по которым шел прежде рефлекс, явились запертыми этими процессами торможения: оставался только один новый путь в пищевой центр и все раздражение шло по этому единственно остающемуся пути. Изучением одного из видов торможения, именно, угасания условных рефлексов занялся Я. Я. Тен-Кате, сообщающий материалы по вопросу об иррадиации и кон-

центрации угасательного торможения. Автор приходит к заключению, что угасательное торможение, распространяясь с одного анализатора па другой, подчиняется закону иррадиации и концентрации, причем иррадиация торможения протекает значительно быстрее концентрации. Частое повторение опытов с угашением условных рефлексов ведет к углублению последовательного торможения, а в связи с углублением угасательного торможения иррадиация и концентрация затягиваются. Метод коротких раздражений не у всех собак оказывается действительным для борьбы со сном; главной причиной в развитии сорного торможения служит длительное, однообразное, применение слабых раздражителей. Существенным условием при выработке условных рефлексов является предшествование условного раздражителя безусловному. Таков вывод А. Н. Крестовникова, при этом многократное предшествование безусловного раздражителя предполагаемому условному агенту не создает условий, влияющих в смысле ускорения или замедления образования условных рефлексов с этим агентом при обыкновенной процедуре, т. е. при предшествовании условного агента безусловному.

Исходя из позднейших завоеваний в области науки по методу условных рефлексов, многие авторы переносят это учение в область психологии, педагогики, социологии, уголовного права, причем полагают, что экспериментальная психология должна превратиться в экспериментальную физиологию нервной системы, а психиатрия должна, быть перестроена на основах физиологии высшей нервной деятельности. Докладчик полагает, что теория И. П. Павлова как достижение физиологии представляет не только крупный вклад в науку, но прямо составляет целую эпоху. Можно говорить о физиологии мозга до Павлова и о физиологии мозга, начиная с Павлова. Трудно представить себе в наше время невролога и невропатолога, который мог бы мыслить в этой области, минуя открытия Павлова. По справедливости исследования И. П. Павлова должны быть признаны гениальными, и современные основы учения о функциях мозга должны покоиться на его исследованиях. Психология, педагогика, психиатрия и т. п. дисциплины приобретают в теории условных рефлексов один из новых научных базисов, ярко освещающих физиологическую механику психических явлений. Совершенно другой точки зрения надо придерживаться по вопросу о растворении в учении Павлова психологии.

Из блестящих и гениальных работ Павлова в области чистой физиологии у нас в России сделали ряд выводов, совершенно неожиданных по своему характеру, тем не менее захвативших научно-профессиональный мир. Эти выводы таковы: 1) психология как таковая упраздняется совершенно; 2) взамен ее устанавливается рефлексология; 3) субъективная психология не существует, так как сами субъективные переживания – не реальность, а миф; 4) рефлексология совпадает с марксистской психологией, а потому всякие психологические направления, шествующие не в униссон с рефлексологией, – если не контрреволюционны, то, во всяком случае, не современны, не жизненны и чужды общему движению мысли республиканской страны.

Дабы показать всю странность подобных выводов, необходимо было открыть глаза на истинное положение вещей во всеоружении научных доводов. Это имению и сделали с одной стороны С. В. Кравков. с другой проф. Г. И. Челпанов. Первый прежде всего определенно доказал, что так наз. рефлексологи во всех своих работах не могут обойтись без помощи субъективной психологии. Как сам экспериментатор, так и испытуемые лица при всех рефлексологических манипуляциях оперируют данными субъективного опыта; во-вторых, этот автор доказал, что понятие эмоциональных состояний мыслимо только путем проведения чрез интроспекцию; объективным путем эти состояния неопределимы; часто объективный путь в этом отношении абсолютно ложный. Как слепому нельзя уяснить, что такое красный цвет, так и объективными методами нельзя прийти к познанию качественного мира переживаний. Пропагандируемая американцами и их русскими подражателями наука о человеческом поведении вообще – без интроспекции дало безнадежное. Об этом в свое время весьма убедительно писал проф. Э. Радлов. В условных реакциях результат объективно данный может зависеть и зависит от субъективных процессов сознания – го-

ворит С. В. Кравков. Время моей реакции будет различно, старался ли я реагировать возможно скорее или, напротив, медленнее, думал ли я о раздражении или совсем о постороннем, старался ли серьезно выполнить опыт или сбить экспериментатора. Все словесные реакции имеют для реагирующего «смысл», «значением и предъявляют, следовательно, известный ассоциативный комплекс. Этого объективисты не осознают, но фактически применяют интроспекцию широко, но не методически, не осторожно, не предусмотрительно. Далее, целым рядом литературных данных О. В. Кравков открывает истинное положение интроспекции на западе и одновременно демонстрирует незнакомство наших рефлексологов с этими течениями, так что получается интересная картина: русские недавно народившиеся рефлексологи упраздняют науку и метод, с которыми они незнакомы и которые господствуют в европейской науке.

Из данных, приводимых Кравковым, равно как и из всех прежде имевшихся данных определенно явствует, что гениальное учение Павлова – учение чисто физиологическое, – не только не может ликвидировать психологию, психиатрию и т. п., но и сколько-нибудь отразиться на них, вне очередных исправлений анатомо-физиологических предпосылок этих наук. Помогая прояснению наших взглядов на техническую динамику мозга, на механизм церебрального аппарата, эта теория совершенно не должна иметь претензий на разрешение тех задач, которые в круге идей работы условных рефлексов и уместиться не могут и которые если и залетают в этот круг, то только по причине примитивизма философского образования в России. Доказать, что не существует никаких самостоятельных психических процессов, возникающих в зависимости от психических же, влияющих один на другой, окрашенных эмоциями; постигнуть психические тонкости оттенков эмоций и их разностно-субъективных запечатлеваний, не может ни теория условных рефлексов, никакая другая физиологическая теория; всякая попытка отожествления механики нервных элементов с истинно-реальными психическими субъективными процессами, субъективными по категории внутренней принадлежности, но объективными по великому влиянию на жизнь и смерть личности – является грубейшей метафизикой архаических любителей пофилософствовать; в этом отношении философствующие реформаторы из врачебных кругов не идут дальше наивностей Кондильяка. Как физиологическая концепция теория Павлова гениальный шаг перед; как философская попытка объяснения соотношений материи и психизма теория Павлова – очередная наивность физиологического монизма, которую ни один психолог современной полосы не станет долго и опровергать, в виду того, что и ставить так вопросы время прошло. Стоит вспомнить последовательный кондиционализм Макса Ферворна, чтобы понять весь анахронизм подобной постановки вопроса. В сущности, когда поклонники Павлова перекидывают его теорию за барьер физиологии, они, будучи совершенными новичками в необъятном поле психологии и философии, обзывают последнюю схоластикой и, успокоившись, объявляют свое «новое» мировоззрение. Здесь-то их и ждет печальная неудача.

Они смешивают четыре совершенно различных вопроса, а именно: 1) вопрос о механизме высшей нервной деятельности; 2) вопрос о взаимоотношении психики и материи; 3) вопрос о сущности психизма; 4) вопрос о содержании, сущности и методах психологии и научной философии как автономных дисциплин. Теория условных рефлексов может осветить и освещает только первый вопрос. По второму вопросу она ничего не может дать: малейшая попытка в этом отношении ведет к падению ее в лоно вульгарного старого материализма, от которого покраснел бы сам Базаров; по третьему вопросу всякие рассуждения ее в этом духе явятся сплошной метафизикой; по 4-му вопросу она ведет туда, куда психология и не думает уходить, и совсем не ведет туда, куда идет психология: последняя исследует фактический психический материал, а не устанавливает каноны физиологии. За последнее время стараются упразднить психологию тем, что самым важным считают изучение поведения человека; на самом деле психологии нет никакого дела до правильности или неправильности поведения, она изучает причины и мотивы поведения, она наука позитивная, а не нормативная. При этом она исследует самые душевные процессы, а не их

механических спутников или предшественников. Сторонники теории Павлова не могут понять, что в то время как задачей физических наук является познание материального мира, задачей психологии является вопрос, как это познание возникает. Машина, устроенная по типу условных рефлексов, может выполнять самые сложные реакции, но никогда эта машина не будет знать, что она делает, не будет знать мотивов реакций, не будет задавать самих вопросов, почему она так делает. Похвальны, конечно, попытки применить условные рефлексы и к педагогике и к социологии и к истории, но это отнюдь не уничтожит самостоятельности этих наук, – и для историка всегда важнее будет определить цепь причин того или иного явления, чем искать в его деталях условно-рефлекторных признаков поведения. Наконец, неоднократно уже приводилось мнение, что материальные процессы имеют известную пространственную форму. Деятельность условных рефлексов связана с пространственно-переместительными механизмами: психические процессы этой пространственной формы не имеют; они не протяженны пространственно: их можно измерять временем, глубиной переживаний.

Еще более курьезна попытка рефлексологов и реактологов слить рефлексологию с марксистской психологией. Для того чтобы доказать абсурдность этого слияния, необходимо спросить самих вождей марксизма: Маркса, Энгельса, Дицгена, Ленина, Плеханова и пр., согласны ли они на это трогательное слияние. Такой вопрос задал им проф. Г. И. Челпанов и получил ответы, далеко не утешительные для рефлексологов.

«Что мысль и материя действительны, т. е. существуют, это верно», – говорит Ленин. «Человеческая мысль не занимает места в пространстве», – говорит Бухарин. «...Во все продолжение, труда необходима целесообразная воля, проявляющаяся во внимании», – говорит Маркс. «Экономический материализм является ответом па вопрос, как развивается самосознание, как складывается субъективная сторона истории», – говорит Плеханов. «Первым и главнейшим из свойств материи является движение, не одно только механическое и математическое, но и движение, как стремление, как жизненный дух, как напряжение», – говорит Маркс. «Поверхностная болтовня по истории материализма списана Бюхнером, очевидно у Ланге. Поистине удивительно, как подобный карапузик, третирует, напр., Аристотеля» (Маркс). «Люди, взявшие на себя в 50 г. в Германии роль разносчиков дешевого материализма, ни на шаг не пошли дальше, своих учителей» (Энгельс). «Сознание... так же изначально, как и движение материи: оно отличается от последнего и не может быть сводимо к нему» (Плеханов).

Этими и подобными цитатами заполнена работа проф. Челпанова, ясно показывающая, что между марксистской психологией и рефлексологией непроходимая пропасть. Настоящим докладчик и в мыслях не имеет и не дерзает хоть сколько-нибудь умалить великое значение гениальных работ нашего отечественного выдающегося исследователя – физиолога И. П. Павлова. Докладчик хочет только отметить, что некоторые рефлексологи вступили в необычный контакт с той областью мысли, которая с успехом развивается и без этого непрошенного вмешательства.

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ОБ УМСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ ЧУВАШСКОЙ (БОЛГАРСКОЙ) ШКОЛЫ

Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории и пед. персонала дет. домов и школ. Вып. 2 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1926. С. 85–98

В августе месяце сего 1925 года нами произведено было обследование детей самарской Болгарской школы 2-й ступени в отношении состояния нервной системы и умственного развития. Всего было обследовано 89 детей, из них 63 мальчиков и 26 девочек, в возрасте от 11 до 18 лет. Обследование нервной системы не дало каких-либо ярких данных: были случаи с повышенной возбудимостью сосудистой и рефлекторной, были случаи с угнетением нервной системы, с истерическими аналгезиями. Один случай детского церебрального паралича и один случай полиомиелита. В особенном анализе этих явлений нет необходимости. Внимание наше было обращено па своеобразные результаты, полученные от исследования интеллектуальных процессов.

В отношении умственного развития оказалось 26 детей нормальной степени: выше нормы – 1; ниже нормы 62; т. е. 29,21 % нормальной степени и 69,66 % с пониженным умственным развитием. Судя по этой цифре нормальную Болгарскую школу можно было бы объявить учреждением для умственно-отсталых – и мы должны разъяснить причины подобных результатов.

Резкие дефекты при экспериментах большинством испытуемых были обнаружены на высшие интеллектуальные процессы. Они-то и покрывают все 69,66 %. Разные авторы обозначают эти процессы по-разному. А. Н. Бернштейн и Г. И. Россолимо называют это «осмышлением» – термином, подвергавшимся в литературе большим нападкам: другие авторы наз. это «сообразительностью», «восприимчивостью» и т. п. Как бы их ни называть, но именно они явились, камнем преткновения для питомцев Болгарской школы. О задержках и дефектах этих процессов мы судили на основании ответов испытуемых, каковые нами разделялись на следующие категории:

1) ответы, согласно которым выяснялось, что испытуемый понимает задачу и соображает, в чем дело, но не может выразить понятого в виду невладения в должной мере русским языком;

2) ответы, по которым затруднительно было судить, относится ли неусваивание насчет незнания языка или насчет действительных дефектов, сообразительности: высказывание отдельных фраз совершенно ясным и отчетливым русским языком говорило как бы за последнее предположение: по в других случаях самые элементарные акты идентификации объекта со словом не удавались, что говорило в пользу первого предположения;

3) ответы, на основании которых определенно выяснялось, что русский язык и малое владение им тут не причем, что испытуемый совершенно не разбирается в предъявляемой задаче, не понимает и не осмысливает ее, хотя вне эксперимента достаточно точно владеет русской речью.

Отметим прежде всего содержание этих дефектов.

1) При опытах по таблицам из коллекции Г. И. Россолимо (на исследование осмышления по методу психологических профилей) большинство испытуемых упомянутой третьей категории прежде всего не усматривало в предъявляемых изобразительных объектах нелепости ситуаций (см. таблицы на несообразности). Это замечание нелепости ситуаций имеет все же причиной эмоции удивления и новизны, как элементы интереса, без чего едва ли возможна какая-либо яркость восприятий.

Три рисунка, изображающие мамашу, ведущую в школу сына, который вырастает сразу в седобородого старика, отнюдь не воспринимались, как это должно быть по замыслу экспериментатора, в виде определенного несоответствия жизненно-возможной ситуации. Вопреки очевидно-наглядной образно выраженной тенденции к восприятию нелепо-

сти, многие испытуемые пытаются наоборот, каким-либо косвенным путем логизировать эту нелепость и подыскивают к ней оправдательные аргументы.

В связи с таким умонастроением, они прежде всего производят здесь не должную связь картин как звеньев последовательно развёртывающихся событий, а, наоборот, разрыв связи картин. Вместо ассоциации их в одно целое, они, наоборот, разъединяют их на три совершенно изолированных объекта восприятия.

2) Воспринимаются изображаемые объекты, как застывшая статика, а не как связанная динамика, тогда как автор (Г. И. Россолимо) принял все меры к тому, чтобы процесс восприятия оказался динамичным, – и фигурам не хватает разве только кинематографической подвижности. Напр., по поводу отмеченной картины испытуемый Т. Говорит:

«стоит… ну, скажем, дамочка… мальчишка при ней… а здесь (№ 2) большой мальчишка… парень… и опять дамочка… А здесь… (№ 3) учитель старый идёт, а за ним, верно, учительница…»

Восприятия здесь отрывисты, оторваны, изолированы…

Изоляционный характер восприятия благоприятствует статичности, которая парализует искание несообразности. Квалификация первой фигуры, как матери, ведущей сына, заменяется на 3-й фигуре другим значением: она уже «учительница», потому что односторонне направленный ряд ассоциаций внушает испытуемому определять изображение лица по существованию в пространстве, в зависимости от места действия («начальная школа»). Получается односторонний вывод: взрослые лица, раз они идут в школу, суть учителя (неправильность умозаключения).

3) Многие дети данной Болгарской школы (как, впрочем, и многие другие дети) не имеют во время созерцания картин тенденции вообразить движение, главным образом, не склонны вообразить связь координационных двигательных моментов, поскольку они выявлены на предъявленных рисунках. По-видимому, они как бы не дошли до той стадии самостоятельной переработки восприятий, когда уже не требуется наглядного запечатлевания реальных и кинематографических движений. Отдельные картины воспринимаются изолированно, как замкнутые и законченные изображения объектов или отношений объектов в пространстве: малейшее уклонение в идентификации вторичного изображения фигуры воспринимается не как акт двигательной перемещаемости той же фигуры, а как новое изображение других лиц и других объектов.

Большинству испытуемых не приходит в голову, что вторая картина есть та же первая, но с небольшим изменением, вследствие перемещения в пространстве или во времени; что она прямое продолжение первой, поскольку мыслимо вообще отпечатлевание двигательного акта на неподвижной бумаге; не возникает предположения, что одно действие разбито по фазам. Лишь в том случае, когда эксперимент носит характер прямой постановки вопроса: «или – или» – лишь тогда идея движения входит в операционный план интеллекта испытуемого. Напр., когда мы берем картину из малого альбома Г. И. Россолимо (под заголовком «Наблюдательность трудная» рис. 4) и задаем вопрос: «Пароход идет или стоит?» – то только тогда испытуемый мыслит, учитывая движение изображенного объекта.

Каковы причины подобной умственной неподвижности?

Причины надо искать и 1) в технически-изобразительных средствах эксперимента; 2) в самих испытуемых и 3) в поведении экспериментатора.

I. Технически-изобразительные средства эксперимента.

Таблицы рисунков и картин, прилагаемые к руководствам и схемам популярных и излюбленных экспериментаторов, к сожалению, далеки от совершенства. Разумеется, это не вина авторов. Здесь играет роль и грубая фотография, и трафаретное единообразие рисунков, часто туманность и серая пестрота снимков, сливающих все в неясную массу, и отсутствие привлечения к этому делу специалистов-художников и, может быть, главное – дороговизна выполнения. Тем не менее в отношении малолетних детей и детей из малокультурных слоев эти дефекты дают себя знать.

Грубые контурные изображения у Бинэ перенесены в коллекцию Г. И. Россолимо в измененном виде, причем в альбомах на осмышление (№ 1 и 2) рисунки не окрашены, за исключением одной раскрашенной открытки, а в альбоме на «осмышление комбинирующее» все рисунки раскрашены достаточно ярко. Мы убедились во время опытов, что нередко точность восприятий у испытуемых прямо пропорциональна отчетливости воспроизведенных объектов рисунка и, следовательно, апперцепционная работа явно может затормозиться неясностью и серой туманностью изображенного объекта. Докажем это фактами.

В таблице № 5 на комбинирующее осмышление господин, кутающийся в комнате и выходящий в белье на улицу, очень трафаретен, без выражения, без мимики: это раскрашенный истукан. В 1-й фазе нет никаких доказательств нелепости его закутывания; допущение, что ему холодно, что в комнате вообще холодно, отнюдь не есть несообразность. Эта несообразность должна осознаться лишь при контрастной ситуации, т. е. при раздевании для прогулки; но самая прогулка субъекта изображена так, как будто бы размеренные шаги и вся пунктуальность выполняются по врачебному предписанию; поэтому, концентрация внимания па контрасте ситуаций не фиксируется на долгий срок и нарушается случайными ассоциациями. Словом, рисунок выполнен не столь совершенно, чтобы обязательно в сознании испытуемого мелькнула контрастная мысль: «ежится в комнате – нараспашку па улице». Взрослый человек здесь удержит свое внимание на контрасте и поймет несообразность: для малолетних же имеются и другие ассоциативные выходы. Говорим это не голословно, а на основании многочисленных опытов. Картина на осмышление, изображающая эпизод с шарманщиком и мальчиком-гимнастом, благодаря тусклости колорита и отсутствию промежуточных объяснительных картин, для большинства детей возраста ниже 9–10 лет непригодна; мы имеем данные утверждать, что и взрослые в ней разбираются плохо; то же относится к картине «Злополучный рыбак».

Неокрашенные картины еще более богаты препятствиями для точного восприятия, первичной идентификации, узнавания и высших интеллектуальных процессов. Напр., неудачное изображение свиньи, похожей скорее на резвую легавую собаку; распиливание обыкновенной пилой стекла, причем стекло нарисовано так, что его можно принять за что угодно: и за бумагу, и за кусок дерева и т. п.

Следующею нежелательною особенностью эксперимента на осмышление является возможность амбивалентности восприятия объекта испытуемым, как результат двусмысленно-неясного изображения предмета.

Возьмем, напр., картину «Смерть пьяницы». Многие дети, даже и не «болгарские», при созерцании этой картины, характеризуют первую фазу действия так: «Стоит мужчина и дудит в дудку...». И это несмотря на то, что тут же надпись: «Казенная винная лавка № 48». Почему это так? Потому что, во-первых, экспериментатор, предлагая этот опыт на осмышление, исходил из свойств собственного апперцепционного аппарата, а не детского: взрослому человеку, при созерцании изображения мужика, подносящего ко рту что-то конусообразное, легче всего воспроизвести ряд представлений, ассоциированных с питьем вина; ребёнку же гораздо более свойственно вызывать тот поток представлений, который более обычен для его детского обихода: дудеть в дудку – для ребенка более привычная ассоциация, чем мало знакомый акт питья водки; поэтому, говоря «новым» языком, борьба рецепторов завершилась доминантой первого типа представлений, чем второго. Сила детской апперцепции здесь настолько велика, что в общей борьбе подверглась незамечанию разъясняющая вывеска.

Из этого должно быть ясно, что объект-раздражитель, долженствующий служить исходным пунктом процесса осмышления, должен быть изображен настолько отчетливо и ярко, что о смешении его с другими объектами не могло бы быть и речи. Такой, на взгляд пустяковый, штрих, а на деле решается судьба целого процесса. На рисунке именно нет бутылки; изображено что-то белое, суживающееся; экспериментатору остается здесь лишь рассчитывать не на чистоту объективного восприятия, а на дополняющую силу апперцеп-

ции. Во всяком случае, здесь определенно выясняются дефекты технически-изобразительных средств эксперимента.

Если мы допустим, что неудовлетворительные результаты по альбомам «Психологических профилей» и им подобным являются прямым доказательством низкого уровня высших интеллектуальных процессов и, в частности, осмышления и умозаключения, то мы должны были бы подтвердить это допущение тем фактом, что и вне данных экспериментов эти самые процессы оказываются фактически низкими. Опыты иные показывают, однако, что восприятия реальных предметов, их значение, осмышление их связей и отношений, а также беседы о домашне-крестьянском и ином обиходе жизни у болгарских детей отнюдь не низки. По словам же постоянного школьного врача, эти дети успевают и в математике и в других предметах. То же подтверждают преподаватели.

По экспериментам на осмышление, как они установлены многими авторами (Бинэ, Симон, Россолимо. Рыбаков и пр.) выходит, что многие болгарские дети умственно отсталы: а по экспериментам на то же осмышление по методу Меллера (метод рассказов и острот) оказывается, что те же дети отнюдь не умственно отсталые. Из этого следует сделать такой вывод:

1) вышеотмеченные методы исследования осмышления имеют вообще относительное значение;

2) они свидетельствуют об умственной недостаточности одних детских групп и не свидетельствуют о таковой же у других;

3) они должны быть усовершенствованы и в смысле внешнетехнической стороны и в смысле обработки внутренней техники.

II. Особенности испытуемых.

Изложенное выше, конечно, не может целиком опровергнуть предположения, что болгарские дети, по сравнению с русскими, еврейскими и пр., представляют некоторое своеобразие и отличие в отношении высших интеллектуальных процессов. Отметив в § I дефекты экспериментальной техники и изобразительно-декоративной бутафории, мы должны все-таки отметить и подлинные особенности испытуемых. Первою особенностью является у большинства данных испытуемых отсутствие тенденции перевести статику момента в его динамику. Если известная и, может быть, большая доля процента падает при этом на долю рисунков, то все же известная доля этой особенности падает и на специфические свойства интеллекта болгарских детей. Ведь, проделывались же такие же опыты по тем же рисункам и над детьми 5-й опытной школы и над детьми 25-й опытной школы, а таких результатов не получилось. Это особенно заметно в тех случаях, где рисунок выполнен удовлетворительно и отчетливо и не требуется ни культурности, ни особой упражняемости интеллекта для того, чтобы постичь суть дела. Напр., изображено отчетливо дерево с двумя тенями. И взрослый болгар 18 лет сидит и долго ломает голову, в чем тут дело, а потом отказывается от решения этой «проблемы». Здесь уже мы вправе заподозрить некоторое понижение сообразительности. Незатейливая картина в 4 фазах, как мальчики воруют яблоки, некоторыми болгарскими детьми толкуется раздельно, изолированно, без взаимной связи. «Здесь мальчишка... и это мальчишка… А это забор...» 2-я фаза: «И здесь мальчишка... лезет куда-то...» 3-я фраза: «А здесь сад... Один мальчишка на дереве, другой у забора...» 4-я: «Тут один мальчик... ест яблоки... а другой бежит...».

Испытуемый не обнаруживает тенденции связать эти четыре фазы, полные открытых намеков... Он воспринимает статику позы, статику момента, но не склонен перевести ее в слитно-связную динамику. На наш взгляд, в данных опытах проявляется дефект активности мышления, подвижности мышления. Испытуемый оперирует здесь по преимуществу «объективным» мышлением в невыгодном смысле этого слова, т. е. нарочитой и стилизованной ориентацией на объективно данное, т. е. мышлением объективно-пассивным, отраженно-инертным, а не субективно-перерабатывающим.

В связи с этим необходимо отметить слабость потоков воспроизведенных представлений. Даже когда экспериментатор поправил и разъяснил, в чем дело, все же не обнару-

живается большого движения воспроизведенных представлений. Старые образы почти не оживают в сознании, потому ли что их мало, потому ли что испытуемый не привык вызывать их в данном направлении и по данному содержанию: или потому, что нет того яркого побудительного стимула, который сжег бы старые содержания сознания; но факт тот, что апперцепция почти безмолвствует, и восприятие остается пассивно-мертвым.

Фазность, периодичность и динамическая связность отдельных изображенных ситуаций не схватывается большинством болгарских детей и не организуется в сознании в слитно-двигательный процесс, а пассивно задерживается на стадии восприятия статики момента. Здесь именно максимум ориентации на объективно данное без активных экскурсий в область резервных представлений прошедших когда-то момент ретенции и долженствовавших проявиться в репродукции. Такое положение – некоторый признак задержки высших интеллектуальных процессов. Но присущ ли он, как явление постоянное болгарским детям, – или это изолированная специфическая реакция на данный эксперимент?

Это может быть разрешено следующими путями:

1) проявляется ли понижение «осмышления» на другого рода эксперименты по определению состояния высших психических процессов;

2) является ли это понижение «осмышления» свойством, присущим болгарским детям как нечто непреложное, связанное с органическими особенностями последних, или оно допускает изменения?

Для решения первого вопроса мы обратились к экспериментам Г. И. Россолимо па сметливость в виду того, что – как справедливо отмечает это сам создатель этого метода – пользование механическими приборами, употребляемыми здесь, не требует «ни каких-либо специальных технических знаний, ни особенного навыка в обращении с так наз. головоломками» (Россолимо Г. И. «Психологические профили». Методика. Москва, 1917).

Однако термин «сметливость» вызывает много возражении среди психологов, поэтому мы постараемся раз испить его в терминах современной эмпирической психологии.

«Сметливость» в опытах Г. И. Россолимо разлагается на следующие компоненты:

1) способность к рациональной установке объектов в пространстве при соблюдении законов физики (поставить треножник на стол);

2) способность найти выход для приведения объекта из данного связанного положения в свободное (освободить проволоки);

3) способность сделать выбор выхода при наличности препятствий (проведение кольца через спираль);

4) способность догадаться избрать более удобный и удачный способ выполнения при наличии двух способов – хорошего и плохого (зазвонить);

5) способность предварительного определения пространственного положения объектов в проекте до приведения, последних в это положение (перекрестные шарниры).

Что обозначают эти процессы с точки зрения формальных концепций эмпирической психологии:

1) двигательно-ориентировочную способность пространственного порядка – акт, относимый в первой своей фазе к высшим интеллектуальным процессам, а во второй – к побудительному началу воли;

2) изобразительность (в смысле Бюлера), инициативу – акт высший интеллектуальный, сопровождаемый психомоторным:

3) тоже;

4) тоже;

5) акт построительно-технического воображения + волевой компонент побудительного типа.

Во всех этих процессах, таким образом, выясняется важнейшее участие высших интеллектуальных процессов (проекты, формулы движений), проецируемых вовне посредством волевых (психомоторных) актов. Итак, и сметливость, и осмышление могут быть сведены к высшим интеллектуальным процессам, но в сметливость входит также

координационно-двигательный компонент, требующий ручной умелости. Таким образом, желая проверить данные, полученные путем обследования осмышления, данными, полученными путем обследования сметливости, мы для болгарских детей получили цифры, которые не совпадают взаимно. Удачных разрешений оказалось 43, неудачных 46. Все же 13 не 26 и % здесь таков: 48,3 % удачных разрешений, тогда как на осмышление всего 29,21 %. В общем же понижение высших интеллектуальных процессов при вторичных опытах (т. е. на сметливость) дает 51,68 %, тогда как в первых 69,66 %.

Что касается второго вопроса, т. е. постоянства этого свойства (понижения) у болгарских детей, то мы предполагаем следующее:

1) некоторая задержка мышления и недостаток активности ума определенно выступают у болгарских детей;

2) нет никаких объективных прямых данных, чтобы эти особенности являлись у них прирожденно-органическими и роковыми;

3) главная доля этого явления падает:

а) на неупражняемость интеллекта в данного рода задачах;

б) задержку психического темпа вообще;

в) задержку социально-культурного характера.

Все эти факторы суть не непреложные, а изменчивые, и умственное развитие болгарских детей при благоприятных условиях может пойти более правильным путем.

III. Что касается поведения экспериментатора, то весьма большое значение имеют следующие принципиальные вопросы:

1) должен ли экспериментатор при опытах на высшие интеллектуальные процессы держаться объективно-нейтрально и пассивно, не проявляя ничем своего участия

2) или он, видя первоначальное замешательство испытуемого, может намеком открыть ему дорогу для целого ряда мыслительных актов?

С точки зрения чистоты и объективности эксперимента должно бы быть приемлемо первое положение. Но не получится ли у нас ложного вывода, если мы, воздержавшись от намека, сдерживаем у испытуемого тот процесс, который у него протекал бы совершенно гладко и который скрыт от нас благодаря строго выдержанному правилу? В этом случае выводы, несомненно, будут ложны: мы устанавливаем отсутствие или слабость у испытуемого такого интеллектуального процесса, который при малейшем намеке проявляется как успешный и удачный. Особенно это важно, когда опыт ставится в отношении детей, не свыкшихся с русской речью. Поэтому мы лично от нужных намеков не воздерживались, однако и в этих случаях оказалось много материала для суждения о пониженном интеллекте.

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ЛИТЕРАТУРНО-ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС У ДЕТЕЙ 5-Й ОПЫТНОЙ ШКОЛЫ

Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории и пед. персонала дет. домов и школ. Вып. 2 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1926. С. 99–126

I. Смысл и цели поставленного эксперимента.

Еще со времен Белинского, русское общество проявляло большой интерес к литературному творчеству вообще и к таинственному механизму, посредством которого некоторые избранники получают дар передачи своих наблюдений в образной поэтической или беллетристической форме. Наибольший интерес к психологическим основам творчества проявили Рибо, Мейман, а у нас покойный профессор Д. Н. Овсянико-Куликовский, с легкой руки которого книги о творчестве стали появляться в виде специальных выпусков под. ред. Лезина, были и отдельные статьи и монографии, стремящиеся научно постигнуть тайны творческого процесса (статьи Н. Шапир, книга Энгельмейера, Грузенберга и пр.). С другой стороны, в чисто научных сферах стали разрабатывать теоретически и экспериментально вопросы творческого воображения (Нечаев и его школа).

Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский встал на совершенно правильный в научном отношении путь, указывая, что творчество вообще и литературное в частности отнюдь не есть удел исключительно избранных и необычайно одаренных натур; что в большей пли меньшей степени оно свойственно большинству людей и что литературно-творческие материалы этого заурядного большинства следует изучать не с меньшим вниманием, чем произведения крупных писателей. Подобный же взгляд проводил и проф. Г. И. Челпанов.

Проф. А. П. Нечаев с своими сотрудниками изучает творческое воображение не только не на великих людях (которых, кстати сказать, еще придется поискать), а на детях морально-недостаточных, причем определяет влияние разнообразия раздражителен на процессы воображения.

В настоящей работе мы делаем попытку именно в том смысле, какой разумел Рибо или проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский, т. е. мы намерены исследовать не общий процесс воображения, как таковой, и не в том аналитическом смысле, в каком его успешно и обстоятельно разрабатывают проф. А. П. Нечаев со своей школой, а именно как процесс литературно-построительный; употребляя термин «творчество», мы здесь разумеем под ним не что-либо присущее избранному исключительному дарованию, а просто обычный интеллектуальный акт высшего порядка, сопровождаемый большим или меньшим эмоциональным тоном и свойственный в той или иной степени большинству людей.

Но как заставить человека внезапно предаться литературно-творческому акту и как зафиксировать особенности этого акта в процессе эксперимента?

Еще более затруднительно понудить предаться литературному творчеству большую группу людей, и уже совсем трудно вызвать этот самодовлеющий процесс у детей. В каком же смысле здесь можно говорить об эксперименте?

Разумеется, мы не будем собирать случайные плоды вдохновения случайных лиц. Мы попытаемся ограничить нашу задачу известными рамками.

Самодовлеющее стихийное творчество писателя-беллетриста в большинстве случаев оказывается весьма связанным и подчиненным внешним агентам. Внешняя среда посылает целый ряд раздражителей в мозговой аппарат писателя-художника, дает целый ряд вариаций этих раздражителей, изменяет условия времени, места, обстановки, созидает драматические положения – и писатель-беллетрист большею частью лишь перерабатывает весь этот материал, как бы велик он ни был. Напр., не будь войны 1812 г., не появилось бы «Войны и мира»: не будь характерных особенностей этой войны, реакций на нее из разных слоев, никакого романа мы не получили бы. Разумеется, безмерно велик здесь преломляющий художественный аппарат Л. Н.Толстого, но все же мир внешних многообраз-

ных раздражителей здесь имеет большое значение. Итак, если крупнейший художник-романист с большою творческою индивидуальностью получает от жизни, от внешней социальной среды целую систему импульсов и инструкций в смысле выбора темы, сюжета, рамок этого сюжета, времени и места, изображаемых эпизодов, то нам представляется вполне допустимым по отношению к детскому возрасту, еще не имеющему опыта взрослого человека, применить некоторую инструкцию в виде выбора темы или сюжета и рамок этого сюжета. Бинэ и Лазурский тоже придерживаются подобного взгляда на экспериментальное исследование воображения (см. Лазурский. Психология общая и экспериментальная).

Откуда бы инспирация ни шла – от жизни ли вообще, от внешней ли среды в широком смысле этого слова или от грифельной доски, на которой обозначены инспирирующие знаки, а, все равно, от экзогенной инструкции не уйти ни заправскому писателю, ни испытуемому ребенку. Поэтому, мы считаем вполне правомерным в условиях коллективного эксперимента дать тему, указать ее рамки, намекнуть на возможный сюжет.

Эта инструкция заменяет: 1) конкретное влияние внешней среды; 2) длительное наблюдение; 3) борьбу за выбор сюжета, что для неокрепшего детского мозга имеет значение.

С другой стороны, давая относительно единообразную инструкцию для большой группы детей – по примеру других коллективных опытов – мы достигаем возможности непосредственного сравнения полученных результатов по индивидуальностям, возрасту, полу и т. п. Наконец, является сомнение следующего рода. В виду крайне различного направления потоков воспроизведенных представлений, обусловленного апперцепцией, не слишком ли разнородны будут полученные путем эксперимента результаты, так что доступ для суждения о совершенно разных произведениях будет весьма труден? Напр., если мы задаем тему «Смерть героя», то один напишет о пловце, погнавшемся за тонущим, другой напишет о смерти воина на поле брани, третий о революционере, не сдавшемся врагам – и здесь и мотивы, и сюжет и картины будут разные, так что суждение и анализ экспериментатора уже должны будут приспособляться к все новым и новым содержаниям, без руководства единственным масштабом для сравнительной оценки.

Поэтому, мы признали необходимым сделать предполагаемый для эксперимента процесс наиболее связанным в смысле единства и последовательности развертываемых фаз, чтобы в рамках этой связанности планомерно и выпукло выделялись элементы развивающейся творческого процесса.

Разумеется, пригодность общеупотребительных методов на исследование репродуктивного и творческого воображения вполне доказана целым рядом работ; точно также весьма целесообразны и интересны новые методы, предложенные А. П. Нечаевым. Однако, это не мешает сделать попытку применения в классной группе коллективного эксперимента на специальный литературно-творческий процесс, протекающий в одинаковых условиях, с единообразным общим руководящим путем и единообразными для всех намекающими вехами, дабы впоследствии сравнительный анализ полученных данных был бы планомерен и не разбросан.

Техника эксперимента такова:

1) В один и тот же час в классе усаживают группу детей приблизительно одного возраста, с допущением разницы в годах 1–2–3.

2) Детям выдают бумагу и карандаши, причем просят написать свои имя, фамилию и возраст.

3) Разъясняют, что сейчас на доске будет написано столько-то слов, из которых следует составить рассказ. Слова можно переставлять: из существительных можно делать глаголы и обратно, также из прилагательных.

4) Слова на доске фигурируют в течение всего времени опыта.

5) Экспериментатор, присутствуя все время при опыте, обозначает начало последнего и на бумаге и путем особого сигнала.

6) По окончании работы каждый испытуемый подает бумагу, на которой экспериментатор обозначает время, потраченное на последнюю.

В поставленном опыте фигурировали следующие слова:

Гавань... снасти... толпа... фрегат... море... прощание... отец... медальон... дочь... музыка... танцы... огонь... слезы... лодка... борьба... стоны... остров... смерть... спасенье... воспоминанье...

Мы, конечно, предвидим много возражений и поэтому заранее дадим кое-какие разъяснения.

Прежде всего, для чего так много слов? (20).

Для того чтобы: а) рельефнее выступили ассоциативные процессы; б) чтобы определилась в творческой работе степень богатства ассоциации; в) чтобы обильнее выявлена была комбинаторная способность; г) чтобы доказательнее обрисовались способность к оригинальному или шаблонному построению произведения.

Для чего в каждом слове-раздражителе заключается прозрачный намек на событие?

Для того чтобы: а) диагностирована была внушаемость или отсутствие таковой в творческой работе;

б) чтобы выявлена была степень самостоятельности или пассивности испытуемого, который должен обнаружить или прямое подчинение власти слов или стремление к освобождению от их давления;

в) для того чтобы экспериментатору даны были точные границы для суждения о процессе, однородном по тенденции и разнородном по деталям;

г) для сохранения принципа единства, столь укоренившегося в экспериментальной психологии.

При подобном эксперименте мы может установить:

1) все ли слова приняты во внимание испытуемым или некоторые он не сумел вставить в рассказ (определяется объем внимания при литературно-творческом процессе);

2) просто ли испытуемый грубо сцепил данные слова элементарными и ходячими глагольными звеньями или он обнаружил своеобразие, индивидуальность и выбор ассоциативных звеньев (определяется характер ассоциативного процесса);

3) наблюдается ли у группы испытуемых массовое сходство и даже единообразие в построении фабулы, выборе сюжета или, наоборот, замечается своеобразие и оригинальность (определяется степень комбинаторной способности, а также пассивность-внушаемость или активность-сопротивление внушаемости при построении произведения);

4) чувствуется ли в выполненной работе яркость, колоритность, захват создаваемым, богатство образов, заинтересованность и увлечение (определяется интерес и эмоциональный тон творческой работы);

5) замечается ли по изложению и компоновке работы большой прежний опыт (из жизни, прочитанного, виденного на сцене, в кино), богатство выдумки, вымысла (определяется апперцепция);

6) каково построение рассказа: имеется ли завязка, коллизия и исход. Каков язык и уменье вести диалог, уменье дать рисунок (определяется конструкция творческой работы и изобразительно-технические способности испытуемого);

7) что делает испытуемый с малоподходящими словами-раздражителями, данными в опыте, которые не содержат никакого намека и которые – рассуждая логически – трудно присоединить к данному сюжету. Пропускаются ли они совсем, или испытуемый находит путь к логически целесообразному их ассоциированию (определяется ловкость и подвижность мысли и литературно-творческая изобретательность испытуемого).

II.

Исходя из описанного плана, мы поставили эксперимент в 5-й опытной школе 20 ноября 1925 года в 12 ч. 50 мин. дня.

Вся техника опыта выполнена была при строгом соблюдении всех вышеотмеченных условий.

Каждую работу мы подвергали обследованию по заранее выработанному плану, который состоит в следующем:

I. Прежде всего должна быть определена самая элементарная способность к литературно-творческому процессу, т. е. испытуемый должен выявить элементарную способность к какому-либо виду изложения. Здесь, следовательно, речь идет о форме литературной работы. Эта форма большей частью может быть: 1) описательно-повествовательной; 2) импрессионистской и 3) смешанной или мало определенной. Определив род формы, мы должны отметить достоинства или недостатки ее выполнения.

Таким образом, мы установили: 1) удачную, 2) среднюю и 3) неудачную степень выявления формы, дабы иметь какой-либо сравнительно-оценочный критерий работы.

II. Далее возникает мысль: о чем писать?.. Правда, намекающие вехи даны, но все же в процессе связывания этих вех должна быть какая-то личная инициатива в выборе предмета повествования и в априорной установке интриги рассказа. Таким путем должна быть выявлена способность к созданию сюжета и фабулы. Степени этой способности: удачная, средняя, шаблонная или слабая.

III. Третья особенность – это манера письма, стиль, слог или язык. Насколько обнаруживается способность испытуемого излагать проектируемый объект работы: насколько сказывается вообще способность выражать свои мысли; переживания в определенных выразительных знаках и оборотах речи. Язык может быть образным, ярким, красивым; средним, обыденным; слабым, банальным.

IV. Четвертый вопрос – это особенность ассоциативных процессов, обнаруживаемых при творческой работе. Устанавливается обилие или бедность представлений, преобладание внешних или внутренних ассоциаций, осмысленных или вербальных и т. п. по обычным схемам Клапареда, Ашаффенбурга и пр. Равным образом попутно иногда можно выяснить, является ли здесь ассоциативный процесс свободным или связанным. Ввиду того, что данная работа не может быть приурочена к. обычному ассоциативному эксперименту, учет ассоциативного процесса следует понимать относительно, так как математическое определение спонтанного ассоциативного процесса в течение работы, конечно, невозможно.

V. Далее определяется влияние апперцепции. Творчество как беллетристов по призванию, так и средних людей в значительной мере обусловлено апперцепцией, направляющей вызов тех или иных рядов воспроизводимых представлений. Здесь обнаруживаются у каждого испытуемого тожественные, сходные или различные ряды представлений, что в конце концов обусловливает литературную конструкцию произведения.

VI. Далее выясняется роль внимания. Во-первых, важно установить объем внимания. Он определяется тем, насколько удалось испытуемому связать в цельную связную ткань все данные двадцать нитей, т. е. слова-индукторы. Во-вторых, объем внимания определяется здесь тем, поскольку выполнена связь отдельных эпизодов, построенных на 2–3 словах индукторах, т. е. поскольку испытуемый сумел воссоединить в одно общее гармоническое целое построенные отдельные части, не упустив из виду ни одного. Попутно выяснится здесь подвижность внимания, как удачная или неудачная способность возврата к начальным истокам замысла сквозь гущу, новых элементов построения и обратный переход к новым объектам работы.

VII. Далее определяется интерес испытуемого к предложенной работе. Проф. А. П. Нечаев отмечает, что развитие объема внимания находится в тесной связи с качеством той работы, которую в данный момент приходится совершать человеку. Заинтересовать рассказом ребенка, мало развитого в умственном отношении, бывает несравненно труднее, чем ребенка одаренного. Таким образом, является возможность при нашем опыте объективно проверить это положение. Минимальная степень интереса диагностируется наличностью внешне-грубого, краткого и незаконченного сцепления слов-индукторов в элементарную связь для организации самой примитивной фабулы. Максимальная степень интереса обнаруживается обилием аффективных элементов и ярко бьющим импрессионизмом.

VIII. Высшие интеллектуальные процессы при постройке литературно-беллетристической работы выражаются в следующих актах: 1) как комбинирующая деятельность; 2) как последовательное логизирование развертываемых событий: 3) как тенденция, смысл и идея ассоциативно-построенного материала. В книге К. Пиорковского «Человеческий интеллект» имеется прекрасный анализ тех комбинаторных возможностей, какие возникают при задании определенных выходов из одного и того же положения. (См. его примерные опыты: «разбойник – зеркало – спасенье».) В нашем опыте является возможность учета всех комбинаций вообще, проявившихся в данной группе испытуемых, а также возможность учета комбинаций по индивидуальностям: таким образом, можно определить, к какому комбинаторному уровню вообще тяготеет детский интеллект.

Логизирование развертываемых событий в процессе построения последних из данных слов-индукторов определяется общей оценкой произведения как суммы, составленной из отдельных эпизодов-слагаемых. Наличность натянутых, неестественных, необычных и неудачных связей тут же регистрируется. Третий процесс определяется как идейно-руководящее объединение всех тех психических агентов, которые участвовали в построении произведения.

IX. Закончив анализ интеллектуальных элементов литературно-творческого процесса, мы должны отметить эмоциональную сторону последнего. Здесь нужно будет вообще определить чувственный тон произведения, поскольку он проявлен в опыте. Мы знаем, насколько этот чувственный тон характерен для больших писателей. Напр., величаво-мрачный у Толстого, исступленно-надрывный у Достоевского, юмористически-грустный у Гоголя и Чехова, мажорно-пессимистический у Андреева, бесстрастно-убаюкивающий у Гончарова.

У простого обыкновенного человека в его письмах, дневниках, записках тоже обнаруживаются оттенки чувственного тона, как показатели переживаемых настроений: еще более это заметно в письмах, стихотворениях и беллетристических произведениях психически больных. В наших опытах определению подлежали: 1) наличность или отсутствие чувственного тона; 2) выражен ли эмоциональный тон в качестве индивидуальных переживаний автора-испытуемого: 3) или он вложен с большей или меньшей яркостью в переживания героев; 4) производит ли он впечатление на читателя.

X. В смысле волевых компонентов литературно-творческой работы следует установить наличность внушаемости испытуемого и даже психического автоматизма, т. е. должны быть установлены: 1) полная пассивность работы в зависимости от слов-индукторов, так что личного привнесения чего-либо от автора в работе почти не замечается: 2) групповое единообразие в проявлениях внушаемости целым классом или 3) обратный процесс, т. е. сопротивляемость и стремление освободиться от власти слов-индукторов.

XI. Последним актом анализа является определение инсценировки произведения, каковая выражает проекционно-технические средства творческого процесса. Разумеется, инсценировка заключает в себе все три компонента: интеллектуальный (уменье построить сцену), эмоциональный (эстетическое чутье) и волевой (способность выражения). Кроме того, в инсценировку входят и форма и стиль, но в узком смысле, мы разумеем декоративно-технические способности испытуемого при зарисовке картины.

Разбор работ ведется в связи с возрастом детей и со временем, потраченным на выполнение последней. При сводке материала мы пользовались следующей общей схемой анализа и следующими условными знаками:

1. Форма произведения: а) описательная; в) импрессионистская; с) смешанная. Удачная, средняя, слабая.
2. Сюжет, фабула – удачные, средние, неудачные.
3. Стиль, слог, язык – образно-яркий, обыденный, вульгарно-простой.
4. Ассоциативный процесс – ассоциации обильные, средние, бедные. Внешние, внутренние. Свободные, связанные.
5. Апперцепция. Влияние ее сильное, среднее, слабое.

6. Внимание. Объем его. Подвижность. Степени этих свойств.
7. Интерес. Выражен ярко, средне, слабо.
8. Высшие процессы – проявлены высоко, средне, слабо.
9. Эмоциональный тон – обнаружен сильно, средне, слабо.
10. Внушаемость и сопротивляемость внушению. Их степени.
11. Инсценировка – удачная, средняя, слабая.

На каждой схеме, вмещающей в себя эти одиннадцать пунктов, отмечается возраст испытуемого и время, потраченное на исследование.

Положительные и удачные результаты опыта обозначались знаком +: отрицательные и слабые знаком –; средние и обыкновенные буквой М. Объем внимания устанавливался по формуле m/n+p, где m = количеству слов-раздражителей, вошедших в работу; n = общему количеству заданных слов, p = числу пропущенных слов.

Что касается внушаемости, то отсутствие ее обозначалось знаком +. а присутствие знаком –; сопротивляемость: присутствии ее, как качество положительное, обозначалось +. отсутствие –. За неимением места мы лишены возможности напечатать все 26 протоколов произведенных опытов, а между тем в данном случае индивидуальное обследование гораздо интереснее, чем сводном групповое. Поэтому, мы сочли возможным сделать следующее.

1) привести образцы двух самых удачных работ с разбором их по приведенному плану;

2) привести один образец неудачной работы с разбором;

3) привести таблицу общей сводки материала и проистекающих из него общих выводов.

Мы начнем с п. 3 и приведем сперва общую сводную таблицу (см. рис.), значение которой нужно понимать относительно: нам лично представляется несколько натянутым высчитывать общую цифру, напр., стиля, фабулы, инсценировки, выхваченную из цельного анализа; но так или иначе, а в общем получаются кое-какие результаты, не лишенные значения для оценки литературно-творческого процесса у средней группы, подвергнутой эксперименту. Труднее всего выразить в цифрах все особенности ассоциативного процесса, почему мы и ведем разбор его лишь в некоторых направлениях.

Из прилагаемой таблицы явствует:

1) Мальчики, участвовавшие в опыте, имели в среднем 16,0-летний возраст, девочки – 16,3-летний.

2) И тех и других участвовало поровну (по 13 чел.).

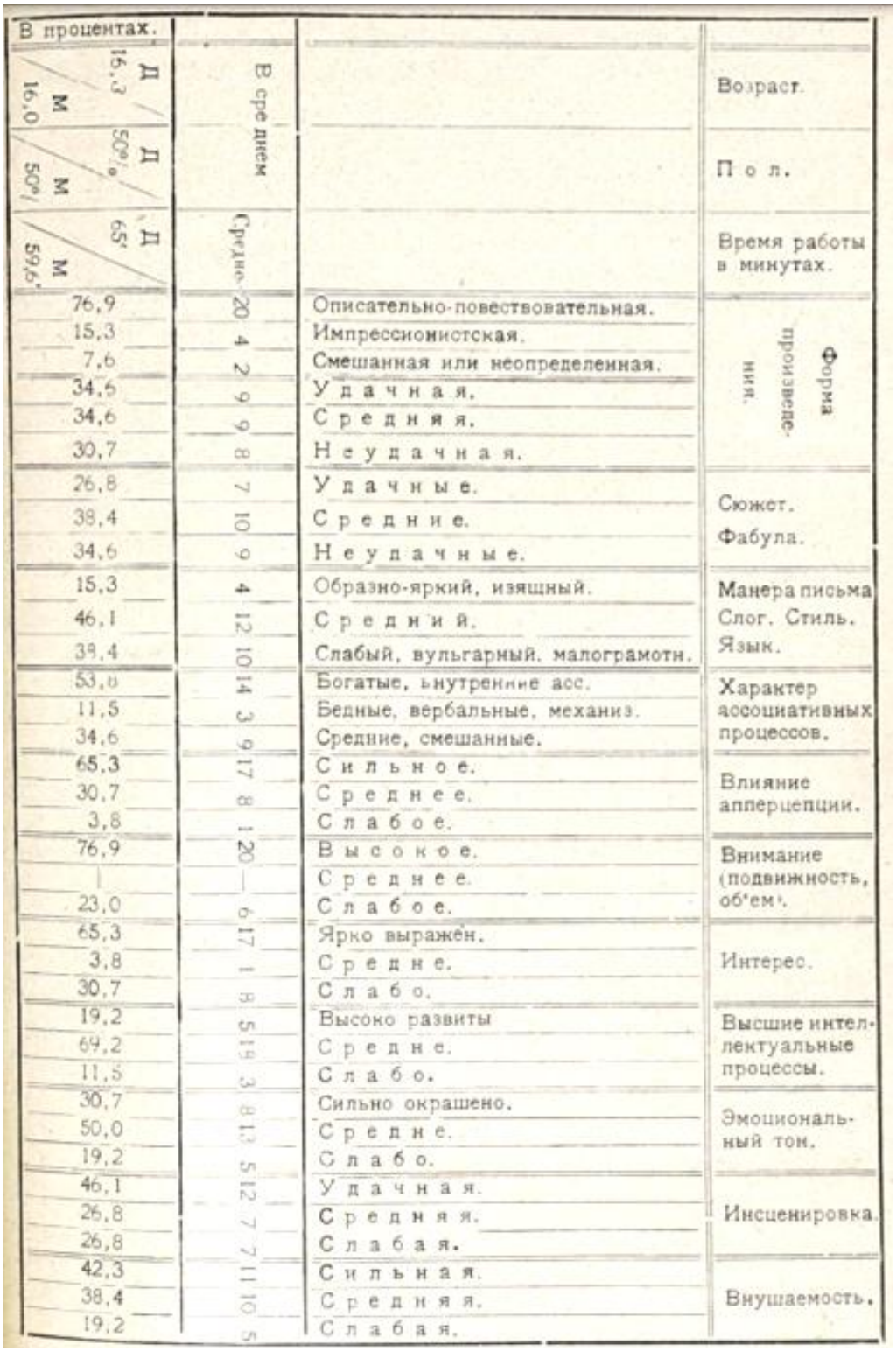
3) Время, потраченное на произведенную работу, для мальчиков в среднем = 56,6 минут, для девочек – 65,0 минут.

Что касается формы, в которую отливалось произведение, то у преобладающего большинства форма являлась описательно-повествовательной (76,9 %); удачные и средние формы преобладали над неудачными более, чем вдвое (34,6+34,6=69,2–30,7).

5) Сюжет и фабула устанавливались более всего по среднему достоинству.

6) Язык, стиль, манера письма дали сравнительно небольшой % высших образцовых случаев (15,3 %); явственно обнаружено тяготение к среднему уровню (46,1 %); сравнительно высок % слабой и вульгарной манеры письма (38,4 %).

7) Что касается ассоциативных процессов, то обнаружено значительное обилие ассоциаций вообще; значительное преобладание внутренних ассоциаций (по смыслу, предикативные, соподчинения, подчинения) и, наоборот, небольшое количество внешних ассоциаций (вербальных, механизированных и пр.).



В процентах.				
Д 16,3 / М 16,0				Возраст.
Д 50% / М 50%				Пол.
Д 65% / М 59,6%				Время работы в минутах.
76,9	20	4	Описательно-повествовательная.	Форма произведения.
15,3	2	9	Импрессионистская.	
7,6	9	8	Смешанная или неопределенная.	
34,6	7	10	Удачная.	Сюжет. Фабула.
34,6	9	8	Средняя.	
30,7	4	12	Неудачная.	
26,8	10	14	Удачные.	Манера письма. Слог. Стиль. Язык.
38,4	3	9	Средние.	
34,6	17	8	Неудачные.	
15,3	1	20	Образно-яркий, изящный.	Характер ассоциативных процессов.
46,1	6	17	Средний.	
38,4	1	8	Слабый, вульгарный, малограмотн.	
53,8	5	19	Богатые, внутренние асс.	Влияние апперцепции.
11,5	3	8	Бедные, вербальные, механиз.	
34,6	13	5	Средние, смешанные.	
65,3	12	7	Сильное.	Внимание (подвижность, об'ем).
30,7	7	11	Среднее.	
3,8	10	5	Слабое.	
76,9			Высокое.	Интерес.
			Среднее.	
23,0			Слабое.	
65,3			Ярко выражен.	Высшие интеллектуальные процессы.
3,8			Средне.	
30,7			Слабо.	
19,2			Высоко развиты	Эмоциональный тон.
69,2			Средне.	
11,5			Слабо.	
30,7			Сильно окрашено.	Инсценировка.
50,0			Средне.	
19,2			Слабо.	
46,1			Удачная.	Внушаемость.
26,8			Средняя.	
26,8			Слабая.	
42,3			Сильная.	
38,4			Средняя.	
19,2			Слабая.	

8) Влияние апперцепции на литературно-творческую работу громадно. Оно может быть прослежено на каждом опыте в самых разнообразных и качественных и количественных отношениях. Апперцепция, содействуя специфически-разнообразным типам восприятия слов-раздражителей, дает богатые потоки воспроизведенных представлений; старые содержания сознания выплывают и присоединяются к словам-индукторам большею частью свободно, без задержки. Общий процент сильного влияния апперцепции выразился в цифре 65,3; но эта цифра показывает лишь самые высокие степени ее влияния; среднее влияние тоже не низко (30,7 %). Наоборот, малозаметное влияние апперцепции выражается в ничтожной цифре (3,8 %).

9) Внимание рельефно определяется в смысле контрастирующих цифр ее высоких степеней (76,0 %) к низким (23 %). Слова-раздражители, данные в опыте, но принимались в расчет в своем комплекте в незначительных случаях. Обычная цифра фигурирующих слов 18–19–20; пропуск более 3 слов крайне редок. Связность построенных эпизодов и логический возврат к ним достаточно успешен, что свидетельствует о высокой подвижности внимания.

10) Цифры, указывающие на участие интереса в общем тяготеют к цифрам, указующим роль внимания (65 % ярко выраженного интереса). Это подтверждает вышеупомянутое положение А. П. Нечаева.

11) Высшие интеллектуальные процессы дают большую цифру для среднего уровня (69,2 %); но наиболее высокие проявления их все же чаще, чем наиболее низкие (19,2 % – 11,5 %).

12) Ярко окрашенный эмоциональный тон встречается во многих работах. Половина испытуемых (50,0 %) обнаружила его; наивысшие степени эмоциональной окраски проявились в 30,7 %; при разборе обнаружилось, что эти высшие степени принадлежат работам главным образом девочек.

13) Что касается инсценировки, то большинство случаев следует признать удачными (46,1 %); средние и неудачные дают одинаковый процент (по 26,8 %).

14) Наконец, внушаемость, т. е. подвластность инспирации, обнаружена в преобладающем большинстве произведений: сопротивления почти не заметно; слабая внушаемость обнаружена лишь у 5 человек (19,2 %), однако, их тенденция к самостоятельности отнюдь не совпала с прочими достоинствам и работы, т. е. достоинство произведения отнюдь не прямо пропорционально слабой степени внушаемости.

III.

Наша работа была бы неясна и мало наглядна, если бы мы не привели образцов как наиболее удачно, так и наименее удачно выполненных работ и не приложили бы образца протокола обследования. Поэтому, мы считаем необходимым привести таковые хотя бы всего в 3 экземплярах (2 удачных и 1 неудачный).

Первая весьма удачная работа принадлежит ученице Ирине А. 16 лет. Работа выполнялась в течение 69 минут. Приводим ее полностью, без малейших изменений.

Смерть

В большой гавани приморского города собралась толпа народа. Это было время отхода в путь громадного фрегата. Путь лежал через Черное море. Фрегат был совсем готов и блестел своими снастями в лучах догорающего вечера. На берегу и на палубе шло прощание отъезжающих с остающимися. На палубе около капитанского мостика стояли отец и дочь. Отец был старый; старый капитан, вышедший в отставку и живший в городе со своей единственной горячо любимой дочкой. Сейчас он провожал ее за море, куда вызывала ее больная тетка. Тяжесть расставания ярко чувствовалась обоими, и тоска болезненно щемила сердце... Но разлука была необходима. Они не разговаривали, а только изредка перекидывались совсем незначащими словами. Девушка как бы чем-то подавленная смотрела на берег, а отец не сводил с нее глаз, стараясь получше запечатлеть ее образ... Наконец, раздался свисток... последний свисток... Оба вздрогнули... Порывистым движеньем отец обнял дочь и долго целовал ее... Она отвечала ему, стараясь не плакать. Она уезжала с тяжелым чувством, щемящая тоска грызла ее сердце... Ей казалось, что она не вернется и она не могла оторваться от отца и от того городка, где провела все свое детство и схоронила свою мать. Но вот настал конец – отец оторвался от нее и собрался уходить... Она вдруг что-то вспомнила и, сорвав с шеи золотой медальон с портретом ее и своей матери, бросила ему, когда уж он спускался по трапу...

Раздался свисток – и тихо, медленно, плавно отчалил фрегат...

Был уже вечер. Зажгли огни. Публика стояла на пристани и не могла оторвать глаз от красивого зрелища – плывущего и залитого огнями гиганта... Вдруг послышалась му-

зыка: это играли в пригородном саду... Там начинались танцы... Отец стоял и все смотрел, смотрел, как огромное освещенное чудовище все удалилось и удалялось. Толпа стала редеть, а он все стоял и стоял, сжимая золотой медальон. Наконец, он повернулся и пошел, бросив печальный взгляд на безбрежное темное море, такое ласковое и такое подчас коварное и жестокое.

Прошло несколько дней, фрегат подвигался к цели довольно благополучно. Была ночь тихая, красивая, полная звезд и блеска, ночь на море. Одиноко стояла девушка на палубе и грустно глядела кругом. Вода, вода и вода, куда ни посмотришь, – даже небо кажется морем с бесчисленным количеством огней. Девушка задумалась о прошлой жизни, об отце, о том, что ждет ее впереди и скоро ли она вернется... И слезы, неудержимые слезы вдруг полились у нее из глаз... Ей вспомнился день отъезда, город, залитый огнями, пристань и тихая, тихая музыка с берега.

Вдруг... около нее кто-то пробежал... Что-то хлопнуло, что-то упало... раздались крики. Сперва она ничего не могла разобрать, но вдруг до нее явственно долетело: «Пожар», «Горим»... Она побледнела. Что-то холодное сжало ее сердце и затруднило дыхание. И резко, отчетливо бился пульс в голове. Она хотела бежать и не могла. Прислонилась к решетке и, казалось, приросла к ней. Что поднялось – вопли, стоны, крики. Как испуганное стадо, бежали люди, налетали на других, мяли их, кричали, молились... и приближался неумолимый красный зверь. Капитан выбился из сил, призывая к порядку. Матросы носились как сумасшедшие и лезли на гибель, стараясь остановить огонь. А он медленно, но верно прямо прокладывал себе дорогу. И оцепенелая в ужасе стояла девушка. Около лодок происходила борьба – бессмысленная, ужасная. Люди губили друг друга и гибли сами. Лодки все были полны. Мест не хватало. Многие прыгали в воду, стараясь так спастись, и тонули. Другие уплывали за лодками.

И ужасными безумными глазами смотрела девушка на все это. Она ехала одна. О ней никто не вспомнил. И она так и осталась пригвожденная к месту, холодная и спокойная ко всему. Отчего она не бежала за всеми, не старалась спастись, неужели ей не было жалко своей жизни, своего старого отца? Что это было – ужас ли, так повлиявший, или намерение, определенное желание умереть. На ее бледном красивом лице виднелось только спокойствие и холодное равнодушие ко всему. Она уступила свое место другим, а сама ждала спокойно, равнодушно. Не все ли равно – где умереть: под ногами сотен людей или здесь стоя. Смерть, где бы она ни была, все будет смертью, по пусть хоть последние минуты будут спокойными, – и она ждала. И красное чудовище приближалось; ужасное, грохочущее, оно хохотало и выло и принимало в свои объятья все, что попадалось па пути. Вдруг раздался треск и корабль стал погружаться в воду. В мощных объятиях сошлись вода и огонь и сжимали друг друга... Красные языки лизали пенисто-бурые волны... Вот последний раз вспыхнул красный язык и осветил бледную фигурку, опускающуюся в воду...

Море поглотило все, что оставалось от корабля и пассажиров.

Через несколько дней к одному из островов прибило кусок дерева и труп... Волны выбросили их на берег. Это была девушка... Ее белокурые волосы были распущены и мокрыми прядями облипали ее... Руки крепко вцепились в кусок дерева, а на бледном восковом лице виднелось все то же спокойствие и равнодушие... Только в широко открытых глазах застыл ужас и страх последней минуты...

А каждый вечер на гавань приморского городка приходил отец и тоскуя смотрел в море. Он не верит смерти дочери, она должна была спастись... Море спокойное, тихое море, неужели оно было так жестоко, что оставило ему только воспоминания... Нет, этого не может быть. И каждый день встречает старый капитан корабли и ждет, и надеется. И подавленный и печальный уходит один, чтобы завтра опять прийти и ждать, ждать...

Подвергнем настоящую работу разбору по вышеприведенному плану.

I. Форма произведения носит характер описательно-повествовательный, но эта описательная форма не однородна и не сухо бесстрастна. В нее вставлены удачно отступле-

ния в сферу переживаний героев – и эти отступления носят несколько импрессионистский характер. Выполнение и выдерживание этой формы по пути нарастающих вех – слов-индукторов мы считаем весьма удачным, ввиду целесообразного и естественного развертывания событии, создаваемых испытуемой свободно, просто и непринужденно.

II. Сюжет, согласно руководящей индукции слов-раздражителей, выдержан в духе требуемых данных. Действие происходит в рамках морского эпизода; однако, подчинившись внешнему характеру сюжета, автор-испытуемая свободно, самостоятельно и умело строит фабулу, причем центр тяжести переносит на психологию двух главных действующих лиц и делает их переживания важнейшим пунктом всего произведения. В этом смысле как сюжет, так и создание фабулы следует признать весьма удачными.

III. Манера письма, стиль, слог, язык Испытуемая сразу поняла, что данные слова раздражители лишь предлог и повод для развертывания собственных средств процесса построительного воображения. Приняв их как грань работы и как конкретные сигналы на поле творческой деятельности, она обнаружила прежде всего индивидуальную манеру письма, сказавшуюся в особой мягкости, в грустно-элегическом налете, в нежности и прозрачности рисунка. Образные выражения и сравнения, обрывистый тон как бы неоконченной мысли, эскизный тип в зарисовке эпизода – все это заставляет признать, принимая во внимание возраст и неопытность испытуемой, а также внезапность работы и отсутствие внешних вдохновляющих стимулов, что автор-испытуемая обнаруживает определенно выраженную наклонность к литературно-беллетристической манере письма.

IV. Ассоциативные процессы. Прочитав внимательно работу испытуемой, можно удостовериться, что в этой работе в значительной мере действуют внутренние ассоциации, Сочетание слов и фраз именно по смыслу, по соподчинению и подчинению довольно наглядно. Напр., «отец», «дочь» ассоциированы представлением «проводы», сразу придающим внутренний смысл. То же касается слова «медальон», которое ассоциировано с «бросанием на память» как внутренне-символическая ассоциация. Много имеется ассоциаций предикативного характера (в смысле Клапареда-Ашаффенбурга). Внешних ассоциаций мало.

V. Влияние апперцепции. Оно здесь исключительно велико. Слова-индукторы фрегат – отец – дочь вызывают целые серии воспроизведенных представлений, окрашенных чувственным тоном. Каков генезис этих представлений, установить трудно, но направляющая сила, руководящая ассоциативным процессом выявлена в максимальной степени; особенно это относится к эпизодам, отступающим от власти слов-индукторов: сцена воспоминаний на палубе, задумчивые размышления отца и последующие его воспоминания: сцена, переживаний дочери перед самой смертью и друг. Отступающие места, повидимому, самые лучшие: они строятся свободно, наиболее обогащаются аффективными элементами, и апперцепционная работа здесь идет глубже и разнообразней. Власть старых содержаний сознания здесь явно побеждает конкурирующее давление индуцирующих слов.

VI. Внимание. Относительно объема внимания мы можем судить, во-первых, на основании количества слов-раздражителей, вошедших в произведение. Они здесь все вошли, так что формула m/n+p принимает здесь вид 20/20+0. Кроме этого, об объёме внимания мы можем судить по логически выдержанному возврату автора к временно оставленным по нуждам работы эпизодам. Возврат установлен и к словам-раздражителям, и к построенным частичным эпизодам. Напр., поведение отца в начале и в конце, суматоха на корабле, искусно включившая слова-раздражители, – все это свидетельствует и о высоком объеме, и о значительной подвижности внимания.

VII. Интерес испутуемой к работе выявлен, во-первых, стройностью изложения, во-вторых, тщательной разработкой отдельных звеньев фабулы, в-третьих, включением эмоциональных элементов, инспирации которых почти нет в словах-раздражителях.

VIII. Высшие интеллектуальные процессы. Комбинирующая деятельность (по некоторым авторам «комбинирующее осмышление») обнаруживается в более или менее удач-

ном сочетании слов во фразы, означающие известное событие или переживание. Повторное пользование словами-раздражителями умеренно. Последовательное логизирование событий явствует из общего тина построения и деталей. Завязка, нарастание драматических моментов, перипетии, интрига и развязка – все налицо, меньшая роль уделена интриге, которая вообще не может быть здесь велика, ввиду инструктирующего действия слов-раздражителей. Тенденции как таковой в произведении не усматривается. В этом смысле описательный объективизм доведен до максимума: впрочем, то же надо сказать о большинстве других работ, выполненных и данном опыте другими испытуемыми. Никто не постарался сделать из данной работы проблемы, заключающей тенденцию и смысл автора в искусно замаскированном виде. И у данной испытуемой нет именно руководящей идеи и должной проблемы. Но вина ли это автора или вина эксперимента и метода – это вопрос. В общем, здесь эскиз на тему о трагичности рока, – и то не так наглядно обнаруженный.

IX. Наоборот, рельефно выступает эмоциональная сторона работы. Испытуемой удалось, выполнив все формальные требования, диктуемые рамками работы, сконцентрировать все внимание на переживаниях двух героев, что придает ее работе беллетристическую индивидуальность. На общем фоне морских эпизодов развертывается душевная драма двух лиц, и звенья этих пережиганий отмечены с достаточной ясностью и теплотой. Благодаря интенсивности эмоционального тона образы дочери и отца вышли психически-насыщенными, не шаблонными. Чувство меры дополняет удачность этого привнесения аффективного элемента.

X. Что касается волевых компонентов, то внушаемость здесь устанавливается постольку, поскольку обязательно участие индуцирующих слов. Вне этого обязательного правила, испытуемая свободно развернула энергию построительного процесса.

XI. Наконец, инсценировка произведения, как это должно быть заметно читателю, проделана с должным уменьем и осторожностью: сцены построены отчетливо и реально, эстетическое чутье руководит все время испытуемой во время работы, что же касается до способа выражения, то об этом мы уже говорили в п. 3.

На основании изложенных данных, мы полагаем возможным признать выполненную работу удачной, а самого автора-испытуемую обладающей склонностью к литературно-творческому процессу.

Вторая удачная работа принадлежит ученику Георгию И. 15 лет. Выполнена она в течение 71 минуты. Приводим ее полностью.

Воспоминание

Вот я сейчас уже старый человек, но те переживания, которыми обильна моя молодость, те несчастные и счастливые минуты юных лет встают передо мною в ясных красках. Мне вспоминается одни случай в моей жизни, который я никогда не могу забыть. Мне было тогда только 20 лет. И Я, полный надежды, впервые поступал на морскую службу.

Я жил в Германии, недалеко от Гамбурга, всемирно известного порта. Еще с юных лет я мечтал о морской службе, и вот моя мечта в 18 лет осуществилась. Мои родные приехали меня проводить в Гамбург, и мы все ожидали приплытия парохода, на котором я хотел поступить па службу. Погода была великолепная, и море было спокойное как никогда. Красные громадные крейсеры и фрегаты блистали на солнце своей обшивкой и жерла пушек были похожи на пальцы чудовищ. Собравшаяся толпа с нетерпением ждала приплытия парохода. Вскоре па горизонте показался дымок, который постепенно увеличивался и вот, наконец, показалась вся громада океанского парохода. Толпа зашевелилась, послышались радостные крики. Вскоре пароход подошел и пассажиры начали высаживаться. Я пробрался на пароход и спросил, есть ли свободное место. На мое счастье оказалось свободное место юнги, которое я и занял. Пароход должен отойти через три дня, и эти три дня я провел в кругу своих родных и знакомых. Но вот промелькнули эти три дня, и пришлось прощаться со всеми, кто близок был моему сердцу. Все 18 лет я жил в кругу

своих родных, я вырос под родным очагом и как мне, так и моим родным это последнее прощанье стоило многих слез. Сколько наказов, предостережений и пожеланий было высказано мне. Но море меня тянуло и пересилило мою любовь к родине и семье, и ровно в назначенное время я был уже на пароходе. Мое дело было помогать всем матросам убирать снасти и исполнять различные мелкие поручения. В три часа дня пароход уже выходил из гавани и на всех парах шел в открытое море. Как я был рад и счастлив в это время, когда моя заветная мечта была исполнена. Я позабыл все на свете, и родину, и семью, и свои прежние занятия, думал лишь о том, что я, наконец, в открытом море и вдыхаю в свою грудь свежий морской воздух. Так прошло три дня. Ехали спокойно, погода все время была великолепная, и море на меня производило чарующее впечатление. На пароходе было весело, пассажиров было три тысячи человек, и пароход наш был как бы небольшим городком. Каждый день в общественном зале в центре парохода играла музыка, веселая публика устраивала танцы и всячески веселилась, чтобы занять чем-нибудь свободное время. Но не все время продолжалось это настроение, и вот однажды в одну из минут этого веселья случилось то, что никто из нас не ожидал и что оставило в моей жизни такое ужасное воспоминание.

Утром погода была прекрасная, дул слабый юго-восточный ветерок и настроение всех пассажиров и обслуживающего персонала было великолепное. Я с радостью исполнял свою работу. Но вот ближе к вечеру ветер усилился, и на юго-востоке показались желтовато-серые облака. Капитан встревожился, так как он был старый моряк и хорошо знал море.

– Да! Боюсь я, как бы не было штурма. Трудно справиться тогда с морем, – сказал тревожно капитан и на всякий случай дал телеграмму по радиотелеграфу в ближайший порт о надвигающемся штурме. Тревожное состояние капитана передалось и всем пассажирам, и веселье, царившее до сих пор на пароходе, сменилось тревогой. Тревожное настроение усугубилось тогда, когда ветер, усилившись, гнал прямо к пароходу огромные зловещие тучи, которые заслоняли небо и надвигались па солнце. К вечеру ветер перешел уже в ураган. Громадные волны лизали обшивку парохода и обливали соленой водой пол палубы. Все пассажиры попрятались в своих каютах и боялись выходить из них. Одни матросы неутомимо сновали по палубе, борясь с надвигающимся шквалом. Но их борьба была ничтожной борьбой, и большой корабль, как маленькую лодочку, перекидывало с волны на волну. Ветер становился все сильнее и сильнее и, наконец, превратился в штурм. Все смешалось: и вода и небо слилось в одну темную непроглядную массу, которая нет-нет да осветится блестящей молнией, пронизывающей тучи.

Я был впервые па море, а потому эта борьба стихии произвела на меня потрясающее впечатление.

Вдруг из-под люка показался дым, который усиливался и перешел в пламя. Пассажиры кричали, шумели, послышались стоны, по палубе взад и вперед бегали матросы, сажая в лодку пассажиров, готовясь предать эту ничтожную скорлупку воле, воли. Смерть царила повсюду и некоторые пассажиры, обезумев от страха, бросались в воду. Я сам не знаю, как очутился в холодной воде и почувствовал ее холодные объятия. Я не потерял присутствия духа и кое-как начал бороться с волнами. Вдруг около меня что-то шлепнулось с легким криком. Я схватил шлепнувшийся предмет, который оказался человеком, и поплыл к ближайшей лодке, в которую нас и приняли и вследствие всего пережитого потерял сознание.

Когда я очнулся, то находился в какой-то каюте, на другом пароходе и около меня стоял доктор и несколько незнакомых мне людей.

– Наконец-то он очнулся, – радостно сказал доктор.

– Выздоравливайте! – сказал он, протянув мне руку; я стал было расспрашивать его, где я и как спасся, но доктор не велел мне ничего говорить.

Впоследствии я узнал, что я спасся благодаря счастливой случайности. Лодку, на которую я попал, выбросило на остров, где жили германские колонисты, – и через один день

они отправили нас на один из проходящих пароходов. Спас же я дочь одного англичанина, и медальон этой женщины я берегу и посейчас.

Рассмотрим эту работу по тому же аналитическому плану.

I. В выборе формы обнаружена свобода и способность выйти из рамок индуцирующих слов-раздражителей. Рассказ переносится в далекое прошлое, причем суть передается в форме личных переживаний, когда-то бывших. Хотя рассказ ведется от лица автора, по перевоплощение последнего в какого-то моряка, испытавшего все эти острые впечатления, свободно допускается, при сознании испытуемым фантастичности такой ситуации в отношении собственной личности.

II. Сюжет произведения определенно инспирируется индуцирующими словами и в рамках руководительства последних работает комбинирующее воображение. Однако и при резкой связанности данными словами испытуемый обнаруживает свободу и индивидуальность в процессе литературной работы и в построении отдельных звеньев развертываемых событий.

III. Манера письма, стиль, слог, язык. Читатель, конечно, заметил некоторые шероховатости фраз, но нужно принять во внимание, что работа выполняется прямо набело, без проверок: испытуемый во время работы не может избежать некоторой торопливости: в общем же написан рассказ языком, для 13-летнего возраста, приличным, хотя и уступающим слогу первого автора-испытуемой Ирины А.

Общий характер рассказа, скорее импрессионистский. Пассивному описанию поверхностных событий, нанизываемых инспирациониой властью слов-раздражителей; здесь как бы нет места, за исключением конца рассказа. Автор из 20 данных слов использовал последнее слово как название рассказа и таким образом избежал затруднительного втискивания этого мало подходящего слова к общей постройке рассказа, а также закрепил избранную импрессионистскую манеру письма, которую старался выдержать до конца работы.

IV. Ассоциации. Характер эксперимента таков, что здесь есть место и свободным, и связанным ассоциациям. Связанность установлена определенным количеством и качеством слов-раздражителей, за пределы которых в одном отношении испытуемому перешагнуть нельзя, так как он должен совершать построительное дело, базируясь на двадцати опорных пунктах, предопределяющих остов и основу литературного здания и главным образом остов ассоциативно-созидаемого сюжета. Так, напр., слова эти обязуют испытуемого держаться морского сюжета, обязуют в известной мере локализировать действие на корабле (фрегате), обязуют до известной степени к единству места или вариации мест по ассоциации смежности (море – берег – лодка – остров), наконец, обязуют к постройке какой-то катастрофы в пределах данных объектов данной обстановки и данных действующих лиц. В этом отношении построительная работа является принудительно-обусловленной и ассоциативно-связанной для всех испытуемых. Однако, с другой стороны, дается значительное место и свободным ассоциациям в пределах неуклоняемости от данных вех темы. Эту предельность первая испытуемая Ирина А. искусно растянула именно настолько, насколько ей было удобно заняться психологической разработкой переживаний двух действующих лиц. И у данного испытуемого, напр., совершенно автономными являются ассоциации по сосуществованию в пространстве и времени, в изобилии обнаруженные в данной работе и не соединенные какими-либо непосредственными путами со словами-раздражителями.

Перенос действия в Гамбург, в Германию есть результат относительно свободной ассоциации, связанной со словами-раздражителями лишь по принципу объединения объектов морской жизни. По крайней мере, ни у одного из других испытуемых этой ассоциации не явилось, что доказывает ее автономное происхождения и независимость от слов-раздражителей. Разумеется, и эта ассоциация чем-то детерминирована и в какой-то отдаленной связи с индуцирующими словами стоит, но мы здесь говорим лишь об относи-

тельно-свободных ассоциациях, так как абсолютно-свободных, собственно, и быть не может. Об этом в свое время много писалось, когда в психологии шла речь о бессознательных и опосредствованных ассоциациях. Кроме того, у данного испытуемого предикативные ассоциации совершенно субъективного подбора (дочь – англичанина, пароход – океанский, колонисты – германские и пр.).

V. Апперцепция. В данной работе влияние ее в больших размерах несомненно. Правда, построительный механизм фабулы ведется в предумышленно-фиктивной ситуации («...сейчас я уже старый человек...»), но это не мешает продуцироваться потокам воспроизведенных представлений в одном доминирующем направлении. Перевоплощаясь в старого моряка, автор-испытуемый пользуется том запасом представлений, тем материалом старых содержании сознания и удержанных образов, который запечатлелся в его памяти, может быть, из прочитанных книг, из виденных кинолент., инсценированных романов, путешествий, драм-феерий, при чем и обстановка создается отчасти экзотическая, не свойственная ни в какой мере реальным условиям жизни автора-испытуемого. Излишне, разумеется, добавлять, что такой метод транспонирования в творчестве вполне узаконен в беллетристической литературе всех времен, стран и народов.

VI. Внимание. Из данных слов-раздражителей вошли в рассказ 18, следовательно, формула объёма внимания (m/n+p) здесь равняется 9/10+2; указанный маленький дефект объема внимания следует отнести, во-первых, на счет размаха содержания, во-вторых, импрессионистской манеры и, в третьих, отвлечения внимания отделкой сцен и диалогов, наконец, значение этого дефекта уменьшается тем, что эти пропущенные два слова-раздражителя замещены сходственными образами (отец – родные, огонь – молния, пламя). Подвижность внимания сказавшаяся в вариации частичных элементов сюжета, в переносе обстановки, личностей, декоративных данных нужно признать здесь высокой.

VII. Интерес. Подвергшиеся испытанию дети все знали, что это – только эксперимент.

Никаких факторов, извне вызывающих интерес, как то: обещание публичного чтения исполненного, похвальные отзывы и пр. – здесь не было.

Поэтому, интерес, проявленный в процессе работы, должен оцениваться как чистый, без примеси искусственных стимулов. В данной работе интерес в значительной мере выявлен как со стороны развертываемого автором содержания, складываемого в определенный ряд картин, так и со стороны литературно-технической.

VIII. Высшие интеллектуальные процессы. Комбинирующая работа здесь довольно обильно обнаружена. Логическая последовательность событий, завязка, перипетии, коллизии, развязка – все это налицо. Идейного руководительства почти нет, в виду нейтральности в этом смысле сюжета.

IX. Эмоции. Эмоциональный тон средней степени. Нет ни особенного драматизма, ни депрессии, ни пафоса, ни экзальтации.

Нет и той теплоты и мягкости, которую мы отметили в первой работе. Имеется лишь импрессионистская рамка без импрессионистского темперамента.

X. Инсценировка. План и установка скелета произведения самостоятельны, разнообразны и удачно выдержаны. Под конец автор несколько скомкал финал, но это объясняется утомлением (71 мин. без перерывов) и разбросанностью набранных данных работы.

XI. Внушаемость обнаружена постольку, поскольку она совпадает с обязательным ответным выполнением реакций на слова-раздражители. Во всем прочем заметна полная самостоятельность работал.

В интересах избранной темы статьи мы приведем одно из неудачных произведении: принадлежит оно ученику 16 лет. Время работы 41 минута.

Гибель фрегата

Из гавани вышел военный фрегат в море. На нем стояли высокие мачты, на которых имелась хорошая оснастка. На берегу гавани собралась огромная толпа, которая провожа-

ла уезжающий корабль. В воздухе раздавались крики провожающей толпы. Этот корабль должен был отправиться на острова с целью усмирения восстания. Переезд до острова прошел весело. Вся команда занималась разными увеселениями (как, например, танцами, музыкой и т. д.). Когда подъехали к острову их встретил огонь неприятельского военного корабля. Произошла борьба между двумя суднами. Одно пошло ко дну, а другое вышло победителем.

Судно шло ко дну и с него раздавались стоны раненых. После боя удалось спасти только нескольких человек, укрывшихся на лодке от преследования неприятелей. Лодку встретил торговый корабль в открытом море и спас несчастных от верной гибели. Этот корабль доставил их в родную гавань. Среди спасшихся был отец семьи, которого встретила его дочь, вся в слезах. Она думала, что он погиб во время сражения. Спасшиеся много рассказывали о сражении и любили его вспоминать. Один моряк сделал медальон, на котором был изображен погибший корабль:

Едва ли эта работа требует последовательного анализа по всем пунктам.

Здесь нет, строго говоря, ни формы, ни фабулы, никакой устроительно-творческой работы. Мы видим здесь лишь последовательное сцепление слов-индукторов элементарными банальными связями. Апперцепция ничтожна. Эмоциональной окраски никакой. Инсценировка элементарна. Внушаемость крайне высока: слова-раздражители господствуют над всеми в данной работе.

В заключение нам остается сказать несколько слов о деталях и особенностях, замеченных при обработке материала.

Из общих дефектов выполненных работ мы укажем на следующие:

1) Инфантильный тип работы. У некоторых испытуемых получилась явно детская сказка, изложенная детским языком с детскими деталями.

2) Безалаберность выполнения. Некоторые, правда, немногие испытуемые не свели концы с концами. Получился сумбурно-безалаберный порядок повествования с забеганием вперед и с искусственном сцеплением пропущенных слов в конце работы.

3) Выполнение не на тему. Трое лиц написали совершенно не на тему, а затем некстати и ненужно нагромоздили почти вес заданные слова в одну кучу.

Некоторые же из заданных слов написали по 2–3 коротких отдельных рассказа, ничем между собою не связанных.

Что касается до особенностей, свойственных почти всей группе испытуемых, то следует отметить непреложное роковое давление вкоренившихся шаблонов при постройке работы.

Эти шаблоны, главным образом, таковы:

1) обязательное прощание отца с дочерью фигурирует в большинстве работ;

2) отражающим лицом почти всегда является дочь;

3) у всех почти испытуемых – пожар на корабле;

4) все почти описывают происходящие на корабле танцы под музыку;

5) картина спасения со стереотипным выбрасыванием лодки на необитаемый остров фигурирует почти у всех;

6) внушенный драматизм катастрофы – почти у всех испытуемых;

7) у преобладающего большинства встречается шаблонное выражение «Солнце озаряло лучами», тогда как в словах-раздражителях их не значится. Здесь шаблон внушен из старого опыта.

Если мы, однако, разберем подлинные литературные произведения многих второстепенных беллетристов, то мы найдем у них едва ли мало заметную власть шаблона и в фабуле, и в иных элементах творческой работы.

ПОРТУГАЛОВ В. Ю. в сотрудничестве с Благосклоновой В. Н., Верховской М. В., Выходцевой О. А., Лобановой Т. Л., Освецимской Л. В.

К ПСИХОЛОГИИ УПРЯМСТВА

Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории и пед. персонала дет. домов и школ. Вып. 2 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1926. С. 127–194

Едва ли какой-либо термин употребляется в семейном обиходе или педагогической практике чаще, чем термин «упрямство». И в устных жалобах родителей и в педагогических характеристиках неоднократно встречается этот эпитет, причем он не всегда применяется к явлениям абсолютно однородным.

В настоящей работе мы делаем попытку привести в некоторую систему круг явлений, свойств и особенностей, которые объединяются общим термином «упрямство». Из клинико-педологического материала, относящегося к данному вопросу, мы выберем нижеследующие случаи, которые представляются характерными и подходящими для наших целей.

Случаи взяты нами из 13-го детского дома и 14-го школы для умственно-отсталых. нервных и анормальных детей. В конце работы мы сопоставим их со случаем из Центр. детск. амбулатории.

Первый случай. Из доклада воспитательницы-обследовательницы М. В. Верховской в Комнес мы узнаем:

«На мои вопросы Коля М. не дал ни одного ответа. Положил голову на свою руку, плакал и как я ни старалась вовлечь его в разговор, почти в течение двух часов, мне не удалось. От брата его... я узнала, что Коля всегда такой и на вопросы старших молчит. Коля ходит в школу, где так же молчит... Мальчик неопрятен и не соображает, что в комнате нельзя устраивать уборную... Отец Коли умер от тифа в 1921 г., был чернорабочим... Оба мальчика ходят в школу, старший учится хорошо, младший хотя и ходит в школу, но там так же молчит. Коля не слушается, неопрятный и не дает житья, так как тащит сладкое и хлеб у соседей... Отец Коли – алкоголик и плохо обращался с ним. Коля на меня произвел впечатление умственно отсталого ребенка, но не морально-дефективного, так как, по показанию соседки, вещей не трогает, а лишь таскает сладкое, что я объясняю его неразвитостью и недоеданием» (16/IV–24).

Из предварительных сведений о Коле М., собранных воспитательницей-учительницей О. А. Выходцевой, узнаем:

«Коля родился в 1924 г. в г. Юрьеве, Костромской губ., отец Коли мещанин г. Юрьева. По словам матери Коли, отец мальчика также туго развивался, как и Коля. Вообще был человеком недалеким и с очень тяжелым характером... страдал пороком сердца... В голодовку он сильно бил Колю по голове: причиной часто служило то, что Коля утаскивал припрятанный для всей семьи кусок хлеба и съедал одни. Отец Коли пил изредка, но сильно. Умер он в 21 г. от сыпного тифа. Мать Коли после его рождения перенесла тифы сыпной и брюшной. В прошлом году врачи определили у нее порок сердца... Было у неё 8 детей, Коля – 5-й. остались в живых только двое; у брата Коли тоже порок сердца; от 1 до 7 л. были припадки. Во время беременности Колей была часто расстроена и два рала падала; один раз при этом на нее упала железная кроватка, в другой раз упала животом па острый угол. Роды были трудные. Коля родился с почерневшей половиной лица и разрезанным глазом. В младенчестве мальчик развивала нормально: вовремя прорезались зубы, ходить стал в 1 год, говорить начал на 2-м. Перенес скарлатину, корь. В 19 г. после тифа были припадки. Одновременно с Колей и остальные трое детей заболели тифом... После тифа у Коли была цинга. Ненормальности были у него замечены с 6-летнего возраста. Был непослушен, замкнут и на вопросы отвечал упорнейшим молчанием. В школу мать привела его насильно. Он не хотел учиться и не стал учиться: или молча просиживал на парте

или же по большей части учебный день проводил у ворот школы, возвращаясь вовремя домой».

В характеристике Коли М., сделанной учительницей-воспитательницей Т. Л. Лобановой, читаем:

«Опорное нежелание учиться Коля перенес из школы в детский дом. Один из всех детей он отказался от всякой проверки своих знаний. Когда же начались школьные занятия, он ни разу даже не вошел в комнату в часы занятий его группы. К только вчера был введен в школьную комнату и посажен па скамейку Коля повернулся спиной к классному столу и в таком положении просидел все время. Только под конец уроков он принял участие в игре, которая имела отношение к проходимому учебному материалу. Работать Коля не любит, обязательные дежурства несет вяло, неохотно. Но во всяких шалостях мальчиков принимает участие всегда... Ни протеста, ни возмущения не услышишь от Коли – он всегда молчит и втихомолку делает так, как он хочет... На все вопросы, обращенные к нему относительно его жизни в доме матери, относительно его настоящих желаний и интересов, он упорно молчит и всегда улыбается. Строгость и выговор оказывают то же действие» (18/X–1924).

В «Индивидуальном листке» Коли М. мы читаем лишь такие отметки: «Занятий не посещает». «Молчит». «Участия не принимает» и т. п.

На большинство вопросов, заданных в «Анкете», тоже отмечается: «Не знаю», «Молчит» и т. д.

Второй случай. Из характеристики Вячеслава Х., написанной учительницей-воспитательницей Т. Л. Лобановой:

«Вячеславу 10 лет. Это не совсем обыкновенный мальчик – он не говорит, хотя и не глухонемой. В доме № 41 он живет уже 2 года с лишком. Привели его из детдома, где он разговаривал. Но там случилась какая-то несчастная история. Мальчики этого дома издевались над В. и сонному подожгли пятки. Он испугался и стал говорить заикаясь. Над его заиканием посмеялись ребята, их поддержал будто бы кто-то из взрослых, и с этих пор В. перестал говорить. В дом № 41 его привели уже молчащим: молчит он и до сих пор. Однажды В. был очень болен малярией. Его отчаянно трясло, он плакал и стонал. Лежал он, повернувшись к стене, и не мог видеть и слышать, когда к нему тихо и осторожно подошли. На неожиданный вопрос «Что с тобой?» он вздрогнул и спросил: «Что?» Спросил как-то сразу, точно вскрикнул от испуга. Это было единственный раз. С тех пор прошло много времени – около года. В. молчит...

Путем вопросов, на которые В. утвердительно или отрицательно кивал головой, удалось установить, что ранее он жил в Нижнем с родителями, у него было три брата и сестра. Когда наступили тяжелые времена, семья переехала в Самару. Мать умерла, а отец, который очень пил, отдал детей в детдома, а сам уехал...

У В. много хороших сторон. Это умный и сообразительный мальчуган. Он всегда деятелен, что-нибудь приколачивает, устраивает. Вообще у него наклонность к мастерству, и он не раз заявлял о своем желании учиться в мастерской.

Он очень правдив... С удовольствием слушает рассказы, чтение, причем реальному отдает предпочтение перед сказкой.

Нередко находит на него упрямство – обязательно хочет поставить на своем. Однажды он очень хорошо очистил свою оловянную ложку и ни за что не хотел после обеда отдавать ее на обычное место – в буфет. По его мнению, с этих пор ложка должна была лежать у него под подушкой. На все убеждения, что ложка будет всегда у его прибора и именно эта, а не какая-либо другая, он упрямо качал головой и прижимал к себе ложку.

Пришлось оставить его в покое и не обращать на него больше внимания. На другой день он сам отдал ложку... Учится охотно, причем все работы исполняет письменно, так как говорить не может» (23/V–1923).

В характеристике Вячеслава Х., составленной учительницей-воспитательницей О. А. Выходцевой, читаем следующее:

«Вячеславу 13 лет. Поступил в наш детский дом в апреле 21 г. из детского дома для асоциальных детей. Как попал туда, неизвестно. В д. дом к мальчику никто никогда не приходил. О прошлом он только изредка урывками рассказывает мальчикам, а те передают взрослым. В. предполагает, что отец и сейчас жив и что только жизнь разъединила их. Отец В. медник, работал на железной дороге. Мать давно умерла. В. вспоминает, что, будучи очень маленьким, он упал с крыши и ему прикладывали большой железный крест. Жизнь в д. для асоциальных, когда он там находился, протекала в тяжелых условиях: голод, холод, а также там практиковались жестокие формы «мщения» товарищей: иногда спящим поджигали пятки. В. и это перенес. Но удивительно, что при моем вопросе об этом, он с улыбкой утвердительно кивнул головой. Жестокость свойственна ему. Довести до слез дошкольников, пряча у них игрушки, подучить малышей разодраться... – для В. веселая игра. У В. нет привязанности ни к взрослым, ни к детям: животных же он очень любит и, несмотря на это, он бросал кошку, принадлежавшую девочкам, с третьего этажа на землю; в другой раз так дернул ей лапку, что та долго хромала. Это была, по-видимому, месть девочкам. Через некоторое время В. с этой же кошкой играл и ласкал ее. В. с животными очень нежен: подолгу возится, ласкает, иногда затащит кутенка к себе на кровать и, крепко обняв, засыпает с ним. Любит слушать про животных. На остальные же явления жизни он обычно реагирует безучастным отношением, при раздражении – злобой, буйством, более редко ответит улыбкой.

Он очень упрям, это проявляется ежедневно. Заставить исполнить что-либо против его желания дело нелегкое. Уговоры почти не действуют, строгость влечет подчинение, по В. затаит злобу и при случае отомстит. В. без сопротивления не даст своих вещей, хотя бы этого и требовало дело. Однажды надо было дать девочке ботинки, чтобы пойти мыть новое помещение. В. запротестовал (свободных ботинок, кроме выданных В., не было), в результате избил девочку, стал буйствовать, безобразничал в отношении воспитателя за то, что ботинки были взяты силой. И во время последующих дежурств этого воспитателя продолжались со стороны В. резкие выходки. В моменты раздражения В. ожесточается. Поднимается на весь дом крик, свист, летят вещи. К девочкам он враждебен и старается чем-нибудь досадить им. С мальчиками в товарищеских отношениях, но часто его видишь одиноко отстранившегося от всех... У нас был случай, когда В. в виде протеста ложился под кровать на голый пол и так проводит ночь. Одна из основных черт его натуры медлительность. Мастер жестяночной мастерской отказался с ним работать, находя, что В. «безобразно ленится»... В чтении и письме тоже медлителен и слабо соображает. Если работу не может выполнить, то, понурив голову, будет сидеть хоть час, но не обратится за помощью. С месяц тому назад настроение В. резко изменилось. Раздражительность усилилась и участилась. На школьных занятиях почти не работал, шалил, иногда совсем не приходил. Жестом показывал, что не хочет заниматься. Ему заметно нездоровилось, но пойти в изолятор за лекарством не захотел и не пошел...

Договориться с В. до более откровенного объяснения невозможно – он упорно молчит, объясняя свои поступки положительными или отрицательными кивками головы, иногда добавит несколько поясняющих жестов... После перевода в дошкольный д. д. В. совершенно замолчал. Первые месяцы жизни в нашем отделении он так же ни с взрослыми, ни с детьми не говорил. Потом стал говорить только с мальчиками, и то, по их словам, когда он захочет. Теперь с мальчиками и на улице говорит постоянно, с девочками только односложно; с взрослыми молчит» (20/XII–1924).

В «Индивидуальном листке» Вячеслава Х., главным образом, отмечались его агрессивные выходки, проявления буйства, кривлянья, шалости и ряд актов, характеризующихся как упрямство (непослушание, противодействие, сопротивление, отказы, действия наперекор, поступки из протеста и т. п.).

Третий случай. В сентябре 1924 г. в Самарской комиссии по делам о несовершеннолетних разбиралось дело Александры Щ. 14 лет по обвинению ее в хулиганстве. Эта Александра Щ. взята была на воспитание гражданкой А-вой, которая любила ее, хорошо с

ней обращалась, но девочка все время не слушалась ее, уходила без спросу гулять с подругами или мальчиками кататься на р. Самарке или в Покровском садике. Считала возможным не слушаться А-вой потому, что она посторонняя ей женщина. Сама Александра сознается во всем этом.

Из доклада воспитательницы-обследовательницы Л. В. Освецимской мы узнаем следующее:

«Взявшая к себе на воспитание Александру гражданка А-ва – женщина простая, симпатичная, с добрым сердцем, привязавшаяся и полюбившая сироту Шуру, которую взяла 4 года тому назад ив коллектора: она знала ее с рождения. Родители Шуры – чернорабочие, отец умер в 1917 г. от чахотки, мать – 5 лет тому назад. За последнее время Шура стала возвращаться домой ночью, завела знакомство е молодыми людьми и стала их посещать. На замечания А-вой отвечала грубостями и когда та не стерпела и побила Шуру, то кто-то во дворе надоумил девочку подать заявление в суд на А-ву. Кто-то написал ей заявление и обе они были у народного судьи. Так как А-ва пришла к убеждению, что Шуру она не сможет воспитать, то и решилась, скрепя сердце, отказаться от воспитанницы. Весь рассказ А-вой Шура подтвердила, прибавив, что воспитательницу свою она любит, но не может совладать с собой.

Из характеристики Шуры, составленной учительницей-воспитательницей дома № 13 В. Н. Благосклоновой, мы узнаем следующее:

Шура учится в 1-й группе 1-й ступени. Не успевает: не желает учиться под различными предлогами (холодно в классе, больна, нет карандаша, нет тетради и пр.). Уклоняется от классных занятий. Мотивы: «не хочу» и «не буду» часто имеют место. Только подчиняясь большинству детей и настойчивости педагогов, она занимается. Так же относится Шура и к пионерской работе. Посещает сборы, но активности, инициативы не проявляет. Заданий, законов и обычаев пионера не выполняет: при напоминании со стороны детей и вожака об обязанностях, вытекающих из пионерской жизни. Шура просит освободить, ее от костюма и галстука, хотя это ее предложение вытекает только из упрямства. Когда однажды происходил совет звеновожатых и всех лишних попросили выйти, Шура отказалась выйти и упорно заявляла: «не пойду, шалить не буду» – и уселась на окно, причем продолжала шуметь и шалить. После замечания вожака, разбила окно, из комнаты не вышла, вылезла из окна, забралась на крышу, где пребывание ее было небезопасно. Уговоры воспитательницы и заведомо не оказывали воздействия, и Шура молча продолжала забираться все выше и выше. Спустя некоторое время, когда все оставили ее в покое, она спустилась и с сознанием собственного достоинства посматривала на руководителей, самодовольно улыбаясь.

Шура часто нарушает порядок жизни дома и не подчиняется дисциплине. Попросите ее принести скамью для занятий или покинуть класс, в котором занимается другая группа, она непременно откажется: будет смотреть вам в упор в глаза и ничуть не сконфузится. Скорее бравирует: «Что заставили?..» Однажды Шура попросилась проводить свою подругу. Ей разрешили, но по случаю мороза предложили потеплее одеться и обуться. Шура демонстративно отправилась на улицу в одном платье и босиком. Часто вообще выражает недовольство бельем, платьем, бросает в лицо непонравившееся платье, предпочитая остаться еще на неделю в грязном. Питанием недовольна, отказывается от приема пищи до тех пор, пока не получит просимого. Ложится спать позже всех. Стоит ей только напомнить «пора спать», как получается обратный результат. Она начинает шалить и мешать спать другим: открывает электричество или вымажет кого-нибудь из спящих сажей.

Помещенная врачом в изолятор по случаю чесотки, она отказывается лечиться, не натирается мазью, не смывает ее с тела. Ни врач, пи сестра, пи педагоги не могли уговорить Шуру. Приходилось прибегать к насилию: держали руки и натирали мазью. Однако после этого Шура смывала мазь и заявляла: «не хочу», «не буду лечиться». Страдая малярией, она не признает хины; делает вид, что глотает таблетку, но, запивая водой, выплевывает таблетку в кружку или на пол или бросает в печь. Лекпом от Губздрава, проводя-

щий хинизацию, предложил ей сделать уколы, на что она ответила: «Попробуйте! Кто это вам дастся. Не захочу, так никто мне ничего не сделает».

Таким образом, все три приведенных случая дают немало характерных данных именно для того круга явлений, который обычно резюмируется термином «упрямство». Является вопрос: как подойти к изучению этого сложного, весьма частого и неопределенного феномена детской психики?

Прежде всего, разумеется, мы должны обратиться к естественно-научному и, в частности, биологическому рассмотрению явления упрямства у детей. Современные анатомо-физиологические направления дают как бы самый верный ключ к рациональному подходу в этом вопросе. В своей не так давно вышедшей книге «Рефлексологический подход в педагогике» (Ленинград, 1925) д-р Л. Дернова-Ярмоленко, сотрудник ленинградского Института мозга, дает как бы исчерпывающее объяснение данному вопросу. «Упрямый ребенок – говорит она, – имеет облегченные тормозные сочетания, он теперь уже тормозит «по привычке»... Его аппарат для самозащиты должен гипертрофироваться, так как здесь повторно налицо будет усиленная настороженность и оборонительная позиция, то, что называется защитным рефлексом».

На окружающее упрямый ребенок реагирует «механизмом тормозных сочетательных рефлексов, которые от повторения механизировались и облегчились.

Теперь на всякое предложение, которое даже не воспринимается полностью, уже готов ответ «нет».

И далее, автор, опираясь па исследования Букоино, настаивает на изучении крови, мочи и других выделений и отделений у людей упрямых. В заключение автор говорит: «Таким образом, рефлексология открыла нам ключ для прямого подхода к вопросу об упрямстве, этому бичу детских интернатов, выявив негативизм как гипертрофию тормозных процессов». Подводя в конце своей интересной главы итоги этому вопросу, Д. Дернова-Ярмоленко обращает внимание на химическую основу торможения, именно, на возбуждающее действие солей калия и натрия и угнетающее действие солей кальция и магния.

В некоторых научных работах нередко наблюдается такое явление: какой-либо акт или процесс именуется определенным термином; затем этот термин заменяется другим, обозначающим процесс сходственный с первым, но все же несколько отличающийся от него; далее вводится третий термин, обозначающий процесс, близкий второму, но уже различающийся явственно от первого; наконец, употребляется четвёртый термин, близкий к третьему, но отдаленный от первого и т. д. Иногда вводится 5–6 терминов, попеременно замещающих друг друга, но часто между первым и шестым оказывается уже очень мало общего, а авторы продолжают понимать под ними то, что идентично.

Мы опасаемся, что такая замена друг другом процессов, отчасти сходственных, – отчасти различествующих, происходит теперь при употреблении термина «торможение». Вводя этот термин, авторы иногда заменяют его терминами «задержка», «угнетение». «Угнетение» часто заменяется термином «утомление», «утомление» термином «истощение», «истощение» заменяется термином «изнеможение», затем опять «торможение» заменяется термином «отталкивание», «отталкивание» заменяется термином «торможение», «торможение» вновь заменяется новым термином «остановка». «Угнетение» заменяется термином «угашение». Идентифицируя посредством этих терминов все подразумеваемые под последними физико-химич. процессы, авторы приводят к следующей цепи явлений: торможение = задержка – угнетение утомление – истощение – изнеможение – отталкивание – остановка – угашение. Девять понятий объединены в такое целое, физико-химическая сущность которого должна быть абсолютно идентична. Дабы не быть голословным приведем следующие места: у академика П. П. Лазарева процессу возбуждения противополагается процесс угнетения (см. стр. 33 цит. книги). Этот термин «угнетение» сам П. П. Лазарев отнюдь не склонен расширить и распространить его понимание по девяти указанным направлениям; но д-р В. Рабинович, на которого ссылается А. Дернова-Ярмоленко, уже отожествляет угнетающий процесс с утомлением в работе «Утомление в

свете ионной теории сочетательных рефлексов», он употребляет термины «торможение», «угашение», «утомление» как тожественные. Сама д-р Дернова-Ярмоленко часто употребляет подобные термины, как говорящие о едином физико-химич. процессе; на стр. 37 она отожествляет процесс торможения с «отталкиванием», а на стр. 45 с «задержкой» и «остановкой».

С другой стороны, авторы, работающие над утомлением, употребляют вместо последнего термины «торможение», «изнеможение», «истощение» и опять «задержка».

Итак, знаком полного равенства объединяются понятия, подразумевающие едва ли идентичные процессы. Так, напр., под утомлением в физиологии разумеется далеко не то, что разумеется под торможением. Все те феномены, которые объединены И. П. Павловым под общим понятием «торможение» (включая сюда понятия о внутреннем торможении, внешнем торможении, разлитом торможении и т. д.) отнюдь не отожествляются с понятием об утомлении, что именно проделывают другие авторы. После работ проф. Вейхардта и Лоренца центр тяжести вопроса об утомлении перенесен был совершенно в другую область и разрешается теперь в плоскости теории иммунитета. Переводя животных из состояния утомления в состояние изнеможения, Вейхардт получил препарат, являющийся токсином утомления (кенотоксин). При t° кипения получается антитело-антикенотоксин. Вопрос разбирается в пределах учения об антигенах и противотелах; И. П. Павлов всех этих вопросов и не касается точно так же, как и П. П. Лазарев. А их продолжатели ведут все далее и далее дело идентификации разнородных процессов. Совсем не основательно отожествлять физико-химический процесс утомления и процесс угашения, и уже совсем неправильно отожествление «утомления» с «истощением». Какое может быть между ними равенство, когда Макс Ферворн доказал, что явления утомления зависят не только от накопления кенотоксинов, но и от истощения, под которым он разумеет потребление существующих в организме запасов энергии.

Каким образом явление зависимое может быть отожествляемо с явлением, вызывающим эту зависимость?..

Совершенно уже неправильно отожествлять торможение с отталкиванием, как это делает А. Дернова-Ярмоленко, ибо понятие об отталкивании в современной биологии рассматривается в свете инстинктов как актов, возникающих у беспозвоночных, когда о построении рефлексов не могло быть и речи. Таким образом, неосторожное употребление сходственных термином привело, как мы видим, к путанице понятий в естествознании.

Посмотрим, к чему привела эта идентификация в психологии.

К девяти уравнениям, создавшим путаницу в естественно-научных понятиях, присоединилось десятое: «торможение» = явлениям «психического» торможения, под каковыми разумеются и акты патологических задержек, и акты величайшей сдержанности и колоссальной силы волевых тормозов. С этого времени и началась эпоха сущего хаоса, поднятого рефлексологами в психологии, так что последняя в их трактовке превратилась в что-то несуразное. Появилась нескончаемая цепь новых уравнений: торможение = мысль = сон = процесс нарушения репродукции = прогрессивный паралич = неотреагированные аффекты = депрессивные психозы = упрямство. Чем кончится эта серия равенств, неизвестно.

Итак, на вопрос, что такое упрямство, педагоги, родители и школьные врачи получают от А. Дерновой-Ярмоленко следующий высоконаучной квалификации ответ:

«Упрямство – это такой физико-химический процесс, когда соли, кислоты, щелочи, да и различные сложные белковые вещества распадаются в растворах на электрически-заряженные группы – так наз. ионы, которые по своему качественному составу действуют па белковую основу ткани угашающим образом, а именно соли II группы металлов, как напр., Ca и Mg, проявляют в отношении нервной системы свое угнетающее действие. Для упрямства характерно то, что соли кальция и магния медленнее концентрируются у катода, чем соли натрия и калия. Эта электрохимическая сущность упрямства физиологически выражается в притекании группы ионов с тормозящими свойствами, почему упрямство в

физиологическом аспекте есть торможение как активный процесс нервной ткани, причем отдельные акты торможения могут сочетаться между собой в более или менее сложной форме рефлекса».

Вот подлинное определение упрямства, которое формулируется нами в сжатом виде па основании научных рассуждений А. Дерновой-Ярмоленко на 32, 33, 34, 36, 41 страницах. Как же педагоги должны практически познать и понять это упрямство?

Они должны взяться за изучение «химизма крови, мочи и других выделений и отделений у людей упрямых», как пишет А. Дернова-Ярмоленко на стр. 38.

Сейчас в СССР никакой педагогики и никаких педагогов нет. Есть только знахарство и знахари, именующие себя педагогами; почему? Потому что, чтобы быть педагогом, необходимо уметь проделывать «черную реакцию» итальянского ученого Букоино, заключающуюся в том, что при воздействии на урину азотнокислого серебра получится черная реакция. Необходимо испробовать, как пишет А. Дернова на 38 стр., «черную реакцию» на детях с резко выраженным «упрямством»...

Несомненно, такое определение упрямства и такое предназначение педагогам, не желающим носить клички знахарей, является совершенно новым и оригинальным, и мы должны внимательно вдуматься в него, тем более, что автор книги призывает (на стр. 9) педагогов отрешиться от субъективной трактовки, а на стр. 15-й квалифицирует всякие иные определения как ложные, так как и вся педагогика до возникновения Бехтеревской рефлексологии представляла из себя «скорее знахарство, чем научную дисциплину».

Автор призывает на 16 стр. строить новую педагогику на данных рефлексологии В. М. Бехтерева, которая диаметрально противоположна всей педагогике всех времен, стран, народов и частей света, как противоположна истинная наука грубому знахарству. Несомненно, что и педагоги, и школьные врачи, и родители должны с соответствующим жаром откликнуться на призыв новатора-рефлексолога, поднимающего новое знамя педагогики. Поэтому, разумеется, вполне естественны и допустимы вопросы и почтительные просьбы профанов-врачей и педагогов о разъяснениях.

В качестве одного из этих знахарей и профанов, имеющего некоторое отношение к педагогической работе в глухой провинции, автор настоящей статьи почтительно позволяет себе просить разъяснить следующие недоуменные вопросы:

1) Действие солей II группы металлов (Ca и Mg) на нервную систему есть факт объективный, устанавливаемый точными данными современной физики и химии; активно тормозящий процесс нервной ткани есть тоже факт объективный, определяемый современной физиологией. Каким образом эти два объективных феномена могут быть идентифицированы с явлением упрямства?

2) Не есть ли «упрямство» – понятие субъективное, условное, житейски-вульгарное, обиходно-прикладное, передаваемое нам по традициям предшествовавшими поколениями, не имевшими дела с наукой? Не есть ли оно понятие собирательное и обобщающее: понятие сложно-разнообразное, стягивающее в свою тусклую и смутную сумму разнородные, произвольные и субъективные слагаемый?

3) Не входят ли в общий термин «упрямство» целые ряды сходственных и взаимноподобных, но не абсолютно-тожественных и однопутных понятий, как то: упорство, настойчивость, нецелесообразная приверженность к предвзятой идее или предвзятому роду действий, фанатичность, лишенная смысла, тупое фиксирование цели, противодействие во что бы то ни стало, своенравие, неосмысленный протест, немотивированная привычка к отказу, чисто животное тупое сопротивление и т. д.?

4) Мы уже насчитали около одиннадцати ингредиентов «упрямства»: комбинация психических черт, вероятно, достигает в действительности гораздо большего числа; все эти разнородные характерологические комбинации получают часто у врачей, педагогов, родителей и пр. общее название «упрямство», причем это название употребляется и образованными лицами, и простолюдинами.

5) Целесообразно ли стремиться к включению в математическое уравнение наряду с ионами кальция и магния житейской смеси свойств, привычек и качеств, условно объединяемых в просторечии под именем «упрямства», в каковое понятие вкладывается нередко смысл об актах эволюционных и инволюционных, прогрессивных и упадочных? Не значит ли это соскальзывать с почвы точных фактов и толкать естествознание на компромисс с грубой обывательской бытовой психологией?

6) Как совместить подобный компромисс с требованием академика П. П. Лазарева, выставляемым в качестве аксиомы физико-химической биологии, что «при полной идентичности материальных процессов в одних и тех же воспринимающих аппаратах и ощущения, получаемые нами, являются одинаковыми» (П. П. Лазарев. Ионная теория возбуждения. Стр. 16–17). Идентичность материальных процессов у нас как бы налицо, но имеется ли единство ощущений или, вернее, психических комплексов при той многогранности упрямства, которое вмещает в себя самые разнородные, а иногда и противоречивые сочетания?

7) Если мы согласимся с тем, что в сложно-компактный комплекс упрямства входят многоразличные компоненты как активного, так и пассивного характера, как характерные для моноидеизма, так и развивающиеся под давлением разнородных эмоций, как резюмирующие крайний распад волевого начала, так и иллюстрирующие колоссальную сдержанность, и если мы также согласимся, что лишь причуды языка или исторически-произвольные спаивания этих многообразных явлении с единым смутным термином «упрямство» могли повести к категорической формуле отожествления угнетающего действия солей кальция и магния с комплексом упрямства, то спрашивается теперь (когда мы уже не можем сомневаться в разнородности компонентов упрямства), каким образом приложимы к этим ингредиентам по отдельности химические эволюции солей I и II группы металлов?

Угнетают ли нервную систему соли кальция и магния при простом упорстве? При монодеизме? При слепом сопротивлении? При своенравии? При протесте? И если угнетают, то в каком количестве, в какой мере, при каких условиях? И как это можно распознать и доказать научно точно, математически правильно, чтобы все это было определенно понятно и убедительно и для врача и педагога, а не ограничивалось гипотетическим параллелизмом?.. Особенно же интересно разъяснить педагогам и врачам, каким образом утомляюще-угнетающие процессы, изнуряющие нервную ткань и ведущие, по опытам Вейтгардта, к смерти животных, у человека могут давать наряду с явлениями ступора и торпидного состояния пассивных идиотов картины высших тормозящих актов, характеризующих великих людей?.. Чем доказывается единая электрохимическая основа этих разнородных картин?..

Можно вполне предвидеть, чем кончится это увлечение ионами кальция и магния как химическою основою упрямства; можно также не без основания ожидать, что под процесс торможения будет подведена масса самых разнообразных психических содержаний. Получится то же, что и с условными рефлексами, которые ставятся в основу самых разнообразных явлений психологии человека. Л. С. Выготский по этому поводу пишет: «Рефлекс в том смысле, в каком он употребляется у нас, напоминает очень близко историю Каннитферштана, имя которого бедный иностранец слышал в Голландии всякий раз в ответ на всякий свой вопрос: кого хоронят, чей это дом, кто проехал и т. д. ... При всеобщем приведении к одному знаменателю, можно обо всем говорить одинаково: это – рефлекс, как это – каннитферштан. Самое слово рефлекс обессмысливается при этом...

Что такое ощущение? Это рефлекс. Что такое речь, жесты, мимика?.. Это тоже рефлексы. А инстинкты, обмолвки, эмоции?.. Это все тоже рефлексы... То рефлекс и это рефлекс, но что чем отличает это от того?..» (Сознание как проблема психологии поведения).

С ионной теорией скоро получится то же самое. Что такое упрямство? Это угнетающее действие солей кальция и магния. А протест? Тоже. А утомление? Тоже... А дух противоречия? То же. А отталкивание? То же. Что же отличает это от того?

Мы не знаем, как ответит на подобные вопросы А. Дернова-Ярмоленко, но полагаем, что если при изучении упрямства педагоги прежде всего примутся за теорию ионного возбуждения П. П. Лазарева, то их понимание упрямства будет хотя и обширно, но очень отдаленна от непосредственной сути предмета.

А между тем А. Дернова-Ярмоленко предъявляет к педагогу и помимо этого большие требования. «Педагог, – говорит она, – должен будет знать анатомию, физиологию и отчасти и патологию как врач, физику и химию как естественник, математику и механику как инженер; сложнейшими отправлениями развивающейся нервной системы детского коллектива он должен будет уметь управлять как искусный стратег-полководец, политик и организатор-общественник; он должен будет уметь оперировать математическими сложнейшими вычислениями как астроном».

Требования, конечно, немалые: педагог должен быть анатомом, физиологом, патологом, физиком, химиком, математиком, общественником – и все это не как дилетант, а как дипломированный специалист. Зато он вполне освобождается от знания психологии и педагогики, так как последняя не что иное, как знахарство.

Разумеется, приходится с автором согласиться в необходимости нагружения педагога всеми этими знаниями, предполагая, конечно, обязательное долголетие педагога: однако и при этом последнем условии, памятуя о гигантском росте естествознания и о непрестанных переменах во всех его отраслях – химии, физике, механике и пр., является опасение, хватит ли этому педагогу естественного количества лет для усвоения всего этого; и когда наступит момент, в который он должен приступить к практической работе по изучению и воспитанию детей? Погрузившись в глубокую бездну фундаментов педагогики, когда педагог получит доступ к приемам изучения и воспитания детей?

Возьмем, напр., простой заурядный случай.

Как успокоить возбужденного ребенка? Д-р Дернова-Ярмоленко в этом случае советует прежде всего «вспомнить все то, что говорилось об иррадиации возбуждения центральной нервной системы» и принять во внимание, что «это возбуждение очень сильно и захватило не только поверхность головного мозга, но и подкорковые узлы» (стр. 120–121 книги А. Дерновой-Ярмоленко. Отдел «Возбужденный ребенок»). Если педагог или родитель не вспомнят в этот момент об иррадиации и подкорковых узлах, то, очевидно, дело пропало, ибо вообще нельзя назвать педагогом человека, который при возбуждении ребенка не вспоминает об иррадиации в коре мозга и который не знает, что при осаждении суспензионных и гидрофильных коллоидов одно и двувалентные ионы действуют в одном направлении и что если в смеси существует угнетение одних ионов другими, все же ионы того и другого рода действуют, осаждая коллоид. Но если педагог постиг ионную теорию П. П. Лазарева и учение И. П. Павлова об иррадиации, то он обладает средством тут же успокоить ребенка. Что же он сделает? А. Дерново-Ярмоленко дает ряд советов, неразрывно связанных со знанием действия солей калия и натрия и с учением об иррадиации. Она говорит: «ребенка нужно оставить в покое или уложить в постель». «Тишина, покой, уединение, изолированное занятие, близость любимого человека, спокойный ровный голос воспитателя – вот что нужно ребенку в этом случае» (стр. 122).

Мы теперь окончательно убеждены, что хорошие опытные старушки-няни, быстро успокаивающие ребят, в совершенстве постигли и учение о суспензионных и гидрофильных коллоидах и учение о действии двухвалентных ионов и учение об иррадиации возбуждения в коре полушарий и подкорковых ганглиях.

Нам только непонятно одно: если действительно весьма здравою является мысль о необходимости для педагога изучения всех высших отраслей естествознания, начиная с химии и физики и кончая астрономией, то рефлексология-то тут причем? Д-р Дернова-Ярмоленко пишет, что рефлексология «открыла ключ к педагогике», пресмыкавшейся до В. М. Бехтерева в знахарстве.

Ключ этот – химия, физика, механика, астрономия... Разве химия, физика, астрономия и пр. уж стали отделами бехтеревской рефлексологии? Сидя в глухой провинции, ничего этого не знаешь и поневоле отстаешь от науки...

Обращаясь к замечательно интересной книге А. Дерновой-Ярмоленко, мы, к сожалению, не усматриваем в ней доказательств реформирования указанных областей под углом рефлексологии, но зато определенно видим, каким крупным реформам подверглась под влиянием рефлексологии другая наука – социология. Чтобы понять упрямство, надо быть педагогом: чтобы быть педагогом, надо быть общественником; чтобы быть общественником, надо знать социологию; чтобы знать социологию, надо уяснить, во что ее превратила рефлексология. Нельзя быть настолько отсталым, чтобы понимать под социологией нечто, идущее от Огюста Конта и Спенсера. Социология, наивно думали мы когда-то, – это наука об обществе, имевшая своих видных представителей в лице Бенжамена Кидда, Лестера Уорда, Лиллиэнфельда, Вормса. «Социальная эволюция» Кидда, «Общественный организм» Вормса, «Психические фактора цивилизации» Лестера Уорда вводили нас в социологию с точки зрения западноевропейских буржуазных течений; Георг Зиммель представил нам социологию как абстрактное изучение социальных форм; Людвиг Гумплович подверг тщательному изучению влияние общественных форм на индивида. Наконец, Маркс и Энгельс, а за ними Плеханов, Ленин, Деборин. Аксельрод, Бухарин подвергли анализу общественные явления с точки зрения изменения и роста производительных сил... Н. К. Михайловский и С. Н. Южаков отстаивали старые народнические теории субъективной социологии. М. И. Туган-Барановский и Солнцев под влиянием австрийской школы (Бем-Баверк) пытались реформировать внутреннюю структуру социального организма в связи с теорией предельной полезности... Все это завершилось довольно интересным научным столкновением социологов Паланта и Драгическо в Европе: в СССР же господствует в настоящее время социологическая школа, опирающаяся на идеи Маркса, Энгельса, словом, господствует марксистская социология. Так мы думали до сих пор ту науку, которая носит название социологии. Оказывается, что и здесь мы поотстали, ибо все эти течения сданы в архив, подобно педагогическому знахарству, – и из Ленинградского института мозга вышла очередная реформа – социологическая, сокрушившая все устарелые взгляды.

На стр. 14 А. Дернова-Ярмоленко оповещает, что «В. М. Бехтерев написал большой труд «Коллективная рефлексология», в которой попытался дать рефлексологическое освещение поведению человеческого коллектива, и в этом его большая заслуга», и что «рефлексология – наука не только биологическая, но и социальная».

Исходя из очередных открытий В. М. Бехтерева, на этот раз в области социологии, А. Дернова-Ярмоленко сама создает особую оригинальную социологическую теорию, снабженную не менее оригинальной схемой. Из этой теории проистекает социологический закон, который автор формулирует так:

«Здесь получается взаимодействие среды на человека и человека на среду» (стр. 13).

Разработка этого закона такова:

«1) Среда влияет и изменяет человека.

2) Человек изменяет среду, приспособляя ее себе па потребу.

3) Измененная среда влияет теперь на человека измененно.

4) Измененный человек приспособляет среду себе на потребу; теперь измененно» (стр. 14).

Итак, в основе новой рефлексо-социологической теории стоит принцип взаимодействия среды и человека.

Когда мы ознакомились с этим новым открытием рефлексологии, то... отдаленно-прошлых лет воспоминанья у нас теснилися толпой... Мы вспомнили былое время, угасшую юность, девяностые годы, промчавшиеся как вешние воды, а с ними вспомнили и вышедшую в 1894 году, т. е. тридцать один год тому назад, книгу Плеханова-Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая в то время наделала

столько шуму. А вспомнив книгу Бельтова, мы вспомнили также, какому неумолимологическому и жестокому осмеянию он предал тогда ту самую социологическую теорию взаимодействия, которую теперь, три десятилетия спустя изобрела в «Институте мозга» А. Дернова-Ярмоленко с помощью чудодейственных чар бехтеревской рефлексологии.

Нравы людей влияют на среду – говорит Плеханов-Бельтов. Среда влияет на нравы людей.

«Обыкновенно, – пишет он на 12 стр., – в такого рода вопросах люди довольствуются открытием взаимодействия... Так рассуждает у нас в настоящее время почти вся наша интеллигенция. Она смотрит на общественную жизнь с точки зрения взаимодействия... Только такой взгляд и достоин мыслящего «социолога», а кто, подобно марксистам, допытывается каких-то более глубоких причин общественного развития, тот просто не видит, до какой степени сложна общественная жизнь. Французские просветители (XVIII века) тоже склонялись к этой точке зрения...» (К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, 1923). Но... эта точка зрения «не дает никаких указаний, насчет происхождения взаимодействующих сил».

Мы не станем излагать всем известных блестящих глав Плеханова, разбивающих в корне эти заброшенные теории взаимодействия, которые были известны в XVIII веке и которые Дернова-Ярмоленко открыла впервые.

Еще в старых сочинениях по социологии подробно разбивался вопрос о взаимодействии между личностью и обществом. Сперва подробнейшим образом разбиралось влияние общества на личность, причем по отдельности обследовалось влияние на ум личности, на чувство и волю. Тогда еще в ходу было выражение Спенсера: «прежде чем великий человек «может переделать общество, это общество должно сделать его самого». Точно также популярна была мысль Н. К. Михайловского: «Великие люди не о неба сваливаются на землю, а из земли растут к небесам». Затем, подробно разбиралось влияние личности на общество – и все те «измененности», о которых говорит А. Дернова-Ярмоленко, разобраны по мелочам. Старые книги Дюркгейма «Общественное разделение труда» и Георга Зиммеля «Социальная дифференциация», изданные в 1900 годах и позднее в 1909, в подробностях разбирают эти вопросы. которые ныне выдаются за открытие из «Института мозга». Даже в популярных лекциях проф. Г. Ф. Шершеневича по социологии вопросы о взаимодействии среды и человека со всеми измёненностями подробнейшим образом разобраны и гораздо более современно, чем это делает А. Дернова теперь, ибо Г. Ф. Шершеневич, еще в 1910 г. разбирая эти вопросы, включил в историю последних и учение К. Маркса и Энгельса как освещающее феномен взаимодействия с экономической точки зрения, о чем у Дерновой нет ни одного слова.

Мы только отметим следующее:

1) теория взаимодействия – одна из самых старинных до-научных теорий;

2) теория взаимодействия – глубоко антимарксистская, ничего общего не имеющая с общественными принципами социологического марксизма;

3) открывая ее впервые, рефлексологи обнаруживают определенную неосведомленность в социологии вообще и в марксистской в частности;

4) добравшись до этой допотопной теории чрез груду естественно-научных фундаментов, окропленных в процедуре рефлексологического водосвятия, А. Дернова-Ярмоленко избрала столь неверный социологический подход, от которого свободно отвернется простой педагог, не нагруженный премудростью, но просто понимающий, что подобная общественность есть не более чем архаический туман.

Итак, ионы кальция и магния нисколько не помогли А. Дерновой-Ярмоленко разобраться в элементарных проблемах социологии, каковую она считает необходимой для педагогической деятельности.

Посмотрим теперь, что же нового открывает нам А. Дернова-Ярмоленко относительно упрямства как объекта педагогического воздействия.

Нужно помнить, что на 15 стр. А. Дернова-Ярмоленко квалифицирует всю педагогику Европы и СССР, – все «что теперь читается в педагогических техникумах и вузах», скорее как «знахарство, чем научную дисциплину».

Произнеся столь суровый приговор, А. Дернова-Ярмоленко, естественно должна показать, что все, что она скажет о своей педагогике рефлексологического типа, абсолютно научное и абсолютно новое. На 28 стр. ее книги мы узнаем, что младенца надо окружить соответствующей воспитывающей средой; что воспитатели должны это понять; что педагог должен учитывать среду; что тесная, заставленная квартира вредна для ребенка; что нехорошо если «негде повернуться малютке»; что также не годятся «пустые казарменные комнаты, где нет достаточно мебели; что во всем должен быть порядок, ибо «беспорядочный быт» не вырабатывает из ребенка «ответственного работника; что этот порядок надо нормировать по времени; что чем аккуратнее жизнь человека, тем он менее износится (стр. 29); что нужно думать и «об учете, чего нет еще в педагогике и не может быть, пака она не встанет на фундамент рефлексологии»; что воспитатель должен упорядочить быт детей, а дети должны впоследствии быть полезными людьми, а не социальными отбросами...

Вот, собственно, все открытия новой педагогики.

Нужно ли доказывать, что все эти новые открытия немножко известны педагогам? Нам кажется, что едва ли в этом есть необходимость; но дабы нас не обвиняли в отсутствии приведения доказательств, мы вынуждены, хотя и неохотно, коснуться и этого пункта. Для тех молодых работников, которые впервые приступают к работе в детских учреждениях и которые в декларации А. Дерновой могут усмотреть что-либо повое, мы и сообщаем, что естественно-научное понимание ребенка как основной принцип педагогики было выдвинуто со времени Руссо, который, можно поручиться, не заимствовал своих идей у ленинградских рефлексологов. Натуралисты – последователи Руссо – стояли за такое воспитание, которое опиралось на знакомство с естественными явлениями и естественное развитие сил человеческой природы. Обращение внимания па социальную сторону педагогики известно было тоже давно и нашло свое развитие во взглядах педагогов-социологов (Спенсер, Лестер Уорд, Конт). Указание А. Дерновой, что воспитывающей средой должна быть сама жизнь, предвосхищено было еще Жан-Жаком Руссо, которому педагогика обязана мыслью, что «воспитание – это жизнь, что центр его – ребенок, а цель – в развитии индивидуума» (Монро. История педагогики. Москва, 1923).

Песталоцци внес мысль о зависимости воспитания от действительного познания ребенка, указал, что развитие ребенка есть результат его опытных переживаний и деятельности. Гербарт внес мысль о научном процессе обучения. Фребелю педагогика обязана истинным пониманием природы ребенка. Естественно-научное направление привело к новому определению культуры, социологическое направление привело к взгляду, что воспитание есть процесс развития общества. Наконец, новейшие течения стремятся к социализированию педагогики. Пусть судит сам беспристрастный читатель: действительно ли все это знахарство, действительно ли от Песталоцци до Стенли Холла, Меймана, Лайя и Штерна все движения – сплошное знахарство, а сами они все знахари?.. И действительно ли изложенные принципы Дерновой-Ярмоленко – новая эра, круто порывающая с этими знахарями?.. Всем представителям новейшей не-рефлексологической педагогики д-р Дернова-Ярмоленко ставит в упрек следующие четыре крупных дефекта: 1) отсутствие точно-научной базы; 2) пользование идеями и приемами старой педагогики; 3) пренебрежение изучением раннего детства и, главное, 4) отсутствие учета. Все эти положительные стороны, по ее мнению, может дать только рефлексологическая педагогика.

Посмотрим, насколько все эти утверждения соответствуют действительности.

В своем «Очерке современной педагогической теории и ее применении» 1924 г. Нанси Катти начинает именно с установления точной научной базы. Она устанавливает биологическое понимание ребенка, изучая рефлекторные, инстинктивные действия, привычное поведение, эмоциональное развитие, образование и функции мышления. Разница от рефлексологического подхода здесь в том, что последний ограничивается лишь первым

шагом, мало проверенным и физиологически сомнительным, а Нанси Катти изучает ребенка более широко, в целом, вполне научно дифференцируя рефлекторный отдел от иных областей, и в этом ее работа совпадает с данными современной биологии, совершенно отвергающей бехтеревскую рефлексологию. Во второй части Нанси Катти дает как бы клинически дифференциальный анализ влияния различных типов школ на психофизическую индивидуальность ребенка и подвергает обследованию влияние среды. Далее, в противовес идеям и приемам старой педагогики, сотрудница Нанси Катти – Патти Чарт вырабатывает новый учебный план сельской школы, причем виднейшее место отводится общественным паукам: обучение сопровождается экскурсиями к соседним холмам и болотам, посещениями соседних ферм и фруктовых садов для осмотра животных и ознакомления с сельскохозяйственными работами, причем устанавливается связь с курсом общественных наук (см. стр. 100). Изучается история Англии до аграрной революции и после таковой, мировые рынки XX века. Различие от воспитания в СССР здесь, главным образом, в направлений политических идей, но не об этом направлении хлопочет А. Дернова-Ярмоленко, а лишь о пропитывании педагогии бехтеревской рефлексологией, в которой совершенно не нуждается научная педагогия; рефлексология же совершенно чужда и социальной ситуации Англии и социальной ситуации СССР, ибо она в свои ригоризме есть область метафизическая – по преимуществу.

Что касается третьего упрека – пренебрежения изучения раннего детства, то опять-таки и это не соответствует действительности. Опыт педагогической работы в яслях был осуществлен в Нью-Йорке еще в 1919 году (т. е. за шесть лет до выхода книги А. Дерновой-Ярмоленко) научным учреждением «Бюро педагогических опытов».

По поводу этого Е. Бибанова пишет:

«Этот... опыт является первым дошедшим до нас из других стран опытом изучения ребенка как члена детского коллектива в условиях социальной среды, гораздо более широкой, чем семья». В СССР после революции такие же опыты начались в 1920 году, а именно:

1) В 1920 году учрежден Мосздравотделом «Опытный дом младенца», предназначенный для научной проработки вопросов, связанных с возрастом от 1 г. до 3 лет и нашедших свое отражение в книге Кричевской.

2) Работа Е. Бибановой в Доме матери и ребенка Наркомздрава, нашедшая свое выражение в книге: «О ребенке в первый год его жизни».

3) Работа в Доме охраны младенца, которая велась под руководством Е. Бибановой в 1922 г. и продолжается в настоящее время Гос. научн. институтам изучения ребенка раннего детства.

4) В 1921 г. при Центр. педагогич. институте организована комиссия по изучению раннего детства («Как изучать ребенка»– труды комиссии).

5) В 1923 г. работы в Младенченском учреждении Мосздрава.

Все эти русские работы приходят к тем же основным выводам, к каким приходит и американское учреждение (см. Гарриэт Джонсон. Опыт педагогической работы в яслях Америки).

В состав персонала входят: «педагог, психолог, социальный работник для обследования домашних условии ребенка, специальное лицо по ведению записей, лицо, изучающее вопрос питания детей, и сестра».

Наконец, последнее, что ставится в вину не-рефлексологической педагогике, – это отсутствие учета.

«Раз говорится о дозировке, то, несомненно, нужно будет думать об учете, чего нет еще в педагогике и не может быть, пока она не встанет на фундамент рефлексологии», – говорит А. Дернова-Ярмолепко на 29 стр. своей книги. Действительно ли это так? В работе «Опыт педагогической работы в яслях Америки» Г. Джонсон читаем: «Учёт (общий и по деятельностям). В личной карточке отмечается контроль над функциями тела, продолжительность и регулярность сна днем: отношение ребенка к еде, умение обращаться с не-

обходимыми принадлежностями, плач ребенка и его значение, определение нормы вышепривед. функции, установление контроля над детской уринацией; в конце года суммируются ежедневные записи и отмечаются изменения по рубрикам. Что касается учета физического роста, то детей взвешивают, измеряют, изучают фотографии раздетых детей, прислоненных к доске разделенной на дюймы и полквадраты: определяют пропорциональность ног, рук, головы, туловища, отношения головы к туловищу; устанавливают отношение между пропорциями развития и типом их деятельностей; дают меру тому, могут ли дети выбрать соответственную деятельность и избежать нагрузки: ставят вопросы о сезонном изменении роста, ритма, чередования и развития частей тела: далее, собираются данные за неделю о деятельности в доме и на площадке, о социальных переживаний, эмоциональных реакциях, языке: затем идет контроль над телом, питанием, одеванием, умением пользоваться лестницей, аппаратами, которые различным образом комбинируются: далее идет социальный контроль, практикуются разрешения конфликтов собственным путем: затем следует учет музыки, пения, все это заносится в дневники, которые изобилуют деталями, массою цифр» (см. стр. 52–66). Все это делалось в 1919 году и оттуда заимствовано другими странами.

Итак, утверждать, что учет немыслим без рефлексологии едва ли уместно. Если же полагать, что весь подобный учет заимствован американцами из ленинградского института мозга, то тогда придется признать что и «Юрий Милославский» и «Роберт Дьявол» впервые написаны рефлексологами. Прибавим от себя, что соматоантропологический учет ребенка, практикующиеся в паше время, основан на данных общей и соматической антропологии и, и частности, на данных антропометрии, соматозметрии, цефалометрии. Все эти области никакого отношения к рефлексологии не имеют и развиваются своим путем, давая таких крупных представителей, как Ранке, Вейсбах, Велькер, Мартин, Серджи и др. Приписывать и эти течения рефлексологическому фундаменту – значит утверждать, что и Америка открыта сотрудниками Института мозга. Предупредив на много лет все новаторские экзерсисы рефлексологов, американская педагогика в то же время не страдает фанатической узостью кругозора последних и, учитывая физиологические данные, большое значение отводит чисто «психологическому аспекту» (Нанси Катти. Цит. кн., стр. 10). Инстинктивные проявления ребенка трактуются по схеме Мак Даугола в психологической интерпретации; генезис озлобления разбирается как подавление гнева при помощи страха; изучается влияние психологии инстинктов на профессиональную работу (стр. 20). «Переживания ребенка, – говорит автор, – завершаются образованием тесно связанных между собою групп идей, тесно ассоциированных с людьми и предметами чувств и представлений» (стр. 48). «Всякий педагог знает, что всякое нормальное поведение представляет троякий процесс: чувство, осознание этого чувства и перевод энергии в действие»; «невозможно игнорировать тот факт, что рост эмоции отражается на осознании и на действии – и наоборот» (стр. 49). На стр. 57–58 автор стоит за анализ комплексов и ассоциированных переживаний, а на 66-й советует обязательно ознакомиться с «Аналитической психологией» Стаута для понимания процессов мышления.

Таким образом, современная научная американская педагогика, предвосхитив все завоевания, приписываемые ленинградскими рефлексологами себе, совершенно обходится без рефлексологического фундамента, а. учитывая всю соматологию (в том числе и физиологию нервной системы), огромное значение придает научной опытной психологии. Пойдем далее.

В главе о целевом рефлексе (стр. 95–96) А. Дернова-Ярмоленко поучает педагогов о необходимости ознакомления их с развитием поисков и нахождений» и ссылается при этом на последние достижения американской педагогики, именно на «Метод проектов». Мы согласны с ней, что в этом методе есть кое-что новое и оригинальное, но позволяем себе высказать следующие мысли:

1) «Метод проектов» создан психологами и педагогами.

2) С ознакомлением «Метода проектов» впервые выступили русские педагоги, а не ленинградские рефлексологи.

3) «Метод проектов» не только не есть детище рефлексологии, но и вообще последнюю весьма трудно даже искусственно пришить к методу проектов.

4) «Метод проектов» насквозь пропитан понятиями, феноменами и приемами опытной психологии, у которой рефлексология пытается по обычной привычке присвоить его себе.

Доказательства этому следующие:

1) Специальные работы о методе проектов принадлежат американскому психологу В. Х. Кильпатрику, профессору педагогики в Колумбийском университете города Нью-Йорка. Первоначально «Метод проектов» появился в 1913 году и выдержал в Нью-Йорке семь изданий.

2) Первыми пропагандистами метода проектов в СССР были известный педагог Н. В. Чехов и известная писательница Е. Н. Янжул, следящая за педагогическими работами в С.-Америке 25 лет.

3) Основою и сутью метода проектов является наивысший интеллектуальный подъем, вызванный эмоциональною заинтересованностью, или как пишет сам Кильпатрик – целесообразная деятельность, производимая «от всего сердца», т. е. деятельность с «вложением в нее души с охотой и с любовью» (собственные слова автора «Метода проектов», стр. 13). Это несколько далеко и от рефлексологической терминологии, и от рефлексологических концепций.

Интересная работа нашего знаменитого создателя классического учения об условных рефлексах академика И. П. Павлова, которое необходимо отличать от пресловутой рефлексологии, – «Рефлекс цели», когда-то вызвавшая восторг у М. М. Ковалевского, ценна именно культурно-психологической стороной, примененной к этнографическим проблемам, а вовсе не анатомо-физиологической. которая здесь явно искусственна. В этом смысле Н. В. Чехов прав, сравнивая «Метод проектов» с «Рефлексом цели» Павлова, но ясно, что и Кильпатрика, и Ковалевского здесь более всего интересуют культурно-исторический и социально-психологический генезис цели, которая как явление абстрактное и бесконечно-длительное по времени, совсем не может быть уложена в узкую схему рефлекторного механизма. Метафизическую сущность анатомической схемы рефлекса цели в этом последнем понимании весьма удачно вскрыла Л. Аксельрод в предисловии к книге «Дж. Локк».

4) «Метод проектов» построен по психологическому принципу, по психологическим заданиям, с психологическим содержанием. Существенным психологическим характером его является «присутствие главенствующей преднамеренной цели», т. е. интеллектуально волевого акта, окрашенного определенным эмоциональным тоном. «Вкладывание всей своей души» (термин Кильпатрика) есть на языке психологии наивысшее эмоциональное напряжение, связанное с идейным интересом. «Психологическая ценность деятельности, – пишет Кильпатрик, – возрастает в связи со степенью приближения ее к деятельности, исполненной от всего сердца» (15 стр.). Получившееся отсюда понятие принимает теперь по существу психологический характер». «Целевой акт», по Кильпатрику, есть не цепные рефлексы, как сказал бы рефлексолог, а «типичная единица достойной, идеальной жизни...»

Вся подробная характеристика метода проектов сводится (стр. 16) к развитию инициативы как хронической самоцели, чего ни разу не констатировано в мире условных рефлексов собаки и что впервые констатировано Келерам на шимпанзе как психический акт изобретения. Доказательства свои далее Кильпатрик, по собственному признанию, основывает на «Воспитательной психологии» Торндайка. При процессе учения автор придает значение направлению или склонности, создавая состояние готовности в ассоциациях (стр. 20). При этом «умственные силы и способности» человека зарождаются в связи с постепенным достижением задач, требуемых жизнью нашего организма». Метод проектов

закрепляет «в уме и воле мальчика все удачные ступени его работы (стр. 23). При этом важны реакций не столько в смысле внешней работы, сколько в смысле внутреннего размышления и чувства» (24 стр.). Обращаем внимание читателя на эту цитату, отводящую главное место интроспективной психологии и явно анти-рефлексологическую. Под ассоциативными реакциями мы понимаем мысли, которые в нас пробуждаются в довольно тесной связи с первичными основными реакциями» (24 стр.). «Первичные же реакции скованы между собою на наковальне сознательного намерения». Общественные отношения автор «Метода проектов» трактует так: «Психологически это означает, что мы должны создавать построение таких ассоциаций между реакциями на стимулы, которые при наличии определенной идеи как стимула вызывали бы определенные одобряемые реакции» (стр. 31).

В деле школьного воспитания при определении четырех типов автор говорит в итоге, что «было бы лучше, если бы составление плана исходило от психолога» (стр. 41).

Пусть судит сам читатель, так ли далек «Метод проектов» от психологии и так ли он близок к рефлексологии. Опасаемся, что в лице американских педагогов и психологов новейшей формации А. Дернова-Ярмоленко едва ли приобретет верных союзников ленинградской рефлексологии. Вообще в своем «Рефлексологическом подходе к педагогике» она не уясняет себе прежде всего сущности педагогического процесса. Последний является организованной системой взаимообщений двух психических единиц: воспитывающего и воспитываемого, причем между ними должен непрерывно происходить психический осмоз. Этот осмоз с наибольшей степенью давления от первого ко второму должен совершаться в направлении постройки интеллектуальных процессов, регуляции аффективных элементов и выработке волевого начала. Первый чисто научный шаг всякого подхода есть диагностически точное познание всех этих направлений изучаемого субъекта изучающим лицом. Психический абрис воспитываемого должен быть познан и определен в своем портретно-психическом содержании и в своей психодинамической потенции с исчерпывающей полнотой, независимо от теоретически-воспособительного познания детской соматики на основе теории ионного возбуждения и теории торможения. Необходимо помнить, что педагогика не есть ни хирургия, ни офтальмология, ни терапия, где мало дела до психики пациента (хотя и во внутренней медицине познание психики играет большую роль. Проф. внутренних болезней Авг. Гофман из Дюссельдорфа весьма ценит психоанализ и психотерапию при неврозах сердца). Мы можем наблюдать подростка с идеально организованной соматикой, но представляющего собою труднейшую педагогическую проблему. Итак, знание соматики представляет в педагогике, хотя в необходимое, но не единственно главное дело. Правда, в некоторых случаях (дегенерация; эпилепсия, туберкулез, травмы черепа, и пр.) перевес берет соматика, но для общей массы воспитанников, прошедших чрез врачебные осмотры и отборы, установившие здоровый статус детей, на первом плане должно быть руководительство психическими содержаниями личности, определение характера ребенка, определение и направление динамики психического процесса, разветвляющегося по направлениям познания, переживания и поведения в определенной социальной среде. Отсекать первые две ветви из пассивного подражания некоторым представителям американского бихевиоризма нет никакого основания.

Итак, научно-педагогическая диагностика переживаний детей может происходить лишь при наличности следующих средств:

1) со стороны лица воспитывающего: острота восприятия особенностей детской психики изощряемая повторностью и длительностью воспринимающих актов, создающих в итоге педагогический опыт (воспитательный фонд);

2) регуляция апперцептивного прибора, приобретшего в хранилище интеллекта большой опыт и целесообразную направляемость;

3) уменье отличать в детских переживаниях важное от неважного, вкоренившееся и фиксированное от случайного и налетного;

4) способность к анализу детских переживаний, мышления и стремлений в связи с влияниями социальной среды, понимая изучение этой среды не как мысль о взаимодействии, проповедуемую А. Дерновой, а как социологическую работу в духе новейших течений этой дисциплины;

5) опыт и убеждение в наилучших способах регуляции психических содержаний, установленных практически и доказавших фактами свою пригодность.

Таковы приблизительно общие правила и требования всякого педагогического подхода, осуществляется ли он по системам европейским или американским.

В «Рефлекселогическом подходе в педагогике» именно нет той самой главной сути, которая составляет основную сущность педагогического процесса как общественно-профессионального дела. Автор книги этой совершенно не знаком с педагогическими настроениями, исканиями и направлениями. Нет, конечно, и той распланировки по содержаниям психического материала, столь важного для педагогов. Имеется лишь последовательная искусственная интерпретация житейских дефектов на язык и термины рефлексологических понятий, причем строго научные термины и понятия классической школы И. И. Павлова подменяются сомнительными терминами из Института мозга.

В книге Ярмоленко имеется ряд физиологических разъяснений некоторых детских особенностей теоретически-образовательного характера, но отнюдь не специально-педагогического. Возьмем какой-либо дефект ребенка. Этот дефект при нарочитом расширении вопроса можно пытаться разъяснить химически, гистологически, физически, физиологически, зоологически, электромеханически и т. д. Все полученные сведения будут ценны, нужны, до известной степени истинны, но все они не суть сведения педагогические по преимуществу. О переработке, направлении, развитии одних свойств ребенка и ликвидации и задержке других они не говорят ни слова. Как практически должен происходить социально-психический взаимообмен между педагогом и ребенком, – об этом педагог не услышит ни одного слова от Дерновой-Ярмоленко.

Итак, все претенциозные советы Ярмоленко педагог вправе отбросить как мешающие его непосредственному делу: изучению личности ребенка и изучению классовой среды его окружающей. Если бы это было иначе, если бы педагоги засели за электрофизические формулы теории Лазарева, то им осталось бы сделаться электротехниками или инженер-электриками, а электротехников пришлось бы пригласить в качестве педагогов. Д-р Дернова-Ярмоленко дает одну из глав физиологического введения в педагогику и только. Причем это введение неполно: педагоги должны знать, а во многих случаях уже знают, гораздо больше, чем это сообщено в книге Ярмоленко. Это доказывается новейшей педагогич. литературой, создаваемой педагогами СССР. Напр., распространяясь о сочетательностях, сопредельностях, соотносительностях, д-р Ярмоленко ничего не сообщает о новейших данных по химии головного мозга. Если педагогу важно, что ионы калия и натрия возбуждают нервную ткань, то ему следует также сказать, что в настоящее время белковому составу мозговой ткани придается большее значение; чем липоидному, как это думали раньше; ему следует указать, что липоиды более важны для белого вещества, а не для серой мозговой коры. Его также следует ознакомить с новейшими данными эмбриолого-гистологического характера. Сообщить, что для эмоций, движений и выражений эмоций в настоящее время выдвигается значение стриарных тел, зрительных бугров и т. п. Ничего подобного в книге д-ра Ярмоленко нет, а это, с ее точки зрения, имело бы колоссальное значение.

Мы этого отнюдь не ставим в минус д-ру Ярмоленко и полагаем, что она хорошо сделала, не загромоздив своего ученого трактата и этими сведениями. Ведь, можно было бы массу нового сказать и об электронах, и о гормонах, и о трефонах, о генотипах и фенотипах, о патоклизах и церебро-клизах Фохта и т. д. Все это – новейшие основы естествознания, весьма нужные для педагогики, более нужные, чем сочетательности и соотносительности, по все это лишь подсобные сведения для педагогики, а не самая суть педагогики, не ее приемы и не ее подходы. Гормонологический, рефлексологический,

невро-фибрилярный, липоидно-белковой, ферментологический подходы в педагогике возможны, конечно, но не более, как обычное естественно-научное преддверие к каждой культурной специальности: врача, инженера, педагога, профессора, адвоката и т. д. Но необходим подлинный практический научно-обоснованный подход к ребенку, начинающийся живыми идеями и приемами, а не отдаленными ссылками на электролиты, ионы, иррадиации в коре, млечный путь, зодиакальный свет и прочие туманности, без которых будто бы педагог и шагу сделать не может. Как раз об этих живых непосредственных формах педагогической работы в книге А. Дерновой-Ярмоленко ничего не говорится; советы же ее педагогам элементарны, скудны и лубочно-примитивны. Останавливает лишь оригинальное освещение значения в учении об условных рефлексах И. П. Павлова и В. М. Бехтерева. Ни для кого не тайна, что все, что есть замечательного и нового в учении об условных рефлексах, все это создано И. П. Павловым. Павлов – это ум творческий, оригинальный самостоятельный и в исканиях и в приемах. Кронталь, Калишер, Бехтерев – это исследователи второстепенные, не творческие, а лишь шествующие но пути, проложенному Павловым, как более или менее видные научные ратники. Однако, в освещении А. Дерновой-Ярмоленко, этот секрет Полишинеля раскрывается совсем с другой стороны. Из ее книги мы узнаем, что В. М. Бехтерев – основатель этого учения, что он центральная фигура и творец учения, а Павлов именно второстепенная фигура и должен, говоря словами Годунова, сказать В. М. Бехтереву:

Ты муж войны и муж совета...

Иди. Готовься в бой!..

Я ж шествую, как ратник, за тобой...

Подобный рефлексологический обход И. П. Павлова, вероятно, будет оценен по заслугам его учениками.

После этих отступлений мы прямо перейдем к анализу упрямства и негативизма, поскольку эти свойства обнаруживаются у нормальных и анормальных субъектов, у взрослых и детей.

На стр. 38–41 А. Дернова-Ярмоленко считает самым характерным для упрямства установку на «нет». Ребенок всему противодействует, всё отвергает, «на всякое предложение, которое даже не воспринимается полностью, уже готов ответ – «нет». Причина этого – действие «тормозных сочетательных рефлексов, которые от повторения механизировались» (стр. 38).

Каждый психиатр поймет, что А. Дернова отожествляет здесь упрямство с явлением, известным в психиатрии под именем негативизма. Мы, поэтому, должны здесь рассмотреть два вопроса:

1) действительно ли в современной науке явления негативизма обгоняются исключительно как механизированные тормозные сочетательные процессы;

2) действительно ли психологические наблюдения и педагогическая практика, с одной стороны, и клиническая психиатрия, с другой стороны, утверждают, что упрямство и негативизм – одно и то же.

Обратимся прежде всего к первому вопросу.

Негативизм, как его впервые характеризовал Кальбаум, есть более или менее резко выраженная наклонность к отрицанию, она относится к расстройствам сферы воли. Негативизм тесно примыкает к состоянию связанности, которая находится, по Арндту, в зависимости от поражения мозговой ножки и других отделов мозга.

По Ребсу, негативизм обгоняется враждебным отношением больного к окружающему или нежеланием приходить в общение с внешним миром. Постоянные спутники негативизма – молчаливость, недоверчивость и боязливость – зависят от заболевания мозга, от истощения его; негативизм, связанность, оцепенелость – все это имеет, по Русту, отношение к судорожному напряжению в двигательном аппарате. Противодействие больных Роллер ставят в связь с непроизвольно усиленной иннервацией соответствующих двига-

тельных областей. Он же полагает, что в основе негативизма могут лежать и галлюцинации, и бредовые идеи.

Если бы даже в основе установки на «нет» и лежали тормозные сочетания, то это ничего еще не объясняет. А отчего возникают эти тормозные сочетания, эти задержки? Проф. Тамбурини полагает, что сами задержки эти зависят от судорожного состояния корковых двигательных цетров. Нейссер же полагает, что данные физиологии и патологии мозговых функций еще не достаточны для всестороннего объяснения указанных симптомов. Проф. Н. М. Попов, разбирая вопрос о возбуждении и агрессивности кататоников, полагает, что здесь мы имеем незаторможенность высшей психической рефлекторной деятельности. А у упрямцев-негативистов явления возбуждения и агрессивности д-р Дернова объясняет заторможенностью.

Штелин полагает, что негативизм есть результат невозможности для больного выполнить требуемое, а не результат нежелания; а невозможность зависит от какого-либо немотивированного представления. Мейнерт дает общее объяснение в форме «корковой слабости при наличности подкоркового раздражения». Вернике полагает, что общее свойство проявления негативизма заключается в том, что больные не дают никаких объяснений по поводу происходящих в них внутренних процессов, выражающихся внешним поведением (противодействие, упрямство). Но в периоды просветления их можно узнать, что их негативизм обусловливался галлюцинациями. В. А. Муратов объясняет негативизм как корковое явление, задержка психических рефлексов, требующих психомоторных актов, выпадают как раз те мозговые сочетания, которые требуют передачи раздражения на психомоторную область коры. Зоммер видит в негативизме лишь усиленную наклонность удерживать известное мышечное состояние; в этом-то симптоме особенно резко выражается способность закрепления функции. А это закрепление, по Muller-у, есть закрепление (персеверация) корковых функций, вследствие чего они продолжаются еще некоторое время. Здесь имеется не задержка, а легкость воспроизведения движений. Мазуан объясняет негативизм автоматичностью двигательных клеток. Известный австрийский психиатр, виднейший ученый последнего времени Штранский объясняет негативизм так: чувственная сфера вызывает психомоторную деятельность под влиянием сильных чувственных представлений о цели движения, причем психомоторная деятельность может разрешаться в действие или периодически, ритмически, или более постоянно, длительно; если развиваются обусловленные деятельностью чувственной сферы задерживающие процессы, приобретают перевес примитивные функции. Чисто двигательный негативизм есть не что иное, как закрепление раз возникшего психического иннервационного процесса, который не может быть прерван интеллектуальным влиянием, потому что для осуществления этих влияний не хватает координирующего психического направления со стороны чувственной сферы. Негативизм бывает и не чисто двигательным, когда больной вообще противится приказаниям, а иногда делает прямо противоположное требуемому. Главная причина этого – разлад между эмоциональной и интеллектуальной сферами.

Люндборг полагает, что негативизм может зависеть от ложных идей. Остермайер определяет негативизм как психическую невозможность выполнить желание.

Альтер объясняет негативизм так: волевой импульс распространяется не только из мио-психических центров, функционирующих при данном движении, но в то же время раздражение передается и центру антагонистов, вследствие чего движение и не возникает: причина явления заключается, по всей вероятности, в самоотравлении организма.

Итак, приведенные взгляды на негативизм отнюдь не свидетельствуют о том, чтобы всем было абсолютно ясно, наглядно и очевидно, что негативизм есть форма механизированных тормозных сочетательных процессов. Напротив, это один из взглядов-гипотез, рядом с которым уживаются параллельно еще многочисленные взгляды, оспаривающие его истину. При этом подобный взгляд может оспариваться и анатомо-физиологически, и психологически, и клинически. Так, с точки зрения анатомо-физиологической и патолого-анатомической негативизм рассматривается:

1) как поражение мозговой ножки и других отделов мозга: при этих условиях едва ли имеется здоровая почва для естественных тормозных сочетательных процессов;

2) как судорожное напряжение в двигательном аппарате;

3) как непроизвольно-усиленная иннервация двигательных областей; определение это явно различно от понятия о тормозящей функции;

4) как корковая слабость при наличности подкоркового раздражения; этот взгляд совсем чужд рефлексологии;

5) как автоматизм двигательных клеток, объяснение, расходящееся с идеей свободы тормозных сочетаний;

6) как передача раздражений центру антагонистов под влиянием самоотравления.

Из всех этих естественно-научных гипотез лишь одна вторая может быть согласована с гипотезой рефлексологов, но и то она полнее рефлексологической; она находит, что объяснение негативизма задержкой еще ничего не доказывает. Нужно объяснить причину самой задержки при негативизме; вторая гипотеза видит эту причину в судорожном состоянии двигательных центров. Рефлексологи не высказали этого дополнения.

Кроме этих шести гипотез, идут далее психологические и клинико-психологические, которые, конечно, по самому принципу своему не могут быть примирены с половинной незаконченной рефлексологической гипотезой. На них мы сейчас останавливаться не будем и перейдем к рассмотрению второго вопроса об отожествлении упрямства и негативизма как педагогических и клинических объектов исследования.

II.

Допустим, что все компетентные европейские психиатры, высказавши ряд гипотез о происхождении негативизма, ошибаются, и что гипотеза, указываемая д-ром Дерновой-Ярмоленко, единственно и абсолютно истинная. Но и в этом случае остается еще во многом разобраться.

Действительно ли понятие «установки на нет» покрывает понятие «упрямство»; действительно ли «упрямство» исчерпывается одним голым стремлением к отрицанию. Или, наоборот, действительно ли неуклонное, голое отрицание, хроническая установка на «нет» знаменует лишь о таких внутренних мотивах и стимулах, которые исчерпываются понятием упрямства?

Мы уже упоминали, что термин: «упрямство» – житейски-обывательский, обиходно-домашний. От своенравного мальчишки, которого деревенская баба называет упрямцем, вплоть до Савонаролы, Торквемады и Петра Великого, направо и налево применяется этот эластически-растяжимый термин, вмещающий в себя самые разнообразные содержания и прилагать огульно к этому суммарному термину Павловскую доктрину о торможении – значит, намешивать самое причудливое месиво.

Это смешанное понятие с психологической точки зрения должно быть расклассифицировано следующим образом:

1) Упрямство как интеллектуальная персеверация, т. е. род умственного закрепления, фиксации доминирующих представлений. Группа представлений, проникших в поле сознания, содержится здесь, как говорит Джемс, без конкуренции с противоположными представлениями. Конкурирующие представления или отсутствуют, не вызываясь средствами апперцептивного прибора, или, появившись, немедленно изгоняются, хотя бы они логичностью и целесообразностью превышали оставшиеся. В зависимости от характера фиксированных представлений производится и установка на «да» или на «нет». Упрямец не только тот, который всегда говорит «нет», но и тот, который говорит «да», когда здравый смысл подсказывает «нет». В некоторых случаях изгнание конкурирующих представлений требует особого сосредоточения внимания, особо сильного волевого напряжения. По Мюллеру, существует постоянство, род закрепления (персеверация) корковых функций, вследствие чего они продолжаются еще некоторое время, хотя и с ослабленной силой, поэтому двигательное представление, стоящее, так сказать, наготове, проникает в сознание с гораздо большей легкостью. В патологических случаях, стремление к проторе-

нию известного иннервационного акта укрепляется; развивается легкость воспроизведения движений. В обычных случаях, не патологических, человек придерживается упорно и настойчиво тех взглядов, мыслей и наклонностей к действиям, нецелесообразность которых определенно очевидна для всех, находящихся с ним в одинаковых условиях. Сюда относятся наивные староверы, окоченевшие в своих догматах фанатики-ортодоксы, глубоко убежденные в правоте своих иконописных реликвий, педанты и узкие доктринеры-моноидеисты; ограниченные верующие, убежденные глубоко в чудесах сомнительных мощей, святых чаш, заговоров, ладанок; параноические кверулянты и т. д. Их мысли, как результат ассоциативной предельности, неспособны к эволюции; их интеллектуальные комбинации скудны и однотипны; перешагнуть за свой проторенный ограниченный ассоциативный палисадник они не могут и именно с удивительной персеверацией («упрямством») отстаивают свои абсурдные принципы. Главное в этом типе – подчиняемостъ эмоций и волевых актов исходным и руководящим доминирующим ассоциациям представлений.

Далее, среди интеллектуальных компонентов упрямства мы усматриваем стереотипию субъективной стороны восприятия или апперцепционную узость. Дело в том, что упрямство все-таки есть финальная реакция психического комплекса. В ответ на какое-то внешнее раздражение или на ряд внешних раздражений возникает ответное действие или ответная задержка действия, обусловленная характером первичного восприятия: но так как восприятие в своей объективной стороне зависит от апперцепции, то и в данном случае оно неизбежно подчинено последней; если в разное время при разных условиях потоки воспроизведенных представлений будут различны, в зависимости от логических, аффективных и целевых побудителей, то упрямство не возникнет. Если же при разных условиях в разные сроки возникает один и тот же ряд представлений, то поведение личности вынуждено подчиниться этому однородному, единообразному, узкому и предельному типу – и логика личности очутится в узком проходе данного ассоциативного ряда, делающего фиксацию «упрямства» как акта намерения-решения неизбежной. В стереотипии представлений, так это заметил Фратини, играет роль не только волевая заторможенность, но и перекрещенность доминирующих представлений. На материале детских домов мы неоднократно замечали, что стереотипии в актах упрямства связаны с ассоциативной предельностью и скованностью. Мышление ребенка не находит иного логического выхода, кроме данной формы решений. Поэтому, мы настаиваем на важной роли этого интеллектуального фактора, настаиваем на наличии недостатка комбинационного разнообразия и последующей персеверации фиксированных суждений в актах «упрямства». Это подлинные первоначальные определители той Реакции, которая во вне должна выразиться в комплексе «упрямства». Ясно, что в таких сложных интеллектуальных побудителях упрямства недостаточно обходиться одной суммарной гипотезой о тормозной установке – и идея самозащиты, выдвигаемая Дерновой-Ярмоленко, в данной фазе совершенно не при чем. Именно потому, что этот автор, как и большинство рефлексологов, не разбирается в подлинных звеньях психологических феноменов и отмахивается от них, как от метафизики, именно в этом лежит причина наивно-однообразного и в то же время претенциозного подхода к сложнейшим вопросам психических актов; обозвать научную педагогику, основанную на психологии, знахарством есть лишь «красивый» жест рефлексологов, но отнюдь не научно-вдумчивое отношение к вопросу.

Покойный А. Ф. Лазурекий заносит «упрямых» в «активную группу» классификации личностей, обозначая их, как «энергичных низшего порядка» («низшие активные», по Т. Рибо). По его мнению, у упрямых волевые процессы преобладают над всеми остальными; специфическое же отличие их в том, что раз принятые ими решения обладают здесь значительною устойчивостью; однако на всей их деятельности лежит «отпечаток рутинности, недостаточной сознательности»... Они не могут «в каждый данный момент достаточно ориентироваться в сложных, постоянно меняющихся условиях окружающей действительности». Далее, этот же автор считает характерным для «комплекса упрямства»

бессмысленное упорство, противоречащее собственным целям и интересам. Из этой характеристики, продуманной и сжато-точной, как и все, что выходило из под пера покойного психолога, явствует, что для комплекса упрямства характерны: 1) преобладание побудительных, а не только тормозных элементов воли («активные»); 2) низший тип этой побудительности; 3) зависимость этой низкой степени от интеллектуальной ограниченности («рутинность», «малая сознательность»); 4) несоответствие активности целевым актам. Читатель видит, насколько характеристика психолога А. Ф. Лазурского глубже, тоньше, научнее и продуманнее очередных стереотипий сотрудников Института мозга... Но, повидимому, работа Лазурского для них пропала даром: они ничему у него не научились...

2) Упрямство как проявление определенного эмоционального состояния, когда человек оказывает противодействие, или сопротивление, или преднамеренную установку на «да» или на «нет» не столько под влиянием определенной группы идей, сколько побуждаемый аффективными компонентами комплекса, которые могут то отбрасывать, то принимать самые разнородные представления. Так, напр., ребенок упрямится идти на прогулку или в школу не потому, что они ему неприятны, а потому что он за что-то сердится на мать и хочет поступить наперекор ее желанию; или потому, что хочет досадить кому-то; или потому, что он, обиженный и оскорбленный за лишение удовольствия, задумал отмстить родителям и все время отбрыкивается, все время твердит: «не пойду!..» (установка на «нет»), а ему говорят: «Иди, иди, упрямец!..» Или строгий окрик отца задел его самолюбие и он, чтобы проявить так наз. Адлеровский «мужской протест», упрямо решает остаться на месте именно после грозного окрика отца, хотя его и ожидают, может быть, побои. Или, напр., ребенок упрямо не хочет принять лекарства из нежелания вторично испытать отвратительное вкусовое ощущение и т. д.

Во всех этих случаях причиною того поведения, которое и родителями и педагогами условно называется общим термином «упрямство», является целый ряд разнородных эмоций, аффектов и даже комплексов сильного чувственного тона (в смысле Блейлера и Юнга) – и центр тяжести именно в них, а вовсе не в проявлении, которое может принимать форму и установки на «да», и установки на «нет», в зависимости от цели, которую преследует ребенок и которая инспирирована разнообразными переживаниями. Гнев, злоба, досада, обида, месть, самолюбие, отвращение, словом, целый ряд сложных чувств может проявиться в действии или задержке действия, нецелесообразном с точки зрения других лиц, а не самого лица переживающего – и это нецелесообразное действие или нецелесообразная задержка действия квалифицируется как упрямство, хотя по существу здесь идет речь о совершенно различных сложных комплексах, имеющих лишь унитарную форму внешнего выражения. Несомненно, что понять упрямство как психологическое явление гораздо целесообразнее с точки зрения комплексной психологии, чем с точки зрения застрявшего на одной точке объяснения тормозными сочетаниями. Последнее есть вовсе не объяснение, а проблематическое указание на возможную анатомо-физиологическую подкладку, так прекрасно разработанную в физиологическом смысле Павловым и так неудачно и некстати прикладываемую сотрудниками Института мозга.

Первым шагом к пониманию «упрямства» является допущение, что в этом явлении элементы комплексного мышления берут необычно высокий перевес над элементами мышления логического. Поэтому открывается широкая дорога к рационализации (в смысле аналитической психологии), что особенно сказывается в сфере нравственного поведения: разлад между принципом, делом и словом апостериори рационализируется, а упрямцу кажется, что он следует целесообразно установленной собственной идее, не замечая власти эмоций над его мыслями и действиями.

Укажем примеры. Типом упрямца с преобладанием интеллектуальной персеверации является, напр. протопоп Аввакум, всю жизнь потративший на то, чтобы доказать важность двуперстного знамения и важность произношения «Исус» вместо «Иисус» (см. «Историю раскола» проф. Каптерева). Сюда же относятся Кальвин, сжигавший людей в угоду своим узколобым принципам, Филипп II с тупым упрямством преследовавший Нидерлан-

ды; типом эмоционального упрямца» является Карл XII, который, по словам Ключевского, просто из озорства и самолюбия привел в Россию остатки армии и из упрямства вступил в бой. Людовик XVI и Николай II – типы упрямцев с интеллектуальной ограниченностью и эмоциональной разнузданностью. Иногда интеллектуальные и эмоциональные элементы не уступают друг другу и в общем дают картину патологического «упрямства», достигающего степени психоза. Это мы видим в лице Торквемады.

Как и следовало ожидать от людей, видящих альфу и омегу анализа в торможениях и растормаживаниях, рефлексологи проглядели вообще эмоциональную основу упрямства. Упрямец должен испытывать специфическое чувство удовольствия от осуществления актов упрямства. Его упорство и настойчивость содействуют прогрессивному повышению чувства удовольствия, хотя бы это чувство оказалось временным и в общем не соответствующим биологической полезности его личности («сладость мучительства», по Достоевскому). С другой стороны, из наблюдений и фактов мы знаем, что упрямство очень часто сопровождается внутренним возбуждением, сказывающимся вовне двигательным беспокойством и агрессией. Эту агрессию заметила у упрямцев и А. Дернова-Ярмоленко, но, сейчас же прицепив это свойство к знакам рефлексологического богослужения, проглядела эмоциональную основу этого явления. А что эта основа в высшей степени ярко выражена у большой группы «упрямцев», доказывается также резкой напряженностью чувства, подогревающего намерение остаться в раз принятой ситуации. Итак, возбуждение, удовольствие и напряжение – вот три основных фактора специфически-эмоциональной принадлежности, которые входят в организацию упрямства как динамического целого.

Рассматривая вопрос об эмоциональных основах «комплекса упрямства» мы должны коснуться расстройств в мотивах действий при последнем. Правда, вопрос о мотивах обычно разбирается в отделе о волевых расстройствах, но мы здесь смело можем положиться на ценное мнение С. Корсакова, который говорит в своем курсе «Психиатрии»: «...В большинстве случаев изменения в мотивах действий суть выражения не прямого расстройства в волевой сфере, а суть проявления расстройств в сфере чувств и интеллекта».

Проф. С. С. Корсаков различает шесть категорий мотивов:

1) приятные грубо эгоистические инстинктивные побуждения;

2) побуждения, вытекающие из примитивных интеллектуальных стремлений – пытливости, любознательности и пр.;

3) побуждения, вытекающие из непосредственного стремления доставить приятное другим или удалить от них неприятное;

4) мотивы пользы и вреда себе и другим;

5) мотивы обязанности, долга;

6) сознание своего «я» со всем строем жизни, гармония с высшими идеалами.

При комплексе упрямства, по нашему мнению, изменяется взаимное соотношение мотивов действий: однородные мотивы не борются с антагонистическими, а часто наоборот: некоторая группа однородных мотивов вступает в изменнический союз с антагонистами против другой группы однородных мотивов.

Лучшей иллюстрацией этого положения является следующее место из романа «Эжень Дютиль» О. Телье:

«Трудно передать те нравственные мучения, которые я, двенадцатилетний ребенок, сам создавал себе. Я боготворил свою мать и постоянно причинял ей страдания, устраивая тяжелые сцены, поводом к которым являлись какие-нибудь пустяки. Когда утром старая Женевьева или горбатая Дезире приносят мне тартинки и какао с бисквитами, я начинаю без причины задирать их и ссориться с ними. Моя мать вступается за них и адресует мне нежно-горькие укоры... Я чувствую, что я неправ, но разыгрываю и пред собою, и перед ними оскорбленного, замолкаю и не дотрагиваюсь до завтрака... Мать начинает ласково меня упрашивать, но чем больше она меня просит, тем более мною овладевав какое-то непонятное упрямство и я отвергаю и ее ласки и слезы и поцелуи... «Бог же с тобою, упрямый, капризный мальчик», – говорит мать, и я вижу, что она уже подносит эфирный пла-

точек к своим чудным глазам, затуманенным напрасной слезой. Я готов кинуться к ее ногам, умолять о прощении и целовать ее атласные ручки... Готов для нее ползать у ног горбатой Дезире, но... взамен этого, несмотря на голод и подступающие рыдания, я, в силу непонятной для меня игры душевных сил, выдерживаю характер и храню гробовое молчание. Победа остается за мною, но я проклинаю эту победу, стыжусь ее и завидую тем, кто способен на поражение...»

Здесь рельефно выражена хаотическая диссоциация мотивов, которую сам автор называет «непонятною игрою душевных сил».

Целый ряд тончайших эмоций как результат планомерной избалованности по пустякам, руководит действиями ребенка, и его установка на «нет» является здесь как финал борьбы целой гаммы переживаний, в которых, конечно, вся суть дела. Характерно, что при «комплексе упрямства» поступки часто вытекают отнюдь не из эгоистических побуждений и интересов личности, а, наоборот, являются актами противо-оборонительными; не защитными рефлексами, а, наоборот, противо-защитными, вредоносными для личности действиями. Этого-то как раз и не замечает д-р Дернова-Ярмоленко, базирующаяся на примитивных обнаружениях негативизма, который она смешивает со сложным комплексом упрямства. В приведенном отрывке ребенок именно наносит себе ряд вредоносных действий: 1) отказывается от пищи при голоде; 2) огорчает безумно любимую мать и этим приносит себе ряд мучений; 3) решает назревший конфликт не в свою пользу, в то время как все пути к оборонительным и защитным реакциям ему открыты, но столкновение разнородных эмоций решает дело в нежелательную сторону.

Здесь имеет значение то явление, которое в житейской практике именуется духом противоречия.

Явление это по внешней своей форме чрезвычайно сходно с негативистической реакцией, но в то время как для последней эмоциональная основа во многих случаях не обязательна, в «духе противоречия» она играет доминирующую роль. В этом отношении опять-таки хорошей иллюстрацией является отрывок из рассказа Эдгара По «Черная кошка»: «Дух противоречия есть один из примитивнейших импульсов человеческого сердца, одна из неделимых первобытных способностей или чувств, которые дают направление характеру человека. Кто сотни раз не замечал, что он совершил злой и дурной поступок только потому, что не должен был совершать его? Разве не испытываем мы постоянно склонности, несмотря на полную способность рассуждать правильно, нарушить то, что называется законом, единственно потому лишь, что знаем слишком хорошо, что это будет именно нарушением закона? В силу этого неумолимого стремления души досадить самой себе, поступить противно своим наклонностям, совершить несправедливость только ради несправедливости – люди часто мучат себя и других, терзаясь сами этими мучениями...

...Я повесил кошку потому, что знал, что кошка побила меня, потому что знал, что она мне не дала никакого повода для этого; повесил потому что сознавал, что, совершая это, я совершаю грех, смертельный грех, который подвергал мою душу страшному риску...»

Эдгар По, хотя и не ученый, а полудушевнобольной человек (а, может быть, именно по этому последнему), гораздо тоньше оттеняет психогенезис упрямства, чем ученые ассистенты и научные сотрудники Института мозга. Стремление «души» досадить самой себе, т. е. парадоксальная комбинация эмоций с поворотом против «Я-комплекса» – это и есть один из тончайших аффективных стимулов упрямства, совершенно не укладывающийся в пустую и психологически бессодержательную идею об облегчении тормозных сочетательных рефлексов. Недаром Октав Мирбо в своем «Дневнике горничной» говорит устами Жоржа: «Человеческой душе ближе и понятнее поэты и писатели со своей чуткостью, чем холодные и сухие ученые, развешивающие скорби и страдания на аптекарских весах».

Это, конечно, должно быть отнесено к тем ученым, которые, называя себя специалистами по психологии и психиатрии, тяготеют более именно к «аптекарским весам», а не к последовательному проникновению в мир переживаний личности.

3) Наконец, упрямство можно рассматривать как явление с преобладанием расстройств волевого начала. При этом совершенно нет необходимости предполагать, что упрямство есть явление исключительно тормозного характера. Наоборот, оно может выражаться в резко развитом побудительном начале воли. Дети могут из «упрямства», наперекор родителям, именно развить те акты, которые анатомо-физиологически должны выразиться в иррадиации возбуждения, а не торможения. Если рефлексологи спокойно идентифицируют психические задержки с процессами торможения в коре полушарий, то, конечно, можно идентифицировать психические импульсивные акты с процессами возбуждения в той же коре. И, таким образом, мы видим, что дети и взрослые могут вопреки приказу, из «упрямства» убежать, уехать, предаться веселью, отдаться безрассудной гульбе, развязать все путы, распоясаться, разорвать все сковывающие тормозы («наперекор стихиям»).

С другой стороны, тормозный процесс как физиологическое явление может послужить основой не только для упрямства, но и для других состояний и даже для самого умилительного послушания, переходящего в рабскую покорность и подчиняемость. Послушаем, что говорит об этом Крэпелин: «Повышение сопротивления, психомоторная задержка, является, быть может, важнейшим основным расстройством при некоторых депрессивных состояниях циркулярного психоза (Общая часть, 1910, стр. 256).

При кататоническом ступоре «каждый импульс производит разряд как раз противоположного импульса, по меньшей мере, равной силы, а часто более могущественного. Таким образом, каждое движение подавляется при возникновении, особенно если в основе его лежит побуждение извне» (стр. 256).

Не походит ли это на «свободу тормозных сочетаний», о которых говорят рефлексологи?

Если не похоже, то, вероятно, следующая картина едва ли будет расходиться с картиной торможения рефлексологов: «Параллельно задержке (Hemmung) здесь можно говорить о «торможении» (Sperrung). Как только торможение исчезает, как только прекращает влияние противоположное внушение, действие совершается без малейших затруднений» (Там же).

Итак, и депрессивные синдромы, и кататонический ступор в основе имеют процессы торможения. Как же отличить их от обыкновенного упрямства, оставаясь на почве строгой физиологии полушарий?..

Нужно заметить, что здесь Крепелин говорит именно о той установке на «нет», которую д-р Дернова-Ярмоленко считает существенною основою упрямства: «При таком волевом торможении многие действия заглушаются при их возникновении. При разговоре больной не поднимает взгляда, не отвечает на приветствия, не принимает протянутой руки» (стр. 257).

Если будить здесь по признакам внешнего поведения по принципу установки на «нет», то мы видим здесь полное тожество с упрямством, как его понимает д-р Дернова. Если же судить по внутренней цепи мотивов и психологических причин, то мы видим здесь ряд совершенно различных состояний, выражаемых внешне однообразными выразительными движениями.

Более всего, однако, замечательно то, что подобную установка на «нет» удается перевести в установку на «да» у того же самого больного, и тогда установка на «нет» теряет свое разделительное значение.

«Негативизм и безволие обычно встречаются у одного больного, а также простыми приемами можно одно превратить в другое... Удается превратить каталепсию в оцепенелость, негативистическое противодействие в подражательный автоматизм» (стр. 262).

«Упрямство» Крэпелин рассматривает как состояние не тожественное, а близкое к негативизму.

«Упрямство (Eigensinn)... нередко бывает сильно развито при имбецильности, при эпилепсии, при параличе и при старческой слабости» (стр. 264).

Ведь при упомянутых болезнях состояние больших полушарий совершенно различно. Каким же образом можно строить общую физиологическую схему упрямства, совершенно единообразную и для имбецилла, и для эпилептика, и для паралитика, и для старчески слабоумного, и для душевноздорового взрослого или ребенка?

В самом деле, при имбецильности, особенно в ее резких степенях, мы имеем эндогенную задержку развития, недоразвитость больших полушарий, атипическое расположение борозд, гетеротопии, большую скученность нервных элементов эмбрионального типа, нервные клетки редко имеют вполне выраженную пирамидальную форму, протоплазма их мало дифференцирована. Это не собственно нервные клетки, а так наз. невробласты. Как можно обладателя такого мозга приравнивать к здоровому нормальному ребенку только потому, что и тот и другой могут проявлять упрямство? Тот упрям и этот упрям, но какая громадная анатомо-физиологическая разница между основами упрямства и того и другого. А д-р Ярмоленко издает общий закон: «упрямство – установка тормозного характера», хотя законов торможения у имбециллов и микроцефалов она не изучала. Точно так же иную основу должно иметь упрямство эпилептиков, о которых говорит Э. Крэпелин и каковое приходится наблюдать нередко в детских домах. Здесь мы обращаем особенное внимание педагогов и школьно-санитарных врачей на то, что «исчерпывающее объяснение упрямства посредством концепции о тормозной установке не только недостаточно, а и прямо бессодержательно. Нервные клетки и их функции при эпилепсии совершенно отклоняются от нормального развития. Нервные клетки имеют зародышевый тип строения. Большие пирамиды недоразвиты, замечается гетеротопическое смещение нервных элементов в белое вещество или в молекулярный слой коры. В далеко зашедших случаях уменьшение количества клеток идет по всем слоям. Внеклеточные фибриллы разрежены, кровеносные сосуды изменены; многие психические проявления эпилепсии объясняются спазмом сосудов. Еще большие изменения встречаются при эпилепсии со стороны глиозной ткани, почему эпилепсию и относят теперь к общему классу глиозов (Гиляровский В. А. Введение в анатомическое изучение психозов, 1925). Что касается упрямства при старческом слабоумии, то механизм его должен быть поставлен в тесную связь с резкими атрофическими и склеротическими изменениями всех нервных элементов, дающих своеобразную физиологическую динамику как основу поведения старчески-слабоумных больных...

Совершенно нами не могут быть отчетливо представлены в нашем воображении, какие нейронные сочетания происходят в коре старчески-слабоумного упрямца, если мы имеем точные факты, открытые микроскопом, что нервные элементы этого упрямца подверглись значительной гибели, что клетки коры мозга его претерпели всякие виды перерождения и закончились, наконец, атрофией и исчезновением их. Пигментно-жировое перерождение и сморщивание захватывают почти сплошь все клетки различных слоев. Каким образом можно авторитетно говорить о тормозных сочетаниях упрямца, когда сами элементы сочетания – нервные волокна – перерождаются и погибают; и все, все кругом здесь изменено: атеросклероз крупных сосудов, гиалинов мелких, атрофия средней оболочки и разрастание элементов адвентиции.

При полном контрасте здоровому мозгу в анатомическом смысле должен быть полный контраст и физиологии полушарий старческого мозга; при полном контрасте физиологии и смысл клинических симптомов, а следовательно, и упрямства, должен быть в значительной мере противоположен педологическому симптому упрямства, поскольку таковой проявляется здоровым, но дурно воспитанным ребенком.

Мы видим, что и анатомия и физиология больших полушарий и патологическая анатомия последних отнюдь не могут быть уложены в узкую схему тормозных установок. Еще более узость этой схемы обнаруживается при психологическом рассмотрении.

При упрямстве, как говорит Крэпелин на 264 стр. своей общей части психиатрии, «крепко удерживается одно решение, хотя, при изменившихся условиях, оно представляется более дальнозоркому наблюдателю совершенно нецелесообразным и даже опасным... Поступки упрямого основным пунктом всегда, имеют известные соображения, и только

потом уже последние отходят на задний план. Далее, болезненное упрямство до известной степени доступно убеждению, воздействию представлений и чувственных движений, хотя и на короткое время; наконец, оно обычно сопровождается гневным разрушительным настроением, которое ведет не только к противодействию, но и к энергической защите против насильственных мероприятий. Это отличие от негативизма очень ясно там, где больные с крайним упорством противодействуют всяким даже разумным и полезным для них мероприятиям. При своей несговорчивости больные всегда склонны к ссорам, брани... – в полную противоположность равнодушию нативистических больных, которые только противодействуют, редко защищаются, еще реже нападают».

Следует отметить, что комплекс «упрямства» предполагает в волевом аспекте намерение вести какую-то борьбу оборонительного или нападательного характера, – это зависит от обстоятельств, личных соображений и переживаний упрямца.

Весьма нередким симптомом, характерным и для негативистов и упрямцев, будь они душевноздоровые или душевнобольные, взрослые или дети, является молчание.

Ребенок вдруг совершенно отказывается отвечать на вопросы или дает короткие односложные ответы (мутацизм или мутизм). Часто ребенок (или больной) не произносит ни одного звука в течение довольно продолжительного времени. Случается, что он вдруг заговорит на короткое время, ответит на некоторые вопросы или выскажет какую-нибудь мысль, а потом снова замолчит на долгий срок. При описании кататонии встречаем такие фразы в учебниках психиатрии: «В обычной жизни такого рода больные нередко необыкновенно упрямы, причем упрямство их не может быть мотивировано никакими объяснениями. Они сопротивляются всему ради самого сопротивления. У некоторых дело доходит до того, что они долгое время упорно отказываются от пищи или принимают пищу лишь какого-нибудь одного рода: другие молчат целыми неделями и месяцами и объясняются с посторонними лишь письменно или при помощи жестов... Некоторые больные хотя и говорят, но почему-то считают нужным объясняться шепотом, несмотря на целость речевого аппарата... Больной молчит не потому, что не может говорить, а потому, что не хочет этого...» (проф. Ф. Е. Рыбаков).

Такие явления, как «упрямство», негативизм, мутацизм, речь не к делу, противодействие, Крэпелин заносит в общую группу явлений – «пониженная подчиняемость воли».

Современная марксистская психология стремится рассматривать тончайшие психологические переживания в свете научно-биологических понятий. Это вполне соответствует и нашей точке зрения – и мы намерены сейчас же сделать попытку психобиологического освещения упрямства. Для этого наша специальность располагает оригинальным и глубоким учением Альфреда Адлера.

Если мы применим основные идеи биологической стороны учения Адлера к анализу «комплекса упрямства», то многое нам выяснится.

В работах этого выдающегося венского мыслителя молодые школьно-санитарные врачи и педагоги найдут много, идей и указаний на правильные подходы к ребенку.

Вследствие чего возникает у ребенка упрямство?

Ребенок стоит на своем, что-то хочет доказать. Здесь есть какая-то реакция. Пусть эта реакция не что иное, как тормозная установка, но вследствие чего она у ребенка часто проявляется?

Она часто проявляется как реакция на чувство неуверенности, столь свойственное неокрепшему организму. Чувство неуверенности, в свою очередь, есть биологическая реакция, субъективный оттенок, который есть осознание неуверенности, а объективная основа лежит во врожденных аномалиях конституции, которые являются поводом к развитию компенсаторной функциональной деятельности, а также явлениям корреляции, которым содействует повышенная психическая деятельность.

Разумеется, чувство неуверенности выражается отнюдь не в одном упрямстве, как и упрямство отнюдь не исчерпывается в своих причинах одним чувством неуверенности, но что комплекс «упрямства» есть своего рода компенсаторная надстройка, возводимая ре-

бенком, – это едва ли подлежит сомнению. В биологическом смысле комплекс «упрямства» есть форма инфантильной реализации определенной цели. У взрослого оно является реакцией на малоценность, у ребенка – на детскую беспомощность. В связи с этим выясняется и агрессивная установка «упрямца» как вид психической компенсации. Оборонительная позиция упрямца, о которой говорит А. Дернова-Ярмоленко на стр. 36, и та гипертрофия самозащитного аппарата, которую она упоминает там же, гораздо глубже, ярче и научнее были разъяснены Альфредом Алдером еще в девятисотых годах, приблизительно за двадцать лет до выхода книги А. Дерновой. Согласно Адлеру, в характере нервного ребенка начинает развиваться тенденция защиты. Защита эта двоякого рода: 1) оборона и 2) нападение. Компенсация достигает здесь часто сверх компенсации путем гипертрофии функции и, таким образом, производится перестройка психического аппарата. Тот, кто знаком с учением Адлера, понимает, что рефлексологи не прибавили к нему ни одного нового слова, но не сказали ничего столь глубокого и меткого, что отличает работы Адлера. В данной работе мы не имеем места касаться биологического психогенеза комплекса «упрямствам». Мы лишь вкратце упомянем, что он имеет связь с инстинктом отталкивания, о котором говорит проф. Мак Дауголл.

Для рефлексологов рассматривать вопрос об упрямстве в плоскости биологического учения об инстинктах и эмоциях – дело бесполезное, ибо, как догадывается читатель, и инстинкты, и эмоции, и разум – все это данным-давно сведено к условным и безусловным рефлексам. Мы, конечно, не будем тратить время на бесполезные споры с ними в этом отношении. Скажем только, что факты современной биологии и сравнительной психологии, в изобилии приводимые проф. Вагнером, проф. Лютцем и др., доказывают, что ничего общего ни с какой наукой эти рефлексологические упражнения не имеют.

Итак, сложный комплекс «упрямства» схематически может быть представлен в следующем виде.

Психология комплекса «упрямства».

1. Интеллектуальные компоненты упрямства:

1. Персеверация мышления, умственное закрепление, фиксация доминирующих представлений.

2. Установка позитивная (на «да») или негативная (на «нет») в зависимости от фиксированных представлений.

3. Стереотипия субъективной стороны восприятия или апперцепционная узость.

4. Ассоциативная предельность и скованность.

5. Недостаток комбинационного разнообразия.

6. Ограниченность и устойчивость доминирующих суждений.

2. Эмоциональные компоненты упрямства:

1. Многообразие аффективных стимулов, вызывающих «акты упрямства», как то: гнев, досада, злоба, месть, зависть, ненависть, обида, самолюбие, своеволие, властность и пр.

2. Специфическое удовольствие (удовлетворение), получаемое от осуществления «актов упрямства».

3. Возбуждение, коим сопровождаются некоторые виды упрямства.

4. Напряженность в выдерживании принятой ситуации.

3. Волевые компоненты упрямства.

1. Резкое проявление побудительного импульса: действие вопреки приказанию, просьбе.

2. Резко выраженная задержка-торможение: задержка действия вопреки приказанию, просьбе.

3. Фиксация избранного нецелесообразного решения (Крэпелин).

4. Общее двигательно-разрушительное поведение (отличие от негативизма – Крэпелин).

5. Борьба.

Биология «комплекса упрямства».

1. Детская органическая беспомощность или назревающая малоценность органов (аномалии конституции).

2. Компенсаторная деятельность, вплоть до гипертрофии функций, как реакция на чувство неуверенности.

3. Тенденция защиты организма в форме обороны и нападения.

4. Психогенез (биологический): инстинкт отталкивания.

Вот в таком виде представляем мы себе приблизительный подход к понятию об упрямстве и с этой-то точки зрения мы и постараемся проанализировать имеющийся клинико-педагогический материал.

По материалу воспитательницы-обследовательницы М. В. Верховской, мы прежде всего узнаем следующие черты Коли М.

1) «На мои вопросы Коля не дал ни одного ответа».

2) «Он положил голову на свою руку, плакал и, как я ни старалась вовлечь его в разговор почти в течение двух часов, мне это не удалось».

3) «От брата его... я узнала, что Коля всегда такой и на вопросы старших молчит. Коля ходит в школу, где также молчит».

4) «Коля не слушается, неопрятный... Вещей не трогает, а лишь только сладкое, что я объясняю его неразвитостью и недоеданием».

Из предварительных сведений, собранных воспитательницей О. А. Выходцевой, мы узнаем: «Коля был очень непослушен, замкнут и на вопросы отвечал упорнейшим молчанием... Он не хотел учиться и не стал учиться, молча просиживал на парте...»

Из характеристики, написанной учительницей-воспитательницей Т. Л. Лобановой, отметим следующие места:

1) «Коля совершенно не может переносить ни малейшего замечания... Упорное нежелание учиться он из школы перенес в детский дом...».

2) «Один из всех детей он отказался от всякой проверки своих знаний».

3) «Когда начались школьные занятия, он ни разу даже не вошел в комнату в часы занятий его группы».

4) «Вчера Коля был введен в школьную комнату и посажен на скамейку. Коля повернулся спиной к классному столу и в таком положении просидел все время».

«Ни протеста, ни возмущения не услышишь от Коли – он всегда молчит»...

Из индивидуального листка Коли М. мы узнаем, что он «не посещает занятий», «молчит», «отказывается»; анкета его сплошь состоит из ответов: «не знаю», нет».

Требуется определить, с каким комплексом явлений мы здесь имеем дело?

Мы определенно усматриваем здесь затяжную, упроченную установку на «нет», но можем ли мы признать подобную картину симптомокоплексом «упрямства»? Два признака резко выступают в характере Коли М.: негативизм и мутацизм.

Тот, кто внимательно прочтет все материалы о Коле М., тот не может усмотреть в них что-либо специфически характерное для комплекса упрямства, хотя все его поведение состоит из установки на «нет». Перевод негативных реакций в концепцию «упрямства» только затемнит дело, а не разъяснит.

Следует также обратить внимание на анамнестические данные; отец-алкоголик и с недоразвитым интеллектом, страдал болезнью сердца, сильно бил Колю по голове; мать тоже страдала пороком сердца, во время беременности Колей испытывала и физические травмы (железной кроватью), и моральные. Роды были трудные. Мальчик родился с «почерневшей половиной лица и разрезанным глазом». После скарлатины и тифа у Коли были припадки, задержка уринации. С 6-летнего возраста у Коли замечены ненормальности. Все эти данные свидетельствуют о глубоко-патологических условиях психофизического развития Коли в разнообразных направлениях, и формация характера его неизбежно должна была направиться по сложно-окольным путям. Исчерпать этот характер тремя банальными фразами – 1) свобода тормозных сочетаний, 2) установка на нет, 3) упрямство – значит, не сказать ничего и не сделать никакого педагогического подхода. Первая фраза –

это одна из гипотез; вторая фраза – не объяснение, а тавтология; третья фраза – житейская формулировка непонятого явления. Гораздо целесообразнее определить биологический смысл негативных реакций Коли по психическим симптомам.

Негативные реакции Коли М. есть не что иное, как нервный modus vivendi. Чувство недостаточности выросло здесь из реальных впечатлений. Оно определило всю невротическую систему, весь «жизненный план» Коли. «При создании этого компенсаторного психического сооружения он (невротик) считается с собственным и чужим опытом, разумеется, тенденциозно искажая его и извращая его значение (Adler A. Индивидуально-психологическое лечение неврозов. Вена. 1911. Стр. 5). Инфантильная ситуация Коли кажется ему самому всегда опасной: поэтому, биологическая цель его – в созидании оборонительной надстройки. Для этого-то и избирается им негативизм, который под внешней формой установки на «нет», в сущности, является для него самого и в его глазах благодетельной установкой на «плюс».

И негативизм, и мутацизм – это избранные и фиксированные уловки, Адлеровские окольные упроченные пути, которые вызвали столько интересных статей в специальной прессе, высоко оценившей выдающегося венского мыслителя.

«Цель невротика, – говорит Адлер, – навязывает всей его психической жизни однородную установку... Навязчивое стремление невротика к единству... создается на почве внутренней необходимости, вследствие стремления к обеспечению себя... Здесь ясно выступает чрезмерно большой коэффициент обеспечения от воображаемых возможностей».

Коля М. боится потревожить свой интеллект, боится позитивно реагировать на что-либо из боязни утомить себя, потрудиться, он хочет обеспечить себе максимум покоя и экономии энергии; эти органические тенденции выступают у него на почве аномалий конституции или малоценности органов. Поэтому он и вооружается однородной установкой. Итак, все поведение Коли М., выраженное главнейшим образом в однородной установке «негативизм – мутизм», есть биологическая система активного преднамеренного ухода от нормального соотношения с внешней средой.

Что касается «упрямства», то, имея много общих биологических корней с негативизмом, но не отождествляясь с ним, оно в своей клинико-психической картине совсем не соответствует тому, что мы наблюдаем у Коли М.: психологических компонентов упрямства (см. схему) мы здесь не находим.

Перейдем ко второму случаю.

Вячеслав Х. – узнаем мы из характеристики, написанной Т. Л. Лобановой – «не говорит, хотя и не глухонемой». После испуга он стал заикаться: над заиканием его смеялись и он «перестал говорить». В дом № 41 «его перевели уже молчащим; молчит он и до сих пор». «Все работы исполняет письменно, так как говорить не может».

Из индивидуального листка № 2 от 9 января мы узнаем, что «В. говорил, но при приходе воспитательницы замолчал.

Из характеристики, представленной О. А. Выходцевой, мы получаем, во-первых, важные анамнестические сведения: В. упал с крыши, подвергался голоду, холоду, пыткам (прижигание пяток), а, во-вторых, читаем:

«Вячеслав очень упрям, это проявляется ежедневно. Заставить исполнить что-либо против его желания – дело нелегкое. Уговоры почти не действуют, строгость влечет подчинение, но В. затаивает злобу и при случае старается отомстить. В. без сопротивления не отдаст своих вещей, хотя бы этого и требовало дело».

И далее:

«Был случай, когда В. в виде протеста ложился под кровать на голый пол и там проводил ночь».

Когда ему нездоровилось, он «пойти в изолятор за лекарствами не захотел и не пошел».

«Говорит он только с мальчиками и только, когда захочет, – с девочками говорит только односложно, с взрослыми молчит».

Разберем внимательно выписанные места.

Вячеслав Х. и не говорит и говорит. При одних условиях он говорит, при других не говорит. Следовательно, предполагать здесь какое-либо органическое повреждение речево-двигательного аппарата не приходится. Как сенсорный, так и моторный механизмы речи у него правильны, если не считать некоторого заикания, которое в данном вопросе не имеет значения.

Заикание Вячеслава – психогенно-травматического происхождения. (Чувства страха и ужаса вызвали реакцию в форме заикания.) К этому присоединилась вторая психотравма – насмешки над его речью. Малоценность органа и так вела к чувству неуверенности, а здесь последнее усугубилось вторично травмой – и последовала новая реакция обиходно-уловочного характера – молчание. Молчание это принято было как жизненная линия поведения невротика и нарушалась лишь в тех случаях, которые самому Вячеславу представлялись подходящими для разговора. Учительницы-воспитательницы, давая характеристику В., представляют данные для суждения и об его упрямстве, и о его негативизме. Что «комплекс упрямства» в небольшой виде имеется у В., это доказывается рядом разнородных эмоций, которые явились этнологическими моментами для организации этого комплекса. Так, Вячеславу пришлось испытать ужасы, пытки, насмешки, издевательства, жестокости, Сам он, по данным наблюдения, жесток, мстителен, любит издеваться, насмехаться. Все эти переживания и фиксированные свойства характера ведут при повседневных реакциях на среду к выдвиганию сопротивления, противодействия, протеста, сознательно проявленного Вячеславом как орудие борьбы против кого-то и чего-то. Гордость, презрение к среде, окружающим сквозят во всех его действиях. Они – важные инспираторы «комплекса упрямства».

В этом отношении его молчание и негативное отношение крайне резко отличается от молчания и негативизма Коли М., от которого, по словам Т. Л. Лобановой, «ни протеста, ни возмущения не услышишь».

Внешняя реакция противодействия и у Коли М. и у Вячеслава Х. бывает единообразная: психические стимулы этой реакции и у того и у другого совершенно противоположны. Рефлексолог здесь в обоих случаях отметит «установку на нет», зависящую от облегчения тормозных сочетаний. Психолог именно не придаст большого значения внешнему проявлению, а обратит внимание па внутренние мотивы. Чуткий и вдумчивый педагог пойдёт здесь за психологом.

Следует остановиться в данном случае на психологическом разборе симптома молчания у Вячеслава М.

Взрослых он казнит молчанием, с мальчиками разговаривает. Таков факт. Но как объяснить необъятно-грандиозную силу воли, изумительную ловкость, искусство в управлении своим вниманием, чтобы целыми годами по обмолвиться при взрослом ни одним словом, а с детьми болтать. И эту исполинскую волю проявляет несчастный мальчик-невротик, испытавший все ужасы голода, холода и всяких травм.

Если мы вникнем в дело ближе, то мы расшифруем с помощью психологии секрет этой «исполинской» воли. Для этого мы обратимся к психофизической динамике истерии, как последняя трактуется Блейлером, Кречмером, Гиршфельдом и иными новейшими толкователями ее.

Мы отнюдь не хотим этим сказать, что нужно отвергнуть при объяснении этих явлений учение о рефлексах: напротив, как сейчас читатель увидит, рефлексам здесь придается большое значение; но инициативная роль в генезисе мутацизма принадлежит психическому фактору, который впоследствии передает исполнительную работу рефлекторным механизмам. Кроме того, применение рефлекторной теории здесь уместно именно в смысле усиления двигательных функций, а не тормозной установки. Учение об условных рефлексах И. П. Павлова, в значительной мере облегчит понимание анатомо-физиологических предпосылок мутацизма, приемы же Института мозга здесь только препятствуют научному пониманию явлений.

Итак, мальчик в один прекрасный день замолчал. Молчание это с взрослыми длится годы. Как такие факты обменит нам современная европейская научная клиническая невропатология?

Последняя для этих целей прежде всего вводит понятие об «истерическом привыкании». Блейлер указывает, что для определенных психических проявлений сразу же устанавливается известный «аппарат случая», который уже не нуждается в руководстве сознательной воли по отношению к каждой отдельной мелочи. В данном наблюдении над Вячеславом Х. мы имеем этот «аппарат случая» в фиксированном молчании. Первоначальным инициатором является здесь воля ребенка, которая создает известную готовую установку. Затем эта установка начинает работать уже сама по себе. Кречмер в своей работе «Об истерии» говорит по поводу этого: «Необходим специально направленный новый волевой импульс для того, чтобы прекратить действие такого, однажды созданного волевого аппарата для того, чтобы его выключить. В противном случае он продолжал бы неопределенно долгое время работать дальше...» (стр. 56).

Он же устанавливает три ступени истерического привыкания:

1) установка «аппарата случая»;
2) период шлифовки этого аппарата;
3) период эмансипации этого аппарата от воли (стр. 58).

«Привыкание представляет собою явление, обозначающее в биологическом смысле переход от произвольной функции к рефлекторной» (стр. 58). Тот, кто хочет понять такие явления, как противодействие, упрямство, устойчивое молчание, должен схватить и период произвольной сознательной функции, и период перехода, и период рефлекторный. Ученые из Института мозга берут только конец и применяют его и к началу и к середине – и в результате и сами они и другие ничего не могут понять в их толкованиях.

Несомненно, что Вячеслав Х. установил свой «аппарат случая» – молчание и до известной степени отшлифовал этот аппарат; но до третьей стадии – эмансипации от воли – дело далеко: это доказывается тем, что он разговаривает с детьми; следовательно, он управляет даже отшлифованным аппаратом случая по произволу по собственному «сознательному хотению» (термин «Вопросов философии»).

Говоря о законах произвольного усиления рефлексов. Кречмер говорит: «Если мы вернемся к нашему первому опыту, к удавшемуся произвольному усилению рефлекса, то заслуживает внимания сопровождающее его субъективное психологическое состояние... Если мы... начнем легкую сверхиннервацию четырехглавой мышцы, у нас получится слабое, но отчетливое чувство сознательной волевой деятельности» (стр. 61). Устанавливая далее закономерности, которые наблюдаются при взаимодействии рефлекса и волевого процесса, Кречмер говорит: «Усиливающим образом действуют на рефлексы прежде всего те волевые раздражения, которые слабо выражены и направлены лишь на диффузную гипертонизацию двигательных рефлекторных областей. Субъективное восприятие их произвольности лицом, от которого волевые акты исходят, легко затуманиваются из-за психологического соперничества чувствительных следствий двигательного течения» (стр. 64).

Отсылая за подробностями к Кречмеру, мы только хотим отметить, что подобное толкование – логически выдержанное, отвечает действительно научному пониманию отмежевания волевых » актов от рефлекторных.

Какое же это имеет значение для педагога?

Такое, что при данном разъяснении открывается целый ряд воспитательных возможностей для устранения всех этих нежелательных симптомов: молчания, противодействия и пр., и поле деятельности педагога оказывается широким и плодотворным, пока «аппарат случая» не достиг рефлекторной стадии, а застрял на 1-й или 2-й стадии. В толковании же рефлексологов из Института мозга все три стадии суть рефлекторные механизмы; поэтому что начало, что конец – все равно, и педагогу здесь делать нечего. А между тем новейшие исследования, напр. Форстера, показывают, что эти «аппараты случая» могут совершенно

устраняться, и больные выздоравливают. У своих собственных пациентов Форстер устранял подобные явления посредством строгого словесного выговора.

Итак, негативизм, некоторые виды фиксированного упрямства, молчание как «аппараты случая» являются с точки зрения современной науки не столько тормозными установками, сколько именно динамическими процессами, возникшими в связи с волевым усилением двигательных (побудительных) установок.

Обратимся к третьему случаю, принадлежащему детскому дому № 13.

При личном обследовании Александры Щ. обнаружилось, что все эти акты противодействия, отказа и сопротивления имеют целый ряд своих индивидуальных мотивов.

Во-первых, эти проявления «упрямства» часто вспыхивают совершенно неожиданно для самой исследуемой. На нее внезапно как бы находит какое-то своеобразное противодействующее состояние, которому она сама некоторое время спустя удивляется и которому не может отыскать причин. Таким образом, прежде всего отмечается внезапность и некоторая непреодолимость актов «упрямства». Далее, при беседе с Александрой Щ. и просьбах разъяснить ближайшие причины этих негативных вспышек, последняя заявила, что совершенно не может подчас ни отыскать, ни определить подлинных причин подобных актов. Следовательно, вторым признаком оказывается неосознанность мотивов.

В-третьих, выясняется, что акты «упрямства» почти всегда связаны с нарастающей раздражительностью Ал. Щ. В те минуты, когда ею овладевает все более и более развивающаяся раздражительность, она наиболее проявляет и акты сопротивления и отказа, невзирая на всю их безрассудность.

С другой стороны, отказ от выполнения основных требований по общежитию проистекает из раз возникшего и затем фиксировавшегося немотивированного неуважения к некоторым лицам, от которых исходят требования. Самый факт исхода требований от них к ней, т. е. от лиц, к которым у нее есть нечто вроде неуважения или даже неприязни, уже достаточен для вызова отрицательных решений.

Впрочем бывают случаи, когда самая сущность требовании не представляется Ал-дре Щ. целесообразной и в этом случае она отказывается от выполнения их вследствие отрицания полезности в предлагаемых действиях. В общем все то, что в данном случае педагогическим персоналом квалифицируется как «упрямство» является как бы постоянной установившеюся оборонительной реакцией против покушений на свободу личности. Здесь нет защитного рефлекса в его примитивной форме как охранителя элементарных органических интересов, здесь оборонительная позиция против поползновений на индивидуальность, хотя бы интересы организма от этого и страдали. Ал. Щ. прекрасно понимает, что чесотка, малярия, грязное белье – все это не служит для интересов ее личности, но установившаяся ситуация протеста против предлагаемых форм защиты, исходящих от других лиц, делает мероприятия и предложения последних неприемлемыми и не заслуживающими доверия. И в некоторых случаях протест Ал. Щ. доходит даже до агрессии.

Итак, внезапность, некоторая непреодолимость, импульсивный характер оппозиционных вспышек, неосознанность мотивов, нарастающая раздражительность, доходящая до резкой гневливости и агрессии, неуважение к лицам, иногда сознание нецелесообразности требований и общий фон воинствующего протеста как реакции на воображаемое давление в отношении индивидуальности – вот основные вызывающие стимулы, формирующие тот ряд действий, которые внешним образом обнаруживаются в так наз. упрямстве.

Мы должны, конечно, постараться найти этнологические моменты возникновения, развития и укрепления этих постоянно действующих стимулов.

Прежде всего Ал. Щ, – девочка с невротическим складом. Туберкулезная наследственность (со стороны отца), ранняя беспризорность, голод, угнетающие впечатления (ряд смертей родных и знакомых) – все это повело к неустойчивости нервной системы; отсутствие какого бы то ни было воспитания привело к развитию влечений, грубых инстинктов при полном отсутствии внедрения в слабый ум А. идеи необходимости задержек. А. – воплощение разрыва всяких тормозов. Не получив никакого воспитания, А. получила, с другой сто-

роны, ряд предрассудков, которые оказались ей на руку: логика быта повелевает слушаться родителей, как бы плохи они ни были, и не слушаться посторонних, как бы хороши они ни были. Ал-дра. следуя этому «собственническому девизу, стала в отрицательную позицию к своей добровольной опекунше, а так как родителей уже не было в живых, то ей оставалось повиноваться только своим влечениям и инстинктам, подогреваемым дурной компанией. Там ей внушили щепетильное отношение к идее «свободы личности», и так как противодействующих воздействий ниоткуда не шло, то эта идея, обросшая уродливо-вздутыми эмоциями самолюбия и своеволия, постепенно укреплялась, тем более что она вполне органически солидаризировалась с примитивными влечениями. Когда А. явилась в детский дом, то она и принесла туда с собою тенденцию щепетильной охраны своей особы и эта тенденция в виду строго выдержанной дисциплины дома сразу стала в оппозицию последней, ибо дисциплина в ее сознании отожествлялась с фактором, задевающим ее свободу личности.

Однако, вследствие того, что привычная жизнь дома так или иначе выбила ее из полосы бесконечных развлечений, то Ал. Щ. осталась только со своим постоянным стремлением к противодействию и это стремление – как она сама призналась нам – уже ей порядочно надоело, давая вечную пустоту, сознание никчемности и бессмысленности дальнейшего упрямства. В итоге, Ал. Щ. умоляла врача искоренить в ней это навязавшееся «проклятое» чувство и содействовать устройству ее в чулочной мастерской, где – она надеется – дело избавит ее от «гордости».

Итак, к отмеченным выше вызывающим стимулам необходимо присоединить следующие предрасполагающие факторы: туберкулез отца, невротический склад, отсутствие какого бы то ни было воспитания, давление бессмысленных предрассудков, острота примитивных влечений и инстинктов, фиксация щепетильной защиты собственного самолюбия, контраст с дисциплиной дома, общий прогрессирующий навязчивый характер оппозиционных тенденций.

Мы видим, что и здесь все, что предшествует единообразной негативной реакции, в психологическом смысле многообразно, индивидуально, не похоже на другие случаи, выявляющиеся в подобной же негативной реакции.

Понимание всему дает психология, поведение же или внешние реакции однотипны, скудны и ни о чем внутреннем не говорят.

Теперь рассмотрим 4-й случай, принадлежащий Центральной детской амбулатории.

Борис Л. 11 лет приведен был матерью в амбулаторию в сентябре 1925 г. Мать жаловалась на возрастающее непослушание Бори, которое, главным образом, проявлялось под влиянием самолюбия, но это самолюбие бывало столь немотивированным и неожиданным, что она становилась в тупик. Так, он заявил, что заниматься с учительницей, приходящей на дом, он не намерен, так как она «баба».

Презрение к «бабе» внушили ему, – по предположению матери – мальчишки из соседних домов, которые играли с Борей в «козны» и «звездачи». Узнав, что он не выйдет утром играть и будет учиться под руководством «барышни», они стали смеяться над ним и говорить, что ему наняли няню. Боря буквально пришел в бешенство и, когда явилась учительница, он запер комнату, в которой ключа не было, заставил ее изнутри столом, на стол поставил стул, придвинул к ним кровать, и, когда его оттуда сдали звать, он стал откликаться страшными ругательствами по адресу учительницы называя ее «мокрой цаплей», «долгоносым дьячком» и т. п. словами. При этом он стал швырять в дверь сапогами, ремнем, галошами, вообще, поднял страшный шум. Учительница отказалась от такого воспитанника, и Боря вернулся к своим уличным соратникам. Тогда мать поставила вопрос: хочет ли он совсем отказаться от учения или только не хочет с данной учительницей. Он ответил, что заниматься он готов, но не с «бабой». Мать вынуждена была пригласить учителя, но Боря неожиданно заявил, что «после Лизки он учиться не станет. Лиза – его старшая сестра – начала учиться годом раньше.

Боря требовал, чтобы «Лизка» прекратила на полгода учение, и когда он ее догонит, он разрешит ей заниматься дальше. Тогда мать в сердцах учинила ему жесточайшую пор-

ку и установила через домашних строжайший надзор за ним, не допуская его до уличных приятелей совершенно. Боря притих, замолчал, стал учиться, но здесь для матери появилось новое несчастье. Боря прекратил с ней совершенно всякие разговоры и только однажды после долгих приставаний матери прошипел ей: «Я тебя ненавижу... ты подлая!..» Мать пробовала вновь развлечь его игрою с уличными мальчишками, но он от них забился в угол и не пожелал никого из них видеть: ему было стыдно показаться им на глаза после «порки» и стыд был так велик, что, дабы не бередить душевных ран, он решил сам пожертвовать их обществом... С тех пор мальчик стал внешне покорен и послушен, но упорно не разговаривал с матерью и наконец совсем замолчал, кроме, так сказать, официальных поводов к разговору. В день рожденья мать накупила ему игрушек, сластей и большое желтое ружье. Он отнес все это сестре Лизе и сказал ей: «Передай все это твоей матери, я от нее ничего не возьму». На Пасху мать, вернувшись с пасхальной заутрени, обняла и поцеловала Борю и сказала: «Ради великого праздника, помиримся, прости меня, не будь злюкой». Боря ничего не сказал. На несчастную женщину это произвело такое впечатление, что она беспомощно зарыдала и, наконец, истерически стала смеяться. Сестра Бори Лиза испуганно возилась около матери, но Боря не пошевелился. Через $1^1/_2$ недели после этого мать повела Борю в Детскую амбулаторию.

Следует указать, что несчастная женщина была в таком неописуемом отчаянии, вид ее носил печать столь острых нравственных страданий, что впечатление она производила прямо жуткое. Маленький же тиран избрал совершенно новую убийственную тактику: по словам матери, он стал олицетворенное послушание. Аккуратно встает, учит уроки, занимается с учителем, но ни с кем не играет, не разговаривает, а на мать мечет такими озлобленно-зловещими взглядами, что она раскаивается во всех своих мерах.

Предварительные сведения не дают ничего характерного: отец Бори умер давно от диабета; мать страдает только седалищной нейралгией. Дети – и брат, и сестра – совершенно здоровы. Раньше Боря перенес свинку, грипп и корь. Ушибам и потрясениям не подвергался. Мать сообщает, что характером Боря весь в ее старшую сестру, т. е. тетку Бори, которая была своенравна и с презрением относилась ко всем окружающим.

Из терапевтических мероприятий нами было предложено немедленное разъединение матери и Бори, ввиду возрастающего взаимно-вредного влияния их друг на друга, каковой совет и был матерью выполнен.

Психологический анализ данного случая приводит к следующему.

У Бори Л. констатируются и негативизм, и молчание, и упрямство, и послушание, но и то, и другое, и третье, и четвертое суть лишь внешние выразительные формулы, тактические приемы действий, которые меняются самим их обладателем в зависимости от индивидуальных переживаний, соображений и целей.

В самом деле, «установки на нет» психологически строго детерминированы, отказ от учительницы в глазах матери является пустым упрямством: на самом деле здесь задета «честь мужчины»: перед мальчишками необходимо было поддержать свой престиж и вообще избавиться от унизительного контроля женщины. Адлеровский мужской протест в форме обороны выражен здесь налицо. Для большего успеха Боря перешел к нападению: построил целые баррикады против учительницы. Здесь явная цель – терроризировать учительницу скандалом, Кречмеровской «двигательной бурей» и добиться отказа ее. Этот же мужской протест заставляет Борю перехватить через край и выразить противодействие задним числом тому, что сестра уже учится. Здесь все еще тянется тактика поддержания «чести мужчины».

Неожиданная порка как разрушающая всю линию поведения Бори во внешнем отношении загоняет его внутрь, он становится аутистом и даже шизотимом.

Рисовка пред внешним миром – дело бесполезное. Случайная порка безалаберной женщины разрушает всю грандиозную постройку; следовательно, нет смысла вообще строить какую-либо фиктивную постройку. Люди этого не стоят. Начинается постройка внутренняя – и Боря самоотгораживается от внешней среды. Во избежание беспокойств он

идет на внешние уступки, но внутри питает острые чувства стыда, досады, злобы, мести, жестокости, которые задавливают в нем всякие альтруистические импульсы, скудно отпущенные ему природою вообще.

Такая комбинация дает ему возможность спокойно сделать из себя инквизитора и палача родной матери. «Установки на нет», выходки необузданного упрямства гораздо менее мучительны для матери, чем холодно-презрительное молчание и ненависть. И маленький палач выполняет свою программу с успехом. Таким образом, все внешние установки на «да» и «нет», все формы и проявления упрямства здесь не более чем тактические приемы, которые применяются мальчиком в случае их успеха и отбрасываются в случае неудачи, заменяясь другими. Суть дела – в особых эмоциональных, комплексах, которые руководят поведением.

В данном случае преобладают самолюбие, гордость, сознание мужского достоинства, а позднее – реактивные действия на чувство опозоренности, стыда, унижения. Первичными и главными агентами являются эмоциональные комплексы; установки на «да», «нет», на плюс, минус, признаки упрямства – все это второстепенные и непрочные случайно избранные приемы поведения.

Итак, все четыре приведенных случая (как и масса возможных других) показывают, что все внешние знаки поведения, выражаемые в формах негативизма, упрямства, молчания и иных, ничего еще не говорят о подлинном смысле психических комбинаций и что единственно психологический анализ может дать правильные нити для распознавания индивидуальных особенностей личности.

Педагоги и врачи, наблюдавшие детей не в лабораториях, а в живой жизни, несомненно, неоднократно встречали детей, у которых упрямство является лишь одним полюсом, а другим полюсом является покорность и даже льстивая угодливость. Вместе с тем клинико-педагогический опыт свидетельствует, что «комплекс упрямства» встречается более всего у лиц с шизоидными темпераментами, ибо негативная установка, мутизм и комплекс упрямства едва ли вяжутся с циклоидными натурами. Разбирая последний случай (Боря Л.) мы не можем не применить к нему той блестящей и тонкой характеристики, которую дал Кречмер шизоидным темпераментам. «Только тот владеет ключем к пониманию шизоидных темпераментов, кто знает, что большинство шизоидов отличаются не одной только чрезмерной чувствительностью или холодностью, но обладают и тем и другим одновременно» (Строение тела и характер. Стр. 175). Однополюсное толкование личности вообще не всегда много даст. В толковании «упрямцев» оно способно только пресечь всякий анализ, всякое понимание.

Превращение Бори Л. во внешне послушного, но внутри кипящего бешеной ненавистью субъекта – это живая иллюстрация психической метаморфозы шизоида. Между Борей и матерью его – подлинная «завеса из стекла». Наружное самомумифицирование Бори и тот покров аффективной тупости и моральной жестокости есть не что иное, как перевес анестетических элементов над гиперэстетическими в общей шизоидной скале. Психэстические сдвиги, которые рельефно выражены у Бори Л., весьма опасны как зародыши бреда отношения и преследования. Вот почему с терапевтической и педагогической точки зрения мы настояли на скорейшем разъединении сына и матери, так как при дальнейшей их совместной жизни у сына возможно было бы ожидать развития бредового ядра в указанном отношении. Достаточно уже того, что в силу сложившихся условий Боря Л. вынужден был обратиться к аутизму, к уходу в самого себя, к стремлению избегнуть всяких внешних раздражений, заглушить их даже ценою пожертвования своими влечениями, удовольствиями, симпатиями и интересами.

Кроме того, в комплексе упрямства важно выяснить не столько физиологическую установку, о которой говорит А. Дернова-Ярмоленко, а именно социальную установку.

Лица, проявляющие «комплекс упрямства», нередко проявляют его именно избирательно, т. е. они упрямы по отношению к одним лицам и ситуациям и совсем неупрямы по отношению к другим. Эту избирательную реакцию мы видим даже у Вячеслава Х., кото-

рый молчит со взрослыми и разговаривает с детьми. Кречмер, по нашему мнению, справедливо установил, что избирательная форма социальной установки свойственна шизоидам и этим он еще более закрепил тесную связь комплекса упрямства с шизоидными натурами. При этом. Кречмер тоже ссылается на Адлера (стр. 181 цит. книги), впервые обозначившего подобные реакции как одну из мер защиты.

У Вячеслава Х. аутистическая изоляция от взрослых идет параллельно с избирательною общительностью в замкнутом детском кругу преимущественно мальчиков. У Бори Л. аутистическая изоляция сочетается с аффективной тупостью, проявления которой и обозначаются матерью «упрямством». Кречмер считает характерным для нее «отсутствие теплого душевного участия к другим» (стр. 190). Это именно мы и видим у Бори Л. по отношению к своей матери. «Более тяжелые степени шизофренического тупоумия, – говорит Кречмер, – большею частью с налетом угрюмой жестокости и робкой боязливости мы встречаем у шизоидных имбециллов... а также после переломов в личности в период полового созревания».

«Гневно-тупые шизоиды, – говорит Кречмер на стр. 192, – могут сделаться жесточайшими и опаснейшими тиранами дома, которые жестоко, бесчувственно относятся к окружающим». Эти слова всецело применимы к Боре, психика которого есть психика шизоида, а поступки являются невротическими Адлеровскими окольными путями. Упрямство его есть один из этих окольных путей.

Все вышеизложенное приводит к заключению, что разгадать комплекс упрямства» можно только характерологическим путем, а этот путь вдет не через физиологию мозга, а через психологию, основанную на опыте. Вполне прав Э. Кречмер, когда он говорит. «Понятие о конституции является психофизическим, общебиологическим и относится как к телесному, так и к психическому. Понятие о характере, напротив, чисто психологическое» (стр. 272 цит. книги).

И далее: «...будет правильно группировать понятие темперамента вокруг психических инстанций, которые легко реагируют на острые химические действия как экзогенного (алкоголь и морфий), так и эндокринного характера, следовательно вокруг эффективности и общего психического темпа» (стр. 274). На вопрос о том, действительно ли современная наука требует от врачей-педологов и педагогов изучать все проявления психической жизни детей в плоскости сведений о головном мозге, мы можем ответить следующими словами Креймера: «В настоящее время мы не можем решить вопрос, насколько мозг наряду со свойствами заключительного органа обладает ещё первичными, активными функциями при возникновении таких психических качеств, как окраска настроения и общий психический темп. В отношении различных сенсорных и психомоторных типов функций, типов образования представлений и воззрений мы пока не сможем дать ответа па вопрос: что из этих различных психических функций репрезентируется в отдельных анатомических мозговых аппаратах и что обусловливается лишь перевключениями того же аппарата, вследствие различных химически – гуморальных влияний... Этим существенно модифицируется одностороннее направление мышления, которое имеет тенденцию локализовать все психическое в мозговых центрах» (стр. 275).

Еще более убедительным является замечание Кречмера: «...тот, кто как чистый эмпирик хочет избегнуть глубоких размышлений, впадает в самую мрачную мифологию мозга, что, к сожалению, имело место в прошлые десятилетия». К сожалению, не только в прошлые десятилетия, добавим мы, но и в настоящие дни. Мифология мозга стремится в настоящее время к неукоснительному самодержавию в науке, но, к счастью, от этого тумана научные круги начинают просыпаться.

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ДЕТСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ КАК ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории и пед. персонала дет. домов и школ. Вып. 2 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1926. С. 195–218

Современная психиатрия (Крэпелин, Блейлер, Кречмер, Бирнбаум и др.) устанавливает, что психогенные моменты и вообще острые жизненные эпизоды играют весьма большую роль в развитии патологического строения психики. Если у человека накапливаются долгое время острые душевные волнения, бурные и тяжкие переживания и если эти состояния не находят выхода наружу (не подвергаются так наз. отреагированию), то ход его психической деятельности может принять своеобразный характер, особенно если это касается субъекта с врожденными недостатками организации. Более всего такие психогенные моменты расстраивают волевую сферу и способствуют развитию аффективных состояний. Если подобные причины действуют столь сильно на взрослого человека, то па детей их влияние сказывается еще сильнее. Проф. М. О. Гуревич посвятил этому вопросу особую работу, в которой приводит примеры пагубного влияния остро-угнетающих или устрашающих переживаний на характер ребенка. Девочка $10^1/_2$ лет, видевшая погром и убийства, стала нервна, раздражительна, скрытна, внушаема, пуглива. Мальчик $10^1/_2$ лет, переживший разгром родного угла, потерю отца, стал агрессивен, неспокоен, целыми днями думает о мести кому-то и т. п.

Лично нам приходилось делать еще в 1907 году экспертизу в военном суде но поводу татарина, обвинявшегося в покушении на убийство офицера. Подробное обследование выяснило, что внезапное замахивание шашкой явилось у него защитной реакцией, возникавшей во время эпилептического эквивалента и представлявшей укрепившийся невротический симптом. Последний в впервые был у него обнаружен в детстве, когда два пьяных казачьих офицера пытались шутки ради бросить его в кадушку с водой. Ребенок схватил брошенную офицером шашку и пытался ударить ею пьяного офицера. Впоследствии, 12 лет спустя, будучи рядовым, этот татарин и бросился на совершенно неповинного другого офицера уже в состоянии эпилептического эквивалента – и ничего не помнил о происшедшем. Военные власти того времени не прочь были расстрелять больного, по вмешательство двух экспертов спасло последнего от расстрела. Таким образом, отдаленные события детства при благоприятствующей патологической почве могут обусловливать преступления в зрелом возрасте.

I.

В 1924 году переведен на русский язык роман немецкого писателя Леонарда Франка «Причина».

Содержание романа вкратце таково. Одинокий труженик, учитель Магер тридцать лет честно занимается педагогическою деятельностью, воспитывая и обучая целые серии поколений. Однажды, когда уважаемый всем городом педагог, уже достигший преклонной старости, обычно поправлял тетради у себя на дому двум школьникам, к нему ворвался некто Зейлер, бывший когда-то тоже его учеником, бросился на него, задушил, ограбил и с награбленными деньгами бросился на вокзал, чтобы скрыться в другой город от глаз правосудия, но вовремя был задержан и арестован. После суда он был приговорен к смертной казни, что и было приведено в исполнение. Такова фабула романа, но в ней есть следующий любопытный эпизод. На суде, к великом изумлению и недоумению всей публики, судей, прокурора, защиты и даже к изумлению матери преступника, последний пытался доказать, что убийство совершено им не с целью ограбления, а с целью отмстить за нанесенную учителем двадцать два года тому назад обиду: будучи 8-летним мальчиком, Зейлер на прогулке с другими учениками не был допущен учителем Магером в ресторан, так как не имел десяти пфеннигов за уплату стакана молока.

Хотя ограбление как цель убийства было очевидно для всех, однако упорные и настойчивые речи подсудимого заинтересовали некоторых присяжных, почему и вызвали некоторые споры и дискуссии.

С точки зрения криминальной психологии интересно расследовать, почему убийца выставил столь нелепую, отдаленную и курьезную причину своего злодеяния? В настоящей статье мы и попытаемся рассмотреть этот вопрос, а также выяснить точку зрения автора и смысл и значение романа «Причина», который в современной европейской литературе, полной легкомысленных произведений, приковывает своей серьезностью.

II.

Нам необходимо обследовать подсудимого с самой современной высоконаучной точки зрения. Таковою является теперь точка зрения рефлексологическая. Сообразно ей. мы должны отбросить банальные разговоры с подсудимым и свидетелями, а обратить главное внимание на мир реакций и ответов, т. е. физиологических проявлений. Ведь преступление Зейлера есть проявление деятельности его головного мозга, следовательно, нам надо обратиться к атому органу, а не тратить время на «психологическую» болтовню.

Эта психологическая болтовня принесла немало вреда человечеству. «В течение тысячелетий, – пишет рефлексолог И. А. Арямов, – люди, часто совершенно не знакомые с биологией, с анатомией и физиологией (в частности, центральной нервной системы), занимались толкованием функций мозга как чего-то особенного, психического, происходящего за пределами физиологических процессов... но только двадцать о небольшим лет назад началась такая работа, которая в наше время уже дает серьёзные основания для замены старой психологии настоящей физиологией головного мозга».

За последние годы эта грандиозная замена идет по всем линиям: упразднены совершенно психология животных, психология детского возраста, педагогическая психология, описательная и экспериментальная психология, психиатрия; пора, наконец, упразднить и криминальную психологию и заменить ее криминальной рефлексологией. Вот эта-то последняя ветвь новой науки и должна нам осветить загадочные факты уголовной казуистики, которая до сих пор блуждала в наивном мраке психологических суеверий и мистических загадок, в духе Достоевского, Бурже и чуть не Конан Дойля.

Рефлексологическое изучение преступной личности уже принесло практическую пользу в деле изучения симулянтов. Некоторые субъекты, желая уклониться от военной службы, прибегают к преступной симуляции: притворяются глухими и слепыми при призыве па военную службу.

«Обычными способами медицинского исследования, – говорит И. А. Арямов, – иногда бывает совершенно невозможно установить наличие такой симуляции.

В последние годы для такого исследования была применена методика образования условного рефлекса на звуки с полным успехом. Испытуемого сажают за стол и кладут кисть его руки на металлическую пластинку; раздается звонок, пускается электрический ток достаточной силы и рука отдергивается: если после нескольких повторений такого совместного действия звонка и электрического тока отдергивание производится и при одном действии звонка, то симуляция налицо. Так же испытывают симулянтов, выдающих себя за слепых, применял лишь в этом случае вместо звонка вспыхивание электрической лампочки».

Итак, если криминальная рефлексология научивает нас обличать симулянтов, то нет сомнения, что она откроет нам новые пути в понимании загадочных преступлений.

Пред нами подсудимый Зейлер. Подойдем к нему с новой рефлексологической методикой. Прежде всего, мы должны у него определить виды мимики, согласно плану В. М. Бехтерева: органическую мимику, мышечную, сексуальную, осязательную, вкусовую, обонятельную и зрительную. Затем мы установим сердечно-сосудистую его деятельность и работу железистого аппарата и перейдем к определению установочных (ориентировочных) рефлексов: выяснив процессы образования доминант, мы решим, идет ли ориентировочный рефлекс без участия коры пли с ее участием. Ввиду того, что подсудимый все

время о чем-то сосредоточенно думает, мы проанализируем у него процесс сосредоточения, который имеет свой центр в передней сочетательной области: эта область, как известно, принимает в себя волокна передней ножки мозжечка и волокна от переднего ядра, зрительного бугра и содержит в себе статико-двигательную сферу и участок, управляющий движением глаз и головы.

Далее, подсудимый ссылается на то, что в его преступлении сыграли роль какие-то воспоминания и какие-то забвения. Из рефлексологии мы знаем, что метафизическому понятию о забвении соотвечает развитие в полушариях процессов внутреннего торможения; поэтому, мы установим у него форму и качество этих последних. То, что подсудимый склонен представить вместе с допотопной психиатрией как навязчивые идеи, мы будем рассматривать как длительные очаги возбуждения, а самые переживания как доминанты. Затем, подсудимый пытается представить свое преступление как бы идейно связанным с каким-то рядом мыслей. Для нас это будет не что иное, как ряд замыкательных актов, сочетания оживленного следа с другими и других со следующими. Во всем этом играет роль проторенность проводящих мозговых путей, а также снабжение клеток кислородом и, кроме этого, гормонообразовательная деятельность желез внутренней секреции.

Наконец, подсудимый обращает внимание на обуревавшие его чувства нравственного гнета, тоски и негодования. Это уже совсем легко разъяснить. Мы знаем, что все чувства человека не что иное, как деятельность полосатого тела, зрительных бугров и подбугорной области: в частности, тоска – это удушение вследствие недостатка кислорода, а негодование есть не что иное, как скопление адреналина в поперечно-полосатой мускулатуре.

Рефлексология совместно с гормонологией готова признать, что человек может испытывать страдания, мучения и горести, готова признать, что все это испытывал поэт Зейлер, но её интересуют вовсе не психические особенности этого горя, а слезная железа, которая играет в происхождении печали значительную роль: она или облегчает горе, если происходит наружная секреция ее или загоняет горе вглубь, если гормоны ее поступают в кровь. Итак, поэт Зейлер, который ни разу не плакал, не обнаруживал, вероятно, набуханий слезной железы; поэтому, гормоны последней поступали у него в кровь и воздействовали гематогенно на соответствующие ощущения клеток коры. Вполне легко также объяснить фиксацию детских переживаний Зейлера с точки зрения гормоно-рефлексологии. Эти переживания есть не что иное, как недостаточная нейтрализация гормонов, которые поддерживают в состоянии возбуждения затронутый чувственный центр.

Неосознанные влечения Зейлера в родной город есть результат рефлекторного возбуждения, причем нервный ток идет в нисходящей части рефлекторной дуги по наиболее проторенным путям к наиболее возбудимым двигательным центрам. В конце концов, судебная власть должна усвоить, что убийство учителя Магера поэтом Зейлером произошло вследствие расстройства у Зейлера адреналиновой системы: мозгового придатка, щитовидной железы и надпочечников. Не будь этого расстройства, Магер и Зейлер встретились бы, как закадычные друзья и пошли бы в бир-галле, но надпочечники Зейлера дали делу другой оборот, я произошло ужасное убийство. Это неопровержимо доказывается экспериментами Салона, который нашел в крови разъяренной кошки повышенное содержание адреналина. Что переживания поэта Зейлера, что гнев кошки – это все равно в глазах строго научной гормоно-рефлексологии.

Таким образом, рефлексологический анализ преступления Зейлера приводит совершенно объективным и строго научным путем к следующему заключению. Согласно данным, полученным путем объективного исследования мимики, ориентировочного рефлекса и деятельности сердечно-сосудистого аппарата, Зейлер явился, так сказать, жертвою попеременного образования доминант. Эти доминанты повели к усиленной работе передней сочетательной области: одновременно с этим констатированы были процессы внутреннего торможения. Свидетельствуемый был как бы заперт в ряде замыкательных актов. Параллельно с этим стали усиленно функционировать полосатое тело, зрительные бугры, веге-

тативные центры, развилась асфиксия и, скопив огромные количества адреналина в поперечно-полосатой мускулатуре своих верхних конечностей, подсудимый Зейлер произвел задушение учителя Магера.

Вот вам самый научный анализ fin de sieclea, самый последний крик объективной рефлексологической науки в применении к разгадке психического состояния подсудимого. Понятно, что пред таким анализом, основанном на строго объективном изучении высшей нервной деятельности преступного человека, мы должны смиренно преклонить колени.

Но как мы будем рефлексологически исследовать Зейлера? Существует ли такая методика? Разумеется, существует. Ограничиваясь лишь внешними особенностями поведения Зейлера, мы воспользуемся автоматической регистрацией всех выразительных движений его, применяя аппараты экспериментального типа. Мы введем Зейлера в лабораторную комнату, усадим его так, чтобы в ногу его мог быть пропущен электрический ток: будем регистрировать автоматическим аппаратом поднятие ноги Зейлера от достаточно сильного тока. Одновременно с пропуском тока дадим условный раздражитель, напр., звонок.

После ряда опытов Зейлер уже сам совершит движения ногой и без пропускания тока – и... загадочное преступление будет раскрыто. Что же касается стакана с молоком, то если это не предумышленная выдумка Зейлера, то это, должно быть, есть какой-нибудь условный рефлекс, который случайно совпал по времени с каким-либо безусловным рефлексом. Весь случай является, таким образом, совершенно разъясненным с рефлексологической точки зрения и ни в каких психологических толкованиях не нуждается.

III.

Оказывается, однако, что не все довольны подобным научным разъяснением причин убийства. Вероятно, научные открытия еще не так скоро могут внедриться в косные умы толпы, чтобы просветить ее. Нечего и говорить, что судьи, присяжные и публика, незнакомые с рефлексологией, не будут удовлетворены подобным анализом. Пойдем тогда на компромисс и обратимся к учению, несколько похожему на отечественную рефлексологию, именно к учению о поведении (бихевиор), популярному среди американцев. Это учение, подобно рефлексологическому, требует считаться с внешним поведением человека, а не гадать об его внутреннем состоянии, со всеми его комбинациями и колебаниями. Лучше всего этот бихевиоризм усвоили судьи Зейлера и присяжные. Они основывались только на внешнем поведении Зейлера и презрели всякие его анализы во внутренний свой мир. А внешнее поведение таково.

Учитель найден задушенным у своего письменного стола. В ящике его был произведен беспорядок. Зейлер сознался, что все это – проявления его поведения. Далее Зейлер украл деньги учителя. Он сам признает это. Следовательно, все его внешнее поведение свидетельствует об убийстве с заранее обдуманным намерением с целью грабежа. А раз это так, то, конечно, Зейлера надо казнить, что и выполняется к явному торжеству психологии поведения.

IV.

Для очистки совести и для традиционной демонстрации связи доброго германского суда с наукой, приглашается судебный психиатр, который производит по-старому казенно-психиатрическое исследование. Он многозначительно упоминает о дедушке и бабушке подсудимого, распространяется о наследственности, хроническом недоедании, неустойчивости нервной системы и, в конце концов, ставит диагноз раннего слабоумия.

На подобную экспертизу подсудимый Зейлер отвечает судебному психиатру:

– По моему мнению, вся ваша современная психиатрия – не что иное, как высокомерное шлепание по чужой душе, которое ничего общего с точной наукой не имеет.

V.

Итак, хотя, благодаря рефлексологии, мы и знаем, что стакан молока – условный рефлекс; хотя, благодаря казенной психиатрии, знаем, что Зейлер страдал ранним слабо-

умием; хотя, благодаря деловым янки, создавшим психологию поведения, знаем, что Зейлер убил учителя из-за 100 марок, однако все же чувствуется что российские рефлексологи, немецкие судебные психиатры и американские поведенцы не особенно много разъяснили нам инцидент со стаканом молока, вместе с тем мало сделали для того, чтобы загадочное преступление было раскрыто по всем своим логическим звеньям. Поэтому, как это ни предосудительно, а мы вынуждены обратиться к тому внутреннему миру переживаний, от которого открещиваются современные модные ученые и который познается только психологическим анализом.

В начале романа мы читаем:

«...Нищий поэт Антон Зейлер почувствовал зимой 1917 года, сам не зная почему, непреодолимое желание уехать из Берлина в свой родной городок.

Бесплодно затраченная им в борьбе за жизнь энергия обострила черты его лица, сделав его похожим на опасного, закоренелого преступника.

Никто из пассажиров не хотел вступить с ним в разговор, – и все были поражены, когда, совершенно неожиданно, его сурово смотревшие глаза засветились грустной улыбкой, с которой он взглянул на стоявшую в проходе вагона маленькую девочку.

Ночью, накануне отъезда поэту снилась его прогулка в лес, когда он был школьником»… Снилось, будто учитель Магер «держит горячее сердце Антона, которое он вдавливает ему в череп, после чего опять закрывает его...».

Эти начальные строки мы должны запомнить...

Непреодолимое, непонятное для самого поэта желание, общий вид опасного преступника, грустная улыбка при виде девочки и сны про школьные годы...

В городке (родина Зейлера) «какое-то беспокойство охватило его душу... ураганом пронеслись перед ним отдаленные воспоминания детства: нищета, побои, оскорбления и все перенесенные в школе страдания...» «Это злое животное, – подумал он об учителе Магере, – исковеркало мою душу...» далее, «всю дорогу поэт старался сообразить, что собственно заставило его навестить родной город.

Ненависть к своему школьному учителю лишала его возможности спокойно думать...»

И затем: «...Неужели мучительные переживания детства, о которых я больше не помню, продолжают существовать в моих чувствах и могут вызывать внезапные взрывы бешеного негодования?..»

Итак, поэт во власти каких-то острых детских переживаний; конкретная суть этих переживаний как элемент интеллектуального порядка подверглась вытеснению, но чувственная окраска их осталась. Поэт не помнит содержания переживании, но помнит эмоциональный тон этих переживаний. Благодаря сохранению последнего, у него остры и интенсивны эмоции инфантильного типа, проецированные в детство при отсутствии опознания их благодаря тому, что самые, представления находятся в подсознании. Поэтому-то у него и налицо некоторое заторможение мышления в вопросе о понимании этих настроений. Итак, мы застаем поэта во власти какого-то неосознанного чувственного комплекса, который руководит поведением поэта из подсознательной области («сам не зная почему, почувствовал непреодолимое желание уехать в свой родной городок»).

Остается, по-видимому, одна задача: вызвать из подсознания старые инфантильные представления и спаять их с изолированной временно оторванной эмоциональной окраской. Этому помогает следующий случай.

При свидании с матерью Зейлер был прерван в разговоре с нею тем, что кто-то позвонил. Мать поднялась с места и тихо вышла. Вернулась из кухни вся смущенная. Лицо ее до седых голос было залито краской.

«Зейлер снова вспомнил вдруг о школьной прогулке.

– Это... насчет молока, – произнесла мать.

– Насчет молока? – переспросил он с удивлением.

– Да... я не могу уплатить по счету.

– Стой!.. – закричал он, вскочив с места. – Тише!..

Он отстранил рукой мать и впился неподвижным взором в видение из своей школьной жизни, необычайно ярко вырисовывавшееся вдруг пред его глазами. Он задрожал всем телом, и лицо его исказилось гримасой, как у больного, страдающего манией преследования. Он прижался к матери – и видение исчезло.

Его побледневшие губы прошептали:

– У меня не было тогда десяти пфеннигов, чтобы заплатить за молоко....

– Антон, боже мой, что с тобой?.. Выпей воды...

– Учитель не впустил меня в ресторан, и я должен был стоять перед забором, – один из всего класса»...

Разберем эту сцену по пунктам.

1) Мать вернулась покрасневшая до седых волос. Акт покраснения в сознании Зейлера тесно и прочно спаялся почему-то с когда-то бывшей школьной прогулкой. Он вспомнил о прогулке. Покраснение как раздражитель вызвало определенную ассоциацию. Направление ассоциации прямолинейно обозначается к школьной прогулке. Намек к воспоминанию ость.

2) Далее, мать упоминает о молоке и о невозможности уплатить за него. Немедленно у Зейлера возникает ассоциация по сходству о совершенно тожественном событии из его жизни. Будучи школьником на прогулке, он один из всего класса не мог заплатить за молоко и был публично подвергнут позору и унижению.

«Молоко» как слово-раздражитель вызвало соответствующую ассоциацию, извлекло из подсознания на арену ясного сознания весь мучительный для детского самолюбия инцидент.

3) Слова «Стой», «Тише!» обращены были Зейлером к матери для того, чтобы процесс перехода из подсознания в ясное сознание воспроизводимых представлений не был прерван и отвлечен в сторону иными внешними впечатлениями. «Неподвижный взор» свидетельствует о крайней концентрации внимания на определенном ряде постепенно извлекаемых из подсознания представлений. Когда все картина эпизода была вызвана из подсознания в ясное поле сознания, ожила в самой яркой степени и эмоциональная окраска, которая дотоле умерялась отсутствием опознания. Раз эпизод ожил, переживания воскресли в их остроте, что обычно сопровождается двигательно-мимическими реакциями: «Он задрожал всем телом, и лицо его исказилось гримасой, как у больного, страдающего манией преследования...».

Глубина переживания, возникшего вслед за психической травмой в детстве, оказалась столь великой, что мучила поэта все долгие годы. Этим объясняются его слова, полные символического значения.

«– Мама, за молоко необходимо платить. Иначе приходится двадцать два года страдать из-за этого...».

Открыв мучительный комплекс, Зейлер, в противовес некоторым другим невротикам, отнюдь не освободился от его властного влияния. Наоборот, комплекс переживаний еще более завладел им. Причина этого – отсутствие отреагирования. Для того чтобы освободиться от власти угнетающего комплекса, необходимо его изжить, необходимо убедиться в том, что факты, поступившие для образования комплекса, перестали быть вредоносными. Этого-то как раз и не видит Зейлер. Учитель Магер существует, он по-прежнему мучит и истязает детей, он по-прежнему губит целые поколения. И не один Магер, а сотни, тысячи Магеров делают свое преступное дело, губят десятки и сотни тысяч детей. Это уже не только личная драма, это драма нации: может быть, драма человечества. Это коллективное преступление Магеров необходимо остановить. Во всяком случае, борьба с Маратами неизбежна. И Зейлер инстинктивно вовлекает себя в эту борьбу. Наполовину он действует все еще пребывая под властью воскресших воспоминаний, частью он и к реальной жизни относится автоматически подсознательно. Его желания знают», куда они его ведут. Но его мысль не знает, куда ведут его желания. Этим объясняется следующий факт:

«Прочитав имя Магера на фарфоровой дощечке, прибитой к парадным дверям, у которых он оказался, помимо своей воли, поэт недоверчиво спросил себя, как могло случиться, что только теперь, находясь перед домом учителя, он вспомнил, что мать сказала ему его адрес». Ясно, что адрес учителя воспринят был подсознательной стороной психики Зейлера, которая и привела его к квартире учителя, помимо контроля ясного сознания.

Как невротик, Зейлер находится под властью инфантильных переживаний более, чем какой-либо здоровый нормальный человек. Поэтому, инфантильные переживания воскресают у него не только в их серьезной ситуации, но и в незначительной. Всем нам известна некоторая робость пред учителями; робость эта с годами, разумеется, исчезает: но у невротиков она может воскресать, достигая степени пережитой когда-то инфантильной интенсивности. Так это было и с Зейлером:

«Когда он сделал несколько шагов по лестнице, его сердце мучительно забилось, и неодолимая, чисто детская робость овладела всем его существом».

Под влиянием этой робости и невозможности отделаться от нее, он повернул назад, к вокзалу и опять уехал в Берлин. Пребывание Зейлера в Берлине было, однако, непродолжительным, и вскоре опять очутился в родном городке, куда его пригнали те же смутно-неодолимые подсознательные влечения. «В нем сидела одна мысль, заглушавшая все остальные: учитель Магер должен, наконец, сознать свою вину и попросить у него прощения...».

Свидание его с Магером отнюдь не обещало ему осуществления подобных мечтаний: та же страшно-насмешливая улыбка, то же злорадство, которое светилось в его глазах, когда он поправлял ученические тетрадки. В комнате находилось еще двое школьников, из которых младший подвергся вскоре в присутствии Зейлера обычному истязанию со стороны учителя.

«Согнувшись и застыв в невыразимом ужасе, поэт смотрел на эту сцену его детства, как будто его жизнь перчила в тело малыша».

Магер «толкнул мальчика к стене, и его голова ударилась о дверь. Ребенок выпрямился, и в тишине комнаты раздался его тихий плач... Раскрасневшееся лицо учителя судорожно подергивалось... Магер принялся яростно бить мальчика по лбу своим пальцем с перстнем... Поэт с помертвевшим лицом и диким взглядом сидел, как труп, не сводя испуганных глаз с красного пятна, резко выступавшего на белой коже ребенка...

Учитель не видел, что поэт смотрел на него глазами убийцы.

Продолжая с учителем разговор, Зейлер сказал:

– А когда мы подошли к гостинице... вы меня не впустили, потому что у меня не было десяти пфеннигов для уплаты за молоко...

– Верно... Вы были единственный, у кого не оказалось денег.

И далее:

«Вся сила его тела перепета в его раздвинутые пальцы, которые неожиданно впились в шею учителя...

...Горло Магера затрепетало и заходило резкими, конвульсивными движениями... Еще через секунду большой палец поэта глубоко вдавил адамово яблоко учителя ему в шею...»

Далее, поэт увидел на столе яблоко – и спрятал его в карман.

Потом увидел 100 марок – и тоже спрятал их...

Итак, поэт Зейлер с раннего детства был под властью мучительного комплекса – «комплекса школьных страданий».

Основная психическая травма, породившая этот комплекс, в своем конкретном содержании вытеснена была в подсознательную область, причем часть вытесненных представлений периодически переходила через краевую зону сознания и периодически в измененном виде мелькала порою и в поле ясного сознания, при неприкосновенности амнезированной группы представлений, давивших из подсознательной области лишь на эмоции. Эмоциональный топ вообще был острый, независимо от того, получал ли он пи-

тание от вытесненных представлений или находил поддержку в жизненных реальных фактах, закрепляющих безотрадно-пессимистическое настроение поэта. Как бы то ни было, но этот «комплекс школьных страданий», независимо от сознания и воли поэта, понудил его двинуться в родной городок. Неосознанная цель поездки – потребность в разрешении конфликта.

Мы разумеем конфликт не в банальном смысле, а в смысле, придаваемом этому слову психоаналитической школой, которая понимает его, как борьбу между комплексами и личностью. Выходом из конфликта может быть 1) изменение комплекса до степени совместимости с личностью; 2) пожертвован не одной цели в пользу другой; 3) уклонение от конфликта. Зейлер избирает первый путь. Он хочет изменить «комплекс школьных страданий» до степени примиримости со своей личностью. Этим-то и объясняется его страстное желание: «учитель Магер должен, наконец, сознать свою вину и допросить у него прощения». Предупреждаем, что еще до воспоминания инцидента с Магером, мучительный комплекс школьных страданий, вытесненный на половину из ясного сознания, оказывал давление на переживания Зейлера, а переживания побуждали к неосознанному поведению: поэт «всю дорогу думал и не мог сообразить, что собственно заставило его навестить родной город». Неотреагированные аффекты, входящие в состав мучительного комплекса, причиняли страдания и мрачное настроение. Поэтому, лицо его и похоже было на лицо «опасного и закоренелого преступника. Однако любовь к детям как контрастное переживание ненависти к учителям вызывала положительные чувства, и тогда «его сурово смотревшие глаза засветились грустной улыбкой. Сновидения поддерживали этот основной комплекс сильного чувственного тона (Блейлер, Юнг): «поэту снилась прогулка в лес, когда он был школьником». Когда Зейлер явился в родной городок, им овладело беспокойство как результат оживления вытесненных аффектов. Следовательно, подготовлена была почва для окончательного перехода вытесненных комплексов в поле ясного сознания. Делу помог ассоциативный эксперимент, происшедший по тину нечаянного естественного эксперимента типа Лазурского. Мать тоже в присутствии сына пережила сходный случай с молоком. Это моментально вызвало в сознании поэта единообразную ответную ассоциацию, повлекшую за собою целый поток воспроизведенных представлений – и детская психическая травма окончательна была воспроизведена в сознании. Аффективная окраска этой травмы выплыла в полном своем одеянии, и пережитое состояние вновь зафиксировалось, объединенное социальным пессимизмом взрослого человека в твердое устойчивое и мрачно-угрожающее умонастроение. Как таковое оно приняло затяжную форму. Сцена избиения Магером ученика в присутствии поэта перевела эту затяжную форму в обостренный бурный взрыв патологического аффекта, во время которого и было совершено убийство.

VI.

Незначительные ассоциативные установки, как типичные констелляции представлений, бывают часто, особенно у невротиков, отправным пунктом целого ряда своеобразных переживаний и странных действий. Для оживления или формации их иногда требуется случайный вербальный или зрительный или слуховой раздражитель, который извлекает из подвалов сознания огромный комплекс, предопределяющий линию поведения человека. Для коммерческого миросозерцания мещанина-бихевиориста, созерцающего человеческую психику сквозь призму барышей и долларов, важна именно грубо-внешняя двигательная форма поведения личности. Ее он рассматривает, как факт, такой же факт, как и прибыль, которую он учитывает за прилавком.

Для лиц, изучающих психический мир ребенка и взрослого, двигательное поведение человека играет самую маленькую роль. Для психолога и педагога важна эволюция всех этапов психических моментов, важна целая цепь переживаний, дум и колебаний, которая в конце концов завершилась физико-механическим актом, бездушным и мертвенно-бессодержательным по своей сущности, вне связи с предшествовавшей цепью. Для вульгарного поведенца, хотя бы и новейшей нью-йоркской марки, в «Гамлете» важны лишь отравления отца Гамлета, убийство Полония, самоубийство Офелии, убийство Клавдия.

В «Отелло» важно лишь задушение Дездемоны; в «Короле Лире» важны убийство Корделии, ослепление Глостера. Все это факты, поступки, элементы поведения. И при всем этом из этих голых фактов вышелушен весь Шекспир, выкинуто вон все глубокое и великое из бессмертных творений поэта... Для психолога-эмпирика важны целые тонко налаженные цепи внутренних невидимых причин, вызывающих настроения и переживания всех шекспировских героев; важна богатая пестрая гамма тончайших умонастроений, подавленных взрывов страстей, оргиазм бешеных порывов властолюбия, честолюбия, вероломства, мщения как подлинная бессмертная психоклиническая картина живых человеческих трепещущих и клокочущих эмоций, в каком бы поведении они ни проявлялись.

У субъектов невропатических наблюдается приближение к тому, что в готовых созревших психозах называется разложением сознания: река сознания разбивается на независимые потоки, уже не соединенные в одно гармоническое целое. Бернард Гарт в своей «Психологии душевного расстройства» говорит: «Каждая мысль должна иметь причину... Каждый результат вызван определенной причиной, случай почти не играет роли в психологии».

Итак, у нашего поэта мы имеем комплекс сильного чувственного тона. Эмоциональный тон входящих в комплекс представлений здесь хронически напряженный с большим пли меньшим проецированием представлений в ясное – поле сознание.

Так как комплексы обусловливают направление потока сознания, то школьно-страдательный комплекс становится «коньком». Чисто логическое мышление претерпевает у него, как ну большинства здоровых людей, резкий «уклон в сторону комплекса».

Судебный следователь десять раз допрашивал поэта: поэт десять раз сознавался в убийстве учителя; но когда дело доходило до выяснения причин убийства, следователь никак не мог понять, «причем тут было молоко, о котором вспоминал постоянно преступник, и какое оно имело отношение к убийству учителя». А так как поэт постоянно упоминал об этом эпизоде из детства, следователь, наконец, воскликнул:

– Ах, ради бога, не говорите мне опять о стакане молока...

По поводу избиения маленького школьника, учителем поэт заметил следователю:

– Мне пришлось быть при том, как в его мозг заложили причину, уже сделавшую меня несчастным.

Причина – это нарастание и концентрация однородных угнетающих представлений, формирующих комплекс сильного чувственного топа и обусловливающих непреложное поведение личности.

Цепь звеньев такова: жестокое издевательское обращение с детьми – организация депрессивных комплексов у последних – общий невротический фон – тенденция к патологическим аффектам, приводящим детей (впоследствии в зрелом возрасте) на скамью подсудимых. В случае с поэтом причина столь отдалена от действия по продолжительности и отсутствию внешних переходных сцепляющих звеньев, что упоминание о ней подсудимым кажется чудовищно нелепым и судьям, и следователю, и публике, вообще всем банальным последователям «психологии поведения». Вследствие того, что все эти лица судят по внешним действиям и в зависимости от последних слагают свои формально-логические соображения, в их мышлении получается действительно, тезис, который они по справедливости считают нелепым: мальчику восьми лет не дали стакана молока; поэтому, достигнув 30 лет, т. е. через 22 года, он убил учителя за этот отказ. Ясно, что признать логичность такого тезиса они отказываются. Поэт не может ни судьям, ни следователю выяснить связь между первым звеном (отказ в молоке) и последним (убийство):

– Я никогда не смогу им объяснить, как это произошло, потому что они подавляют меня своею логикой, делающей свои выводы лишь из поверхностного знакомства с событием.

Итак, душевный мир поэта судьи разобрали по внешним его реакциям. Они отвергли нелепый инцидент с молоком и поставили убийство в связь с похищением 100 марок. Здесь прямая последовательность фактов: вслед за убийством последовало ограбление. Дело ясно и просто.

В противовес этой полицейской психологии поведения, комплексная психология, основанная венскими психиатрами и развитая цюрихскими и американскими психологами и психиатрами, уже давно установила следующие положения:

1. Процессы, происходящие в нормальной психике, отчасти являются результатом комплексов, действия которых человек сам может не сознавать.

2. Действие подобных комплексов может быть косвенным, и возникающие при этом сознательные процессы могут иметь лишь частичное отношение к причинам, за них ответственным.

3. Эти разнообразные механизмы затмевают для личности и для постороннего наблюдателя достаточные причины, ответственные за направление мыслей и поступки человека: достаточные причины это не те, что лежат на поверхности; это – более глубокие процессы, которые, можно раскрыть лишь путем тщательного психологического анализа.

Применим это по пунктам к данному случаю.

1. Непреодолимое желание поэта уехать в родной городок; какое-то смутное беспокойство; попытка сообразить и осознать свое влечение; мимовольный приход к квартире учителя; неодолимая детская робость; бессознательное бегство к вокзалу – все эти процессы явились результатом комплексов, действия которых поэт не сознавал.

2. Сознательные мысли и поступки почти не имели отношения к прибытию его в город и к учителю. Поэт находился под властью подсознательных представлений.

3. Механизмы эти были непонятны самому поэту, а еще более – посторонним наблюдателям: матери, судьям, докторам, следователю, публике. Ибо все причины, которые принимались ими во внимание, лежали на поверхности. Более глубокие причины были скрыты от всех. Они – по воле автора – раскрылись впоследствии, позднее самому поэту. Конечно, этого самораскрытия никто не понял. Следователь и судебный психиатр в конце концов пришли к заключению, что инцидент с молоком – не что иное, как новый способ симуляции.

На суде поэт, обращаясь к присяжным, говорит:

– Поймите, что я вспомнил об этом школьном происшествии лишь после того, как побывал в комнате моей матери.

Вспомнил сразу, неожиданно. Целых 22 года оно таилось во мне и только в тот момент (я это, наверное, знаю) оно заставило меня поехать на родину.

И далее:

«Давно забытое переживание отдаленного детства властно послало меня в один прекрасный день из Берлина в мой родной городок. Я должен был повиноваться, сам не зная – почему».

По мнению поэта, в преступлении «мотив – лишь предпоследнее, а действие – последнее звено в этой беспрерывной цепи причин» «Переживания, – думает он, – являющиеся истинными причинами позднейших преступлений, кажутся ничтожными только взрослым. Ребенку же они представляются подавляющими, поражая и потрясая его до глубины души».

«Эти причины, которые кажутся человеку ничтожными, растут вместе с ним, становится неодолимыми, и к тому времени, когда одержимый ими ребенок начинает критически относиться к окружающему, он уже всецело подпадает под их злотворную власть».

Как невротик, склонный к аффектам, Зейлер решает педагогическую проблему индивидуально. Если бы он был здоров и политически более развит, он понял бы, что индивидуальное убийство Магера не разрешает педагогической проблемы, что даже ненависть к Магеру как к единице не есть еще целесообразный социальный заряд против тысячей Магеров, поставленных у воспитательного кормила детей монархическим правительством. Но, с другой стороны, подобные убийства выясняют нам ту страстность, с которою совершались у нас идейные политические убийства министров, в частности министров народного просвещения, или вообще агрессивные действия против попечителей учебных округов. Разумеется, от «стакана молока» до убийства министра дистанция огромного

размера, но подобные убийства совершались отнюдь не только как логически-идейные необходимые акты, а сопровождались резкой эмоциональной окраской, а окраска эта зрела с детства, питаемая суммою обид, оскорблений, унижений, несправедливостей, массой лжи, самоуправства, которыми задавлена была при старом строе воспитываемая молодежь. И в один прекрасный день зрело решение выполнить деяние. Правда, оно не столь конкретно, как данное, оно даже иногда поручалось группою одному лицу по выбору или жребию, но все равно: групповое или индивидуальное негодование выливалось в определенном действии, первоначальные источники которого надо усматривать... именно в символическом «стакане молока». При этом форма реакции зависит от нервно-психического состояния личности мстителя и от его общественного развития: люди наиболее экспансивные, нервные, неустойчивые и эгоцентричные, рассматривающие явление с точки зрения «я-комплекса», т. е. с точки зрения остро задевающих личность индивидуальных переживаний стремятся реагировать (особенно в состоянии аффекта) на определенное лицо, в котором они символизируют педагогическое зло; люди с иным характером, более развитые, но с элементом политического романтизма убивают не ничтожных учителей, а министров, попечителей, хотя бы и неведомых им лично.

Наконец, люди, понявшие, что индивидуальные убийства отдельных лиц не повлекут за собою крушения системы, бросают борьбу с отдельными личностями, утрачивают веру в целесообразность одиночных террористических актов и организуются в разрастающийся коллектив, который стремится к убийству не личности, а целого строя. Это нападение на строй и есть революция.

Поэт Зейлер был как бы на пути к политическому прозрению, но психика невротика и впадение в патологический аффект помешали ему вступить на правильный путь.

«Миллионы людей, – говорит он, – пресмыкаются там внизу, в безысходной нищете... А другие миллионы пробиваются вверх... где бурлит привольная жизнь... Смертоносную силу этого социального водоворота можно уничтожить только преступлением». Такие «преступления» против угнетающих слоев и называются революциями, ибо индивидуальные причины аффектов, подобных выявленному Зейлером, возникают от психических травм; социальная же причина лежит в том, что целый общественный класс не имеет средств купить символического стакана молока, ибо и орудиями производства, и средствами потребления – всем этим владеет другой общественный класс.

Итак, психологический анализ вскрывает нам последовательно следующие звенья, следующую цепь причин, вставляемых между первоначальным стимулом и конечной реакцией:

1) Общий фон жизненной ситуации как психический диатез: бедность, нищета, униженность.

2) Психическая травма: оскорбление при всем классе учителем: отказ в молоке как резкий стимул к росту аффективного состояния. Сознание контраста ситуации. Общее настроение опозоренности.

3) Фиксирование интереса на детских страданиях и школьных мучительствах как лейтмотив растущей эмотивности.

4) Вытеснение жизнью данных представлений, особенно эпизода на прогулке из ясного поля сознания.

5) Сохранение неосознанных эмоций, частью отщепившихся от первоначальных представлений.

6) Власть подсознательных идей и влечений, влияющих сквозь перегородку между ясным сознанием и подсознательную деятельностью.

7) Универсализация перенесенной травмы при оставлении в силе конкретно-индивидуальной формы последней.

8) Оживление вытесненного комплекса, благодаря случайному инциденту с молоком у матери поэта. Сходственность с пережитой травмой и по ситуации и по деталям травмы и по однородному типу представлений и переживаний.

9) Вспоминание первичного амнезированного эпизода как открытие вытесненного комплекса и оживление в сознании поэта ущемленного аффекта.

10) Подсознательное восприятие адреса учителя и прибытие к месту долженствующего совершиться конфликта (квартира учителя).

11) Сопротивление действию как признак борьбы сознательноого «я» с подсознательными влечениями. Временная победа сознательного «я» и бегство от конфликта («побежал на вокзал и уехал в Берлин).

12) Конфликт как борьба между личностью и комплексом сильного чувственного тона. Стремление к получению компенсации (надежда, что учитель будет просить прощения).

13) Резкое и острое оживление старой психической травмы при виде избиения маленького школьника. Быстро нарастающее аффективное состояние.

14) Взрыв эмоций как вторая действенная фаза патологического аффекта, и их психомоторное проявление в финальном действии (удушение учителя Магера).

15) Совершение второстепенных символически-заместительных и компенсаторных актов, инспирируемых из подсознательной деятельности (похищение яблока, 100 марок).

Таким образом, между первоначальным исходным раздражителем (отказ в стакане молока) и конечной ответной реакцией (убийство Магера) произошла целая серия последовательных сложнейших и тончайших психических образований интеллектуального. эмоционального и волевого порядка, которые развивались в продолжение 22 лет и которые при помощи автора мы стремились уложить в ряд звеньев.

Модная психология поведения или, вернее, «поведение без психологии» повелевает эти звенья игнорировать, ибо они добыты путем «копанья в чужой душе».

Современная научная аналитическая психология, наоборот, призывает к еще более топкому и тщательному анализу таких случаев, с которыми приходится нередко сталкиваться врачу-психиатру, выступающему экспертом в уголовном суде.

Никому из лиц, признающих эмпирическую психологию, не приходит в голову мысль о необходимости оспаривания гормоно-рефлексологических субстратов эмоций. Они готовы верить, что может быть, все именно так или почти так и происходит в организме при эмоциях гнева, ярости, ревности, как описывают гормоно-рефлексологи: но установка анатомо-физиологического субстрата эмоции или химической ее сущности лишает ли значения чисто психологический анализ? Гнев, ревность, ярость – это скопление адреналина в поперечно-полосатой мускулатуре, – так учат гормоно-рефлексологи и при этом ссылаются на опыты с разъяренной кошкой. Прекрасно. Но отличается же чем-нибудь гнев кошки от гнева Отелло, ярость волка от ярости Франца Моора, хотя бы в основе и той и другой и лежало скопление адреналина. Попытка анализа эмоций гнева, ярости, ревности только в плоскости химических передвижений адреналина из надпочечников в кровь, из крови в мозг, из мозга в поперечно-полосатую мускулатуру верхних конечностей едва ли вполне способна исчерпать тончайшие оттенки указанных эмоций. Задушение крысы кошкой есть результат скопления адреналина в мышцах и задушение Дездемоны мавром тоже результат скопления адреналина в мышцах... Неужели эти акты более ничем и не отличаются друг от друга? Психологам, напротив, представляется, что и задушение Дездемоны, и убийство Полония Гамлетом, и отравление Корделии, и убийство Дункана Макбетом, и убийство Позднышевым своей жены, и, наконец, убийство учителя Магера поэтом Зейлером – все это глубоко различные акты, имеющие различные мотивы, различные переживания и различные комбинации этих мотивов и переживаний: лишь в конце назревания эмоций или в период разрешения их в действии они могут принять единообразную форму двигательного проявления.

Несмотря на самые новейшие опыты над животными, доказывающие химически наличность адреналина в мышцах при гневе, психологи вправе утверждать, что при душевных переживаниях дело не только в адреналине и не только в том, в какую физическую форму нападения выльется назревшая эмоция, а еще в том, какие представления в сознании личности способствовали ее психическому возбуждению, какие мысли взволновали

ее, как развилось и во что сформировалось это психическое волнение, какие колебания оно претерпело и, наконец, в какую психомоторную форму оно вылилось в окончательном итоге. Чуть затаившееся сомнение, медленно и с колебаниями переходящее в подозрение в психике Отелло еще не есть поступление адреналина в мышцы рук; Отелло не с первой сцены первого акта засучивает рукава, как палач, чтобы кого-то душить... В его душе борется целая гамма переживаний, кидающих его то вверх, то вниз... В мятущейся и истерзанной психике Отелло страстно борются стихийная тенденция к возврату прежних очаровательных и безмятежных переживании с надвигающимися валами бурно растущей ревности... До адреналиновой расправы, о которой говорят гормоно-рефлексо-психологи разъяренных кошек, еще далеко... Когда баланс обвинительных доказательств и умозаключений превысил в сознании Отелло тенденцию к оправданию Дездемоны, когда исчерпаны были как бы все аргументы в ее защиту, тогда начинает расцветать бешеная ревность, прогрессирующая с каждым моментом: но и на этой самой важной стадии вся сущность эмоции зиждется главным образам на контрастных представлениях: добродетель – измена, чистота – ложь, а вовсе не на помыслах учинить жестокое адреналиновое рукоприкладство. Менее всего Отелло заботился нагнать в свои бицепсы секрет надпочечных желез. Он испытывал невероятные нравственные мучения по поводу вероломства женской психики, в каковом он убедился под давлением контрастных представлений. Совсем не важно поведение Отелло, как оно выразилось в финале, он мог не задушить Дездемону, а отравить, и дело тогда обошлось бы без адреналиновой расправы. Лермонтов избрал именно такой путь при изображении сцены отравления Арбениным Нины – и от этого художественная правда произведения ничуть не пострадала.

Итак, в эмоциях следует различать: 1) своеобразную установку представлений; 2) эта установка представлений приводит к особому умозаключению, поражающему так или иначе аффективную сферу личности; 3) аффективное состояние прогрессирует, питаясь все время поддержкой аргументирующих представлений; 4) оно, наконец, достигает вершины и требует разрешения в той пли иной форме; 5) выбор формы разрешения эмоций не имеет существенного значения. Гормоно-рефлексологические субстраты логически приемлемы лишь для 5-й и отчасти 4-й фазы формации эмоциональных состояний: нет никаких доказательств, что эти субстраты лежат в основе 3-й фазы и совершенно бездоказательно их участие в 1-й и 2-й фазах строения эмоции. А для психолога важны именно первые три фазы.

Стремление перенести «душу» человека в надпочечники не так научно и не так ново, как это кажется гормоно-рефлексологам; древние эллины поочередно переносили «душу» то в легкие, то в сердце; гормонологи сделали шаг пониже и забрались под диафрагму: но научность от этого мало выиграла. Ведь еще не имеется никаких экспериментально добытых доказательств, что поступление адреналина в кровь, а оттуда в мозг, мышцы немыслимо без развития гнева, ревности, ярости... Возможно, что такая циркуляция адреналина может происходить при особых мышечных движениях и спортивных упражнениях, когда человек «входит в раж», не испытывая ни ревности, ни мести, ни гнева, ни ярости.

Попытки гормоно-рефлексологов упразднить психологический анализ мы считаем нецелесообразными, помимо их ненаучности, еще в двух направлениях: 1) фиксируя внимание молодых педагогов и врачей только на железах, крови и рефлексах, они создают плеяду педагогов, не интересующихся переживаниями и вообще психическими скитаниями личности ребенка; плеяду педагогов, для которых воздействие на сознание детских масс является пустым делом, ибо вея суть в токе крови, секреции желез и механизме нервных приборов; 2) с другой стороны, это течение глубоко антиобщественное в том смысле, что социологический анализ личности и масс никогда не сможет выродиться в лабораторное исследование тканей, функций и осмотических движений. Социальная жизнь не уложится в собачий станок, а ведь в этом станке именно и зарыта строго объективная «собака» отечественного бихевиоризма.

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. К ИССЛЕДОВАНИЮ ОДАРЕННОСТИ

Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории. Вып. 3 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1927. С. 1–45

I.

За истекшее трехлетие существования Психоневрологического кабинета удалось обследовать учащихся около двадцати школ и детских домов. Употреблялись для обследования умственного уровня детей и методы Бинэ – Симона и вариации этого метода в скалах Бобертага, Шуберт, П. П. Соколова, И. Л. Стычинского; употреблялись также методы, А. П. Нечаева и Г. И. Россолимо, Меде и К. Пиорковского, В. Штерна и иные популярные методы. В истекшем сезоне 1926/27 года были обследованы 8, 19, 14, 23, 25-я школы и школа для слепых, т. е. в общем 6 школ с количеством приблизительно в семьсот детей. Еще в 1-м и во 2-м сборниках «Детской психологии» были опубликованы результаты производимых обследований в статьях «К вопросу о состоянии нервно-психической сферы у детей детских домов; и школ г. Самары», «Об умственном развитии детей чувашской школы», «Литературно-творческий процесс у детей 5-й опытной школы», «К психологии упрямства». Краткая обработка материалов по 23-й школе печатается в настоящем сборнике. Получаемый путем обследования школ материал обрабатывается обычным путем медико-санитарной статистики или статистики, вошедшей в употребление в работах по экспериментальной психологии. В отношении последней устанавливается количество учащихся среднего умственного уровня, количество учащихся выше среднего уровня и количество учащихся ниже среднего уровня. Производится анализ соответствия этих данных школьной успешности, причем иногда наблюдается полное совпадение учительских оценок с высотою интеллектуальных процессов, а иногда значительное расхождение. О причинах этого расхождения и о значении его будет сказано ниже, а сейчас необходимо поставить следующие вопросы:

1) Какие, собственно, процессы определяются у детей посредством наиболее популярных тестов, употребляющихся в наше время?

2) Действительно ли все исследователи – врачи, педагоги – знают и понимают, что именно они исследуют?

3) Действительно ли все популярные методы согласованы именно в том, какие задачи преследуются посредством их применения?

Обозревая обширнейшую и богатейшую современную литературу по текущему вопросу, мы видим следующую картину.

Одни авторы, подвергая детей психологическим экспериментам, говорят, что они исследуют умственное развитие детей; другие, опираясь на те же опыты, говорят об исследовании умственных способностей; третьи называют это исследованием врожденных умственных предрасположений; четвертые утверждают, что посредством этих тестов определяется умственная одаренность или общая одаренность, которую не надо смешивать с частичной одаренностью или дарованием, талантом. Пятые находят, что тесты выявляют просто функции интеллекта; шестые указывают, что термин «одаренность» только сбивает с толку, а следует говорить просто об экспериментальном изучении ума. Седьмые пользуются термином «познавательные способности», восьмые – термином «умственная зрелость» и, наконец, девятые – термином «психический тонус». Итак, одни и те же эксперименты определяют какие-то процессы, которые называются разными авторами различно. Требуется установить, что, собственно, из всей этой массы разнородных мнений можно свести к идентичным понятиям и что следует выделить как понятия, взаимно различествующие.

Параллельно с этим необходимо точно и ясно представить себе, что же в конце концов следует понимать под термином «одаренность», исследование которой является программным вопросом современной детской психологии.

II.

Бинэ и Симон, впервые предложившие свой знаменитый метод, употребляли его «для испытания степени умственных способностей». Они признавали понятие общей врожденной умственной одаренности, но впоследствии согласились с тем, что некоторые тесты зависят от знаний школьных и житейских и, стало быть, не характерны для общей одаренности. В рассуждениях Бинэ, в общем, не заметно, чтобы он стоял за особое различие понятий «одаренность» и «умственное развитие».

«Общая одаренность» и «ум», по Бинэ, одно и то же: «ум есть нечто единое: несмотря на множество своих способностей, он обладает существенной функцией, которой подчинены все другие[1)*]».

«Понимание, изыскание, направление, обсуждение – эти четыре слова характеризуют деятельность ума. Эти четыре основные функции должны изучаться посредством нашего метода[2)]».

Несколько иначе смотрит на дело Мейман. Он дает три схемы испытаний: 1) испытания, выясняющие умственное развитие; 2) выясняющие собственно одаренность; 3) выясняющие влияние обстановки и среды. Уже из этого видно, что Мейман различает понятие «умственное развитие» от «одаренности». Но далее Мейман высказывается еще более определенно. По его мнению, одаренность создается развитием мышления или фантазии. Оно – преобразующий элемент. Признаками одаренности являются: интенсивность интеллектуальной жизни, выдержка различных сторон интеллекта; способность к совершенствованию; нахождение нового – создание новых истин, целей или ценностей; устранение препятствий для положительного творчества; уменье избежать ошибок в поступках, активный характер приспособления, творчество и продуктивность, выходящие за пределы усвоения материала и связанности приобретенным опытом[3)].

Наоборот, Штерн настойчиво подчеркивает, что одаренность есть общая способность, что она отличается от таланта, который всегда есть частная способность в какой-либо области; но в то же время «одаренность» отличается и от способности воспроизведения привычного и заученного тем, что она приспособляется к новым условиям и требованиям[4)].

Штерн не только отграничивает умственную одаренность от эмоциональных и волевых свойств личности, но и среди интеллектуальных функций отводит ей ясно очерченное место, т. е. исследовать, по его мнению, нужно только понимание, комбинаторную способность, суждение, умозаключение, критицизм[5)]. Уже на примере этих трех авторов мы видим, насколько они расходятся и в понимании самой одаренности и в предназначении тестов. Другие авторы (Бобертаг, Гейманс, Бругманс) указывают, что по методу Бинэ исследуются преимущественно более или менее элементарные психические функции, «бойкость ума», а вовсе не более глубокие черты умственного склада[6)], Уиппл, наоборот, отстаивает значение тестов как показателей одаренности, а Аллен и Липманн придерживаются противоположного взгляда[7)].

Совершенно неопределенную позицию занимает в этом споре проф. Кирпатрик, вводящий понятие умственной зрелости[8)]. Зато вполне определенно высказываются Пиорковский и Меде. Решительно отожествляя «способности» с «одаренностью» и практически ставя знак равенства между этими понятиями и понятием интеллектуальной продуктивности в эксперименте, эти авторы или совсем устраняют вопрос об исследовании частной одаренности или полагают, что занятия проблемой одаренности сводится к бездельному исканию сущности одаренности, а уж раз дело доходит до «сущности», то научному исследованию приходит конец. Напр., Меде, восхваляя тесты, говорит: «Обратная картина получилась бы в том случае, если бы, не делая краеугольным камнем испытания главные функции интеллекта и их аналитическое систематическое исследование, мы начинали бы с более или менее злополучной и несовершенной теории умственной одаренности и к этой

* Литература приведена в конце статьи.

воображаемой основе приноравливали бы программу испытаний. Ибо глубокий мрак окутывает сущность интеллекта, не говоря уже о сущности высокой одаренности, и дешевые теории, трактующие о неизвестных вещах, способны дать лишь субъективное успокоение, лишенное положительно эвристического значения... Полученное в результате (испытаний) градуированное распределение по способностям создает неопровержимую основу для относительного диагноза одаренности, т. е. получения сравнимых суждений о способностях, к которому мы стремимся[9)]».

В противовес этому мнению Циэн отрицает самое понятие «умственная одаренность» в смысле измерения ее в целом. Он признает одаренность со стороны отдельных функций, как память, внимание и пр.[10)]

Обратимся теперь к русским авторам.

Г. И. Челпанов говорит, что вопрос об одаренности предполагает какую-то загадочную способность; порождению этой загадочности немало способствует самый термин «одаренность». По мнению автора, в данном случае более пригодным является термин «ум». Метод тестов, как думает Г. И. Челпанов, ничего не дает для определения одаренности, так как неизвестно, какое отношение имеет, напр., хорошая механическая память к одаренности: если память хороша, это еще не одаренность... Определять по Бинэ исключительную одаренность, талантливость нельзя, а лишь соответствие умственных способностей возрасту[11)].

А. П. Нечаев, разбирая вопрос об экспериментально-психологическом исследовании детей и останавливаясь па методе Бинэ – Симона, говорит о методах, направленных па изучение «интеллектуальной сферы человека» – его восприятий, памяти, внимания, суждений, речи и т. д. Здесь ясе он говорит об «интеллектуальном развитии ребенка, об «общем умственном уровне ребенка[12)]». Можно было бы думать, что А. П. Нечаев склонен отожествлять эти понятия; но другая его работа «Ум и труд» показывает, что автор склонен дифференцировать эти понятия. Так, он имеет в виду не только способности, но и особенности характера, знания, умения, причем «справка о знаниях и умениях человека свидетельствует не только об его наличной готовности к работе определенного рода, но и об известной степени его интеллектуального уровня, обеспечивающего ему в дальнейшем процесс необходимого приспособления к новой работе».

Следовательно, интеллектуальный уровень не исчерпывается умственными способностями. А. П. Нечаев отожествляет его с умом. «Степень интеллектуального уровня человека или, короче говоря, сила его ума…»[13)] Еще более точно автор оттеняет эту мысль, упоминая, что в настоящее время доведено до совершенства исследование умственных процессов; наконец, из нижеследующих строк явствует, что А. П. Нечаев различает понятия: «умственное развитие» от «врожденной умственной одаренности». «Что касается первой задачи, исследования общей работоспособности, то она приближается к так широко распространенным в настоящее время испытаниям одаренности. Однако последние, применявшиеся главным образом к детям, стремятся выявить преимущественно силу врожденных предрасположений к умственному развитию, так называемую интеллигентность (Intelligenz, Intelligence)... Исследование природных умственных сил взрослого человека представляет несравненно более трудную задачу»...

И далее: «Задача настоящего исследования и формулируется не как определение психической одаренности; а как исследование умственной работоспособности»... Из приведенных цитат явствует, что А. П. Нечаев едва ли склонен отожествлять одаренность с умственным развитием, как таковым[14)].

На наш письменный запрос по вопросу об одаренности, проф. А. П. Нечаев любезно сообщил нам, что он считает необходимым разграничить понятия «умственной работоспособности» и «одаренности» в смысле «талантливости». При определении «одаренности» или «талантливости» необходимо принимать во внимание не только высоту отдельных интеллектуальных процессов, но и всю психическую конституцию человека,

в которой (как раз именно у «талантливых» и «одаренных» лиц) существенным фактором являются эмоциональные и волевые процессы».

Г. И. Россолимо в своих «Психологических профилях» и иных работах употребляет термины: «Высота умственных процессов», «Психический тонус», «Массовое исследование интеллекта». У этого автора мы не нашли стремления отожествить все эти понятая с «одаренностью»[15)]».

А. П. Болтунов в своей статье: «Измерительная скала ума» тоже упоминает об интеллектуальных предрасположениях, но, по-видимому, не склонен видеть какой-либо разницы в понятиях «ум», «умственные способности» и «одаренностью[16)]». В другой своей работе: «Педагогическая характеристика ребенка» он разделяет детей на неспособных, средних и очень способных (в общем параграфе о количественных различиях одаренности). Таким образом, какого-либо намерения у А. П. Болтунова дифференцировать понятие одаренности от обычного умственного уровня ребенка не усматривается[17)].

Иное мы видим у П. П. Соколова, который стремится подвести под общее понятие умственного уровня отдельные слагаемые, одним из которых является одаренность[18)].

Автор метрической скалы на основе Бинэ – Симона д-р И. Л. Стычинский еще более далек от идентификации умственного развития и одаренности. «Понятие одаренности не может быть отожествлено с понятием интеллекта вообще. Одаренной личности должен быть свойственен высокий уровень интеллекта при достаточном развитии составляющих его элементов, включая и, так называемые, низшие функции (память и др.), которые составляют значительную основу для развития высших функций. Нужно, однако, иметь в виду, что высокий уровень развития отдельных интеллектуальных процессов, создавая благоприятные условия для развития одаренной личности, сам по себе еще не определяет одаренность как таковую. Основными признаками одаренности, с нашей точки зрения, являются самостоятельность, оригинальность мыслительной деятельности и значительное развитие творческих способностей, сочетающихся с общим высоким уровнем интеллекта данной личности в целом[19)]». Это мнение, близкое к взглядам Меймана, предполагает не разграничивать такие понятия, как одаренность, даровитость и талантливость, тогда как у многих других авторов выхолит, что ум и одаренность – одно и то же, а одаренность и даровитость – явления разные.

А. А. Крогиус, придавая громадное значение методу Бинэ, не считает, однако, его вполне чувствительным, как показателя одаренности[20)]. Указывая на проводимые им наблюдения, этот автор различает наблюдения над умственным развитием, успешностью и одаренностью[21)].

П. А. Рудик в своем «Психологическом профиле общей одаренности» примыкает к группе экспериментаторов, не различающих понятии общей одаренности и умственного развития[22)]. А. Ф. Лазурский, обсуждая вопрос о психическом уровне, говорит, что он зависит, с одной стороны, от степени одаренности человека, т. е. от богатства и интенсивности его прирожденных способностей, а с другой – от влияния внешних условий[23)]. Следовательно, по Лазурскому, эти понятия должны быть различаемы.

К. П. Веселовская излагает свое понятие умственной одаренности. «Неудача русского перевода слова intelligenz – «интеллект» чаще всего вызывает смешение умственной одаренности с интеллектуальной. Но для правильности методологической и практических выводов эти два понятия требуют полного разграничения, в той же мере, в какой мы различаем умственную одаренность от тонкости ощущений, а также от богатства в запасе сведений и навыков; в смысле указанного «духовного багажа» мы совершенно определенно различаем и соответственно придаем разное толкование выводам экспер. психол. исследований в понятиях «начитанность» и «натасканность»[24)].

Насколько можно понять автора, она под термином «интеллектуальный» разумеет нечто отличное от понятия «умственный», а посему у нее получаются два вида общей одаренности.

Своеобразное понимание одаренности высказывает К. Сотонин: «Одаренность человека есть, видимо, именно его упражняемость, так сказать, пластичность организма. Теоретически степень одаренности характеризовалась бы доступным для данного лица пределом наупражненности»[25)].

Г. Е. Сухарева и З. В. Осипова полагают, что «само понятие одаренность в настоящее время не может считаться достаточно определенным; мы не имеем научной концепции одаренности. Понятие «одаренность» так же условно, как и понятие «норма». У нас нет точных данных, указывающих, где границы нормальных способностей и где начало того, что называется одаренностью»[26)].

Прибавим к этому, что и в отношении животных исследователи пользуются термином «одаренность». Так, Н. Н. Ладыгина-Котс в своем труде «Познавательные способности шимпанзе» пишет: «Хотя шимпанзе является от природы весьма одаренным существом, он как будто не использует и не усовершенствует до конца свои способности»[27)].

В своей книге «Психология ребенка и подростка» А. А. Смирнов, обсуждая те же явления, называет их «познавательным опытом» ребенка[28)].

С. М. Василейский, резюмируя взгляды авторов на одаренность, указывает, что «сущность умственной одаренности или высшей общей одаренности состоит в количественном изменении интеллектуальной производительности индивидуума, которое вызывается отчасти высоким развитием творческого и самостоятельного мышления и его влияния на прочие способности, отчасти особенной интенсивностью интеллектуальных процессов (в особенности внимания)»[29)].

Наиболее обстоятельную разработку теоретической стороны вопроса об одаренности дал В. М. Экземплярский. К сожалению, автор не сделал ясного и точного резюме своих взглядов на одаренность, а отдельные рассуждения его не поддаются сжатой формулировке. Мы лишь можем выписать следующую важную в этом вопросе фразу: «Итак, мы склоняемся к признанию, что существует и общая одаренность и различные виды специальной одаренности, причем очень значительная высота в развитии первой не всегда потенциально заключает в себе и достижение значительных успехов в усовершенствовании всех специальных способностей»[30)].

Весьма интересно мнение по вопросу об одаренности проф. В. А. Вагнера. Последний ставит в теснейшую связь вопросы творчества с проблемой одаренности и в этом отношении его взгляды совпадают с взглядами Меймана. Однако при деталях выясняется своеобразие точки зрения В. А. Вагнера, проистекающее вследствие сосредоточенного погружения проблемы одаренности в данные эволюционного порядка.

«У животных, ведущих одиночный образ жизни, психические способности, или, выражаясь иначе, – психическая одаренность особи равноценна психологической одаренности вида: все волки, все олени, все тюлени и морские коровы одарены совершенно одинаково: все волки и тюлени хорошо одарены; олени одарены значительно меньше, морские коровы одинаково «глупы». Происходит это потому, что естественный отбор с одинаковой суровостью устраняет всякие уклонения как морфологические, так и психологические...» Жизнь животных в стаде, «общественность» их позволяет отклониться от видового типа одаренности. В отношении человека для каждой расы существует свой средний тип одаренности». При таком понимании дела выходит, что одаренность – это как бы постоянный неизменный признак всякого живого существа, то повышающийся, то понижающийся, причем это-то постоянство и делает ее отнюдь не осязательно связанной с творчеством, как это утверждает сам В. А. Вагнер в начале работы. В самом деле, если одаренность неизбежный и обязательный признак и тюленя и оленя, то при чем тут творчество?.. Одаренность в этом смысле есть просто биологическая способность ориентироваться в окружающей обстановке и обстоятельствах. Однако в дальнейшем В. А. Вагнер отклоняется от этого определения и придает одаренности не только большее значение, чем приспособлению, но и большее, чем психическим способностям. Так, он говорит: «Одаренность, представляя собою совокупность определенного числа психических спо-

собностей, отнюдь не является их простым конгломератом, способности эти функционально не только тесно координированы друг с другом, но характер этой координации определяет характер самой одаренности».

Мы не беремся судить, в каких пределах с точки зрения биологии и сравнительной психологии можно судить о характере координации психических способностей и где та ступень живых существ, к которым применимо понятие о психической координации, но полагаем, что одаренность, как явление, связанное с творчеством, как явление, характеризующееся оригинальностью, новизной, самостоятельностью, может быть применима лишь к некоторым группам и индивидуумам человеческого вида, а не других живых существ, иначе понятие об одаренности расплывется в понятие о психической ориентации и находчивости. Этим отнюдь не умаляется значение эволюционного подхода, который весьма ценен с точки зрения этиологической, но для изучения статики и динамики одаренности такое расширение вопроса чревато осложнениями и уклонами в сторону. Особенно это затруднительно при анализе частичных дарований, напр. живописи. Начинать анализ одаренности живописца с точки зрения сравнительной психологии едва ли не будет преувеличением. О живописи тюленей, морских коров едва ли нам сообщат что-либо биологи; но главное возражение, повторяем, это связь одаренности с творчеством, которую прекрасно подчеркивает сам В. А. Вагнер, очерчивая, таким образом, соответствующие границы проблемы одаренности определенными рамками. Равным образом при рассмотрении вопроса с точки зрения аналитической психологии не придется так страшиться слов «интуиция», «вдохновение». Проф. В. А. Вагнер опасается, что употребление этих слов вынуждает апеллировать к небесам и что за этими словами не значится никакого содержания. Действительно, самые слова «интуиция», «вдохновение» можно с успехом оставить, но только генетический подход к сложным явлениям, скрытым за этими словами, недостаточен. При этом В. А. Вагнер разумеет подход только филогенетический, а этого тоже недостаточно. Наоборот, все механизмы подсознательной деятельности, как то: механика комплексного мышления, конфликты комплексов с «я», процесс рационализации, проекция, репрессия, транспонирование, конверсия – словом, все те механизмы, которые вскрыты в психике человека аналитической психологией, без помощи небес достаточно ясно и научно выясняют ингредиенты творческого процесса.

Итак, генетический подход к проблеме одаренности, несомненно, выяснит в ней многое, но первое место здесь принадлежит аналитической психологии. Возьмем, напр., литературную одаренность. Здесь необходимо изучение прежде всего звеньев процесса, как то: восприятия действительности, запечатлевания воспринятого материала, дифференциации, отреагирования, сгущения, индукции, инсценирования и проекционно-технической моторики. Не изучив этих звеньев, мы не будем знать, для чего нам нужны сравнительно-психологические данные. Помощью последних мы лишь поймем, откуда происходит одаренность, но не поймем, что такое одаренность (вышеперечисленные цитаты взяты нами из рукописной работы проф. В. А. Вагнера, любезно приславшего нам ее до напечатания, за что мы выражаем автору нашу благодарность).

Влияние рационализации на мышление достаточно освещено в современной психологии. Нет мышления, которое сумело бы достаточно свободно ускользнуть от влияния рационализации. Резко-грубое влияние последней сказалось на уотсоновщине, которая резюмирует собою смесь пристрастия и неосведомленности. Поскольку в научном мышлении рационализация вредна, постольку в художественном творчестве она при случае может оказать пользу, благодаря усилению индукции. В этом отношении показателен способ творческой работы Л. Н. Толстого.

Конфликт «я» с комплексами наиболее типично проявляется у одаренных в отношении государственной и общественной деятельности, у политиков, дипломатов. Одаренность заключается здесь в том, чтобы искусно избегнуть столкновения двух потоков представлений на поле сознания. У душевнобольных это достигается постройкой двух логико-

непроницаемых отделений. Наступившая диссоциация, как результат конфликта, является защитной реакцией (Гарт).

Репрессия, т. е. изгнание комплекса, в патологии сказывается созданием психоневротических симптомов, а в художественном творчестве созидательным отреагированием.

Авторы тестов напрасно воображает, что созданием испытаний исчерпывается проблема одаренности и что эта проблема с успехом может обойтись без всякого проникновения в вопросы творчества.

Кто не изучает вопросов творчества, тот не приблизится к проблеме одаренности, ибо эти области неразрывны; но чтобы изучить творчество, нельзя обойтись без аналитической психологии, которая углубит понимание творческих процессов, ибо последние разбираются в периодической прессе банальными «критиками», застывшими в своих субъективных вкусах и неосведомленными в чисто психологических течениях.

Точнее говоря, пора соединить аналитическую психологию с экспериментальной и поскольку последняя еще не ввела в круг своей деятельности изучения подсознательных механизмов, постольку работа ее не может считаться законченной.

По возможности мы старались привести взгляды наиболее видных представителей по вопросу об одаренности, поскольку можно располагать литературой в провинциальном городе. Нам теперь необходимо сделать общую сводку взглядов и определить, какая линия наиболее представляется правильной.

Прежде всего необходимо разобраться в недоразумениях, проистекающих из этимологически неверного употребления слов и неправильного перевода некоторых терминов с французского и немецкого языков на русский. Немецкое intelligenz или французское intelligence должно переводиться словами: «ум», «разум», «познание», «интеллект»; у нас же его сплошь и рядом переводят словами «одаренность», «умственная одаренность», тогда как одаренность по-французски: la donation или le don, le talent; по-немецки одаренность – begabung. «Одаренный» по-французски – doue, по-немецки: begabt; «умственные способности» по-французски – les facultes или Modes ou facultes de l’intelligence.

Собственно «ум» в смысле разума, такта переводится на французский язык la raison, l’esprit»; на немецкий: Der verstand, Vernunft.

Таким образом, в лингвистическом отношении нет никаких оснований утверждать, что все авторы, предлагавшие тесты на испытание умственных способностей, разумели именно «одаренность», отожествляли ее с умственными способностями», а в отношении возрастов полагали, что между «общей одаренностью» и «умственным развитием» нет никакой разницы.

Далее. В житейском обиходе и в просторечии обычно различаются понятия «ум», «способности» и «одаренность», тогда как экспериментаторы часто разумеют под всем этим понятия идентичные. В просторечии принято употреблять эти термины для разных понятий: можно быть умным, но не способным; можно иметь хорошие способности, но не считаться одаренным, даровитым, талантливым. Ум предполагает общую удачную ориентацию, склонность обобщать явления, разбираться в обстоятельствах; ум – это такт, предвидение, предусмотрительность, логическое взвешивание за и против.

Способности – это свойство достаточно быстро воспринимать, усваивать и перерабатывать материал, даваемый жизнью, школой, обучением, причем свойство это не делает крайних скачков вверх.

Одаренность, дарование, талант – это исключительно высокая продукция какой-либо одной или нескольких способностей с характером новизны, оригинальности, самостоятельности и активного творчества. Можно быть талантливым, но не умным, как b, наоборот, можно быть умным, развитым, но бесталанным.

В экспериментальной психологии это житейское толкование подверглось изменениям. Отчасти эти изменения имеют основу в научной психологии, отчасти они зашли далеко за пределы нужной коррекции.

Создаваемые различными авторами тесты построены по типу определения или отдельных функций интеллекта? или целых комплексов. С точки зрения частной психологической симптоматологии отдельные функции неизбежно входят и в понятие «ума»? и в понятие «способностей», и в понятие «одаренности», «таланта», «гения». Например, возьмем испытание ассоциаций. Ассоциативная работа нужна и умному человеку, и способному, и таланту. Без правильной ассоциативной планировки умный человек не найдет должного и удачного выхода из затруднительного положения; без упроченных рядов ассоциаций нельзя называться способным человеком, ибо ассоциации, воспроизведение представлений упрочивают, закрепляют усвоенное; без тех же ассоциаций, напр. звуковых образов, музыкант не может проявить своего таланта. Отдельные функции всюду входят, везде нужны. Но взаимоотношение этих функций, сила и высота их, согласованность и антагонизм должны быть различны у лиц тех трех категорий, которые обозначаются нами, как умные, способные и одаренные (талантливые). В самом деле, можно быть умным человеком, но не обладать ни высокоразвитой памятью, ни высоконапряженным вниманием, ни высокоразвитым воображением. Можно обнаружить способности по всем учебным предметам и быть ограниченным и недалеким субъектом. Наконец, можно быть одаренным высоко в отношении 2–3 или 1 отрасли (наук, искусств) и быть неспособным вообще и неумным субъектом. Итог, ансамбль в этих случаях не всегда совпадает с профилем, резюмирующим высоты отдельных функций. Вот это-то несовпадение в ансамбле и не позволяет сводить в одно понятие ум, способности и одаренность. Следовательно, такие психологические понятия, как «ум», «способности» и «одаренность», предполагают при наличии одних и тех же простейших психических элементов различные количественные и качественные взаимоотношения их, различные формы согласований и антагонизмов, различные виды направлений и комбинаций. Поэтому в целом это понятия различные, и организуемые тесты должны иметь в виду определенную цель: они должны быть рассчитаны на испытание или ума, или способностей, или одаренности. Правда, в отдельности один и тот же тест может быть пригоден для всех трех категорий, но общая система тестов, план и ожидаемый вывод должны быть различные.

Немецкие авторы определенно говорят об испытаниях интеллекта, ума, познавательных способностей (Intelligenz prüfungen)[31)]. Если бы на русский язык упомянутые термины не были переводимы словом «одаренность», то значительной части споров и недоразумений не произошло бы.

До эпохи Бинэ не были в ходу подразделения на общую одаренность и частную одаренность. Эти подразделения вызваны были к жизни необходимостью изоляции испытаний интеллекта от диагностики частичных дарований. Вслед за терминологическими недоразумениями, вызванными словами «одаренность», до сих пор многими авторами поддерживается настойчивое стремление дифференцировать практически понятия: «одаренность» и «даровитость». С точки зрения лингвистической, такая дифференциация едва ли целесообразна, потому что корень «дар» входит и в то и в другое слово; «дарование», «даровитость», «одаренность» должны, по-видимому, обозначать одни и те же понятия. Прибавка прилагательного «умственный» не избавляет от недоразумений, так как авторы, присоединяя этот эпитет, отожествляют понятия «общая одаренность» и «умственная одаренность», что едва ли правильно, ибо отожествляются здесь родовое понятие с видовым. «Умственная одаренность», как понятие видовое, может говорить только о высоте интеллекта; «общая одаренность» говорит и о высоте интеллекта, и о высоте эмоционального таланта (артисты, певцы), и о высоте волевой одаренности (государственные деятели, полководцы, завоеватели, путешественники). С другой стороны, стремясь под «общей одаренностью» понимать лишь высоту интеллектуальных функций, авторы вдруг отклоняются от этого принципа и с полдороги поворачивают в сторону: часть функций интеллекта более сложных они объявляют «умственной одаренностью», а часть функций более элементарных находят нужным изъять из этого понятия (Штерн). Однако другие исследователи тут же указывают, что сложные функции составлены из элементарных, так что

нельзя говорить об исследовании первых, пренебрегая исследованием вторых. Получается опять путаница. Наконец, намерение авторов строго разграничить понятия «общей одаренности» от «частной одаренности» (таланта, дарования) на том основании, что в первом случае надлежит производить анализ интеллектуальных функций и только, – встречает возражение в том, что и «частичная одаренность», напр. математическое дарование, нуждается тоже в обстоятельном анализе интеллектуальных функций. Пространственно-двигательные восприятия геометра, ассоциация геометрических образов-представлений фигур, богатая репродукция этих образов, комбинаторная способность в арифметике, алгебре, высота суждений и умозаключений для доказательства теорем – все это свидетельствует, что при «частичной одаренности» не миновать испытания тех же интеллектуальных функций, и вполне возможна высота профиля талантливого математика, историка, писателя и т. п. Совершенно правильно высказываются, по нашему мнению, и Г. И. Челпанов, и А. П. Нечаев, когда они употребляют термин «ум» в смысле умственных способностей вместо термина «общая одаренность», так как понятию «ум» свойственны все степени: высокий, средний, низкий; понятию же «одаренность» могут быть свойственны лишь две степени: высокая и средняя, ибо низкая одаренность есть nonsens.

Бинэ и Симон не требовали, чтобы термин intelligence переводился на русский язык термином «одаренность», и мы к ним не вправе предъявлять каких-либо претензий, так как они исследовали интеллект как таковой. Еще менее упреков заслуживает Мейман, который с достаточной ясностью и полнотой охарактеризовал одаренность как процесс, включающий в себя обязательно творческий элемент, что для «интеллекта» отнюдь не обязательно.

Таким образом, оба взгляда Штерна (см. выше) едва ли можно разделять, равно как и мнение Уиппла. Наконец, совершенно представляется невозможным теоретическое положение вопроса об одаренности, в которое ставит его Меде. «Исследуй и не рассуждай» – таков девиз Меде, который запрещает всякие обследования и изыскания по вопросу об одаренности и разрешает только собственные им созданные испытания как единственное средство к познанию одаренности. Ничего нельзя было бы иметь против соображений П. П. Соколова, дающего общее суммарное понятие умственного уровня, в которое входят и умственное развитие, и собственно одаренность, и влияние среды. Но где в его скале экспериментально-психологическое плановое расчленение серий опытов на эти три категории?.. У него общая схема, вариация схемы Бинэ, – и разобраться в том, что надо относить на развитие, что на одаренность, а что на среду, едва ли легко. Совершенно нам непонятно далее, что хочет сказать К. П. Веселовская запрещением отожествлять слова «умственный» и «интеллектуальный». Если она желает этим подчеркнуть разницу понятий «ум» и «одаренность», то мы с нею согласны; если же она под Intelligence хочет понимать «одаренность», то мы опять не выйдем из путаницы понятий. Что касается точки зрения К. Сотонина, то его определение относится не к смыслу одаренности, а к судьбе одаренности у какого-либо человека. В самом деле, дарование может путем упражняемости развиться, путем неупражняемости заглохнуть, но все это не определяет прямого смысла одаренности. Наупражнять можно и мускулы, и выносливость кожи к солнцу, и специальную память на святцы, но все это мало относится к психобиологическому определению одаренности.

Какие же выводы следует сделать относительно всего изложенного?

Выводы должны быть таковы:

1) Или следует остановиться на том, что под «одаренностью» надо понимать, согласно этимологии (Intelligenz), интеллект и все тесты относить к исследованию интеллекта, т. е. умственных способностей в их эволюции от степени врожденных предрасположений к повышающимся по возрастам степеням умственного развития. В этом случае всякие споры о различии интеллектуальных функций от общей одаренности как суммирующего их понятия должны быть пресечены: общая одаренность – это общая сумма или равнодействующая интеллектуальных функций. Принимая этот взгляд, исследователи должны со-

вершенно отказаться от мысли, что имеются какие-то тесты для исследования умственного уровня и имеются еще какие-то тесты или они должны быть созданы для исследования одаренности. При таком понимании точка зрения Меймана, понятно, должна быть отвергнута.

2) Однако может быть и другая точка зрения. Согласно последней, нет никаких оснований отожествлять понятия Begabung и Intelligenz. И если создатели скал, тестов и методов утверждали в самом начале, что они заняты исследованием Intelligenz, то говорить об одаренности в буквальном смысле этого слова не следует. Корректив, практикующийся в этом смысле, приставлением слова «общий» только вносит путаницу. В самом деле, если «общая одаренность» = интеллекту, то как назвать одаренность, распространяющуюся и на интеллект, и на чувства, и на волю? Как назвать человека, одаренного и в умственном отношении, и в отношении искусств? Напр., Леонардо да Винчи был высокоодаренный живописец, архитектор, математик, инженер. К чему отнести здесь термин «общая одаренность»? С подобным же правом можно применять термин «общая одаренность» в отношении эмоциональной сферы; напр., есть лица, прекрасно пишущие пьесы, играющие на сцене и рисующие, они соединяют в себе одаренность драматурга, артиста и живописца. Частичные одаренности дают общую одаренность в области искусств. С другой стороны, термин «общая одаренность» потому не подходит к замещению термина «интеллект», что при высоте отдельных интеллектуальных функций большею частью вырабатывается успешность только в определенных сферах действия интеллекта: или вырабатывается выдающийся математик при слабости в других сферах действия интеллекта (Ньютон), или оказывается замечательный естествоиспытатель при неспособности к математике и языкам (Дарвин). Таким образом, все эти соображения вынуждают совершенно отказаться от идентификации интеллекта с общей одаренностью и практически разрешать эти проблемы раздельно. Эксперименты со времен Бинэ и кончая Меде должны относиться к обследованию интеллекта как такового. В этом отношении значение скал, тестов, методов, предложенных и европейскими и русскими авторами, огромно и работа, безусловно, должна быть признана плодотворной. Но вопрос об одаренности, как о своеобразном психологическом понятии, должен быть выделен в особую проблему. И нам представляется, что единственный европейский автор, близко подошедший к подлинному определению одаренности, – это Мейман. Он понял, что из концепции одаренности нельзя выключить творческого элемента; «творчество и продуктивность, выходящие за пределы усвоения материала и связанности приобретенным опытом» – вот что характерно для одаренности общей, частичной, даровитости, дарования, таланта, гения. Этого никак не хотят ни понять, ни признать Меде и Пиорковский, которые поглощены только тончайшим усовершенствованием испытаний школьного типа. Приспособление интеллекта к придуманному материалу в условиях полной связанности творческих сил – вот что они называют одаренностью. Из русских авторов близки по определению одаренности к Мейману проф. А. П. Нечаев, отчасти В. А. Вагнер и д-р Стычинский, который тоже упоминает, что для одаренности необходимо «значительное развитие творческих способностей». Отчасти можно усмотреть приближение к этой точке зрения у С. М. Василейского, но, к сожалению, автор, выступая в качестве составителя, не оттенил в этом месте, что относится к излагаемым мнениям авторов, а что является его собственным убеждением[32)].

Если бы нам позволительно было высказать свое мнение по данному вопросу, то мы заметили бы, что в теоретически принципиальной стороне вопроса мы склонны были бы разделять мнение Меймана и его сторонников; что же касается практической стороны, то мы ответили бы, что, сколько нам ни приходилось производить испытания над детьми, нормальными взрослыми лицами и душевнобольными, мы получали в результате понятие о высоте отдельных функций интеллекта или суммарное представление об умственном уровне; но того, что мы привыкли до сих пор подразумевать под словом «одаренность», «дарование», «даровитость», – этого явления мы в экспериментах не обнаруживали.

Для того чтобы обосновать подобную точку зрения, мы должны установить следующие положения:

1) одаренность как специфическое свойство биопсихики в своем обнаружении не исчерпывается тестами;

2) имеются исследования, помимо тестов, проливающие свет на смысл и свойства одаренности, причем эти исследования опираются не на искание метафизической сущности, которая всюду чудится Пиорковскому и Меде, а на фактические данные, доставляемые анатомией, физиологией, патологической гистологией, клиническими наблюдениями, патографиями, учением о расах и учением о подсознании. Едва ли врач или педагог проиграют, если они, покорно изучив технику испытаний по Меде, дополнят свои сведения материалом, добытым из вышеуказанных дисциплин.

III.

«Отбор способнейших вовсе не требует начинать с уяснения сущности высокой одаренности», – говорит Меде. Во-первых, отбор способнейших не есть исчерпывающая форма разрешения проблемы одаренности; во-вторых, «способнейшие» – это, по Меде, те, которые выдержали искус в его остроумных испытаниях в условиях полной связанности активно-самостоятельных сил личности; в-третьих, о сущности как метафизическом понятии никто не заводит речь и пора перестать взрослых людей пугать этим страшилищем; или тесты, или метафизическая сущность – такова дилемма, которую ставит Меде, не допуская иных выходов. Что такое одаренность, Меде не только не знает, он не хочет знать и не позволяет заниматься даже постановкой таких вопросов; он даже не знает, как формулировать первоначальное ориентировочное понятие об одаренности. Он вполне доволен, что одаренность – это икс. «Ведь, не знаем же мы, что такое электричество, – говорит он, – однако же изобретаем и электромоторы и лампы накаливания, измеряем токи, их количество и силу»[33)]. Меде забывает при этом, что, не зная «сверхчувственной» сущности электричества, мы наглядно видим его проявления; но, не зная психобиологической основы одаренности, мы отнюдь еще не видим доказательств, что подсчет цифр, остроумные испытания на умножение при одновременном чтении рассказа, разгадка картин, кубиков и лабиринтных ходов есть именно проявление одаренности, а не какого-либо другого явления. Житейский и школьный опыт, запоминательная муштра, знания, упражняемость, шарадно-ребусная наупражненность, ловкость и изворотливость в задачках особого типа, работоспособность, уменье бороться со скукой и неохотой при опыте – все это конкуренты одаренности, претендующие на то, что именно они, а не одаренность, выявляются в остроумных тестах Меде и им подобных. Было бы странным противоречить тому, что одаренность тесно связана с жизнью головного мозга и жизнью организма в целом; что вообще одаренность – понятие психобиологического порядка. Если это так, то можно ли полагать, что вне испытаний функций интеллекта, как бы точны они ни были, нет ничего стоящего внимания но вопросу об одаренности? И почему мерилом одаренности избираются все эти умножения, рассказы, запоминания фраз и слогов? Не потому ли, что этот материал находится в теснейшей близости к школьно-традиционной учебе? Почему эти испытания так тяготеют к обиходной познавательной рутине, а оценка результатов в той или иной мере, в той или иной замаскированной форме льнет к гимназически-отметочному критерию, будь то пятерки и двойки или разницы интеллектуальных возрастов над паспортными? И кто доказал, что испытания, имитирующие традиционные формулы искусственной школьно-программной учебы, есть объективный определитель высокой одаренности, как активного психобиологического начала?

Повторяем, что испытания отдельных функций интеллекта и резюме этих испытаний в виде профилей, формул, коэффициентов весьма ценно, плодотворно и важно для установления масштабов умственного уровня личности (самый удачный термин, встречающийся и у Нечаева, и у Соколова и др. авторов). Не пишущему эти строки отстаивать ценность психологического эксперимента, который пытались затравить доморощенные и

заграничные представители уотсоновщины, причем травля вышла неудачная, а экспериментальная психология достигла пышного расцвета. Но нужно признать, что тесты – не все в психологии и особенно не все в вопросе об одаренности, если ее понимать в смысле Меймана.

Те тенденции, которые сквозят в подборе испытаний Меде, свидетельствуют не столько об испытании одаренности как врожденной и способной к психобиологическому прогрессу наклонности, сколько об испытании приспособляемости некоторых сторон дрессируемого познавательного аппарата школьника к нарочито-подобранным задачам, более или менее искусно маскирующим программно-училищную учебу и вызывающим действие тех функций, которые обычно оперируют при этой учебе; но эти задачи-испытания не стоят нисколько в обязательной связи с естественными и подлинными возбудителями энергии одаренного человека, которая связана с самостоятельно-творческими его силами.

Меде отрицательно относится к испытаниям знаний школьника и старается свои испытания обставить так, чтобы они не были похожи на испытания знаний. Но разве все эти задачи на умножение, опыты с рассказами, уменье обходиться с заградительно-автоматическими снарядами[34)] – разве вся эта квазиновизна не есть замаскированная арифметика, словесность и физика и разве ученик впервые начинает оперировать над этими «чистыми» испытаниями, т. е. очищенными от примеси знаний? Смело можно быть уверенным, что апперцептивная работа, ассоциации не раз были в ходу у школьника при подобных заданиях; и готовые интеллектуальные навыки здесь влияют на успешность ответов; следовательно, опыт и знание инспирируют степень удачности ответов, каковая принимается Меде за критерий одаренности – и, таким образом, Меде опять против воли попадает здесь в объятия школьных или житейских знаний, от которых он столь энергично бежал. А если здесь замешаны приобретенные знания, то можно ли говорить здесь о чистых испытаниях одаренности? Сам Меде по этому поводу заявляет следующее: «При испытании знаний ребенка часто испытывается не столько ребенок и его задатки, сколько учитель и школа с ее внешней и внутренней организацией. И для установления параллелизма между одаренностью и состоянием знаний мы не имеем достаточного основания[35)]».

Интересно, что при испытании памяти Меде предлагал детям слова: «дерево», «машина», «справедливость» и просил их записывать вкратце, что «возникает у них в представлении» (?) в связи с этими словами. Дети, конечно, «перечисляли все признаки дерева», – говорит Меде и при этом полагает, что тут знания не играли роли... Откуда же взялись эти сведения у детей?..

Между прочим, принцип идеально-чистых испытаний, лишенных всякой примеси знаний и опыта, едва ли осуществим в действительности. Каждый ответ, даваемый испытуемым, содержит смесь нового и старого; давать в ответах абсолютно новое как показатель одаренности едва ли способен какой-либо человек. Кстати заметим, что этот принцип Меде, выделяемый им как единственно ценный, совершенно уничтожает всякое значение естественного эксперимента, основанного именно па незаметном для испытуемого вмешательстве замаскированного испытания в нарочито подстроенный процесс как бы обычного приобретения знаний; но, разумеется, для Меде необязательно щадить этот метод. Вообще мы сомневаемся, чтобы можно было создать особенно для детей старшего возраста, да еще из берлинских учебных заведений, такую серию испытаний, в которых жизненный опыт, домашние сведения, знания, полученные путем добровольного чтения, наблюдения, бесед, выспрашиваний, – были бы совсем устранены. Главная беда в том, что, давая какое-либо испытание, свободное якобы от примеси школьных знаний, экспериментатор никак не может проверить и учесть, что нечто подобное этому испытанию не встречалось ни разу в жизни ученика в виде какого-либо задания, беседы, факта. Напр., Меде задает ученикам написать что угодно, возникающее при слове «справедливость». Никак нельзя учесть и проверить, что кто-либо из сотен учеников, подвергающихся эксперименту сейчас, не

обсуждал подобного вопроса раньше со своими родителями, учителями, товарищами, не читал бы на эту тему в книгах, не размышлял бы сам и т. п. Гораздо вероятнее предположить, что ученик особенно старших классов на эту тему неоднократно рассуждал, думал, читал... Это видно из того хотя бы факта, что он учился ранее в младших классах истории, приобретал знания о справедливом Аристиде и иных героях подобного рода; таким образом, ассоциативный процесс, пускаемый в ход в эксперименте Меде, является варьированным повторением ранее бывших ассоциативных процессов, каковые вызывались к действию вступлением в сферу познания именно данных опыта и приобретаемых знаний.

Что же в таком случае диагностируется испытаниями Меде? Если один ученик чаще и больше читал и рассуждал о справедливости, а второй меньше и поэтому дал меньше ассоциации, то можно ли утверждать, что первый ученик более одарен, чем второй? А ведь Меде считает свои испытания пределом точности и научности. Поэтому, нам представляется, что идти на исследование одаренности, умышленно закрыв глаза на концепцию, основу, смысл и содержание одаренности, отмахиваясь от всякого предварительного оформления ориентировочного понятия об одаренности, едва ли целесообразно. Дело вовсе не в теориях, на которые нападает Меде, а дело: 1) в точной формулировке понятия одаренности при дифференциации последней от смежных и сходственных понятий; только установив это понятие, можно классифицировать одаренность на общую, смешанную, частичную, высокую и среднюю, достигающую степени гениальности или граничащую со средними способностями; 2) в психогенезе одаренности, причем изучение последней иногда возможно не только индивидуальное, но и видовое в биологическом смысле; 3) в возбудителях одаренности; 4) в условиях, при которых эти возбудители могут действовать. Имеются ли какие либо факты и наблюдения, которые освещали бы эти вопросы?

Ниже мы укажем, что такие факты имеются, приведем их и отметим значение их для проблемы одаренности.

При этом нужно помнить, что с точки зрения исследования функций интеллекта для экспериментатора не представляется существенным строгое разграничение понятий «общей одаренности», «частичной одаренности», потому что при испытании этих феноменов нельзя избежать единообразной системы разложения сложных комплексов на простые элементы. С точки зрения готового синтетического целого общая умственная одаренность, талант, гениальность суть как бы явления различные. Но с точки зрения анализа содержаний комплексов мы никак не уйдем от неизбежного единообразия составных элементов этих разнородных целостных образований. Входят ли в понятие общей умственной одаренности восприятия, ассоциации, репродукция и пр.? Входят. А мыслимо ли отсутствие этих функций у таланта, гения? Мыслимо ли отсутствие у живописца зрительных восприятий? Нужно ли у него исследовать восприятие форм, величин, пропорциональных отношений, пространственных образов? Нужно ли у музыканта исследовать слуховые восприятия, сочетание звуковых образов, комбинации их. Нужно ли у одаренного математика исследовать репродукцию числовых представлений, комбинаторную способность и пр.? В анализ частичной одаренности должны войти исследования всех интеллектуальных функций, исследуемых при общей одаренности; поэтому, с точки зрения характера тестов большой разницы здесь не должно быть.

Меде хочет изолировать вопрос об одаренности от всяких исследований со стороны формы, содержания, психогенеза и пр. – и сосредоточить все внимание на замкнутом круге точных, по его мнению, испытаний. Это целесообразно лишь в процессе эксперимента, а не вообще. Об этом мы писали во втором выпуске наших сборников[36)]. Ведь, никто не возражает, что при состояниях, где одаренность отсутствует, напр., врожденное слабоумие, идиотизм и пр., изучению подлежит не только то, что проявляется в эксперименте, но и виды умственного недоразвития, клинические картины последнего, патогенез и патологическая анатомия? Картина получается полная и всесторонняя, а в отношении одаренности Меде запрещает все, кроме эксперимента. При поставленных им рамках общая пассивность психики испытуемого неизбежна, ибо все здесь нарочито индуцировано и

отмерено, одаренность должна проявиться ни больше ни меньше, как это установлено математикой; разнообразнейшая мозаика индивидуальной психики измеряется одним аршином, который идет в глубину ее и не достает никогда до дна, почему и получается, что вся эта математика неполная... Повторяем, рабочие интеллектуально-приспособительные силы личности ребенка или подростка к данному искусственному экспериментальному материалу здесь могут быть определены и относительно измерены, но считать это испытаниями одаренности, для которой характерен творческий ингредиент, едва ли возможно.

В современной экспериментальной психологии принято оценивать достоинство интеллекта высотою функции, скоростью выполнения и ловкостью или находчивостью. Для многих сторон интеллекта эти меры являются действительными и показательными; однако было бы не совсем осторожно признавать их единственными и постоянно точными диагностическими определителями. Особенно эти свойства непоказательны при оценке литературной одаренности, несмотря на то, что основные функции интеллекта в этого рода одаренности играют громадную роль. Кроме того, в большинство тестов разных авторов почти всегда входят эти литературоподобные испытания и не лишне выяснить взаимоотношение высоты литературной одаренности с высотою отдельных функций, со скоростью выполнения и с ловкостью (находчивостью) в работе. Казалось бы, что при подобного рода работе чем более обильны, ярки и красочны восприятия, чем более высоко организован процесс воспроизведения представлений, чем богаче ассоциативная деятельность, чем выше объем внимания и его подвижность, чем, наконец, находчивее и многочисленнее комбинации, тем удачнее должна выйти работа и тем более одаренным должны мы назвать ее автора. При констатировании сверхнормальной высоты отдельных интеллектуальных функций мы вправе были бы ожидать наиболее ценного результата в целом. Всегда ли мы это наблюдаем в действительности? Для примера возьмем писателей трех различных категорий: 1) Дюма-отца, Диккенса; 2) Достоевского; 3) Пушкина, Мопассана, Чехова. (Мы здесь группируем не по обычной литературно-критической или эстетической или общественно-идейной оценке, а по характеру входящих в построительную работу интеллектуальных слагаемых, по их силе, качеству, ибо мы имеем в виду специальную цель: установить, насколько высота отдельных функций пропорциональна продуктивности целого, дающего право на диагноз высокой одаренности.)

Дюма-отец в своих произведениях поражает именно богатством и обилием воспринятого и развертываемого материала. Его обилие образов изумительно. Его воспроизведение картин прошлого поражает детализацией (см. особенно «Сан-Феличе»). Но в чем он едва ли имеет соперников, так это в богатстве комбинаторной способности, причем комбинации его столь разнообразны и неожиданны, владение законом контраста достигает такой высоты, что Меде и Пиорковский признали бы его выше всех берлинских гимназистов в этом отношении. Тысячи самых разнообразных и неожиданных ситуаций изобретаются Дюма, благодаря крайней высоте и гибкости комбинаторной способности (особенно в пресловутом «Графе Монте-Кристо»). Читатель дивится, как можно связать и развязать груды нанизываемых один на другой замысловатых эпизодов. Но какова ценность подобных произведений в целом? Не касаясь совсем мизерности идейной, эстетической и иных сторон, можно прямо сказать, что при очевидной высоте отдельных интеллектуальных функций, действующих в построительной работе, общий результат в целом не может характеризовать автора как высокоодаренного романиста. В его работе при наличии богатства представлений, наблюдательности, комбинаторной способности, обилия ассоциативных рядов, высоте репродукции и пр. есть что-то, что препятствует свести все эти достижения в художественное целое, и нет чего-то, что дает ощущение художественной правды, почему А. Дюма-отец по справедливости и не признается писателем высокого ранга.

Возьмем теперь Чарльза Диккенса. Романы «Пустынный дом», «Давид Копперфильд», «Николас Никльби» и особенно «Посмертные записки Пиквикского клуба» поражают высотою процесса восприятия во всех его направлениях; процесс репродукции об-

разов достигает предела высоты; наблюдательность доходит до виртуозности; объем внимания и подвижность так высоки, как едва ли у какого другого писателя. Словом, отдельные интеллектуальные функции, привлеченные к постройке задуманного, достигают исключительной высоты. И в то же время именно эта высота отдельных функций идет резко во вред тому плану общей постройки, которая характеризовала бы произведения высокоодаренного писателя-художника высшего ранга. Расплывчатость, необычайное обилие новых действующих лиц, дополненных подробнейшими характеристиками, целый каскад фактов, интриг, столкновений, эпизодов, сравнений, изумительно точные описания зданий, улиц, заборов, двадцать завязок, двадцать развязок, двадцать вставных и вводных повестей и рассказов от имени действующих лиц – все это загромождает необычайной тяжеловесностью произведение и делает его в целом гораздо менее ценным, чем оно могло бы быть, принимая во внимание громадные отдельные способности автора. И здесь, следовательно, высота отдельных функций не пропорциональна высоте целого, т. е. по высоте отдельных функций не диагностируется высота одаренности.

Возьмем теперь Достоевского. Излишне говорить о необычайной высоте отдельных функций интеллекта у этого писателя. Объем внимания в отношении жизненных явлений, концентрация внимания на явлениях этического порядка, запечатлеваемость интимнейших переживаний, наблюдательность и пр. – все это на зените интеллектуальных высот. Но в одном и том же произведении Достоевского можно заметить ряд гениальных на диво сотканных сцен и ряд неудачных, вредящих целому. Напр., «Братья Карамазовы». Три свидания Ивана Карамазова со Смердяковым – высшее достижение в мировой литературе. Из них нельзя ни выкинуть ни одного слова, ни прибавить. И наряду с этим пространноненужные рассуждения в главах о Коле Красоткине, свидетельствующие о высоте резонерско-аналитических способностей автора, но менее всего содействующие высоте ансамбля, достоинству произведения в целом.

Третья категория – Мопассан, Пушкин, Чехов. Мопассан воспринимает мир в ограниченном аспекте. Воспринимающий аппарат его односторонен, пределен и замкнут. Наблюдательность специфически направлена, идет вглубь, а не вширь. Он не поражает ни богатством ретенций, ни широтою репродукции. Концентрация внимания избирательная по преимуществу. Комбинаторная способность находится в тесной зависимости от круга представлений, который резко замкнут проблемой сексуального и смыслом его в жизни человечества. Словом, отдельные интеллектуальные функции не поражают последовательной высотой. Однако в целом получается удивительно законченная, цельная и глубокая вещь, доходящая нередко до гениальности («Жизнь Жанны», «Пьер и Жан», «Сильна, как смерть»). Лев Николаевич Толстой поражался необычайной силой Мопассана, хотя знал, что он далек от его философско-моральных тенденций. Сжатость мысли, скупость ассоциаций, экономия в изобразительных средствах, частая пониженность интеллектуальных функций в процессе операционной работы, а в результате – необычайная высота и художественная ценность произведения.

О Пушкине нечего и говорить. Ленивый и шутливый в самом процессе творчества, не развертывающий всех своих интеллектуальных сил, он одним легким мазком дает незабываемую характеристику личности, картину, аналогию и убивает наповал пятью словами там, где другой нагромоздит целый том (Ср. «Он чином от ума избавлен...», «И всплыл Петрополь, как Тритон, по пояс в воду погружен...»).

Что касается Чехова, то английский критик Рихард Лонг уже давно отметил (1903 г. «Научн. обозр.» под ред. М. М. Филиппова – перевод на рус. яз.), что ничтожный и пошлый материал, над которым работал Чехов, превращался в его руках в чистое золото. Приемы Чехова – свидетельство того, что он умышленно избегал пускать в ход интеллектуальные функции в их всеобъемлемости и высоте и, наоборот, пользовался каким-либо одним избирательным приемом. Это избавляло его от погони за развитием всех тех интеллектуальных функций, высота которых дала бы ему право на приобретение звания высокоодаренного человека. Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовский тоже отмечает эту черту ис-

пользования интеллектуальных сил в сокращенном порядке у А. П. Чехова. Чехов, так сказать, предпочитал метод вычитания методу сложения. Напр., в рассказе «Ионыч» вместо того, чтобы изобразить последовательно пошлость и бездарность целого города, вместо того, чтобы иллюстрировать эту пошлость галереей портретов, типов, Чехов утилизирует как раз обратный прием. Он выбирает самое даровитое семейство в городе и блестяще показывает бездарность и пошлость этого семейства, так что герой рассказа Ионыч восклицает: «Если самое даровитое семейство так бездарно и пошло, то каков же должен быть весь город...» Мы видим здесь, что Чехову не понадобились здесь ни обилие восприятий, ни богатство представлений, ни сила репродукции, ни глубина умозаключений, ни многогранность комбинаторной способности, словом, не понадобились все высоты отдельных функций интеллекта, для того чтобы рельефно проявить высокую одаренность в создании целого произведения.

Испытания или тесты со времен Бинэ вплоть до Меде носят все-таки характер односторонности, неполноты. У позднейших, особенно американских экспериментаторов, они носят какой-то спешный задачно-шарадно-ребусно-спортивный характер. Здесь как бы производится ставка на максимум соревнования, догадливости, смекалки, быстрой и стремительной изворотливости, ловкости, интеллектуального жонглерства. Все эти качества, как бы ценны они ни были, не являются обязательным атрибутом высокой одаренности, которая сама по себе способна к самодовлеющему оригинальному развертыванию и расцвету, вне зависимости от скорости и совпадения с чужими заданиями. Американские тесты позднейшего типа рассчитаны на получение единообразных ответных реакций; различие касается лишь правильности ответа «да» или «нет» – вот критерии одаренности. Самые тесты организованы в расчете на обстановку пассивную, лишающую испытуемого свободной самодеятельной работы психики. Здесь не проявляется и не может проявиться именно то, что некоторые психологи (Бюлер) считают типичным свойством высшей психики, именно, личной инициативы и изобретательности, выявляемой индивидуально и неповторяемо-оригинально.

С другой стороны, не только поэты, художники, артисты и иные представители искусств, но и люди науки, т. е. оперирующие по преимуществу интеллектом, едва ли могут определяться как одаренные только по признакам высоты, скорости, изворотливости функций.

Встречаются специалисты-ученые с громадной памятью, огромной силой напряжения внимания, развитою ассоциативною деятельностью, высокой комбинаторной способностью, но в науке они обычно «пороха не выдумывают», благодаря именно отсутствию одаренности, т. е. отсутствию оригинальности мышления, воображения и вообще отсутствию творческого элемента. Высота отдельных функций интеллекта позволяет им усваивать многое; но созидать они ничего не могут, ибо они суть лица не одаренные. Известен был в старой России профессор хирургии, эрудит, знаток специальной литературы, автор многотомных сочинений. Вероятно, высота всех интеллектуальных функций была у него необычайна, но именно того, что называется хирургическим дарованием, у него не было: не было изобретательности, не было способности быстро ориентироваться в топографических отношениях операционного поля, творческой находчивости в рискованный и опасный момент.

Еще менее всеобъемлющим критерием одаренности является скорость выполнения задания.

Массовые испытания американских психологов определяют умственную одаренность в 9 минут (тесты Чэпмена). В 9 минут можно разгадать одаренность человека, причем эта одаренность диагностируется оптом, при полном игнорировании отдельной личности испытуемого; при этом ответы даются графически, в письменной форме, при очевидной разнице способности испытуемых переводить свои интеллектуальные операции в моторные акты. Авторы сами не скрывают, что одаренность – эта сложнейшая и запутаннейшая проблема психологии, биологии, философии, физиологии – при массовых

испытаниях анализируется наподобие спортивных упражнений: «по команде испытуемые берутся за карандаши, по команде начинают работу, по команде кончают ее, закрыв тетради и поднимая карандаши вверх[37)]». Это командно-армейское исследование одаренности, где испытуемые приравнены к взводу солдат, а экспериментатор – к унтер-офицеру, с благоговением переносится в наше отечество на том основании, что, как утверждают Н. А. Бухгольц и А. М. Шуберт, «практические янки идут на все это не ради каких-нибудь проблематических благ, но ради благ совершенно реальных и хорошо оправдывающих себя на деле». «Денежные суммы, отпускаемые на эту предварительную работу, очень значительны. Так, например, на разработку «Национальных тестов», Департаментом просвещения было отпущено 25 000 долларов[38)]». Нам представляется, что едва ли обязательно измерять истинность и пригодность научного метода количеством долларов, отпускаемых департаментами просвещения в Америке. Никакие доллары не могут убедить в том, что сложнейшая психобиологическая проблема одаренности решается взводно-солдатскими и фельдфебельскими приемами – и в следующей главе мы покажем, что биологические и психологические факты не могут ни открываться, ни разъясняться командной методикой и ответной пассивной психологической шагистикой, которая делает из испытуемого нечто вроде «святой серой скотинки» былых времен.

Тот факт, что экспериментальная психология под влиянием американских национальных тестов погналась за массой, за количеством, за скоростью и спешностью, едва ли свидетельствует о прогрессе этой науки. Там, где личность человека – глубокий мрак, где индивидуальная психология делает грандиозные усилия, чтобы постичь целые серии сложнейших психологических проблем, где внутренний анализ наталкивается на теснейшую связь глубинных подсознательных комплексов с внешним поведением, там поверхностная регистрация ответов, даваемых письменно целыми массами испытуемых, подстегиваемых требованиями спешности, – там, повторяем, изучение личности чисто психологическое теряет свою цену и вырождается в поверхностно-анкетную статистику. Повторяется та же ошибка, которую допустила социологическая школа уголовного права при изучении преступности: перенеся центр тяжести с личности преступника на среду, эта школа занялась изучением влияния урожаев и хлебных цен на преступность, высчитывала, сколько квадратных метров заключает квартира, где живет преступник, каковы почвенные условия, где обитает преступник... Словом, и урожай, и почва местности, и квартира, где жил преступник, все это подробно изучалось, подвергалось статистической обработке и пр.; забыто только было одно: исследование живой личности преступника, которая что-нибудь да значит и помимо урожаев, почвы и квартиры...

Нечто подобное происходит и при разрешении проблемы одаренности. Массовые тесты бьют на быстроту, ловкость, изворотливость; а одаренность столь сложное и неуловимое явление, что проявляется или в мгновенно-бурном озарении или в кропотливо-медленном собирательно-долголетнем труде, чтобы впоследствии синтезироваться в грандиозное целое. Гений Дарвина (чисто интеллектуальный гений) никак нельзя измерять испытаниями, рассчитанными на успешность в 2–3 минуты. Дарвин – медленный, собирательный, абстрагирующий ум; ум, неторопливо, топорно и громоздко впитывающий в себя бездну материала; ум, неторопливо и медленно, но метко и точно планирующий, дифференцирующий по разным направлениям груды фактов и впоследствии медленно и осторожно стягивающий и синтезирующий их в целое.

Поставьте около Дарвина Артура Отиса, автора американских «Военных тестов», с его погонялкой, спешным требованием подчеркивать, подписывать, – и Дарвин, запуганный, ответил бы, что «свинья может плавать», а «камни могут есть»... Такое предположительное толкование может быть отчасти подтверждено биографическими данными. Кроме работы интеллекта в пределах биологии. Дарвин ни к чему не был способен: едва-едва осилил алгебру и медицину, которую поспешил забросить; неспособен был к языкам и музыке; из литературы мог читать одни романы, кончавшиеся благополучными свадьбами, других переносить не мог; учился в школе очень плохо. Отец был в отчаянии от своего

Чарльза и говорил, что не знает, «как ему быть с этим бездельником, который опозорил весь их род»[39].

Если бы Дарвина можно было бы в то время подвергнуть солдатским тестам Артура Отиса или национальным тестам Хаггерти, Термэна, Иеркеса и пр., то, несомненно, великого биолога поместили бы в учреждение для умственно отсталых.

Итак, мы видим, что самый тип одаренности Ч. Дарвина антагонистичен быстроте, бойкости, шарадной изворотливости интеллекта. При этом у Дарвина (как и Ньютона) наблюдается подсознательно-негативистическое отношение к тем отраслям, которые почему-либо не вызывают интереса, не дают возбудителей интеллектуальной энергии, не стимулируют активного творчества. Этот подсознательно обусловленный негативизм совершенно не учитывается солдатскими тестами. Вопреки мнению Сотонина, полагающего, что наупражнять можно все, эти и им подобные высокоодаренные обнаруживают стойкую и активную динамику противодействия к другим родам умственной деятельности. Совершенно справедливо говорит проф. Киркпатрик, что ученики всех степеней природной одаренности обнаруживают успешность одни при помощи одних средств, другие при помощи других. Экспериментатору отнюдь не всегда удается раскрыть способ, посредством которого достигается успешность (или удачность ответа в эксперименте – Ю. П.). Этот интеллектуальный элемент очень трудно измерить. Причины неудачи: 1) трудно нащупать мотив действия; 2) трудно указать тест, точно вскрывающий это общее качество. Пример: ученик обнаруживает богатство ресурсов, инициативу, изобретательность при тесте на механическое конструирование, но эти же качества не обнаружатся при естественно-научном или музыкальном тесте. Как оценить здесь, имеется ли у ученика инициатива вообще, изобретательность, средства выполнения вообще? Тест этого не решает[40]. Вообще, тестами трудно установить одаренность как возможность и весьма редко (и то случайно) можно установить одаренность как реальность. В последнем случае, впрочем, часто она отчетлива и ясна для всех без помощи тестов. Стимулы перевода возможности в реальность, среда, психические факторы; играют роль инстинкты, опыт, возраст[41].

Из русских психологов на создание тестов по общей одаренности много потратили труда и любви к делу П. А. Рудик, И. Н. Дьяков, Н. В. Петровский, особенно же первый. «Психологический профиль общей одаренности», опубликованный П. А. Рудиком и подробнейшие инструкции пользования им свидетельствуют о несомненной серьёзности и вдумчивости автора ко всем деталям экспериментов. Читателю, однако, ясно, что, с проводимой нами точки зрения, мы не можем признать тесты П. А. Рудика именно тестами одаренности; с нашей точки зрения, это тесты на определение общего умственного уровня, чем бы последний ни достигался: врожденными ли способностями, знанием, опытом, средой и т. д. С точки зрения нашего понимания опыты эти чужды одаренности как явлению, связанному с личным самостоятельным активным творчеством, проявляемым в материале, свободно выбранном обладателем этой одаренности и оригинально переработанном им же. Обязательная унификация результатов предусматривает как бы количественное единство элементов одаренности. Удачное выполнение задачи двумя испытуемыми отнюдь не говорит за равномерность их одаренностей: один выполнил требуемое и это для него высший предел; другой выполнил требуемое, и может пойти и дальше, что тестами не устанавливается. Опыты П. А. Рудика интенсифицируют скорость процесса как необходимый постулат одаренности. Указания «на опыт дается 3 минуты», «дается 4 минуты», «1– $1^{1/2}$ минуты», «30 секунд» свидетельствуют, что в одаренности автор придает громадное значение скорости выполняемого процесса. Длительность, постепенность, последовательное развертывание дарования здесь не принимается в расчет и за положительный фактор одаренности не считается. Подвижности внимания, умственной юркости и изворотливости придается первенствующее значение, причем не учитывается такой важнейший возбудитель энергии одаренности, как интерес и увлечение. Наоборот, напряженность и сосредоточенность, обязанность быть начеку, не прозевать, не мешкать –

все это создает острый, но искусственно-приподнятый тонус, дающий нередко утомление и даже отвращение к навязанным однообразно-требовательным операциям интеллекта. Создается чувство неприязни к опыту и облегчение по его окончании. Что здесь не обнаруживается активное прояснение лейтмотива личности – об этом двух мнений не может быть. Быстрота и систематическая навязанность содержаний опыта убивают не только личность взрослого, но и подростка. Здесь нет медленного и свободного распланирования содержаний сознания; активно-спонтанного отбора материала, излюбленного каждой формой индивидуальной одаренности, тоже нет. Скорее это материал для автоматической подчиняемости интеллекта, которому отмерено поле деятельности «от сих» – «до сих»; испытание пассивной выносливости и предела работоспособности в условиях явной «неохоты», каковая получается в результате приторной бесстрастности, сухости материала опытов, напыщенной дидактичности, по неволе переходящей в какую-то поучительно-соревновательную муштру. Благодаря отсутствию заинтересованности, ибо таковая мыслима лишь у наивно-инфантильных испытуемых в отношении данного сюжета испытаний, какая-либо степень активного почина падает, вырождаясь в настораживание и стремление ловить момент. Быстро наступающее увядание интереса (если он только появляется в начале) способствует отхождению всех элементов одаренности, которые скрываются вглубь, в подсознание; остается лишь принудительное внимание, за напряженность которого экспериментируемый должен бдительно бороться с самим собой.

Кроме того, испытуемый совершенно загорожен от цели испытания, которая при обычной умственной работе ведет к законченности и смыслу начатого. Разъяснение испытуемым смысла и высокой научной цели опытов здесь не должно идти в расчет, так как цель опыта интересна для экспериментатора, а для испытуемого, который может только платонически сочувствовать экспериментатору и науке, этой цели нет; она не личная цель его интеллектуальной направленности. Лишь 7-й опыт в серии А мог бы задеть творческие силы испытуемого[42)]. Но сто секунд, отведенные для этого опыта, и нарочитая краткость ответной реакции не дают возможности развернуться этим силам.

Все высказываемое отнюдь не имеет целью вызвать отрицательное отношение к интересному и обстоятельному труду П. А. Рудика; мы возражаем не по поводу тестов, а по поводу предназначения их; и если здесь недоразумение чисто терминологическое, то все наши возражения не имеют значения, при условии, если автор имеет в виду испытание данного умственного уровня при определенных условиях, в которые поставлен экспериментируемый. Наши возражения имеют значение, если автор все-таки будет настаивать, что его опытами диагностируется одаренность, как психобиологический феномен, а не просто совокупность интеллектуальных процессов при известном уровне опыта, образования и наученности.

При нашем понимании одаренности, в смысле Меймана, как явления, связанного с творчеством, самая обстановка опыта не всегда может совпадать с возможностью ее проявления.

Так, все экспериментаторы при испытаниях на высоту отдельных интеллектуальных процессов справедливо требуют, чтобы испытуемые были спокойны, уравновешены, ничем не взволнованы и не расстроены, чтобы они не страдали никакими даже ничтожными телесными недомоганиями. Полный покой организма – обязательное условие для удачи опыта.

Таковы ли должны быть условия для испытания одаренности? Мы полагаем, что для обнаружения одаренности как феномена оригинального, связанного с творческой работой, спокойное и уравновешенное состояние отнюдь не всегда благоприятно. Наоборот, иногда требуется именно нарушение спокойствия, взволнованность, возбуждение, необычно повышенный чувственный тон, а иногда и болезненное состояние организма. Многочисленные описания циклотимических состояний определенно свидетельствуют, что гипоманиакальные фазы сопровождаются обострением умственных процессов, выплыванием ярких образов, в норме забытых, оригинальной комбинацией их, порождением новых идей; ко-

гда это состояние спадает, наступает норма, интеллектуальный энтузиазм стихает, остается апатия, скудость и бесцветность умственной жизни. Наиболее яркие и подробные в этом отношении клинические случаи представлены в труде профессора Ю. В. Каннабих «Циклотимия».

Согласно приведенным им историям болезни определенно явствует, что бурная умственная продуктивность, творческий размах, легкость работы и оригинальность соответствовали гипоманиакальным фазам циклотимических состояний и при завершении этих фаз, т. е. при наступлении нормального уровновешенного состояния, а также депрессии эти атрибуты одаренности исчезали – и воцарялась прежняя посредственная интеллектуальная потенция[43)]. Об этом также свидетельствуют литографические данные. Напр., В. М. Гаршин творил только в маниакальные периоды своей болезни и был как бы лишен дарования в периоды депрессии или светлого промежутка.

Это имеет большое дифференциальное значение в вопросах разницы между умственным процессом усвоения, заучивания, работоспособности и – с другой стороны – комплексом одаренности, которая и организуется и формируется и проявляется при совершенно других условиях, чем обычная усвояющая работа интеллекта.

Отнюдь не всегда также телесное здоровье является благоприятным условием для творчества. Имеются определенные факты, что при высокой температуре (в пределах 38,5–39,0) наблюдаются такие взрывы творчества, какие при нормальной температуре отсутствуют. Различные яды (алкоголь, никотин, кокаин, кофеин, морфий), вредно отражаясь на организме в целом и при хроническом употреблении, для момента творчества часто являются положительными факторами. Об этом подробнее мы будем говорить в следующей работе. Можно было бы сделать еще несколько возражений по поводу ценных вообще, но мало соответствующих диагностике одаренности опытов П. А. Рудика. Напр., всегда ли одаренность наиболее рельефно обнаруживается при нарочитом единообразии экспериментальных условий? Предварительная инструкция «работайте с полным вниманием» не инспирирует ли преимущественную утилизацию сосредоточения внимания, которое во всех опытах как бы выделяется особо, в ущерб обнаружению иных элементов одаренности? Априорное предуведомление о незадавании вопросов не делает ли какой-либо процесс выявления одаренности более связанным?

Первый опыт, в котором фигурирует 36 двузначных цифр, говорит ли об успешности механического запоминания, как способности sui generis (способности, по Челпанову, не имеющей отношения к одаренности), или говорит об испытании способности, имеющей отношение к математической одаренности или просто об объеме внимания (как, напр., в тестах А. П. Нечаева)? Если имеется в виду первое, то почему фигурируют цифры, а не бессмысленные слоги (как у Эббингхауза), экспериментирование коими имеет целью подавить всякие представления, возникающие в связи с данным словом-раздражителем? Подавление представлений при двузначных цифрах отнюдь не обязательно. Цифра – не бессмыслица и может вызвать представление. Как показывает психоанализ, с некоторыми цифрами связываются комплексные реакции (напр., характерный случай, описанный д-ром И. А. Вырубовым в «Журн. Корсакова», где констатирована связь цифр 3, 8, 18 с аффективными переживаниями личности).

Кроме того, при столь обильной даче цифр (36*2=72), не может ли возникнуть у испытуемого двух явлений: 1) ответов наугад, ибо таковые могут быть удачны случайно или бессознательно; 2) сходство цифровых дат (напр., 32, 52, 72 или 71, 81, 91; 41; 61) может содействовать или побледнению цифровых образов или, наоборот, уловлению типизации, избавляющей от ошибок (тип двузначных, оканчивающихся единицей). Далее, не объясняется, почему в этом первом опыте в целях диагностики одаренности предлагается лишь слуховой способ запоминания (вопреки, напр., методу Кона, где все 4 способа – слуховой, зрительный, моторный, смешанный)? Чем вызвано предпочтение слухового метода, как соответствующего выявлению одаренности? Если же опыт 1-й имеет в виду определение

математической одаренности, то таковая едва ли может быть здесь установлена отчетливо, ибо здесь отсутствует оперирование отношений.

Отметим кстати, что при сводке результатов испытаний экспериментаторы обычно в своих оценках не отмечают в итоге, что относится в их плюсах и минусах к функциональной стороне и что относится к феноменальной. Психические функции недостаточно дифференцируются от психических явлений, так что окончательный вывод о степени одаренности получается односторонний. Мы не знаем, означает ли, напр., высокая степень одаренности исключительно высоту функций в смысле Штумпфа или сюда также входит высота психических «содержаний». Если же попадаются эксперименты, в которых можно усмотреть и материал для определения функций и материал для определения явлений, то самый способ оценки ответов плюсами и минусами, «да» и «нет», подчеркиваниями и зачеркиваниями не дает возможности ни количественно, ни качественно определить итог эксперимента в отношении раздельных высот функций и явлений. А между тем отнюдь не исключается возможность наличности высот ряда функций при одновременном понижении психических содержаний и обратно.

IV.

Какие же факты имеются для более углубленного понимания одаренности как сложного психического явления?

Факты эти исходят:

1) из анатомии и физиологии;
2) генетической психобиологии;
3) психопатологии;
4) учения о подсознательном;
5) материалов по психологии творчества;
6) учения о расах;
7) сексуальной психобиологии.

Когда-то во французской психиатрии для понимания невропатических и психопатических состояний оказалось необходимым обратиться к проблеме вырождения (Morel, Magnan). Вопрос о ненормальных, невропатах, психопатах стал яснее лишь тогда, когда внимание временно перенесено было с личности на вид. Этим найден был путь к объективному изучению. Разумеется, в настоящее время никто не трактует проблему вырождения в Маньяновском и особенно в Морелевском духе (ср. Бумке[44]). Но временный перенос с личности на вид как биологический прием никогда не испортит дела. Так и в проблеме одаренности. Не следует успокоиться на лаврах от школьных тестов; не лишне посмотреть на одаренную личность в окружении ее ближайшими и отдаленными родственниками; не лишне ознакомиться с предками и потомками известных одаренных людей и затем вновь вернуться к этой же одаренной личности. Чтобы постигнуть особенности последней, не следует также ограничиваться той обычной степенью ее, которая почти не возвышается над средней способностью; следует ознакомиться с эволюцией одаренности до крайних степеней (гениальность) и с инволюцией ее до низших степеней (ограниченность, бездарность, слабоумие, психоз с слабоумием). За последнее время в литературе имеется по поводу этого много интересного[45]. Например, имеется определенный род. У этого рода наблюдается фамильная особенность, напр. музыкальная одаренность. В целой последовательно нисходящей серии поколений эта одаренность колеблется от небольших до средних высот и вдруг у кого-либо из стоящих на одной ступени достигает колоссальных размеров (музыкальная гениальность). Затем у последующих потомков, а равно и братьев и сестер эта зенитная высота спадает и одаренность принимает обычную форму средней или небольшой или относительно высокой, но зенитной высоты никогда не достигает.

Вполне естественным является вопрос: почему повышенная до максимума одаренность фиксировалась в данной личности? Какие биологические условия содействовали появлению гениальности, что послужило прямым раздражителем этого явления?

Рассматривая эти вопросы, исследователи встретились со следующими фактами[46)]:

1) У ближайших предков по одной из восходящих линий (отцовской или материнской) констатированы постоянные признаки невыявленной или мало выявленной энергии одаренности, т. е. имеется как бы наследственная одаренность в скрытом виде.

2) У ближайших предков по другой из восходящих линий (или по обоим) констатирована наследственная склонность к неврозам, психоневрозам и даже формальным психозам.

Эти два условия – колеблющаяся по своим высотам одаренность и колеблющаяся по своим высотам невропатичность или психопатичность – постоянны. Напр., по линии отца констатирована наследственная одаренность у следующих лиц: Гоголь, Тургенев, Чернышевский, Макс Штирнер, Красинский, Джонсон, Ибсен, Грибоедов, Циммерман, Дж. Рескин, Э. Т. Гофман, бр. Бассано, Александр Македонский, Тассо, Монтескье. По линии матери у всех перечисленных лиц констатирована либо невропатичность, либо психопатии. Имеется и обратная картина: одаренность идет по линии матери, психопатии по линии отца. Сюда относятся Л. Толстой, Достоевский, Гл. Успенский, Лермонтов, Загоскин, Наполеон, Стендаль, Некрасов, Ж.-Ж. Руссо, Шарль Жерар.

Наконец, прослежено совпадение по линии отца и одаренности и наследственной психопатии при одновременной психопатии по линии матери (Пушкин, Белинский, Стриндберг, Кеплер, Байрон, Ю. Роберт Майер, Батюшков, Флобер, Бальзак); имеются случаи, когда и по линии отца, и по линии матери констатированы сосуществование и одаренности и психопатии (Гете, Блок); и в конце концов отмечены случаи, когда при отсутствии одаренности по линии отца констатированы психопатии по линии отца и одаренность и психопатии по линии матери (Мопассан, Шопенгауэр, Мольер, Гаршин, Леонид Андреев).

Разумеется, указанных лиц недостаточно. В действительности их гораздо большее количество. Перейдем к рассмотрению этих двух условий. Первое условие понятно: высота одаренности по поколениям колеблется и может вскочить до такого уровня, который будет означать гениальность; но какое отношение имеет второе условие? Какую связь может иметь одаренность с психопатическим началом? Не есть ли психопатическое начало по самой природе своей нечто чуждое и противоположное нормальному здоровью, нормальной продуктивности психики?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо подвергнуть обследованию функцию нормального сознания.

Функция сознания в норме заключается в том, что мы имеем возможность находить и действительно находим и отмечаем происходящие в нас психические процессы, узнаем переживания, сознаем их. Но функция эта находится в прямом соотношении с объемом сознания. А последний в норме всегда пределен. Подобно глазу, который имеет в норме предел для видения вблизи и вдаль, иначе получается расстройство в виде миопии и гиперметропии, сознание тоже имеет предел: распространение «психического зрения» за пределы нормы, слишком вдаль или слишком вглубь мыслимо лишь при каких-то ненормальных условиях. Роль нормального сознания не допускать этих эксцессов ни вверх, ни вниз в целях равновесия и покоя психики.

Таким образом, нормальное сознание со своим предельным Veto (ср. цензуру Фрейда) является тормозом для всяких психических неожиданностей, для всяких нарушений объема сознания и в смысле ослабления, и в смысле увеличения его. Одаренность не может мириться с этой предельностью: она стремится прорваться через тормозы, поставляемые ей нормальным сознанием. Если это ей не удается, потому ли что она еще не велика, а тормоз силен, или потому, что нет особого реагента-прорывателя, – в этих случаях одаренность прячется вглубь, отходит от сознания; одаренность, следовательно, является здесь скрытой.

Разумеется, пускаться в гущу теорий никто не собирается, но дать приблизительное пояснение приведенным фактам вовсе не является такой ересью, как это кажется Меде. Без подобных пояснений никакая наука не могла бы существовать.

Объяснение в настоящее время дается такое.

Психопатическое начало шествует со ступеньки на ступеньку вниз по поколениям А, В, С, Д...

На известной ступени Д оно скрещивается с линией одаренности, идущей тоже со ступеньки на ступеньку по поколениям А, В, С, Д... Эта одаренность скрыта и заторможена нормальным аппаратом сознания.

При столкновении в Д этих двух линий наступает антагонизм, в результате чего происходит изменение: тормозы устраняются и скрытая неактивная одаренность превращается в открытую, активную одаренность. Это чисто биологическое явление. Для реакции выявления одаренности необходимо наличие двух слагаемых: 1) накопленного по поколениям слагаемого скрытой одаренности у одного из родителей; 2) психопатического слагаемого у другого из родителей. Таким образом, скрытая энергия одаренности, дотоле связанная и заторможенная, благодаря акту скрещения и диссоциации, освобождается от тормазов и соединяется с психопатическим элементом. Получается новая постройка, новая структурная форма. Расщепленные этим столкновением две биохимических энергии соединяются вновь, синтезируются (или нейтрализуются) – и возникает новая форма энергии, выявляющей себя как активная открытая одаренность. При этом часть психопатического слагаемого идет на братьев и сестер высокоодаренных людей. Патографические данные устанавливают, что у множества высокоодаренных людей психопатичны либо браг, либо сестра (Кернер, Шуман, Ришелье, Николини, Гегель, Дидро, Копт, Аксаков, Гончаров, Гаршин. Л. Толстой, Мирабо, Достоевский, Ленау, Батюшков, Гюго, Чаадаев, Пушкин, Бальмонт, Шатобриан, Араго, Фейербах, Кеплер, Серов, Гл. Успенский, Стриндберг, Врубель и пр.).

Далее. Высокоодаренный человек никогда не передает свою одаренность детям в такой степени, как у него самого, а всегда в меньшей или незначительной степени. Зато обязательно передается детям (если они вообще имеются у данного высокоодаренного человека) его психопатичность или зачатки ее. Причину этого усматривают в том, что когда активная одаренность отреагируется, проявится, израсходуется, то сохранятся лишь остатки этой высокой одаренности («посредственная» одаренность); одновременно же выплывают психопатические передачи. Это известно относительно Себастиана Баха, Шумана, Тацита, Мендельсона, Гете, Дж. Уатта, Л. Толстого, О. Конта и др.

Таким образом, выходит, что в отношении высокоодаренных психопатические элементы являются расщепителями или освободителями одаренности.

При обследовании патобиографических фактов отмечены еще (д-р Г. В. Сегалин) следующие особенности:

1) Компонент одаренности происходит в подавляющем большинстве случаев по одной из родительских линий; психопатический же компонент – по двум линиям: и отца, и матери. Это одна особенность.

2) Отмеченные психопатические компоненты по обеим линиям (отцовской и материнской) являются сами по себе антагонистами по отношению друг к другу. Напр., по отцовской линии преобладают состояния возбуждения, болезненно повышенной активности, резкости, а по материнской – состояния угнетения, пассивности, подавленности, задержки. (Прослежено относительно родителей Гете, Пушкина, Блока, Кеплера, Байрона, Шопенгауэра, Бальзака, Л. Андреева, Мопассана.) Если речь заходит о скрытой одаренности, которая не может обнаружиться при нормальном ясном сознании личности, то по необходимости проблема одаренности связывается с учением о подсознательном. В самом деле, сделаться гением сознательно, по доброй воле, по усердию и прилежанию в науках или искусствах или иных сферах жизни нельзя. Гением надо родиться. Следовательно, происхождение гениальности или высокой одаренности нужно искать в психическом

клубке нашего накопленного опыта прошлого. Прошлое это – и личное, и родовое. В развертывании энергии прошлого, энергии вида – ключ к разгадке психо-био-генеза одаренности. В вопросах одаренности именно большое значение имеет тот огромный склад психического материала, в который сложен опыт личности в виде каких-то следов, опыт смутных воспоминаний, опыт забытый, загнанный вглубь; опыт, никогда не бывший сознаваемым, опыт наших предков, нашего рода человеческого, весь тот психический опыт, что был вообще в животном мире до нас, в прошлом, и заключенный теперь в скрытых следах психики данной личности (ср. Дж. Лондон «До Адама»). Весь этот опыт прошлого складывается в подсознательный аккумулятор психической энергии. Бывают случаи гармонического контакта сознания и подсознания, но при нарушении гармонии возникает кризис и формируется психика психоневротика[47)].

Итак, одаренность не есть атрибут исключительно данной личности. Опыт прошлого доминирует над психикой одаренного более, чем над какой иной психикой. Подсознательно-инстинктивная область управляет психической жизнью и поведением не в малой степени (см. исследования В. А. Вагнера об инстинктивных знаниях животных[48)]). Для богатства одаренности мало опыта нескольких поколений. «Величайшие идеи рождаются до 30 лет», – говорит В. Оствальд. Откуда же они берутся, раз сознательный опыт юноши обычно ничтожен. А одаренность, проявляемая с детства? Несомненно, что накопленный опыт предков играет здесь главную роль.

На поставленный выше вопрос, почему же высоко одаренному нужен психопатический элемент, новые авторы (д-р Сегалин) дают такой ответ.

Психопатический элемент нужен для выявления высокой одаренности, во-первых, как элемент, прорывающий тормозы, перешагивающий через цензуру, лежащую между сознанием и подсознанием, и вообще, как элемент, открывающий шлюзы для творческого прорыва. Во-вторых, психопатическое состояние экспансивного типа сопровождается повышением эмоционально-волевой стороны психики, богатством аффектов и переживаний, усилением течения представлений, создает гиперкинетическую динамику – что физиологически выражается в повышении мозгового кровообращения и усилении работы мозговых нервных аппаратов.

Среднее спокойное нормальное состояние всех этих условий не дает, а потому исследование личности в этом состоянии не всегда дает характерные результаты по обнаружению одаренности.

На это, однако, могут возразить: если психопатический элемент так необходим для высокой одаренности, то почему душевнобольные так небогаты творчеством, гениальностью?

Ответ должен быть таков: множество психопатов и душевнобольных не проявляют никакой одаренности потому, что несмотря на повышение эмоций, усиление мозговой работы и т. п., они не имеют в пределах подсознания накопленного опыта, «залежей одаренности». Поэтому, хотя условия для прорыва энергии одаренности благоприятны, хотя нормальное сознание побеждено, тормозы прорваны и шлюзы открыты, но... нечему прорываться, ибо отсутствуют компоненты одаренности.

Мы не имеем места распространяться подробно по поводу целого ряда вопросов, связанных с взаимоотношением психопатического элемента с одаренностью, и отсылаем читателей к литературе, помеченной в конце статьи. Здесь же коснемся других вопросов, связанных с одаренностью. Один из них, это отношение одаренности к расе.

Установлено фактически, что высоко одаренные происходят также и от непосредственного скрещения различных рас и национальностей (Пушкин, Врубель, Серов, Надсон, Монтескье, Ницше, Ибсен, Герцен, Шопен, Кант, Жуковский, Шопенгауэр, Лейбниц, Гегель и пр.). Различные расы действуют друг на друга как антагонисты, т. е. аналогично действию психопатического элемента на скрытую одаренность. Кровяные компоненты одного организма суть антагонисты кровяным компонентам другого организма.

Сексуальный фактор тоже играет не малую роль в развитии одаренности. Авторы исследуют роль «женственности» (das ewid Weibliche) в развитии одаренности; влияние

любви на характер одаренности. Изучается сродство между одаренностью и сексуальной психикой человека. Об этом писали и прежние авторы (Хэк Тьюк, Сорель, Рибо? М. Нордау, Гиляров, Гартман, Мечников и пр.); пишут и новые исследователи.

Но не только поэты и артисты, а и ученые и философы, т. е. лица, которые работают по преимуществу интеллектом, признаются, что эта работа, главным образом, инспирировалась эротическими эмоциями, создававшими общий психический подъем. Огюст Конт сообщает, что он создал «Систему положительной политики» под влиянием любви к Клотильде де-Во. Дж. Стюарт Милль – политико-эконом, философ-логик – говорит: «Все, что я напечатал, столько же принадлежит моей жене, сколько и мне, – и это участие возрастало с каждым годом». То же говорят Дидро, Декарт, Лейбниц, Кюри, Льюис и пр.[49)]

Далее, мы должны более отчетливо выяснить связь одаренности с подсознательной деятельностью и с творчеством. Одаренность имеет степени: от незначительной до гигантской (дарование, небольшой талант – гений, великий ум, великий артист).

С точки зрения генетически-эволюционной нельзя разрывать вопрос о средней, небольшой одаренности от вопроса о наивысшей одаренности, т. е. гениальности. Эти виды одаренности различаются лишь количественно, но локализация основы, механизмы, физико-химические условия разных степеней одаренности должны быть сходны и однородны. Так как мы полагаем, что одаренность неразрывно связана с какой-либо степенью творчества и что всякие иные психические образования и процессы, как бы высоки они ни были, не относятся к одаренности, раз они лишены творческого элемента – то отсюда ясно, что надо выяснить взаимоотношение творческих актов к эксперименту.

Проф. С. О. Грузенберг устанавливает два положения при анализе строения процесса творчества[50)]:

1) неповторимость творческого процесса;

2) невоспроизводимость его в эксперименте.

Великий художник, а иногда и ученый не в силах воспроизвести в своем душевном опыте состояние вдохновения и экстаза. Он не может по своему произволу объективировать образы своей творческой фантазии. Своеобразие процессов творчества в том, что их, в отличие от других душевных переживаний, нельзя ни вызвать, ни воспроизводить в нашем душевном опыте по нашему произволу. Они по самой природе своей строго индивидуальны, неуловимы и непроизвольны в том смысле, что возникновение и прекращение их не зависит от нашей воли. Что это верно, об этом свидетельствуют многочисленные признания, письма, мемуары и автобиографии высокоодаренных людей.

Таким образом, у нас могут быть только два выхода:

1) или признать, что для диагностики одаренности совершенно не нужно примешивать вопрос о творчество; признать, что одаренность успешно продуцируется помимо творчества и может диагностироваться в эксперименте над гимназистами посредством умножения, зачеркивания букв, подчеркивания букв, сложения кусков картона в целое и пр.;

2) или признать, что творчество – обязательный ингредиент одаренности; в этом случае как феномен не при всяких условиях и не всегда проявляющийся в жизни личности, оно может не проявиться в моменты испытаний – и, таким образом, тесты как диагностическое средство одаренности окажутся непригодными.

Та, выходящая за пределы усвояемого, продуктивность, о которой говорит Мейман как о неотъемлемом элементе одаренности имеет в своей основе подсознательный процесс, не подлежащий ни самонаблюдению, ни наблюдению, ни эксперименту. Согласно Гартману, только отдельные члены этого процесса могут прорываться в поле ясного сознания, но бесплодно искать мысли преднамеренно. Они выплывают совершенно неожиданно спустя несколько часов или дней[51)].

Гартман различает два типа «одаренности»:

1) рассудочный-интеллектуальный;

2) интуитивно-подсознательный.

Первый характеризуется тем, что работает посредством рассудочного выбора и комбинации технических средств. Это заурядные дилетанты, ремесленники в науке, искусстве; они комбинируют путем напряжения и усилий воли, путем усидчивости, терпения, продолжительного искуса и навыка. Такая надуманная комбинация вырабатывается из мелких деталей путем кропотливых усилий и труда в поисках частей для целого. Они прилаживают частности к целому. (В русском просторечии: «бездарные тупицы».)

Второй тип характеризуется участием интуиции, работой подсознания, стихийным вторжением мыслей, образов, без всяких усилий. Он схватывает зараз целое во всем многообразии его частей.

Каково отношение этих типов к испытаниям на одаренность в духе Меде?

Первые пригодны для испытания, но у них нет одаренности: у них есть терпение, но не одаренность; поэтому испытывать последнюю у них и нечего.

Вторые, несомненно, одарены, но их одаренность не подчиняется приказу экспериментатора проявиться в тот час и день, когда ставится опыт.

И в том и в другом случае тесты немного помогут обнаружению психобиологической одаренности.

Далее мы должны отметить, что эксперименты на одаренность типа Бинэ – Штерна – Меде никоим образом не могут обнаружить того интересного явления душевной жизни, которое называется аутизмом и которое имеет теснейшую связь с психикой высокоодаренных людей, как это, между прочим, констатировано и Креймером. Стриндберг, Хольдерлин, Робеспьер, Уланд, Мольтке, Фейербах, Тассо, Микеланджело – все это аутисты-шизоиды в изображении Кречмера[52)].

Что же такое аутизм? Это жизнь в самом себе, преобладание внутренней жизни, активный уход из внешнего мира, разработка грез, интроверсия (по Юнгу). Аутизм, как думает Блейлер, творец учения об аутизме, имеет свои законы мышления[53)]. Есть логическое или реалистическое мышление и есть направленное мышление.

В продукцию одаренности у аутиста входят: 1) желания; 2) тенденциозность мышления; 3) преобладание одних ассоциаций с устранением других. Механизм оживления одних ассоциаций и вытеснения других зависит весьма от аффектов и эмоций.

Все эти механизмы мышления тестами типа Меде не обнаруживаются; может быть, в этом отношении что-либо создаст Вюрцбургская школа, но Бинэ – Меде здесь бессильны. Вообще, целый ряд механизмов мышления, описанных психоаналитической школой, не могут быть обнаружены общеизвестными испытательными скалами. Эти механизмы суть: 1) рационализация; 2) конфликт; 3) репрессия; 4) проекция[54)]. Они имеют громадное значение для интеллектуальной жизни человека; несомненно, что и в комплексе одаренности они играют большую роль. Выяснение этой роли принадлежит будущему.

Нам остается сказать несколько слов об анатомо-физиологических основах одаренности.

Маурер[55)] говорит, что необходимо уметь правильно ставить вопрос при исследовании высоко одаренных людей. Нельзя ограничивать задачу одним изучением рельефа и лишь одних полушарий мозга. Открываются новые возможности путем изучения цитотектоники, эндокринологии и конституции. В строении серой мозговой коры Эрнеста Геккеля Маурер нашел необычайно сильное развитие наружного зернистого слоя даже в тех местах, где у взрослого человека он уже не бывает так хорошо выражен, как это наблюдается в юности (Геккель умер в 86 лет).

Особое значение, далее, имеет снабжение мозга кровью у одаренных. Оно отличается от снабжения кровью мозга посредственного человека. У одаренных стенки сосудов имеют свое гистологическое строение: общая величина артериального русла мозга, тонкое топографическое распределение сосудов, а следовательно, и относительное количество крови между отдельными топографическими районами мозга, то или иное богатство капиллярами – все это у одаренных может быть иное, чем у средних людей. «Если кровь, – говорит В. К. Гиндце, – подается в головной мозг сильным нагнетательным аппаратом и

по наиболее выгодным гемодинамическим системам, мы вправе ожидать большего эффекта мозговой работы, при прочих условиях, в сравнении с условиями противоположными. Намек на интерес в этом отношении изучения сосудистой системы можно усмотреть в особо выгодном отхождении общей сонной артерии, случайно обнаруженном при вскрытии тела проф. Н. А. Холодковского[56)]». Помимо крови, для понимания одаренности важен состав гормонов, выделяемых в кровь эндокринным аппаратом.

Нельзя оставить без внимания также и общее конституциональное и патолого-анатомическое описание всего организма. «Значение такого подхода, – говорит д-р Б. К. Гиндце, – видно хотя бы на примере влияния патологического состояния мягкой мозговой оболочки или преждевременного заростания черепных швов на умственную деятельность человека[57)]». Проф. Л. Штида исследовал мозг доктора философии Георга Зауэрвейна, отличавшегося выдающимися способностями к изучению иностранных языков: знал 40–50 языков и мог овладеть любым новым для себя языком в течение нескольких недель настолько, чтобы свободно говорить, писать и сочинять на нем стихи. По смерти Зауэрвейна Штида, исследуя его мозг, обратил внимание на мягкие мозговые оболочки, которые приросли к веществу мозга. Штида ставит это в связь с головными болями, которыми страдал Зауэрвейн всю жизнь, и тем психическим заболеванием, которое у него было в молодости[58)].

Проф. Н. Г. Стадницкий на 2-м съезде З., А. и Г. сделал сообщение об одной высокоодаренной девушке: она стала терять свои способности от повышения внутричерепного давления вследствие опухоли мозга, а затем, после удаления опухоли, ее психическая деятельность восстановилась до прежних размеров[59)].

Из этого мы видим, что – вопреки Меде и Пиорковскому – тесты на испытание высших функций интеллекта не являются единственными критериями одаренности. Прежде чем судить об одаренности, необходимо знать точно психофизическое состояние личности. Неудачные ответы при сегодняшнем испытании могут через месяц замениться самыми удачными, в зависимости от состояния здоровья испытуемого. Это касается не только столь резких случаев, как приращение оболочек или опухоль мозга, но и обыкновенных циклотимических состояний. Напр., проф. Ю. В. Каннабих приводит многочисленные случаи кругового расстройства настроения, резко отражающегося на интеллектуальной продуктивности. Так, на стр. 84–105 дается подробное описание жизни и болезни субъекта, который в периоды приподнятого настроения «пишет много стихов, проглатывает массу книг и, усваивая все прочитанное шутя, одолевает в какие-нибудь 3–4 часа самые серьёзные вещи... Пишет по два фельетона в неделю, сотрудничая в местной газете; писание дается легко, почти без помарок...».

В периоды же вялости, апатии, угнетения «читает с трудом, чувствует себя «идиотом»... сомневается в своих силах... фельетоны не так удачны и не даются ему попрежнему столь легко... пишет гораздо реже...»[60)]. Как могут поручиться Меде и Пиорковский, что все их испытуемые были всегда во все годы в одинаковом настроении? Как можно быть уверенным, что незаметные для непсихиатра колебания в настроении не влияли на высоту умственной продуктивности в эксперименте?

В зависимости от ежечасных изменений кровообращения человек может казаться то одаренным, то бездарным; словом, тысячи сложных причин могут влиять на его умственную продуктивность.

Никогда не следует при решении сложных вопросов замыкаться в круг своей специальности. Кузьма Прутков давно сказал, что «специалист подобен флюсу, ибо полнота его одностороння». Меде замыкает в круг своих тестов проблему одаренности и, кроме тестов, ничего знать не хочет. Проф. Д. Н. Зернов, наоборот, сводит дело только к изучению веса, объема, формы извилин мозга – и раз эти способы ничего не дают, он отказывается от признания корреляции между одаренностью и морфологией. Оба эти взгляда односторонни. Д-р Б. К. Гиндце справедливо говорит, что изучение одаренной личности должно охватить все стороны организма, всю его биопсихическую сущность. Кроме детальнейше-

го анамнеза, тщательного соматического и психологического исследования в обычно установленных рамках, желательно исследование ваготропности и симпатикотропности. В этом отношении мы укажем на ценные главы книги Гильома «Ваготония, симпатикотония и невротония»[61], где освещена связь блуждающего и симпатического нервов с психической сферой личности. Разумеется, учение о конституциях, измерение черепа, туловища, конечностей должны входить в общее соматическое обследование, а психоанализ, интроспекция и эксперимент – в общее психологическое исследование.

В новейших работах позднейшего времени, касающихся проблем творчества, таланта, одаренности, неуклонно проводится мысль о громадной роли подсознательной деятельности в этих процессах. Доц. Г. И. Маркелов в своей работе: «Автоматизм в художественном творчестве»[62] говорит: «Генетическую основу художественного творчества составляет... тот опыт человека, который создавался и создается в процессах его филогенетического и онтогенетического развития и непрестанно поддерживается получаемыми им впечатлениями из окружающей среды и который заключается, хранится как в сознательной, так и в подсознательной сфере его психики...

Современный человек, чтобы перейти от обыденной жизни к акту художественного творчества, как до известной степени автоматическому процессу, должен затормозить, заглушить в себе деятельность сознания в форме дискурсивного мышления, в форме чисто рассудочной, т. е. иными словами, должен освободиться от исключительного господства новейших структурных образований центральной нервной системы и отдаться во власть филогенетически более старых». Для тех рассудочных процессов, которые исследуются Пиорковским, Меде, Рудиком и другими авторами, основою являются именно новейшие структурные образования нервной системы; для одаренности же как органического свойства личности должны быть оживлены древние механизмы, работающие за порогом сознания.

Заключая нашу работу, мы позволяем себе сделать следующие выводы:

1) Предлагавшиеся и предлагаемые до сих пор тесты, скалы, схемы исследования одаренности приспособлены скорее к испытанию умственного уровня личности; к исследованию одаренности они не имеют прямого отношения.

2) В понятие «одаренность» обязательно должны входить как составные части ее творческий элемент, самостоятельность, оригинальность, свобода в развертывании психических сил.

3) Как сложное психобиологическое явление, одаренность не может быть диагностирована только тестами, как бы совершенны они ни были; необходимы для анализа и диагноза одаренности ряд исследований соматического, антропологического и общепсихологического характера.

4) Разделение понятия «одаренность» на общую и частичную с отожествлением первой с интеллектом не имеет ни лингвистических, ни психобиологических оснований.

5) Одаренность как психобиологическое явление не может оцениваться лишь высотою, скоростью и «изворотливостью» интеллектуальных процессов. Иногда эти меры могут быть показательны, а иногда и непоказательны.

6) Проблема одаренности находится в теснейшей связи с проблемами творчества, подсознательной деятельности, учения о расах и учения о соотношении психопатических элементов с элементами одаренности.

7) Особенное значение в проблеме одаренности имеет сексуальная психобиология.

8) Посмертное изучение одаренных людей осветит проблему одаренности путем данных цитоархитектоники.

9) Одаренность не всегда проявляется в одинаковых степенях умственной продукции. На последнюю влияют эмоции, настроение, вообще всякого рода переживания. Экспериментатор может учесть эти состояния, если он одновременно является психиатром.

Учет настроений при массовых опытах едва ли возможен.

10) Спокойное, уравновешенное состояние духа вовремя испытаний может идти во вред обнаружению одаренности, а не в пользу.

Литература

[1] А. Бинэ И Г. Симон. Методы измерения умственной одаренности. Изд. 1923 г. А. П. Сухов. Экспериментальное изучение школьника. Изд. «Сеятель». Стр. 7–33. В. М. Экземплярский. Проблема школ для одаренных. 1927.

[2] Экземплярский. Цит. соч.

[3] Сухов, Экземплярский. Цит. соч.

[4] Idem.

[5] Idem.

[6] И. Л. Стычинский. Метрическая скала. Саратов. 1924. Пред. Крогиуса. Стр. 2–3.

[7] Там же.

[8] Киркпатрик. Основы педологии.

[9] Меде и Пиорковский. Детская одаренность. Москва, 1925. Стр. 39.

[10] Веселовская К. П. Педологический практикум. Стр. 128.

[11] Труды съезда по эксп. пед. Доклад Г. И. Челпанова: К вопросу об экспериментальном исследовании одаренности. Стр. 255–258.

[12] А. П. Нечаев. Руководство к экспер. психол. исслед. детей. Вып. 1. Стр. 23.

[13] Он же. «Ум и труд». 5, 6, 17.

[14] Он же. Там же.

[15] Г. И. Россолимо. Психология, профили.

[16] А. П. Болтунов. Измерительная скала ума. Стр. 1–36.

[17] Он же. Педагогическая характеристика ребенка. С. 8 –81. Предисловие к книге А. Декедр «Развитие ребенка от 2 до 7 лет».

[18] П. П. Соколов. Исследование умств. уровня детей. Введение.

[19] И. Л. Стычинский. Цит. соч. Стр. 16.

[20] А. А. Крогиус. Предисл. к книге Стычинского. 1–6.

[21] Он же. Эксперимент, исслед. интеллект, функций студентов. Стр. 17, 18, 19.

[22] П. А. Рудик. Психологии, профиль обшей одаренности.

[23] А. Ф. Лазурский. а) Классификация личностей, б) Психология общая и экспериментальная.

[24] К. П. Веселовская. Цит. соч.

[25] К. Сотонин. Цит. по Экземплярскому.

[26] Г. Е. Сухарева и 3. В. Осипова. Вопросы педол. и детск. психоневр. 1926. Стр. 5, В.

[27] Н. Н. Ладыгина-Котс. Исследование познавательных способностей шимпанзе. Стр. 452.

[28] А. А. Смирнов, Психология ребенка и подростка. Стр. 156.

[29] С. М. Василейский. Основные вопросы педологии. 1926. Стр. 190–198.

[30] В. М. Экземплярский. Цит. сон.

[31] Там же.

[32] Василейский. Цит. соч.

[33] Меде. Цит. соч. 39.

[34–35] Там же. Стр. 73, 80.

[36] «Детская психология и антр.» Вып. 2. Стр. 93–97.

[37] Шуберт А. И. и Бухгольц Н. А. Испытания умственной одаренности и школьной успешности. «Новая Москва». 1926. Стр. 3, 5, 11, 17.

[38] Там же.

[39] Дж. Паркер. Чарльз Дарвин. Стр. 173. Ср. также биогр. Ч. Дарвина М. А. Энгельгардта. (Изд. Ф. Ф. Павленкова).

[40] Киркпатрик. Цит. соч.

[41] Там же.

[42] Рудик. Цит. соч.

[43] Ю. В. Каннабих. Циклотимия. Стр. 84–105.

[44] Бумке О. Культура и вырождение. 1926.

[45] Г. В. Сегалин. 1) О гипостатической реакции гениальной одаренности. Стр. 93–110. 2) Психическая структура эвро-реактивных типов. 3) Механизм выявления эвро-активности у гениально-одаренных людей. Стр. 169–181. Психо-эвротическая пропорция гениальной одаренности. 183–197. 5) Сдвиги психо-эвротической пропорции гениальной одаренности. 198–213. «Клинический архив гениальности и одаренности». Вып. 2, 3, 4. 1925. Ленинград. В помеченных статьях подробно разработана мотивировка соотношений психотического элемента с одаренно-

стью и гениальностью. В целях простоты изложения мы заменяли специальные психиатрические термины более простыми и общепонятными.

[46)] Сегалин; Вышеотмеченные работы.

[47)] Он же.

[48)] Проф. В. А. Вагнер. От рефлексов до инстинктов. Стр. 13. Вып. 3.

[49)] Проф Грузенберг. С. О. Психология творчества. Минск, 1923. Стр. 38 и далее.

[50)] Он же. Там же.

[51)] Он же. Там же.

[52)] Кречмер. Строение, тела и характер. Стр. 170.

[53)] Блейлер. а) Аутистическое мышление. Одесса. 1927.

б) Руководство по психиатрии. Стр. 303–362.

[54)] Бернард Гарт. Психология помешательства.

[55)] Д-р Б. К. Гиндне. К вопросу о соматическом исследовании лиц выдающихся психических способностей. Стр. 214–230. «Клинический архив гениальности и одаренности». 1925. Вып. 4.

[56–59)] Он же. Там же.

[60)] Каннабих. Цит. соч. 88–89.

[61)] Гильом. Ваготонин, сим-патикотония, невротония. Стр. 153 и далее. Ленинград. 1926.

[62)] Маркелов Г. И. Автоматизм в художественном творчестве. «Современная психоневрология» 1926. Май – июнь. Киев. 1926. Стр. 14–15.

ЛЕВИНА К. С., ПОРТУГАЛОВ Ю. В. О ДЕТСКОЙ НЕПОДЧИНЯЕМОСТИ

Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. амбулатории. Вып. 3 / под ред. Ю. В. Португалова; Самар. губ. отд. здравоохранения. Самара, 1927. С. 49–76

I.

Когда организуется какое-либо новое учреждение для детей, отступающих в своем поведении от обычного уровня, одним из самых острых и жгучих вопросов, непрестанно беспокоящих педагогический персонал, является вопрос о том, какими способами достигнуть в этом учреждении дисциплины и соответствующей детской подчиняемости. Какие бы теоретические взгляды ни проникали в воспитательскую и обучающую среду, какие бы новые течения ни озаряли вопросы современной педологии, какие бы лекции и новые приемы изучения личности ребенка ни преподносились педагогам, а все же в душе последних всегда остается чувство недовольства и ропота на то, что все эти новшества идут мимо цели и не дают прямых и непосредственных рецептов по поводу повседневных проявлений неподчиняемости, нарушения дисциплины, неразумного противодействия и протеста детей. И у педагога остается чувство досады на то, что груда новых камней, долженствующая послужить фундаментом для внушительной постройки здания детской психологии, не дает сейчас, в данный момент, ничего существенного для устранения текущих педагогических злоб дня.

Как бы искренно, любовно и охотно ни подходили педагоги к трудновоспитуемым детям, а все же не может быть совершенно задавлено внутреннее сознание, что педагоги и дети находятся в отношении друг к другу в состоянии некоторой настороженности и борьбы. Педагоги принимают меры к тому, чтобы эта борьба была возможно более гуманна, преисполнена высших общественных целей и принципов; дети в своей наиболее положительной и сознательной части тоже стараются стремиться к минимуму столкновений и взаимных недовольств, но все же состояние противоположения не может быть совершенно незамечено беспристрастным наблюдателем. Воспитатели и трудновоспитуемые дети – это два мира, которые в современной стадии своих взаимоотношений не могут быть слиты в единое этически неразрывное и добровольно самовлекущееся друг к другу тело. Изощренное искание такта, осторожность, постоянное наблюдение за собой, боязнь сказать что-либо лишнее или что-либо недоговорить, колебания между решимостью поступить так или иначе, игра в незамечание явных дерзостей, игра в хладнокровие и сдержанность до поры до времени – вот что наблюдается со стороны педагогов; неуклонное стремление отстаивать свои права при смутном сознании очертания последних, подпольная работа в нелегальных конгломератах, система невыдавания товарищей, постоянное отпирательство, запутывание педагогов в различных происшествиях, укрывательство истинных причин проступков, жажда нарушить общий дух установленной дисциплины – вот что мы видим со стороны детей.

Поэтому-то так часты различного рода конфиденциальные объяснения и дискуссии между воспитателями и детьми, нередко с вовлечением врачей; беседы иногда, корректные, внешне спокойные, но нередко таящие внутри себя недобрые искры... Переступивший грани дозволенного ребенок исподлобья, хмуро и отрывисто дает показания, не скрывая тут же недовольства возникшей беседой; педагог же старается доказать ему недопустимость содеянного и порою еле сдерживает скапливаемую раздраженность, подстегивая свое терпение. Как к последнему прибежищу воспитатель апеллирует к консилиуму с врачом-педологом или психиатром, и если последние оказываются в курсе «новейших течений», то много наслушивается об иррадиациях торможения, об ассоциации спинномозговых рефлексов, о доминанте, о принципе общего поля, об индукции и цепных рефлексах. Колоссальные анкеты и программы с тысячами вопросов – антропометрические, гематологические, экспериментально-психологические – все это предлагается к услугам

воспитателя, и все это в пессимистическом сознании последнего отлагается просто как горький упрек: «для чего бить обухом по мухе?». В конце концов нередко складываются два крайних убеждения. Согласно первому, воспитатель, убежденный различными поучениями, проникается скорбной мыслью, что без познания теории Эйнштейна и астрономии Аррениуса ему не суждено сделаться настоящим педагогом. Поэтому, настроение у него мрачно-пессимистическое, приниженное, полное презрения к своим силам. Другой тип воспитателя – тот, который вежливо-почтительно выслушивая лекции о доминантах, втихомолку посмеивается над новыми фокусами педологии и зорко ловит промахи новых педологов, которые не умеют связать теорию с практикой, учение о принципе общего поля с кражами со взломом, руганью и драками. Воспитатели этого типа убеждены в бесплодности всех этих новшеств и склонны в душе к реализации более простых и верных приемов воздействия.

Разумеется, следует оберегаться и от той и от другой крайности. Чувство меры, экономия в занятиях над самообразованием должны, наконец, быть признаны, во избежание хаотической неупорядоченности в работе педагога. Однако нельзя потворствовать и педагогам-скептикам, которые уверены, что без всяких книг, теорий и научных фактов они сумеют поладить с детьми.

В настоящее время самым жгучим и злободневным вопросом в жизни детских учреждений является вопрос о неподчиняемости детей и нарушении ими дисциплины.

Правильная постановка вопроса по борьбе с детской неподчиняемостью, несомненно, должна отразиться на практических успехах этой борьбы.

В недавно организованной Самарской психоневрологической школе-санатории вопрос о неподчиняемости детей является едва ли не самым злободневным. Нам представляется, что этот вопрос должен разрабатываться в следующем виде:

1) описываются педагогическим персоналом наиболее типичные и часто встречающиеся формы неподчинения, протеста, нарушения дисциплины. Определяются «типы» неподчинения или «картины состояния». Это будет клинической симптоматологией неподчинения;

2) отмеченные формы анализируются генетически: определяются причины внешнего и внутреннего характера;

3) отмечается продолжительность и стойкость картин неподчиняемости;

4) разбирается психобиологический и социологический патогенез неподчиняемости;

5) наконец, вырабатываются методы и приемы борьбы с неподчиняемостыо с указанием конкретных мер.

Здесь нет ни отвлеченной книжной философии и нет самоуверенной простоты и воспитательской отсебятины. Вопрос должен вести к практическим мерам через необходимое познание научных фактов и их обоснование.

Например, какие самые частые и типичные формы детской неподчиняемости?

Они обычно таковы:

1) Двигательное беспокойство и речевое возбуждение при общей установленной тишине в учреждении.

2) Несоответствие поведения личного требуемой форме поведения общего (без агрессии и возбуждения). Напр., воспитанник нарочно читает, когда всем предложено писать и все это выполняют.

3) Задирание и вызывающее поведение в отношении персонала.

4) Издевательство, обиды, избиения малышей, девочек.

5) Систематическая или эпизодическая агрессия.

6) Вагабондаж.

7) Упрямство.

8) Воровство.

9) Негативизм. Нигилизм. (Свержение авторитетов.)

10) Озорство – гаэрство.

11) Брань, грубость.

12) Никотинизм.

13) Обжорство и «пищевой паразитизм».

14) Сексуальная распущенность и цинизм в словах и жестах.

15) Сексуальные извращения и проявление их в данном учреждении, несмотря на ряд мер борьбы.

16) Ложь. Хвастовство.

17) Разрушение вещей.

Эти семнадцать рубрик, конечно, не полны и формы неподчиняемости, может быть, удастся довести до 100; но нам важно сейчас не исчерпывающее описание, а постройка плана.

Переходя от внешних форм неподчиняемости к их причинам, а заодно и патогенезу, мы можем сгруппировать эти последние по таким пунктам:

1) длительное предварительное пребывание в недисциплинированной среде; социальная, семейная запущенность;

2) дегенеративное состояние с фиксированной неуравновешенностью; психопатические конституции;

3) нерациональное развитие инстинктов с преобладанием одних в ущерб другим;

4) подражательность и внушаемость;

5) бытовые дефекты данного учреждения;

6) стремление к превосходству;

7) романтический авантюризм (власть улицы);

8) умственная отсталость;

9) общее болезненное состояние организма.

Наблюдение и изучение детей в учреждении позволит дать ответ на 3-й и 4-й пункты намеченного выше плана, – и тогда мыслимо будет обсудить 5-й пункт (т. е. мероприятия). Покажем это на примерах, взятых из жизни Самарской школы-санатория.

Случай первый. Алексей И. прибыл в школу-санаторий с готовым настроением протеста и вызывающим поведением. Еще до ознакомления с жизнью и порядками учреждения Алексей И. зарядился оппозиционным духом, взвинченностью, был возбужден. Из данных дела мы узнаем, что И. долго находился в среде грубой, беспорядочной, где о каких-либо признаках воспитания не могло быть и речи. Окружавшие его люди были враждебно настроены друг к другу, ко всем ближайшим соседям, вообще ко всем людям. Такую неприязнь они проявляли и к И. Таким образом, последний с раннего детства видел единственную форму общения людей друг с другом: эта форма – неприязнь, недовольство, враждебность, противодействие, осуждение.

По-видимому, в сознании ребенка фиксировалось убеждение, что противодействие как таковое есть обычная нормальная форма реакции личности на внешний мир. Из анамнеза И. мы узнаем, что он в раннем детстве лишился родителей, предоставлен был самому себе или случайным влияниям улицы или неупорядоченных дет. учреждений. Развились чрезмерно самолюбие, щепетильность, концентрация внимания на своем «я». Постепенно вкоренялись мечты о странствованиях, путешествиях, так что долгое пребывание в оседлой обстановке, да еще бедной впечатлениями, вызывает раздражение и оппозиционное настроение. Кроме того, отмечаются проявления преждевременного сексуального возбуждения, особенно в обществе девочек.

Таким образом, мы здесь имеем, как этиологические моменты неподчиняемости:

1) длительное пребывание в недисциплинированной среде;

2) социальную запущенность, способствующую отсутствию идеи долга, сдержанности;

3) наклонность к вагабондажу и одновременно с этим отвращение к оседлости;

4) преждевременное пробуждение сексуалитета.

Мыслима ли здесь какая-либо борьба, мыслим ли успех врачебно-педагогического воздействия? Дальнейшее наблюдение за Алексеем И. показало, что случай этот в отношении успешности перевоспитания оказался не безнадежным.

Настроение неподчиняемости у И. оказалось не постоянным, а периодическим; чем более И. привыкал к школе-санаторию, тем более отмечалась инволюция протеста. Что же повлияло на инволюцию? Повлияла среда, определенно понизившая оппозиционный дух И. Влияние товарищей сыграло здесь едва ли не главную роль. Видя массовое участие детей в работе, в уборке комнат, И. начинает уже сам подметать пол. Видя, что беспорядочные эксцессы в смысле протеста не находят поддержки у товарищей, И. начинает стихать – и протест его сам собою падает. В конце концов замечаются очень длительные сроки отсутствия протеста-неподчинения-оппозиции и постепенное молчаливое фактическое признание режима учреждения. Из второстепенных факторов, повлиявших на понижение протеста у И., необходимо указать на отвлекающую роль музыки.

Однако в мелких случаях Алексей И. все-таки обнаруживает вспышки протеста и неподчинения, которые с педагогической точки зрения едва ли целесообразно стремиться подавить во что бы то ни стало. Напр., И. не желает, подобно другим детям, срисовывать картины, а рисует сам картины собственного содержания.

Итак, в данном случае мы видим неглубоко вкоренившееся настроение неподчиняемости, отнюдь не перешедшее в форму упроченных механизмов и открывающее поле деятельности для перевоспитания.

Случай второй. Алексей С. 9 лет. Происхождение неизвестно. Обнаруживает шаловливость, упрямство, неподчиняемость, неохоту к труду. Иронически и насмешливо относится к порядку в школе-санатории и вообще к идее порядка. Груб со всеми, озлоблен.

Из анамнеза узнаем, что С. прошел неупорядоченную среду многих детских домов, был свидетелем ссор, драк, ругани, извращений. Полное отсутствие какой-либо ласки в прошлом. Из соматических аномалий отмечено недержание мочи.

Прибыв в Самарскую школу-санаторий в июне 1926 г., С. с этого же месяца начал заниматься в 1-й группе. За летний период он избегал присутствовать на школьных занятиях, но с октября стал заниматься. В характеристике Алексея С., написанной воспитательницей А. П. Корягиной, читаем:

«Алексей С. в классе может работать со всеми; если иногда, и приходилось с ним заниматься индивидуально, то по причине разнородности группы в отношении познаний. Первое время Алексей больше любил рисовать и уроки по рисованию втянули его в общую классную работу... бывают моменты, когда А. трудно подчиняется порядку в классе: посвистывает, перебегает с места на место, заговаривает с товарищами и если он в хорошем настроении, то на первое замечание педагога оставляет свои шалости, но часто на него находит полоса упрямства и тогда уже он на замечание педагога готов ответить дерзостью, грубостью, особенно если на него обратили внимание товарищи... И все-таки ласковый тон воспитательницы сломит его упрямство». Из дальнейших записей узнаем, что Алексей С. вполне стал дисциплинированным и ко всем педагогам и детям стал относиться хорошо.

Данный случай можно рассматривать как такой, когда учреждение успело перехватить ребенка от власти улицы и подчинить своему влиянию. Нужно заметить, что Алексей С., как это следует из записей воспитателя Гольдштейна, был свидетелем не только побоев, но и уличных убийств. Продление подобной обстановки могло бы крайне пагубно отразиться на психике ребенка и перехват его из когтей поселковой улицы в дисциплинированное лоно санатория оказался как нельзя более своевременным.

Совсем не то было бы, если бы власть улицы его засосала. Кто не знает этого типа уличного беспризорника, который, не найдя в доме или в интернате нужного выхода своим силам, апеллировал к улице. Улица принималась за его воспитание, к улице этот беспризорный ребенок питает романтическое уважение за то, что, никогда не осуждая, не морализируя, не докучая запретами и прописями, она периодически открывает ему

заманчивые перспективы романтического авантюризма. Сцены побоев, убийств, оргиазм наворовавшихся кутил, риск, опасности, удачи, пафос уголовного угара, осуществленные грандиозные планы и покушения – все это определенно привлекательно для мальчугана, у которого не развиты никакие моральные элементы и который не видал полезности этих элементов на деле, в жизни.

Разумеется, борьба плохо поставленного и беспочвенно морализирующего коллектива с властью поселковой улицы должна была на первых порах кончиться поражением первого. Мы часто видим, что дети-беспризорники иронически относятся к порядку жизни в учреждении. Эта ирония – результат его наблюдений над «неупорядоченными порядками» тех дет. домов, в которых он жил раньше. Безбытная скучная жизнь прежних детских домов, загримированных под коллектив, не могла вызвать уважения со стороны ребенка. Каковы же здесь перспективы перевоспитания, борьбы с неподчиняемостью?

Представляются целесообразными два направления:

1) Прежде всего необходимо, чтобы воспитательное учреждение показало на деле объективно-положительные стороны своих действий, обнаружило кое-какие достижения, а, главное, фактически доказало бы, что оно владеет средствами дать целесообразный и удовлетворяющий исток бурным силам и стремлениям, таящимся в инстинктивно-эмоциональной жизни ребенка.

2) Во-вторых, учреждение должно суметь сорвать маску с показных красот улицы и доказать фактически ее подлинную ничтожность, социальную импотентность, дряблость и бесцельность: сорвать маску фальшивой поэзии с неопрятной уголовщины; показать, что подлинный героизм, подлинная сила и красота борьбы ничего общего не имеют с предательским убийством из-за угла, с кражей карманных платков и с покровительственным одобрением взрослых уголовных вожаков, вербующих себе из детей и помощников в преступлениях, и пассивных педерастов. Подорвать по всем пунктам и во всех отношениях престиж уголовного героизма с одновременным доказательством неизбежной приемлемости здорового духа взаимоподдержки как основы коллективного сожительства – вот основная задача педагога.

3) Необходимо далее открыть ребенку, что значительная доля уголовных вожаков попадает не только в тюрьмы, но и в психиатрические больницы; что алкоголизм, разврат, извращения, наркомании, разгул воровских шаек не только явление неприемлемое социальной средой, но и неприемлемое природой; что добрал половина этих героев, как страдающих психопатиями, заполняет психиатрические учреждения, где они также не приемлют дисциплины коллектива и где их от такого «протеста» лечат ваннами, обтираниями, лекарствами. Необходимо ярко и наглядно показать детям, что такие герои-вожди, с точки зрения врачебной, не более чем жалкие выродки, по своим душевным силам более ничтожные, чем средний обыденный человек, и что их «подвиги» весьма близки по существу к обычным эксцессам душевнобольных. На эту сторону до сих пор мало обращалось внимания, а между тем дети и посейчас верят в подлинный героизм своих поставленных на пьедестал уголовных предводителей.

Случай третий. Павел С. 11 лет. Возбужден, дерзок, груб с воспитателями, склонен к нападениям. Стремится к превосходству над другими, лжив. Совершает мелкие кражи и не сознается в них. Любит вымышлять небывалые истории, изобилующие подробностями. Мастурбант. Лицемерен. Внушаем. Из подражания другим сюсюкает, шепелявит, кривляется. В высшей степени аффективен, раздражителен, импульсивен.

Резко выражена волевая неустойчивость, невыдержанность, упрямство. Совершенно не подчиняется порядку, бьет девочек. Ворует и лжет с невинными глазами. Агрессивные наклонности проявляются крайне резко.

Из анамнеза известно, что отец Павла С. – прогрессивный паралитик. Мальчик, родился во время психоза отца. Мать страдает туберкулезом и тоже душевной болезнью (шизофрения). В родне отмечается у многих вспыльчивый характер. Сам Павел С. перенес рахит, золотуху, возвратный тиф, корь, малярию. Всегда отличатся плохим сном. До по-

ступления в школу-санаторий находился сперва у родителей, а затем под сплошным влиянием улицы.

Обращаясь к психогенезу неподчиняемости в данном случае, мы должны подойти к анализу фактов несколько с иной стороны, чем в первых двух. Поскольку первые два случая свидетельствуют о преобладающем влиянии экзогенных факторов, постольку на неподчиняемость Павла С. мы должны смотреть как на один из симптомов особого невротического состояния, обязанного своим происхождением и исключительно-неблагоприятной наследственности (отец и мать – душевнобольные), и обилию перенесенных болезней, и возросшей на этих двух могучих фундаментах малоценности органов, дающей толчок к Адлеровской неуверенности с последующей психической сверхкомпенсацией. В самом деле, неподчиняемость Павла С. отнюдь не самый яркий и бросающийся в глава признак в его истории болезни. Здесь мы находим безотчетную наклонность к возбуждению и агрессии, и лживость, и воровство, и конфабуляции, и мастурбацию, и подражательное манерничанье. Все эти симптомы сформированы, независимо от отношения Павла С. к специальному укладу школы-санатория. Совокупность подобных черт может быть вообще отнесена к психопатической конституции. С точки зрения классификации Т. И. Юдина мы здесь найдем и черты псейдологической конституции, и то, что называется истерическими реакциями. Таким образом, о врачебно-педагогических мероприятиях в отношении неподчиняемости Павла С. нельзя говорить изолированно; мероприятия должны диктоваться нейропсихиатрической диагностикой данного случая; и если, напр., ставить здесь диагноз дегенеративной психопатии (по старым авторам) или псейдологической конституции с истерическими или шизоидными реакциями (по новым), то и терапия должна быть именно такова, как она установлена в отношении данных болезненных состояний. Педагогические же мероприятия должны быть согласованы с основной линией нервно-психической терапии.

Случай четвертый. Уммэр С. 12 лет. Доставлен в школу-санаторий из Пензы с такою характеристикой: «Отличается упрямством и непослушанием. Совершенно не признает правил детдома, в школу ходит когда захочет, на глазах преподавателя изорвал и разбросал данные ему книги и тетради. Любит приставать к девочкам. Был временно отправлен в ночлежку, после чего короткое время был послушным».

В Самарской школе-санатории воспитательницей Е. П. Руновской составлена следующая характеристика Уммэра С.: «Прибыв в санаторий, Уммер имел малопривлекательный внешний вид, неряшливый костюм, рваное пальто без пуговиц, рваные ботинки. Скуластое румяное лицо типичного татарина, хмурый взгляд. Мимика маловыразительна, голос сиплый, глухой, походка неуклюжая, движения ограничены и неловки. Первые дни присматривался, молчал, казался спокойным; в играх, в разговоре участия не принимал; когда начал заниматься в классе, то обнаружил отсутствие каких-либо знаний, не знал ни одной буквы, не знал счета. Плохо различал цвета красок. Заниматься вместе с другими детьми не может, требует отдельного подхода. Ведет себя в классе безобразно; циничная ругань и поговорки не сходят сего уст; плюется, стучит по столу, в дверь во время уроков, бросается тетрадями, карандашами в ответ на предложенную работу. Умеет писать лишь одно слово, да и то циничное, и им исписывает все стены и книги. Поведение за общим столом таково: рвет из рук нянь порции, кричит, плюется, не ожидает очереди, дерется с соседями, перекидывается хлебом, разливает порции на столе, по полу, посылает отборную ругань по адресу нянь и воспитателей, на замечания отвечает циничными словами и непристойными движениями. Во время отдыха детей У. свистит, бегает по комнатам. Ворует спички, махорку, долго не может привыкнуть умываться, чистить зубы. Усваивает Уммэр все преподаваемое с крайне большим трудом. Кое-как сосчитывает до 20, 2 месяца сидел над правилами сложения и вычитания; несообразителен, мало восприимчив».

Анамнестические данные: отец умер 3 года тому назад, мать умерла давно. Родился в деревне. После смерти отца отвезен в Саратов, затем в Пензу. Более подробных сведений нет.

Данные обследования: вес 34,4; рост стоя 137, сидя 73,5; окружность грудной клетки 73, вдох 75, выдох 69, окружность талии 62, бедра 40, голени 28, головы 53, продольный диаметр 18,5; поперечный 14,5; тазовый диаметр 21, плечевой 30, плечо в покое 19, в напряжении 21, мышечная сила 30 правой, 10 левой, длина руки 60. Психологическое исследование по Россолимо: 18 плюсов и 9 минусов. Минусы падают на высшие процессы. По характеристике, присланной из Пензы, видно, что отличается упрямством и непослушанием. Эти черты прослежены в школе-санатории вполне. Первые несколько дней не выявлял себя никак, а потом стал проявлять протест, агрессию, беспокойство. Язык беден, запас слов мал; обследование обнаружило резкое умственное неразвитие. Дружит только с детьми-татарами, им он подчиняется, их слушает.

Наблюдения последнего времени показали, что Уммэр постепенно исправляется, начинает подчиняться распорядку дня санатория, способен слушать чтение, рассказывание, классные занята не пропускает, дежурства исполняет, любит музыку и танцы, иногда ласков, сознается в своих проступках. В столярной Уммэр научился строгать, пилить. Любит лыжи, различные игры. Очень национален. Любит вспоминать свою родину, татарский детский дом.

Изложенные данные позволяют сделать следующие выводы.

Уммэр С. обнаруживал резкие формы неподчиняемости и нарушения дисциплины вследствие разнородных причин. Эти причины могут быть сведены к следующему:

1) общая социальная и педагогическая запущенность;

2) общий примитивизм психики;

3) умственное неразвитие;

4) обилие аффективных элементов в психике;

5) отрицательное отношение к чуждой, новой среде.

В самом деле, ребенок, заброшенный с детства, лишен был каких бы то ни было рациональных шагов воспитания и обучения; его отношение к внешнему миру есть отношение маленького дикаря, чуждого простейшим приобретениям культуры; экспериментально-психологическое обследование, обнаружившее у него низкую степень умственного уровня, свидетельствует о крайней неупражняемости интеллекта и малой податливости его вперед. Примитивизм и зоологичность психики без всякой наличности задерживательного канала дали ход бурным аффективным реакциям и упрочили их. Разрыв со старой средой, симпатичной ребенку, и внедрение его в новую чуждую для него среду способствовали движению этих аффективных волн по руслу противодействия, неподчиняемости, нарушения дисциплины.

Однако при дальнейшем пребывании в санатории, как это видно из наблюдений, бурность аффективных реакций, а вместе с тем и неподчиняемость постепенно стала спадать. Дефекты, причиненные психике Уммэра социально-педагогической запущенностью, стали ослабевать. По мере уменьшения примитивизма и приобщения к культурным навыкам, стала спадать и неподчиняемость. В значительной мере последняя поддерживается и умственною отсталостью, которая здесь не может быть признана органическим свойством личности, а результатом целого ряда отрицательных факторов, отмеченных выше.

Случай пятый. Ваня Г. 13 лет. Невыдержан, эгоист, задира, хвастлив, властолюбив, упрям. Не подчиняется периодически, и то под давлением группы. Таковы главные выводы из наблюдений за ним воспитательского персонала школы-санатория. Из анамнеза явствует, что мать его алкоголичка, тетка – дипсоманка, сестра-слабоумная, брат – воришка. В детстве подвергался побоям, страдал сильно малярией. Череп неправильной формы: мальчик инфантилен, мал, физически недоразвит. Противодействие и неподчиняемость особенно прорываются, когда чем-либо задевают его самолюбие. Чрезмерно обидчив.

В данном случае мы имеем тяжелую наследственность, психофизическую дегенерацию, неустойчивость. Проявления протеста, противодействия и неподчиняемости являются результатом двух факторов: наследственно обусловленной психофизической дегенерации и неблагоприятного воздействия воспитывающей среды.

Случай шестой. Григорий Г-дт, 14 лет приведен был родителями, просившими поместить его в Психоневрологическую школу-санаторий. Обследован был в разные сроки три раза в Центральной детской амбулатории и, по окончательному заключению о его состоянии, было решено просьбу родителей отклонить. Анамнестические данные: отец, дядя и дед алкоголики. Отец пил до рождения Григория, пьет и сейчас. Мать страдала в детстве хореей, ревматизмом и колитом. Сестер и братьев нет. В детстве Г. перенес дифтерит, крапивницу, свинку, скарлатину, скарлатинозный нефрит. Череп правильный, астеник, повышенные сухожильные и вазомоторные рефлексы. Трофика упавшая. Голос гнусавый. Главная причина, по которой родители его обратились за врачебной помощью, это внезапные, периодические, совершенно неожиданно ни для кого наступающие признаки возбуждения, во время которых мальчик не выносит никаких возражений, не поддается никаким уговорам, но сам производит ряд недопустимых действий: рвет простыни, выпускает перья из подушки, расплескивает воду из умывальника, кидает хлеб в ведро с водой, выпускает целые десятки сырых яиц, рвет бумагу и конверты в кабинете отца; все эти поступки усиливаются при уговорах и просьбах угомониться. Родители вынуждены были прибегать к связыванию рук и ног. Такие приступы длятся обычно по 3–4 часа раз-два в месяц. После них наступает успокоение, затишье и сонливое состояние с мутацизмом.

Такие случаи не подходят к качественно установленному типу детей, интернируемых в Психоневрологическую школу-санаторий; однако мы приводим здесь таковой для полноты клинических картин детской неподчиняемости и нарушения дисциплины.

Остановимся пока на этих 6 случаях неподчиняемости и нарушения дисциплины детьми. Эта неподчиняемость в общем выражается почти в идентичных актах. Поведение неподчиняющихся детей сводится к отказу учиться, участвовать в уборке комнат, тихо сидеть за уроком, не трогать девочек, не драться, не портить вещей, не кривляться, не неистовствовать и т. п.

По поведению такие дети весьма схожи между собою, и поверхностное отношение к ним ведет за собой требование о единообразном общем педагогическом рецепте, который ликвидировал бы эту неподчиняемость и упорную наклонность к нарушению дисциплины.

Однако этиология всех этих случаев несколько различна. В первом случае преобладает предшествующее влияние дурной, беспорядочной внешней среды, но это влияние не успело пустить глубоких корней; оно мимолетное, нестойкое.

Во втором влияние среды несколько резче, но санаторию удалось перехватить вовремя ребенка и не дать ему печальной возможности подпасть под влияние улицы.

В третьем мы имеем определенный вид дегенеративной психопатии или определенную психопатическую конституцию, которая ни в какой среде не сможет трансформироваться в нормальную психику.

В четвертом случае сознательная рассудочная подчиняемость и признание дисциплины тормозятся недостаточным умственным развитием, примитивизмом психики и аффективностью ее.

В пятом случае психическая дегенерация с известной прибавкой влияния среды дает нестойкую неподчиняемость.

Наконец, в шестом случае ясно выраженные аффективные приступы, являющиеся то эквивалентами эпилепсии, то как бы формами патологического аффекта дают картины неподчиняемости и нарушения порядка, выходящих за пределы ясного сознания. Здесь господствует только патология, и педагогу здесь делать нечего: случай всецело принадлежит ведению психиатра.

Таким образом, с точки зрения носологической все эти случаи различны, с разной этиологией и дающие разные педагогические перспективы. В самом деле, случаи 1, 2, 5 дают хороший педагогический прогноз. Случай 4 дает относительно удовлетворительный прогноз. Случаи 3 и 6, как являющие примеры унаследованных тяжелых неблагоприятных свойств, дают менее надежные прогнозы.

II.

Отмеченные выше формы детской неподчиняемости являются, конечно, далеко не исчерпывающими. Мы взяли их как образцы, иллюстрирующие относительное единообразие видов внешнего поведения при различной этиологии и глубоко различном патогенезе органических стимулов неподчиняемости. Эти формы неподчиняемости могут быть обследованы в таких направлениях:

1) с точки зрения психобиологии инстинктов;

2) о точки зрения патологии эмоций;

3) с точки зрения этиологии и клиники психопатических состояний;

4) с точки зрения задержки умственного развития,

5) с точки зрения социальной запущенности и примитивизма детской психики.

Что касается психобиологии инстинктов, то в данной работе неуместно приводить современную полемику между сторонниками автономии инстинктов и их противниками, сводящими инстинкты к цепным рефлексам. Изучение жизни беспозвоночных в естественных жизненных условиях показало отчетливо, кто стоит на правильной точке зрения. И по своему генезису, и по своей психической природе, и по своей эволюции инстинкты отличаются от рефлексов. Это доказывается работами и наблюдениями подлинных натуралистов, а не умозрительными рассуждениями лаборантов.

Многие отмеченные выше проявления детской неподчиняемости могут вполне удачно быть объяснимы, как наступательные формы инстинкта самосохранения.

У А. А. Смирнова читаем по этому поводу следующее:

«У ворот дома стоит шестилетний мальчик и стреляет из полой трубки горохом. Мимо него проходит тринадцатилетний подросток. В мгновение ока, на ходу, молча выхватывает он самодельное ружье мальчугана и так же хладнокровно и молча через несколько секунд швыряет эту совершенно ему ненужную игрушку обратно к воротам.

Десятилетний школьник стремглав бежит в школу; ему некогда, он запаздывает. Случайно его взор падает на середину улицы: там мирно плетется собачонка. Одна секунда, и первый попавшийся в руку маленький камень летит из рук школьника в неповинное животное.

В яркое летнее утро группа крестьянских ребятишек бежит в лес с целым снаряжением на плечах. Им предстоит большое дело: достать птенцов из гнезд. Они подержат их недолго дома, а затем выпустят на волю. Так они делают каждый год. Дело привычное, и интереса новизны к нему нет.

Что значат эти примеры? Шалость подростка, жестокость школьника, нечуткость крестьянских ребятишек. Чем мотивированы эти поступки? Напрасно будем искать какие-либо рассудочные основания. В таких случаях можно не найти даже и определенных желаний. Поступок сознается в момент его совершения. Здесь действие «на ходу» и какой-то толчок изнутри. Это – проявления особой формы наступательного инстинкта: стремление выказать свое превосходство.

В наибольшей мере эта тенденция «обижать» и «дразнить» слабых заметна в периоде 8–14 лет. В школе, где подобные наклонности одного, находя значительную поддержку у других, делают возможною «кооперацию» отдельных усилий, агрессивность бывает направлена часто и против сверстников – так называемых «новичков», просто «слабеньких» или «дурачков».

В некоторых случаях она оказывается настолько сильной и благодаря взаимному заражению длительной, что превращается в систематическую травлю отдельных детей. Иногда этой же участи не избегают и взрослые: не пользующиеся авторитетом или не пробуждающие страха учителя, калеки, душевнобольные, лица другой национальности» (Психология ребенка и подростка. Москва, 1926. Стр. 128–132).

Частые случаи порчи вещей следует рассматривать с точки зрения инстинкта разрушения – особой формы все той же врожденной агрессивности ребенка. Наиболее полно

она обнаруживается в период 3–5 года жизни, когда страсть к разрушению одновременно стимулируются и любознательностью ребенка (Цит. кн. Стр. 129).

Однако не все проявления неподчиняемости даже у самых маленьких детей могут быть отнесены за счет каких-либо инстинктов: наступательного, разрушительного и пр. Многое должно быть отнесено к группе защитных тенденций.

«У подростков, – говорит А. А. Смирнов, – те же активно-защитные тенденции ярко выражаются в нигилизме, т. е. свержении ига почти всех авторитетов. В связи с этим наблюдается чаще, чем когда-либо, и тайное неповиновение (главным образом там, где сильно влияние товарищей и новых пробуждающихся влечений – курение, употребление спиртных напитков, игра в карты), и явное неподчинение дисциплине, сопровождаемое одной из особенностей этого возраста – резкостью, а иногда и умышленной грубостью ответов: дерзостью» (стр. 130).

Итак, допустим, что мы объяснили значительную долю проявлений детской неподчиняемости и нарушения дисциплины отчасти наступательными формами инстинктов (стремлением к превосходству, инстинктом разрушения), а отчасти активно-оборонительными тенденциями (негативизм, нигилизм и пр.).

Является педагогический вопрос: должно ли бороться с этими инстинктами? Возможна ли такая борьба? И если возможна, то каковы приемы и средства борьбы? Для воспитательского персонала нашей школы-санатория весьма важно услышать решительный и обоснованный ответ на вопрос: можно ли бороться с детской неподчиняемостыо, основанной на наступательных формах инстинкта или на активно-защитных тенденциях; должно ли бороться, и если должно, то каким путем?

Обратимся к биологии.

Одни биологи полагают, что борьба с инстинктами нужна по всему фронту.

Другие думают, что ее вести вовсе не нужно.

Третьи указывают, что надо бороться лишь с некоторыми инстинктами и в различной степени.

Первые рассуждают так: если неразумно поддерживать рудиментарные органы как приносящие вред, то следует ликвидировать и ряд инстинктов как способностей рудиментарных. Инстинкт – низшая способность. Это зверь в человеке. И его надо уничтожить.

Противники этого первого мнения, наоборот, полагают, что при столкновении психических сил целесообразнее поддерживать не область разума, а область инстинктов, так как последний ведет к удовлетворению, а не к ошибкам и разочарованиям.

Оба эти взгляда новейшими биологами считаются неосновательными. Во-первых, «инстинкт – не рудимент и ничего общего с рудиментарными органами не имеет. Он у позвоночных животных возник одновременно с разумными способностями и удержался с этими последними до наших дней. Далее, инстинкты имеют прямое или косвенное отношение к требованиям жизни, и самое существование их является продуктом такого приспособления организмов к окружающей их среде, как и приспособления морфологические.

Лозунг борьбы с инстинктами по всему фронту является, поэтому, равноценным лозунгу борьбы со всеми морфологическими признаками, т. е. абсурдом» (Вагнер В. А. От рефлексов до инстинктов. 1925. Стр. 72).

Второе рассуждение о предпочти тельной поддержке инстинктов перед разумом тоже неправильно, так как инстинкты не всегда ведут к положительному в жизни, причем нецелесообразные уклонения инстинктов непоправимы, а ошибки разума исправимы.

Избирательная борьба с инстинктами сводится к борьбе с теми инстинктами, с которыми она диктуется цивилизацией. Однако так как цивилизация в значительной мере воспитывает в сторону минуса, то и это мнение нуждается в оговорке.

Проф. В. А. Вагнер формулирует правильную точку зрения по этому предмету так:

«Борьба с инстинктами необходима во всех случаях, когда инстинкты влекут за собой констатируемые разумом вредные последствия для жизни в данных условиях времени и среды».

Естественный отбор показал, что разумные способности должны поддерживаться в интересах прогресса вида.

Итак, из этих биологических соображений педагог может вывести следующие заключения:

1) многие проявления неподчиняемости детей суть результат действия многих врожденных инстинктов;

2) из этих инстинктов нужно выбрать такие, которые влекут за собой вредные последствия для их обладателей в данных условиях времени и места и повести с ними борьбу; при этом учесть вредность этих инстинктов для общественной среды.

Допустим, напр., что мы имеем следующие вредные проявления инстинктов:

1) разрушительные наклонности;

2) агрессивные действия;

3) деспотизм и властность подростка, эксплуатация им малышей в отношении пищи, сексуальных покушений и пр.;

4) проявления 1, 2, 3 индивидуальные и групповые.

Проявления таковые явно разлагают порядок жизни в воспитательном учреждении.

Педагог, руководимый биологом, определит эти акты неподчиняемости так:

1) инстинкт разрушения;

2) наступательная форма инстинкта самосохранения;

3) извращение социального инстинкта;

4) преувеличение инстинкта превосходства;

5) несдержанность и аберрация сексуального инстинкта.

Расклассифицировав по инстинктам, педагог должен поставить вопрос о борьбе с последними.

Могущественным средством в данном случае является метод переключения или перевода действий инстинкта с одного содержания на другое.

А. А. Смирнов говорит: «Грубая борьба с инстинктивными побуждениями путем насилия невозможна. В таких случаях силу инстинкта нельзя сломить окончательно, ее можно только надломить. А этот надлом несет глубокую рану дитяти и отмстит за себя с удвоенной энергией. Поэтому и задача педагога – создать вокруг ребенка такие раздражители, т. е. такую физическую и социальную среду, которая дала бы ему возможность осуществить свои тенденции, не входя в конфликт с окружающим миром» (Цит. соч. Стр. 155).

Как же это выполнить практически?

Для удовлетворения разрушительной склонности, напр., вполне возможно подобрать соответствующий материал для игр и занятий. Разрушая его, ребенок в то же время не ломал бы нужных предметов и не вырабатывал бы в себе привычки портить всякие вещи. Инстинкт борьбы может быть сравнительно рано направлен на путь соревнования, для которого нужно лишь подыскать соответствующее поле).

Социальный инстинкт, так часто ведущий к организации шаек, может быть своевременно удовлетворен иными формами, более приемлемыми и для требований взрослых. Властолюбие может найти выход в организационной работе и руководстве общественными начинаниями (стр. 155).

При этом, как уже сказано, не следует увлекаться борьбою с инстинктами «до победного конца». Экспансивность, драчливость и пр. не должны быть задушены настолько, чтобы перевестись в робость, слащавое смирение, покорность и пр., так как драчливость ведет и к мужеству, и к настойчивости, нужным в борьбе за существование и личности, и общества.

III

Мы должны в этой главе рассмотреть детскую неподчиняемость как результат уклонений в эмоциональной сфере. Нет необходимости пускаться в обсуждение современного состояния теорий эмоций, так как полемика по этому вопросу еще ни к чему не привела,

а уотсоновщина менее всего сама разобралась в этой проблеме. Для педагогических целей необходимо ответить на следующее: поскольку интеллект может воздействовать на подавление эмоций в одних случаях и оживление эмоций в других и какие практические приемы мыслимы в этом отношении.

Возьмём следующий случай из школы-санатория.

Маня Р. 10 лет, часто капризничает на уроках, возбуждена, плачет, но при малейшем отвлечении, напр. рисунком, забывает моментально свои горести. Крайне нетерпелива и начинает волноваться по ничтожным поводам (напр., из-за очереди при катанье на качелях). Иногда ласкается к воспитательнице, обнимает ее и при этом жалуется на непонятно-тоскливые ощущения в сердце. Порою вдруг притихает и весь день молчаливо сидит где-нибудь в углу. Порою упорно отказывается от занятий и особенно дежурств. Никакие уговоры не действовали очень продолжительное время, но когда воспитательница привела ей в пример себя и указала, что и она тоже не имеет права отказываться, Маня прониклась сознанием необходимости дежурить и стала являться на дежурства. Часто плачет из-за того, что ее угнетает неряшливость девочек, но через некоторое время беспечно танцует и прыгает, затем вновь становится вялой, неразговорчивой.

Постепенно раздражаясь, начинает говорить резкости и дерзости воспитательницам, но потом по собственной инициативе подбегает, просит прощения и обещает не грубить. В дальнейшем наблюдается постоянное чередование вялости, слабости, угнетения, веселья поет, прыгает, танцует, затем опять молчит, забивается в угол, угнетена, плачет.

Анамнез: перенесла корь, сыпной тиф, малярию, стригущий лишай, трахому, свинку. При обследовании отмечаются глухие тоны сердца, красный дермографизм.

Очень пугается новых впечатлений, но быстро успокаивается. Пассивна.

Из изложенного видно, что неподчиняемость здесь проявляется периодически, как преходящий симптом. Она находится в связи с эмоциональной неустойчивостью; отчасти имеются черты циклотимии, отчасти черты того «нервного характера», о котором говорит Адлер (неуверенность в себе). Эмоциональная сфера здесь предопределяет поведение. Идейных элементов неподчиняемости здесь немного; противодействия как волевого акта тоже усмотреть нельзя. Причиною неподчиняемости являются, главным образом, скитания не находящей себе устойчивой опоры эмоциональной волны, что, вероятно, стоит в связи с телесной конституцией и отчасти перенесенными болезнями.

Возьмём теперь другой случай из той же школы-санатория.

Михаил К. 11 лет. Доставлен из Ульяновска. Выделяется из среды мальчиков своей особенной злобностью, грубостью, цинизмом. Всякое слово старших, ласковое или строгое, сопровождает злобным кривляньем, выкриками. Даже при мирном разговоре иногда делает движения, как бы хочет ударить. Что бы ему ни сказать, обязательно начнет делать обратное. Во всем сквозит ирония, насмешка, большое желание досадить, нагрубить. Легко возбудим, дергается, кричит, глаза сверкают злобой, все лицо искажается.

Из предварительных сведений узнаем, что в течение пяти лет К. странствовал из детского дома в детский дом. Мальчик легковозбудимый, нервный, злой, бьет, ломает все, что попадает под руки, может часами стучать или кричать, чтобы обратить на себя внимание. В детстве получил три раза в разное время удары по голове: первый раз лягнула лошадь, второй раз проехала лошадь и задела телегой, третий раз его ударили тяжелым инструментом. Постоянно мрачен. Жалуется: «Тошно мне...» Иногда замахивается, набрасывается с кулаками, стремится кого-либо ударить.

Здесь важно установить два факта:

1) злобность как фиксированное эмоциональное состояние является основной причиной неподчиняемости;

2) этиология этого фиксированного эмоционального состояния коренится в троекратных травмах черепа, а затем оно укрепляется скитанием по учреждениям с нарушенной дисциплиной.

В обоих приведенных нами случаях причиною неподчиняемости является эмоциональное состояние; но в первом случае дело идет лишь об эмоциональной неуравновешенности умеренного характера, а во втором «злобность» как эмоциональный направляющий тон тесно связана с травмато-органическим моментом.

Эмоциональная неуравновешенность может дать материал и для общей терапии, и для психотерапии, и для педагогического воздействия; но травматический невроз в том виде, как он отразился на характере К., является более затруднительным препятствием для лечения и перевоспитания. О связи травм черепа с изменением характера в сторону аморализма и агрессии неоднократно писалось и в психиатрической, и в криминально-антропологической прессе. За последнее время и у биологов находим кое-какие соображения по поводу «врождённой злобности».

В. А. Вагнер в своей работе «От рефлексов до эмоций» (стр. 49) говорит: «Последним этапом эволюции на этом пути животных может быть поставлена злобность, не беспредметная, как у хомяка, напр., а злобность в связи со злопамятностью, какую авторы описывают для слонов и обезьян. Можно сомневаться в правильности толкования описываемых случаев такой злобности: в них слишком много антропоморфизма; но отрицать способность некоторых высших животных запоминать индивидуальности тех, кто причиняет им зло, по-видимому, представляет факт не подлежащим оспариванию. Наши домашние животные, лошади и собаки напр., отлично умеют различать тех, кто к ним относится хорошо и кто дурно.

Злобность этого типа, хотя и представляет собою наследственную способность, может в большей или меньшей степени регулироваться и подавляться разумными способностями. Чем меньше эти последние у данного животного, тем меньше могут они принимать участие в проявлении их злобности, тем резче проявляется этот видовой признак животного, – и наоборот: те животные, которые обладают развитыми разумными способностями, могут руководствоваться ими при проявлении злобности, подавляя ее в то время, когда проявление это может иметь вредное значение».

Итак, может ли неподчиняемость как результат фиксированной злобности, имеющей в основе эмоциональный базис, быть ликвидирована под влиянием постороннего воздействия и если может, то как и когда? Нельзя забывать, что эмоциональный базис не есть нечто изолированное, что в конце концов все сводится к комплексам как совокупности эмоционально окрашенных представлений. Следовательно, речь должна идти: 1) о вытеснении нежелательных комплексов и 2) трансформации эмоций под влиянием интеллектуальных факторов, исходящих из внешней среды.

Что касается вытеснения нежелательных комплексов, то уже доказана односторонность воззрений Фрейда, согласно которым вытеснению подлежат лишь сексуальные комплексы. Вполне возможно и вытеснение других комплексов, ничего общего не имеющих с сексуальным влечением. В этом смысле не только сознательное «я» ребенка, но и главным образом социальная среда может оказаться вытесняющим фактором. Учреждение с его духом, педагогическая среда, детская среда, действующая в определенном направлении, могут оказаться вытесняющими факторами. Ребенок, прибывший неподчиняемым, через 3–4 года пребывания в социальной среде, полной порядка и дисциплины, может вытеснить многие из нежелательных комплексов, если не препятствуют врожденные, стойкие унаследованные психопатические элементы.

Второй вопрос – о трансформации эмоций под влиянием интеллектуализирующего влияния внешней среды может быть рассмотрен с точки зрения биологии. Установлено, что животные обладают способностью подавлять проявление своих эмоций.

«В условиях свободной жизни проявление эмоций вообще, злобы и ярости в частности, наблюдается не всегда, так как животные подавляют эти проявления в тех случаях, когда они могут оказать им плохую услугу» (стр. 46). «Эмоции сами по себе бездейственны; они только сопровождают либо инстинктивные, либо, в более редких случаях, действия разумные» (стр. 52).

Следовательно, интеллект играет роль в эволюции и инволюции эмоций. А раз это так, то вполне достижимо педагогическое воздействие на отрицательные эмоциональные явления у детей чрез посредство интеллектуализирующего влияния среды.

Что касается приведенного случая из школы-санатория (Михаил К.), то дело здесь осложняется влиянием трех травм черепа. Неизвестно, какие нарушения в мозговой деятельности произвели эти травмы и что в характере и поведении должно быть отнесено за счет травм, а что за счет других факторов, но, во всяком случае, воспитательский прогноз этого случая прямо пропорционален степени серьёзности нарушений мозговой деятельности под влиянием ударов в голову.

IV.

Следующей формой неподчиняемости является неподчиняемость психопатических детей. Раз установлено, как, напр., в случае 3-м и ему подобных, что неподчиняемость есть лишь одно из проявлений психопатического состояния, что оно отнюдь не доминирует в психике субъекта, а лишь является одним из множества симптомов, то, разумеется, и подход здесь должен быть соответствующий основному состоянию, а не симптому.

Прошло время отожествления психопатии с вырождением. За последнее время авторы стали понимать под психопатиями «своеобразные случаи недоразвития личности, при которых, благодаря недостатку или ослаблению высших механизмов, на сцену выступают древние защитные механизмы, используются древние инстинктивные и эмотивные реакции или в лучшем случае архаически примитивные формы мышления» (Юдин Т. И. Психопатические конституции. Стр. 32). В настоящее время «к психопатическим конституциям» надо отнести всю область патологических реакций, различая в этих реакциях генотипическую основу; внешние влияния и вызывающий момент» (Там же). Психопатическими же реакциями Т. И. Юдин называет лишь «те психические реакции, которые входят как генетические компоненты в резко выраженные психозы, ведущие к несомненной и полной неприспособленности к жизни в обществе, к полной потере работоспособности».

Во всех таких случаях методы педагогического воздействия должны быть профильтрованы через невропатологию и психиатрию, которые являются главными руководителями педагогики именно в этих случаях детских психопатий, дающих картины неподчиняемости.

V.

Большое значение имеет вопрос о неподчиняемости социально запущенных детей. При обсуждении его следует разграничить два типа детей, общее направление психики которых различно:

1) типы детей, независимо от характера домашних условий попавших под власть улицы со всеми ее нездоровыми сторонами;

2) типы детей, с раннего детства находившихся в униженном положении и поэтому легче соскользнувших на путь, столь ярко освещенный Адлером и столь же ярко социологически разъясненный Отто Рюле.

Никоим образом эти два типа не могут идти под общей вывеской асоциальных, ибо первые действительно и сами идут и других влекут к крайностям авантюристского индивидуализма, а у вторых лишь несчастные социальные условия вызвали нежелательный уклон, на самом же деле здоровое зерно социабельности у них имеется.

В нижеследующих строках мы постараемся разграничить психологию этих двух типов.

У детей первого типа вырабатывается как бы нарочитая наклонность к авантюризму как феномену, осуществляющему романтические мечты о героизме. Этот авантюризм может обнаружиться у детей, не лишенных ни очага, ни семьи, ни внимательного участия среды. Правда, власть улицы может его усилить и придать ему вульгарную форму, но генезис авантюризма лежит глубже.

Ввиду того, что авантюризм может возникнуть у детей даже зажиточных классов, у детей испытавших ласку матери и любовь ближайшей среды, его нельзя отнести к производным беспризорности, улицы, голода, холода и пр. Все эти условия могут быть сопутствующими или последующими факторами.

Вернее, что здесь действует инстинкт самовыставления, отмеченный Мак Дауголлом, т. е. тот преимущественно общественный инстинкт, который обнаруживается в присутствии зрителей. И, действительно, авантюризм как мечта о подвигах и героических делах должен найти исход в отреагировании. За деяниями авантюриста-подростка должны следовать восхищение, удивление и восторг каких-нибудь зрителей. Только в том случае, если слои легальной среды не выразят здесь восторга, только тогда авантюрист идет на улицу, где его ждет поклонение шайки. Если нет зрителей, самовыставление не имеет смысла. Таким образом, авантюристический индивидуализм как основанный втайне на жажде общественного одобрения противоречит сам себе: он псевдоиндивидуализм, ибо социальное одобрение для него все.

Одновременно с инстинктом самовыставления играет роль инстинкт драчливости, который толкает к осознанию мужества у ребенка, толкает к испытанию и оценке собственных сил. Во всяком случае, авантюризм как наиболее существенный оппозиционный элемент, как один из главных факторов неподчиняемости дисциплине интерната обусловлен, во-первых, сильно развитыми инстинктами превосходства, самовыставления, драчливости, во-вторых, общественной безысходностью в применении своих сил и оттоком их в улицу, в шайку. Иногда и те и другие факторы слиты в одном лице. В этих случаях, особенно у детей 13–14 лет, неподчиняемость трудно поддается искоренению.

Совершенно другой тип представляют дети, психика которых испытывает на себе многослойный гнет классовой приниженности. Отто Рюле весьма тонко уловил, что именно социальная приниженность дает во всех отношениях благодарную почву для постройки нервного характера, изученного Альфредом Адлером.

«Индивидуальная психология Альфреда Адлера, – говорит Отто Рюле, – носит революционный характер, и выводы из нее вполне совпадают с выводами революционной социологии Маркса... Кто стремится к синтезу Маркса и Адлера, тот должен испытать его не только на тех вопросах, сущность которых ясно понята и определенно фиксирована с обеих сторон, социологический и психологической, но и на том цикле вопросов, которые могут принести элементарную пользу интересам пролетарско-социалистического движения».

Синтез Маркса и Адлера, произведенный Отто Рюле, сводится в общем к следующему.

Мы называем ребенка маленьким и этим выражаем также его физическую и психическую слабость, неопытность, неполноценность. Маленький человек в тот момент, когда он появляется на свет, вступает в противоречие с окружающей его средой. Маленькие и большие, неполноценные и полноценные люди противостоят друг другу. Пролетарский ребенок как сугубо обделенное существо противостоит плутократической и мужской культуре, которая представляет из себя культуру взрослых, старших. Пролетарская девочка испытывает тяжесть тройного превосходства: она придавлена культурно, сжата как член пролетарского общества, как ребенок и как девушка.

При такой неблагоприятной конъюнктуре условий существования инстинкты достигают высшей остроты и весь организм находится как бы в нервном ожидании угрожающих опасностей. Физически недостаточная конституция вызывает чувство неуверенности и слабости, которое требует руководящей, укрепляющей, успокаивающей цели для того, чтобы сделать жизнь сносной. Заслугой Альфреда Адлера является то, что он первый указал на такое явление: дефекты органов и конституциональные дефекты оказывают то влияние, что у всех детей или возникает, или же с высокой степени укрепляется общее чувство неуверенности и слабости. Ощущение дефективности органов является для индивида постоянным стимулом для развития его психики. Поскольку пролетарий в социаль-

ном отношении стимулируется материальной и политической недостаточностью, постольку пролетарский ребенок стимулируется к сверхкомпенсации в смысле своего «биологического правосознания». Пролетарский ребенок приходит к классовому чувству и вместе с тем к классовой психике в силу тех же причин и теми же путями, что и взрослый пролетарий. В известный момент он на основе соответствующего переживания начинает сознавать, какая глубокая пропасть лежит между ним и ребенком из буржуазного класса. Наряду с голодом, рабством и социальной деградацией характерным признаком пролетарского существования служит отсутствие родины и оседлости. Родина пролетария – по словам Зомбарта – это мир. Он – мировой человек. Он потерял запах земли и конкретной обстановки. Он живет рядом с сотнями таких же людей в пустынных улицах, название которых ему безразлично. Уже завтра какой-нибудь повод заставит его идти далее, покинуть улицу, город, страну.

Сегодняшняя оседлость, вызванная жилищной нуждой, явление временное, промежуточное. Пролетарский ребенок родится среди хронического жилищного голода. Чувство глубокой отчужденности и одиночества, постоянное отсутствие каких бы то ни было связей и повышенное чувство неуверенности в своем существовании – вот что характерно для психики пролетарского ребенка.

Если о буржуазном ребенке можно было еще сказать, что он в общем и целом послушный ребенок, приученный к подчинению, порядку и дисциплине, то по отношению к пролетарскому ребенку существует взгляд, что он обладает «дерзким, невоспитанным и своевольным характером», что он не обнаруживает никакого уважения ни к чему, что он презирает и ни во что не ставит авторитеты, противодействует всем попыткам благотворного воспитания и старается на собственный страх, издеваясь над богом и людьми, устроить свою жизнь.

Пролетарского ребенка не может усмирить ни мать, ни отец, ни учитель, ни власти. Его жизненный план проникнут настроением активности. В противовес целому сонму авторитетов, он старается развить авторитет, воплощенный в его личности. Поэтому его образ действий напоминает тактику «бунтующих пролетариев, которые боролись против предпринимателей» (Рюле О. Психика пролетарского ребенка. Москва, 1926. Стр. 53).

В сущности в вопросе о построении психики пролетарского ребенка, независимо друг от друга, сходятся три мыслителя: Маркс, Адлер, Блейлер. Маркс, усматривая в общественном процессе тенденцию к противоречию, утверждает, что эта тенденция отражается в сознании людей, приводя их к противоположным переживаниям. Блейлер своим учением об амбивалентности устанавливает общий корень подчиняемости и протеста. Наконец, Адлер говорит: «Каждый ребенок растет среди взаимоотношений, которые обязывают его к двойственной роли. Маленький, слабый он подчиняется принуждению... становится послушным, подчиняется... Одновременно с этим... выявляется и антипод послушания – упрямство. Мы часто видим соединение упрямого и послушного элемента в одном ребенке. Это соединение становится источником внутренних противоречий».

Таким образом, чтобы бороться с неподчиняемостыо социально запущенных детей, нужно уразуметь все изложенные психологические и социальные предпосылки, разобраться в сложной психике ребенка и не всегда «гнуть палку» в сторону неуклонной подчиняемости.

VI.

Последним вопросом, подлежащим обсуждению в данной статье, является вопрос о неподчиняемости вследствие умственной отсталости или вследствие примитивизма психики ребенка. По правилам в Психоневрологическую школу не допускаются дети умственно отсталые, но присылка из иногородних губерний или проглядывание легких степеней умственной отсталости при отборе через комиссии иногда позволяют проскользнуть этому элементу в школу-санаторий, которая уже и выясняет подлинную наличность умст-

венного недоразвития у данного ребенка. Впрочем, это случалось крайне редко, и то в спешные организационные дни этого учреждения.

Итак, каким образом умственная отсталость влечет за собою неподчиняемость? Мы знаем, что педагоги в детских домах, школах и иных интернатах ведут упорную борьбу с неподчиняемостью детей вследствие неумения последних постигнуть навыки дисциплины, смысл дисциплины, целесообразность дисциплины и для себя и для других. Это непонимание прежде всего вызывается слабостью восприятия умственно отсталых детей, а особенно слабостью апперцепции как субъективной стороны восприятия при сравнительной сохраненности объективной стороны восприятия. В самом деле, если наличное восприятие ребенка мало определяется ранее бывшими состояниями сознания; если этих ранее бывших состояний сознания немного и поток воспроизведенных представлений невелик и неярок; если ассоциативные навыки необильны и неупрочены; если вообще запечатлеваемость целесообразных элементов дисциплины неглубока, то, понятно, в психике ребенка не только не могут сформироваться ряды суждений в отношении идеи дисциплины и порядка, но и упрощённые комплексы представлений этого рода скудны, редки и малоприменимы к большинству практических ситуаций. Главная же причина – это неумение применить абстрактную идею целесообразного подчинения к разнородным конкретным ситуациям, так что даже желая быть послушным, умственно отсталый ребенок затрудняется в ежечасной дифференцировке того, что дозволено и что не дозволено.

В неподчиняемости детей, развивающейся на почве умственной отсталости, эмоциональные стимулы высшего ранга играют более редкую и второстепенную роль, чем простые дефекты познавательного опыта. Скудость воображения или слабая комбинаторная способность препятствуют умственно отсталому руководствоваться идеей дисциплины в повседневных злобах дня так, как этого требует режим учреждения. Таким образом, борьба с неподчиняемостью этого рода прямо пропорциональна борьбе с умственною отсталостью, поскольку эта борьба может осуществляться в воспитательных учреждениях. Чем ближе психика ребенка к олигофреническим формам, тем эта борьба труднее; чем дальше от них, тем более она дает оптимистических надежд.

Что касается до детей-примитивов, то они, как существа с неразвитым интеллектом, могут проявлять неподчиняемость в той же форме и по тем же мотивам, как и умственно отсталые дети, но между ними имеется различие. Умственно отсталые – это дети с недоразвитым интеллектом; примитивы – это дети с неразвитым интеллектом. Недоразвитость связана с органическими дефектами мозга; неразвитость связана с изолированностью от культурных влияний. Поэтому и прогноз здесь различный. Ребенок-примитив, как существо, не испытавшее живых воздействий культуры, являет собою образец субъекта с опустошенной психикой в целом; поэтому самая идея целесообразной подчиняемости как идея социального долга не может вообще восприниматься таким ребенком известное время, подобно тому, как им не может никак восприниматься иностранная речь, которой он никогда не слышал. В этом смысле с психологической точки зрения утрачивается всякое различие между подчиняемостью и неподчиняемостью, ибо примитивная психика не воспринимает их как понятия противоположные. Вообще, при фиксации конкретного мышления, отмеченного у примитивов, нет надежды на первых порах вызвать какие-либо эмоции, долженствующие сопровождать явления неподчиняемости. Взять стул, надеть картуз или проявить акт непослушания – для примитива все будет одноценно и неразличаемо. На известной стадии примитивизма еще не пробуждаются представления о моральной различаемости поступков. В этом отношении даже самый резкий факт нарушения дисциплины не может быть признан актом сознательной неподчиняемости ввиду полного отсутствия какой-либо качественной оценки со стороны самого ребенка-примитива.

Борьба с неподчиняемостью подобного рода детей может быть мыслима лишь с того момента, когда воспитателю удалось пробить брешь в однотонности понятий ребенка; когда последний сам начинает обнаруживать элементарный анализ явлений, как хороших и нехороших, дозволяемых и недозволяемых. В этом смысле мы вправе ожидать благопри-

ятных результатов, ибо мы будем здесь иметь дело с психикой младенца, заключенной в теле десятилетнего ребенка; но эта младенческая психика доступна для воспитания, ибо мозг примитива не есть мозг с органическими дефектами. Запоздалость как результат некультурности не исключает возможности воспитательных успехов.

Мы сделали общий обзор различных форм детской неподчиняемости. Мы признаем беглость и недостаточность этого обзора; но и из него уже видно, что общего готового и постоянного рецепта для борьбы с детской неподчиняемостью нет и не может быть. Каждому виду борьбы должно предшествовать тщательное изучение индивидуальных причин неподчиняемости.

Не может быть общего рецепта от головной боли. У одного головная боль – результат пребывания в дурном воздухе; у другого – результат спазматической мигрени: у третьего – результат малярии; у четвертого – следствие туберкулеза; у пятого – следствие желудочных расстройств и т. д. Плох тот врач, который во всех этих случаях будет прописывать пирамидон или фенацетин... Так и с неподчиняемостыо. Необходимо выяснить генезис ее в каждом отдельном случае – и тогда и психотерапия, и педагогическое воздействие найдут своё применение.

ПОРТУГАЛОВ Ю. В. ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕДОЛОГИИ

Детская психология и антропология: сб. работ сотрудников Центр. дет. профил. амбулатории Самарского окрздравотдела и детской профил. (педолог.) амбулатории здравотдела Самара-Златоуст. жел. дор. Вып. 4 / под общ. ред. Ф. Ф. Бурлакова, М. И. Дальнова, А. П. Лебедева и Ю. В. Португалова. Самара, 1928. С. 3–160

ВСТУПЛЕНИЕ

Выпуская в свет 4-й сборник «Детской психологии и антропологии» мы считаем нужным сказать несколько слов по поводу тех критических замечаний, которые были сделаны по поводу первых наших сборников. Не будем касаться письменных и устных отзывов, а скажем лишь несколько слов по поводу некоторых печатных заметок. Из печатных отзывов мы имели возможность ознакомиться с рецензией проф. психиатрии Моск. унив. В. А. Гиляровского, заметкой проф. Смоленского унив. Н. И. Ефимова, с критической статьей акад. В. М. Бехтерева и с возражениями ассистента И. П. Павлова прив.-доц. Фролова. По поводу некоторых вопросов мы вступили также в переписку с акад. И. П. Павловым, с взглядами которого по поводу нашей точки зрения мы знакомим читателя в данной статье. Кроме того, мы скажем два слова о присланном нам докладе С. И. Богоявленского.

Проф. В. А. Гиляровский на страницах «Московск. медицинского журнала» (1927 г., № 3. Стр. 105) дает общий отзыв о 2-м сборнике, возражений никаких не посылает, а в конце рецензии заключает: «Сборник заслуживает быть отмеченным как показатель широко развернувшейся живой и соответствующей требованиям настоящего времени работы в провинции и, при том, научной работы, идущей по линии здравоохранения».

Проф. Н. И. Ефимов отмечает взгляды сборников на творческие процессы и тоже никаких возражений не делает (см. Социология литературы. Научн. изв. Смоленск. гос. унив., 1927. Стр. 341).

Акад. В. М. Бехтерев делает нам следующие возражения. Он ставит нам на вид пользование методом аналогии при исследовании детей; далее, по его мнению, нами очень подчеркивается неустойчивость современных анатомофизиологических учений; и, наконец, что взгляды наши, высказанные в 1-м сборнике, находятся в противоречии с нашими же взглядами, высказанными нами в 1911 г. в журнале В. М. Бехтерева за 1911 г. (см. Бехтерев В. М. Психология, рефлексология и марксизм. Лениград, 1925).

Мы отнюдь не имеем бестактного намерения задним числом пускаться в полемику с покойным академиком В. М. Бехтеревым, неожиданная смерть которого делает неуместными всякие выпады против его критических замечаний. Взамен полемики мы сделаем некоторые разъяснения, из которых читателю станет ясным, что между взглядами покойного ученого, как они сформировались к 1926 году, и между теоретической позицией, занятой нашими сборниками, фактически не имеется существенных разногласий.

Во-первых, по поводу употребления аналогического метода приходится, к сожалению, констатировать, что, несмотря на все зло, приносимое им науке, обойти его совсем весьма трудно не только в психологии, но и в естествознании. В этом отношении весьма ценные взгляды высказывает И. Е. Орлов в своей «Логике естествознания». Автор говорит: «В естествознании постоянно прибегают к выводам из общих посылок и эти выводы считаются достоверными. Но не надо обманываться относительно источника указанной достоверности; последняя проистекает не из посылок, а из аналогии, из сравнения с ранее наблюденными сходными случаями» (см. Орлов И. Е. Логика естествознания. Гос. изд. 1925. Стр. 9).

И далее автор приводит ряд убедительных доказательств, насколько, напр., современная астрономия постоянно пользуется аналогическим методом. Точно также такой авторитет в биологии, как Ю. Филипченко, указывает, что «без некоторого элемента аналогии с психикой человека невозможна никакая психология». Ю. Филипченко, приводя

слова Васмана о неизбежности сравнений поведения животных с поведением человека, замечает: «Против этого, конечно, трудно что-нибудь возразить». Наконец, этот же автор говорит: «Стоя на самой объективной точке зрения, трудно избежать аналогий с психикой человека» (Филипченко Ю. Предмет зоопсихологии и ее методы. Стр. 27–28. Сб. № 10 «Новых идей в философии»). Ниже читатель убедится, что аналогический метод неизбежно входит в обоснование динамики нервно-рефлекторных механизмов.

Мы, конечно, признаем, что аналогический метод и в естествознании и в психологии есть некоторое зло; но избавиться от этого зла целиком никто не в состоянии, поскольку мозг человека оперирует ассоциациями по сходству. Наконец, проф. П. О. Эфрусси показала, как сам проф. Бехтерев по необходимости пользовался методом аналогии при опросах испытуемых (см. ее книгу «Успехи психологии в России»). Поскольку речь идет об оценке поведения нормальных людей, душевнобольных, даже идиотов, постольку аналогия мимовольно врывается в процесс научной работы (см. об этом подробнее у Г. Я. Трошина в его «Сравнит. психологии нормальных и ненормальных детей»).

Что касается противоречия между нашими взглядами, высказанными в 1911 г., и нашими взглядами, которых мы придерживаемся теперь, то покойный академик В. М. Бехтерев в этом действительно, прав во многом. Но, ведь, с тех пор прошло более 15 лет, и было бы странно, если бы в наши дни мы разделяли старые воззрения, бывшие в ходу в 1911 году. Ведь с тех пор мощно расцвело аналитическое направление, развилась до тонкости экспериментальная методика, совершился и ряд переворотов в естествознании. Изменились взгляды у всех. Сам В. М. Бехтерев в этой же брошюре протестует против ссылок на его книгу «Психика и жизнь», которая противоречит теперешним его взглядам. Он говорит: «...Взять за основу моего мировоззрения сочинение «Психика и жизнь», написанное более 20 лет тому назад... представляется совершенно недопустимым» («Психология, рефлексология и марксизм», 1925. Стр. 30–31).

Наконец, третье возражение В. М. Бехтерева о недопустимости сомнений в современных анатомических и физиологических данных можно разъяснить в том смысле, что таковые сомнения могут только содействовать успехам науки. Сомнение – побудитель знания. Дарвин усомнился в господствовавших взглядах Кювье на неизменяемость видов и создал целое учение об изменяемости видов. Павлов усомнился в достоинствах экстирпационной методики и создал и свою особую методику и свое замечательное учение. Фохт усомнился в анатомических данных, не дававших никакого объяснения явлениям летаргического энцефалита, и создал новое замечательное учение о полосатых телах и их функциях. Сомнение – отнюдь не вредный фактор...

Наконец, мы с удовлетворением можем отметить, что в своих «Общих основах рефлексологии человека» издания 1926 года академик В. М. Бехтерев фактически не только не изгоняет опытную психологию, но стремится миролюбиво согласовать с нею свое учение. Так, в отношении исследований Вюрцбургской психологической школы В. М. Бехтерев высказывается, что они «могут быть согласованы со схемой мозговых или сочетательных рефлексов» (стр. 387). По поводу самых тончайших психологических исследований Юнга В. М. Бехтерев говорит: «Упомянутые исследования Jung'а относительно ассоциативного метода в виде так наз. слов-ловушек дали важный объективный показатель пережитого и содеянного, который может быть использован и в раскрытии причин неврозов, как и преступных деяний, где он и начал уже применяться» (Бехтерев. Цит. соч., стр. 390).

В. М. Бехтерев не только здесь не изгоняет психологию, но стремится к согласованию с ней, ценит ее и даже вводит метод Юнга в приемы своего Института по изучению мозга, причем, по мнению Бехтерева, этот чисто психологический метод «дает ценные результаты» (стр. 390). Но в чем более всего видно примирение В. М. Бехтерева с опытной психологией, особенно же с интроспекцией, это именно в опубликовании им метода самоисследования, который является аналитическим приемом разбора данных интроспекции, а также попыткой дать оценку интимнейшим переживаниям личности. Этот метод

опубликован академиком В. М. Бехтеревым в «Современной психоневрологии» (июль – август – сентябрь, 1926) в статье «Рефлекс настораживания или подготовки» (совместно с д-ром Шумковым).

В этой интересной работе и самый подход к делу и самый материал – все целиком относится к области опытной психологии. Для иллюстрации мы приведем следующий отрывок из материала, подлежащего анализу:

«За несколько дней до доклада я был совершенно спокоен и даже горд тем, что, наконец, выступаю пред широкой аудиторией. Правда, временами мысль невольно останавливалась на предстоящем докладе и вдруг представлялось, а что если я публично провалюсь?.. Какой-то трепет пробегал по телу... но вскоре все проходило в уверенности благополучного исхода. Ночь перед докладом спал не спокойно: куда-то я ехал, не доехал; с кем-то поспорил и рассорился...»

Читатель видит, что этот материал – строго психологический. Здесь речь идет о настроениях и чувствах («…я был совершенно спокоен и даже горд...»), переживаемых испытуемым; идет речь о представлениях и мыслях «я» испытуемого, о его надеждах, о переживаниях во сне...

Как же анализирует академик В. М. Бехтерев этот психологический материал?

На стр. 232–233, мы находим обстоятельный психологический анализ этого материала (и иного, приведенного в той же статье относительно военных переживаний): академик В. М. Бехтерев отмечает: «Внимание направлено на область предстоящих событий; воспроизведение разных сторон этих событий... обострено. К явлениям же, не затрагивающим ожидаемого, внимание, запоминание и воспроизведение ослаблено... Течение мыслей ускорено...

...Настроение подвижное и настойчивое... Под влиянием... предугадываний... настроение легко переходит в соответствующую эмоцию с ее внутренними переживаниями... Появляется томление одиночеством... жажда сочувствия, привета, ласки с ответной реакцией глубокой благодарности и жертвенной симпатии. Невнимательность, раздражает и угнетает... Сосредоточенный умственный труд затруднен» (из той же статьи В. М. Бехтерева, стр. 232, 233, 234).

На странице 236 академик Бехтерев указывает, что этот метод исследования совместно с методом мимико-соматических рефлексов является основным методом исследования личности.

Считая, что этот основной метод есть типичнейший психологический метод в полном значении этого слова, мы с удовлетворением можем отметить, что разногласия между психологами и рефлексологами и этом вопросе пришли к концу. Психологический метод признан В. М. Бехтеревым основным методом изучения личности и, следовательно, всяким спорам положен конец. Точка зрения сборников осталась не поколебленной.

В связи с опубликованием акад. В. М. Бехтеревым психологического метода самоисследования (т. е. интроспективного) нам представляются теперь не совсем правомерными те отзывы Павловской школы по поводу рефлексологии, которые сделаны прив. доц. Фроловым. Так, последний, не считая рефлексологию вообще наукой, говорит: «Может ли рефлексология претендовать на какую-либо долю самостоятельности метода? Мы полагаем, что не может, потому что никакого самостоятельного метода исследования она до сих пор не выдвинула и пользуется сплошь физиологическим методом, иногда лишь (и то исподтишка) добавляя кое-что из методов старой субъективной психологии» (Фролов Ю. П. Учение об условных рефлексах как основа педагогики. Москва, 1928).

Этот суровый и беспощадный приговор прив.-доц. Фролова над рефлексологией едва ли был бы произнесен только в качестве личного мнения пр.-доц. Фролова. Нет. Это приговор всей Павловской школы над рефлексологией.

Справедлив ли он?.. К прискорбию, необходимо признать, что прив.-доц. Фролов высказал справедливый и соответствующий истинному положению вещей приговор. Но

мы считаем неправильным выражение «исподтишка» после работ 1926 года по рефлексологии.

Рефлексология своим признанием Юнга, своим признанием метода самоисследования открыто, а не исподтишка признала необходимость методов эмпирической психологии.

Остановимся теперь на критических заметках пр.-доц. Фролова по поводу взглядов, изложенных в нашей статье о детской психике в 1-м выпуске сборников.

Прив.-доц. Фролов по поводу этого пишет: «Упомянем еще об одной точке зрения на предмет и задачи физиологии в отношении исследования деятельности мозга. Некоторые авторы считают, что без учета того анатомического субстрата, на котором «разыгрываются» приспособительные процессы, а в особенности без анализа тончайшего строения мозга здание физиологии строится на песке... Но так ли это? Конечно, когда говорят, что физиолог не знает природы самого нервного процесса, то с этим приходится согласиться. Но если заявляют, что он этого никогда не узнает, то против этого необходимо протестовать, ибо никто не может ставить рогаток на пути развития естествознания или указывать его пределы...»

И далее пр.-д. Фролов приводит официальные доказательства того, как психология в течение всей своей истории занималась делами, опасными в обществ. отношении, т. е. правонарушениями и кражами из области физиологии... Д-р Фролов горячо доказывает, что психология вечно «прибегала к чужим данным», что она, начиная с Ушинского и кончая Уотсоном, приводила «обширные выдержки из анатомии и гистологии нервной системы» и помещала даже чужие рисунки...

Мы прежде всего заметим по поводу этого, что идея враждебной конкуренции между психологией и физиологией – больная идея. Стремление разжечь в себе самом жгучую ненависть к психологии и раболепное, пылкое, институтски-экзальтированное обожание физиологии – болезненное стремление. Только патологией в жизни науки можно объяснить эту страстную ненависть к одной и пламенную «любовь» к другой... Обвиняя психологию в «кражах», прив.-доц. Фролов забывает, что такими «кражами» занимается всякая наука: физика похищает формулы из алгебры, физиология похищает многие законы, факты и положения из физики, химии, механики, математика базируется на логике, логика имеет в основе функциональную психологию... Хирургия, особенно оперативная, «похищает» многое из анатомии, а учение о больших полушариях И. П. Павлова «похищает» кое-что из гистологии и электрохимии... Едва ли следует подобные похищения считать делами подсудными, и достоинством опытной психологии является именно то, что она не замкнулась в своей кастовой изолированности, а коррелировалась с анатомией, физиологией, эндокринологией и т. д.

Ниже (в главе VI работы о «Предпосылках педологии») мы отметим, насколько чисто психологические ингредиенты пронизывают творческий путь И. П. Павлова; насколько именно благодаря чисто психическим свойствам своей натуры этому ученому удалось создать то, что не удалось сделать другим физиологам, считающим монопольным своим правом судить и рассуждать и об учении Павлова и о реформах философии, психологии, педологии, педагогики, социологии, криминологии, искусства, проделываемых будто бы под углом зрения теории условных рефлексов.

Со своей стороны мы должны заметить прив.-доц. Фролову, что как раз в новейшей науке установлено влияние психологии на неврологию и невропатологию. K. Goldstein стремится приложить взгляды Gestalttheorie к физиологии нервной системы. По закономерностям восприятия психологи позволяют физиологам судить о закономерностях в нервной системе. Как в восприятии, так и в деятельности нервной системы, думают этого рода авторы, играет роль тот факт, что возбуждение неодинаково распространяется по всем участкам нервной системы (в зависимости от «близости» и «адекватности» данного раздражения), вследствие чего создаются доминантные системы и системы, которые можно назвать «фоном» основного протекающего процесса; в оформлении нервного возбуждения играют роль

такие факторы, как влияние предшествующего состояния функционирующей нервной системы и остального «фона», наличие инерции начавшихся процессов, закономерности степеней напряжения процессов, влияние противоположных импульсов и т. д.) (Лурия А. Р. Современная психология в ее основных направлениях. Москва, 1928).

Проф. Клейст – сторонник анатомо-физиологического направления в психиатрии – и то признает, что формативная психология повлияла в желательную сторону на изучение очаговых заболеваний мозга и помогла объяснению слепоты по отношению к формам, а также объяснению расстройств оптического восприятия вообще (Современные течения в психиатрии).

Таким образом, взаимовлияние физиологии и психологии – факт установленный, и рассматривать это взаимовлияние в плоскости «краж» последней у первой едва ли целесообразно.

Что касается до возражения д-ра Фролова о стеснении физиологических теорий анатомическим застенком, то по поводу этого нужно сказать следующее.

В то время как академик В. М. Бехтерев ставил нам на вид чрезмерный психологический уклон, д-р Фролов упрекает нас (или авторов, упомянутых нами) как раз с другой стороны. Он указывает, что мы предъявляем чрезмерные анатомо-гистологические требования к физиологическим теориям и что если такие неразумные требования выполнять, то, пожалуй, придется остановить движение естествознания.

Мы весьма рады этому возражению: один из рефлексологов (акад. Бехтерев) усматривает у нас чрезмерный психологизм, а другой представитель учения о рефлексах (д-р Фролов) усматривает чрезмерный анатомо-гистологизм, «ставящий рогатки» физиологии (выражение д-ра Фролова).

И мы спросим: давно ли стали думать, что тончайшие гистологические исследования являются тормозом для физиологии? Давно ли возникло убеждение, что без гистологии нервной системы физиология этой нервной системы будет совершать свободные взлеты к небесам научной истины?

Никто, разумеется, не требует, чтобы плодотворная работа Павловской школы прекратилась только потому, что мы еще мало знаем о тончайшей архитектонике мозга. Разумеется, такие требования были бы вздором.

С другой стороны, мы совсем не ставили вопроса о том, что сделает физиология в будущем. Эта область гаданий совсем не входила в тему наших обсуждений. Мы только указывали, что сейчас мы ничего не знаем о природе нервного процесса, и д-р Фролов пишет, что «с этим приходится согласиться». Таким образом, учение об условных рефлексах, расцветшее в эпоху нашей малой осведомленности об анатомии, гистологии и химии нервной системы и нервного процесса, не может претендовать на всеобъемлемость и аподиктический универсализм во всех науках естественных и общественных.

Наконец, С. И. Богоявленский в своем докладе «Психология и материализм» на стр. 43 пишет: «Конечно, изгнать анализ субъективного мира из сферы науки никак нельзя. Но я боюсь, что дробление этого мира на равные выдуманные Россолимо психические тонусы и на разные комплексы и механизированные ассоциации, придуманные Бинэ и Клапаредом, поведет нас по дороге идеализма. А всякому марксисту нужно помнить, что самый безхитростный материализм безопаснее утонченных идеалистических доктрин».

Мы оставим здесь в стороне вопрос о том, насколько тесты Россолимо. Бинэ и Клапареда грозят крушением материализму. Мы только отметим кое-что по поводу последней фразы С. И. Богоявленского о том, что должен помнить всякий марксист.

Имеется один марксист, который совершенно не согласен с С. И. Богоявленским. Этот марксист – В. И. Ленин. В своих «Философских тетрадях» он говорит: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм».

Следовательно, наши сборники стоят на верном пути, если они, согласно указанию Ленина, не шествуют за разными видами глупого материализма.

I.

ПЕДОЛОГИ-УЧИТЕЛЯ И ПЕДОЛОГИ-УЧЕНИКИ

Могучее педологическое движение, поднятое в СССР за последние годы, взбудоражило самые глухие уголки нашего государства. Самые выдающиеся профессора, врачи и педагоги приняли участие в педологическом движении и трудятся над разработкой самых разнообразных вопросов. К текущему моменту можно полагать, что работающие в СССР педологи распределились по двум главным линиям, согласно которым мы их можем обозначить как группу педологов-учителей и группу педологов-учеников. Первые, в состав коих входят по преимуществу виднейшие профессора, врачи, педагоги столиц и иных крупных центров, являются руководителями педологов-учеников во всех вопросах педологии: в философско-материалистическом обосновании педологии, в изучении биологических концепций и проблем, в методике и технике исследования. Для этого педологи-учителя печатают соответствующие книги, монографии, статьи, организуют лекции с практическими занятиями, вырабатывают схемы, программы, анкеты и т. п. Роль этой группы в пропаганде педологических идей, несомненно, огромна.

Вторая группа – это педологи-ученики. Работая на педологическом поприще в глухой провинции и уездах, эти педологи-ученики в значительной мере работают как впотьмах. Группу эту составляют или молодые, только что кончившие университет, врачи; или врачи старые, но дотоле занимавшиеся иною врачебною специальностью, большей частью, практического характера; или педагоги, получившие образование другого типа и, во всяком случае, мало приобщенные к типу работы современного законченного педолога. Ведь, в основу современной педологии кладутся следующие знания:

1) теоретические основы марксизма, включая, стало быть, знание диалектического метода, знание истории материализма, марксистской социологии и экономики;

2) основы высшей нервной деятельности, поскольку они разработаны Шеррингтоном, Павловым, Бехтеревым и их школами;

3) общебиологические основы и биология растущего организма, в частности;

4) антропологические основы и, в частности, антропометрические методы;

5) основы современной научной советской педагогики;

6) знание важнейших тестов, психотехника и мнение о профотборе;

7) теоретические и практические основы педиатрии;

8) педологическая статистика.

Можно без преувеличения сказать, что начинающий врач-педолог недостаточно ознакомлен со всеми этими отделами, за исключением разве 7-го (педиатрии). Точно так же педагог-педолог едва ли достаточно ознакомлен с 2, 3, 4, 7, 8-м отделами и, как исключение, хорошо знаком с 1, 5 и 6-м отделами.

В общем, про врачебно-педагогическую массу провинции и уезда можно сказать, что в этом новом деле она едва ли ознакомлена так, как этого требует практическая повседневная педологическая работа. Что касается наших личных наблюдений в этом отношении, то мы можем сказать, что работающие в нашей провинции врачи-педологи или школьные врачи часто жалуются на неудовлетворенность, на то, что им не удается в достаточной мере овладеть этой новой специальностью, для подготовки к которой университет дал так мало. Охватить в короткое время при ежедневной массовой текущей работе в школе и философский материализм, и социологию, и тонкости антропометрии, и статистику с медианами, квадратическими уклонениями и модусами, и все новые идеи по работе больших полушарий, и непрерывно нарождающиеся тесты – все это отнюдь не всякому школьному врачу под силу... Командировки в столицы выпадают на долю не педологической массы, а педологических единиц, но и эти единицы откровенно заявляют, что эта командировка не дает им больше первоначальной ориентировки в некоторых вопросах...

Отсюда ясно, какое огромное значение имеют для нас те книги, монографии и статьи столичных специалистов, которые доходят до наших медвежьих углов. Можно сказать,

для педологической провинциальной и уездной массы это почти единственный источник педологического просвещения.

Понятно, что мы, педологи-ученики, и молодые и старые, объединенные общей работой и общностью наших неудобств (разобщенностью от научных центров), испытываем величайшее чувство благодарности к нашим педологам-учителям, которые издалека поддерживают в нас огонь педологической энергии через посредство своих трудов.

Выражая нашим педологам-учителям искреннейшую благодарность за неоставление нас своим руководством, мы в то же время с горьким чувством признаемся, что, невзирая на это руководство, мы продолжаем быть обуреваемыми различного рода сомнениями, которые, конечно, должны быть отнесены за счет нашей неосведомленности, дилетантизма и попросту профанства в вопросах современной педологии. Однако от этого откровенного признания нам не приходится легче, а посему мы от лица как бы провинциально-уездных педологических масс позволим себе поделиться нашими затруднениями и сомнениями в надежде, что наши, всегда идущие нам навстречу, учителя-педологи не откажут нам в дружеском разложении, отчего общее дело педологии в СССР только улучшится.

Наши сомнения мы изложим в определенной системе, во избежание разбрасываний, так чтобы каждому было ясно и понятно, чем болеет современная захолустная провинциальная педологическая мысль. Помнить при этом надо, что эти сомнения, как бы курьезны они ни были, идут от мало осведомленных дилетантов-педологов провинциального и уездного типа; поэтому не следует проявлять особой строгости к наивному характеру делаемых вопросов и сомнений.

II.
ПЕДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛИЗМ

К сожалению, наши учителя – педологи, распространяющие свои идеи, теории, методы, схемы, анкеты и т. п., отнюдь не во всем сходятся между собою. Разногласия их порою достигают такой степени, что педология в этом случае распадается как бы на два, а иногда и на три-четыре враждебных лагеря, что приводит в немалое смущение нас, захолустников, жаждущих работать по определенным твердо установленным директивам. Напр., начинает школьный врач усердно работать по методу тестов, исследуя детей и индивидуально и путем коллективных опытов, как вдруг из центра приходят известия, что вся эта тестология – вздор, что она есть пережиток старой традиционной психологии, которая уже давно умерла и в Европе и в крупных центрах СССР. Нами, провинциальными работниками, овладевает тогда смущение. Возникает самое неприятное: недоверие к смыслу производимой работы... Мы погружаемся в виду этого в изучение основ науки о поведении и узнаем, что последняя вылилась теперь, собственно, в два важнейших направления: 1) тфайтизм – учение «о выявлении мускульных сокращений» и 2) гляндуляризм – учение «о выявлении работы желез». Авторы, популяризующие эти учения, рекомендуют отказаться от всяких приемов эмпирической психологии и заняться изучением мускульных сокращений и выделений желез. И у нас возникает мысль: не будут ли здесь более полезны лаборанты медико-санитарных лабораторий, тщательно обследующие выделения желез, чем мы, педологи-психологи-психиатры: что же касается до тфайтизма, то и здесь, по-видимому, более подходящие другие специалисты...

Едва мы начинаем делать попытки приспособления к учениям о поведении, как опять приходят известия, что в Европе эти учения уже развенчаны и погребены вследствие своих механистических тенденций и что теперь господствует новое учение – Gestalt-психология... Опять нам приходится призадуматься, ибо это учение объявляет всякие подходы и работы и эмпирической психологии и бихевиоризма просто гибельным делом, зловредной тратой времени...

В то же время из общей группы педологов-учителей выделяется особая категория, которая настойчиво и властно советует нам придерживаться целого ряда принципов, санкционированных, по их мнению, авторитетнейшими представителями мировой науки.

Вот об этих-то дидактических принципах данной группы педологов-учителей мы и хотим сказать несколько слов, выражающих наши сомнения, причем надеемся, что наши учителя не откажутся нам разъяснить главнейшие недоумения, препятствующие нашей работе.

Первое, что нам преподали педологи-учителя указанной группы, это неуклонное стремление всегда и во всем базироваться на материализме, как философском мировоззрении, абсолютно изгоняющем всякую психологию, ибо психология есть не что иное, как средневековая мистика, буржуазный идеализм и метафизика. Материализм – учит эта группа – это такое учение, которое абсолютно не признает существования какой-то психики, какого-то субъективного мира; стало быть, и науки об этих несуществующих явлениях никакой и быть не может. Нет никаких ощущений, представлений, восприятий, переживаний, внимания, памяти, воли. Это все – отрыжка старой метафизической психологии. Оперировать надо с механизмами высшей нервной деятельности, а не с какими-то субъективными понятиями, формами сознания, вниманием, целесообразной волей. Послушайте выдающихся вождей материализма: Карла Маркса, Ленина, Павлова... Вы не найдете у них этих разговоров о сознании, мышлении, представлениях, ощущениях и т. п., потому что они не признают ни субъективного мира, ни науки об этом субъективном мире – психологии...

Так говорят нам учителя-педологи указанной группы.

Послушавшись наших учителей-педологов мы, действительно, обращаемся к Марксу, Энгельсу, Ленину, Павлову и... прочитываем у них нечто нас озадачивающее... Карл Маркс, как оказывается, признает и сознание, и ощущения, и внимание, и волю, и вообще психику, мышление, представления, воспроизведение. У Энгельса часто фигурируют в качестве реальных величии и человеческая воля и мысль, и понятия, и сознательное отражение, и диалектическое сознание, и «ощущения, побуждающие к размышлению».

Карл Маркс говорит: «Совокупность этих отношений производства образует экономическую структуру общества, реальный базис... которому соответствуют определенные общественные формы сознания... Способ производства... обусловливает социальный, политический и духовный процесс жизни...»[1)]

В другом месте Карл Маркс говорит: «В конце процесса труда получается результат, который в начале этого процесса существовал уже в представлении рабочего, существовал, так сказать, идеально. Человек не только изменяет формы вещества, данного природой; он воплощает также в этом веществе свою сознательную цель, которая, как закон, определяет его способ действия и которой он должен подчинять свою волю... Во все продолжение труда, необходима целесообразная воля, проявляющаяся во внимании, и она необходима тем более, чем менее труд по своему содержанию и по способу исполнения увлекает рабочего, чем меньше рабочий наслаждается им, как свободной игрой своих физических и духовных сил»[2)].

Может быть, это просто способ выражения, свойственный эпохе, в которую жил Карл Маркс, но во всяком случае не имеется доказательств, чтобы Карл Маркс требовал изгнания понятий сознания, воли, внимания и пр. от имени научного материализма.

Или, напр., наши учителя-педологи говорят, что наука давно изгнала традиционные понятия и термины вроде мышления с его разделением на конкретное и абстрактное, а Карл Маркс говорит: «Конкретное потому конкретно, что оно является сведенным к единству множеством определений. В мышлении оно выступает, поэтому, как процесс объединения»[2)]... Учителя-педологи учат нас, что никаких представлений, воспроизведений настоящая наука не знает, а Маркс говорит: «На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления...»[3)]

Правда, новая наука, о которой говорят учителя-педологи, появилась значительно позднее того времени, когда писал К. Маркс, но нас занимает именно то, что новая-то наука преподносится от имени Карла Маркса... Точно так же и у Ленина, и у Бухарина мы не находим особого стремления применить в отношении психики и психологии метод изгнания. Ленин попросту высказывается, что и «мысль и материя действительны, т. е. существуют»[4]. Мы знаем, какую дозу самостоятельности приписывал Ленин в отношении мысли, оставаясь материалистическим монистом, но мы не видим, чтобы Ленин высказывался за ирреальность мысли, в чем хотят нас убедить некоторые учителя-педологи... Мы знаем также, что Бухарин стоит на точке зрения монистического материализма, но это не лишает его права утверждать, что «существуют два рода явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве... (материальные явления). Другие не занимают места в пространстве, таковы, напр., человеческая мысль или воля или ощущения»[5]. Ниже мы увидим, что и Плеханов, и И. П. Павлов стоят на той же точке зрения и никто из них при этом не сходит с позиции материалистического монизма, но и не стремится к изгнанию психологических концепций, говорящих нам о реальности субъективных отражений материи, т. е. психических явлений.

Наши учителя-педологи от имени исторического материализма утверждают, что никаких психических явлений: мысли, воли и пр. не существует, а Бухарин утверждает в своем «Историческом материализме», что «они (мысль, воля, ощущение) существуют и что это всякий отлично знает сам по себе»[6].

Далее оказывается, что вожди марксизма вовсе не кидаются на всякий вид материализма, а опираются только на диалектический материализм. Никто из них не приемлет французского материализма XVIII века, никто не приемлет и немецкого бюхнеровского материализма. А ведь, некоторые паши учителя-педологи идут дальше Бюхнера и Молешотта: последние полагали, что мозг выделяет мысль, как печень желчь, а, напр., ныне В. Струминский уверяет, что сознание, психика – это мираж, фикция; стало быть, мозг даже ничего в этом роде и не выделяет, а посему о психике и говорить не стоит. При этом В. Струминский убежден, что и Маркс разделяет его взгляды[7].

Наши учителя-педологи, посвящая нас в основы материалистического миросозерцания, учат нас, что, согласно Марксу и Энгельсу, имеются вещи, предметы и отношения между этими вещами и предметами. Одною из этих вещей и является мозговая материя, движение которой и есть то, что на языке попов и психологов называется «душой», «психикой», «психическими явлениями», «сознанием», «мышлением», «понятиями». На самом деле никакой психики, никакой души, никакого сознания, мышления нет. Это все метафизический средневековый вздор. Надо изучать материальные процессы, протекающие в мозгу, а не фиктивные снимки и отражения этих процессов в каком-то субъективном мире, который в силу именно субъективности никакому объективно-научному контролю и не подлежит. Имеются законы движения материи, но никаких законов какой-то субъективной психики нет и не может быть. Материализм и наука о высшей нервной деятельности не знают никакого ни сознания, ни бессознательной деятельности. Они знают только работу рефлекторных механизмов в коре головного мозга и надо изучать эти последние, а не какие-то сознательные и бессознательные отражения.

Так учит материализм Маркса и Энгельса и так учат нас этому материализму наши педологи-учителя упомянутой группы. Мы с благоговением выслушиваем эту лекцию о материализме наших учителей-педологов, но нас несколько смущает следующее место у Энгельса: «Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей... Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения во внешнем мире и в человеческой мысли: два ряда законов, которые в сущности тождественны, а по форме различны, так как человеческая голова может применять их сознательно... Таким образом, диалектика понятий сама становилась лишь сознательным отражением диалектического движения внешнего мира»[8].

По Энгельсу, выходит, что хотя понятия, снимки суть явления зависимые, но все же реальные и как таковые подлежат изучению. По Энгельсу, есть наука о человеческой мысли... Идет речь о сознательном применении законов человеческого мышления; диалектика понятий является сознательным отражением... Быть зависимым – не значит не существовать... Нет ли тут некоторой недоговоренности между Энгельсом и нашими учителями-педологами?.. Согласно Марксу и Энгельсу, диалектический материализм устраняет противоречие между мышлением и бытием, полагая, что человек сам есть часть бытия, и потому формы, обязательные для бытия, обязательны также для субъекта, для мышления...[9)] А наши учителя-педологи устраняют совсем мышление как понятие средневековое, как элемент «души», которую выдумали попы... Маркс и Энгельс соглашаются с положением Фейербаха, что человек по предмету познает самого себя: сознание предмета есть самосознание человека…[10)] А наши учителя-педологи принципиально считают недопустимым вести какие-либо рассуждения, пользующиеся терминами «сознание», «самосознание», «мышление» или заменяющими их смыслами. Они требуют изучать предметы, абсолютно отделенные от какого-то сознания, они требуют изучения внешнего, как единственно реального; им важны формы бытия, а не формы какого-то интроспективного созерцания, а диалектический материализм Маркса – Энгельса, наоборот, стремится исходить «из единства предмета и сознания, субъекта и объекта, внешнего и внутреннего»[11)]; он «преодолевает противоречие между мышлением и бытием», он признает, что «формы бытия и суть формы созерцания». Наши учителя строго запрещают строить какие-либо выводы на основании индивидуальных субъективных созерцаний, проведенных чрез внутреннюю субъективно-логическую обработку, а диалектический материализм Маркса и Энгельса «исходит из чувственного, индивидуально-конкретного созерцания, из которого он, однако, выводит общие всем данным чувственным созерцаниям законы посредством логической их обработки[12)].

В то время как наши учителя-педологи принципиально устраняют как поповско-психологическую галиматью речи о человеческом сознании, о единстве какого-то «я», об ощущениях, влияющих на мышление, – диалектический материализм Маркса – Энгельса полагает, что «человеческое сознание принципиально безгранично и бесконечно. Так как человек составляет единство «я» и «ты», единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, то его сознание составляет «сознательный» орган объективной действительности. Диалектическое сознание преодолевает ограниченность абстрактно-рассудочного, рассматривая вселенную как бесконечный универсальный процесс, в котором одно конечное переходит в другое, в котором все есть деятельность, творчество... Диалектический материализм учит, что «человек побуждается к размышлению главным образом теми ощущениями, которые он испытывает в процессе своего воздействия на внешний мир»...[13)]

Как будто бы в этом случае Энгельс смотрит на дело несколько иначе, чем наши учителя-педологи. Правда, встречаются попытки разъяснить Маркса по «новому», сделать из него поведенца типа Уотсона, но в результате таких переделок вместо Маркса обычно получается нечто несообразное.

Наши учителя-педологи предписывают нам изгнать из обихода педологического исследования данные, добытые путем впечатлений и переживаний ребенка, и это изгнание будто бы велит произвести марксизм. А марксистские писатели, напр. Деборин, говорят: «Именно на основании впечатлений, получаемых нами от вещей самих по себе, мы имеем возможность судить о свойствах вещей самих по себе»[14)]. Что касается восприятий этих «метафизических» концепций старой психологии – то и с ними сторонники диалектического материализма считаются. «Под воспринимаемым материалист понимает не содержание сознания, а то, что посредством действия на наши внешние чувства становится предметом сознания. Одним словом, материалист проводит резкую границу между предметами восприятия и восприятием предмета»[15)]. И то и другое материалист считает объектами науки.

«Совокупность предметов восприятия составляет внешний материальный мир, существующий независимо от всякого сознания. Совокупность же восприятий предметов образует внутренний имманентный мир, содержание сознания, и не может существовать без сознания. Ни один материалист никогда не утверждал той нелепости, что содержание сознания трансцендентно»[16]. Так говорит диалектический материализм.

В то время как наши учителя-педологи учат нас, будто материалисты советуют иметь дело лишь с объектами бытия и игнорировать представления этих объектов, как субъективный вздор, сами материалисты (диалектики) говорят про себя, что они «строго различают представления бытия от самого бытия, а потому для них бытие, как реальное содержание, существует независимо от представления бытия. Понятие или представление бытия, действительно, находится в зависимости от сознания субъекта и падает вместе с последним»[17].

«Белизна как восприятие не тожественна с «белизной» бумаги, как она дана независимо от действия ее на нас... Раздражение... не тожественно с ощущением»...[18]

Наши учители-педологи утверждают, что в природе господствует принцип единства, принцип механистического материализма; что достаточно механики, физики и химии для объяснения всех явлений природы; что и полет птицы, и полет аэроплана – явления одного порядка; что и амеба, и муха, и пчела, и человек в конце концов построены по одному принципу и различаются лишь количеством и комбинацией материальных элементов, а отнюдь не какими-то представлениями, идеями, целями, сознанием и прочими поповско-церковными выдумками. А Карл Маркс, в противовес нашим учителям, полагает, что самый плохой архитектор отличается от самой лучшей пчелы тем, что «прежде чем слепить ячейку из воска, он уже построил ее в голове». «В конце процесса труда получается, – говорит Карл Маркс, – результат, который вначале этого процесса существовал уже в представлении рабочего, существовал, так сказать, идеально. Человек не только изменяет формы вещества, данного природой; он воплощает также в этом веществе свою сознательную цель которая, как закон, определяет его способ действия и которой он должен подчинять свою волю»...[19]

Как видите, Карл Маркс не может отрешиться от «поповских» выдумок в роде представлений, сознания, воли и пр.

Особенно страстно велят нам наши учителя-педологи порвать окончательно с тем, что носит название субъективного... Уже одно упоминание этого термина отбрасывает нас от науки в сторону произвольной никчемной отсебятины, в сторону лично вымышленных и пристрастных суеверий, бездоказательных для других индивидуумов... Врач должен выстукивать, выслушивать, ощупывать, измерять, взвешивать, но беда, если он вздумает вступать в разговоры с пациентом, который может наговорить ему много субъективных показаний совершенно недопустимых с точки зрения науки. Так, напр., такие сведения, сообщаемые больным, как то, что он исхудал, ничего не ест, что пища у него не проходит, что у него постоянная кровавая рвота, боли – все это как данные субъективных высказываний и переживаний, совершенно врачу не нужны, ибо это не относится к объективной науке. Эти высказывания не есть объективный предметный мир, а посему они, как продукт чувственной практики, враждебны материализму...

А Карл Маркс, опять в противовес подобным взглядам, заявляет: «Главный недостаток материализма (до Фейербаховского включительно) состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или форме созерцания, а не в форме чувственной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно». Таким образом, то, что наши учителя считают достоинством, Маркс, наоборот, считает недостатком.

Наши учителя считают сущим вздором вести речь о каком-то самосознании, о субъективной стороне жизни человека, а Плеханов как раз наоборот полагает, что «экономический материализм является ответом на вопрос, как развивается самосознание человека, как складывается субъективная сторона истории»[20].

Наши учителя-педологи важнейшим атрибутом материи считают движение, чистое механическое движение, и требуют изгнать из исследовательских учреждений всякие метафизические понятия и термины, как то восприятие, воля, стремление, психическое напряжение, жизненный дух. Эти понятия как донаучные, как принадлежащие субъективной старой метафизической психологии должны быть строжайшим образом изгнаны из обихода советской науки и изгнаны именно под знаком Марксова материализма. Но сам-то Карл Маркс говорит совсем обратное: «Первым и самым главным из свойств, прирожденных материи, является движение, не одно только механическое и математическое движение, но и движение, как стремление, как жизненный дух, как напряжение, как мучение материи, выражаясь языком Якова Бема»[21)].

По словам, речам и статьям наших учителей-педологов выходит, будто Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин чрезвычайно рады были всякому материализму, как бы и кем бы он ни высказывался. По мнению этих педологов, тот материализм наиболее был близок уму и сердцу этих вождей марксизма, который не только ставил мысль в зависимость от материи, но который просто упразднял мысль, как нечто несуществующее и ставил на место психологии физиологию мозга.

Но на деле-то оказывается, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни Плеханов отнюдь не столь гостеприимно открывали объятия всякому материализму, откуда бы тот и явился и что бы тот ни проповедывал.

Так, Маркс, отрицательно отозвавшись о до-Бэконовском материализме, отметив дефекты Бэкрновского материализма, резко осудив материализм Гоббса, согласно которому «материализм становится человеконенавистником», – прямо с нескрываемым презрением относится к тому бюхнеровскому материализму, за который теперь ратуют наши почтенные учителя-педологи.

К. Маркс говорит: «Поверхностная болтовня по истории материализма списана Бюхнером, очевидно, у Ланге. По истине удивительно, как подобный карапузик, третирует, напр., Аристотеля, естествоиспытателя не такого ранга, как Бюхнер»[22)].

Может быть, Энгельс согласен с мнением наших учителей-педологов?

Энгельс говорит следующее: «Люди, взявшие на себя в 50-х годах в Германии роль разносчиков дешевого материализма, ни на шаг не пошли дальше своих учителей»...

Плеханов приводит мысль Фореля, что «психология и физиология мозга представляют собою лишь два «различных способа рассматривания одной и той же вещи» и считает такой взгляд настоящим научным материализмом...

Наконец, наши педологи-учителя, заменяя всецело понятие «психический» понятием «условно-рефлекторный», утверждают, что такая замена вполне приемлема с точки зрения марксизма, который будто бы тоже не признает никаких феноменов психического характера, а известный марксистский писатель К. фон Келлес-Крауз в своей работе «Марксизм и позитивизм» пишет: «Все социальные феномены – безразлично, будут ли то экономические, философские или эстетические – в равной мере носят психический характер и, следовательно, сводимы друг к другу»[23)].

Выходит, как будто существуют два марксизма: один, созданный Марксом и Энгельсом и популяризуемый Лениным, Плехановым, Мерингом, Келлес-Краузом, а другой, стилизованный некоторыми нашими учителями-педологами под Уотсона... И мы не знаем, кто же настоящий Маркс: Карл Маркс или Уотсон?..

Ленин в своих «Философских тетрадках» замечает: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм». Вот как вожди марксизма относятся к той проповеди изгнания психологии, которую подняли ныне поклонники материализма Бюхнера – наши педологи-учителя...

Поднято это ими для вящей славы материализма вообще (а не диалектического материализма) и той физиологии мозга, которую разработал наш знаменитый ученый И. П. Павлов. Но когда мы лично спросили самого И. П. Павлова высказаться прямо на эту тему, то И. П. Павлов ответил нам следующее: «Я, конечно, не отрицаю субъективного ми-

ра. Это было бы глупостью. Стало быть, признаю и психологию, как научное изучение этого мира. Но я верю, что весь субъективный мир есть функция мозга и всего организма, такая же интегральная часть окружающей нас природы, как и наше тело, только открывающаяся нам с другой стороны, видная нам с другой точки зрения»[24)] (второе письмо).

Итак, подобно Ленину, Павлов считает глупостью отрицание субъективного мира и науки об этом субъективном мире... Подобно Плеханову, Павлов полагает, что одно и то же явление изучается с двух точек зрения: психологической и физиологической.

Когда некоторые рефлексологи объявили, что в связи с учением Павлова они постановили изгнать совершенно психологию, педагогику, социологию, учение о праве, психиатрию и создать все эти области заново, мы обратились с письмом лично к И. И. Павлову с просьбой разъяснить, действительно ли все эти перевороты можно связывать с его учением.

И. П. Павлов письмом от 25/VII 1925 г. ответил следующее: «Что касается связи теперешней (хотите нашей) физиологии больших полушарий с психологией и психиатрией, то с моей стороны нет охоты стремительно браться за эту задачу, я даже лично совершенно устраняюсь от этого... Так наз. душевные заболевания еще далеки от нас. Конечно, я отношусь совершенно отрицательно к скороспелым и правда нелепым попыткам в этом направлении...

Таким образом, вы видите, я совершенно согласен с вашим решением относительно 3-го пути.

Вы различаете в нашем деле 4 различные задачи:

1) механизм нервной деятельности;

2) отношение между материей и психикой;

3) подлинная сущность психизма;

4) содержание и метод психологии как науки.

Это правильно.

Моя задача – первое. На ней сосредоточивается все мое внимание. К ней только относится наш теперешний материал»[24)].

Эти собственные слова Павлова, слова не случайно оброненные, а написанные в ответ на прямые вопросы, без обиняков, точно и ясно устанавливают:

1) что И. П. Павлов непричастен к переворотам, в изобилии совершаемым над целым рядом наук разными лицами, выступающими от имени учения Павлова;

2) что никаких не только реформ и упразднений Павлов не намерен предпринимать в отношении психологии и психиатрии, но что даже о связи своего учения с этими областями он не имеет охоты распространяться;

3) что имеющиеся в этом роде попытки И. П. Павлов находит скороспелыми и нелепыми и относится к ним совершенно отрицательно;

4) что И. П. Павлов выражает в этом смысле совершенное согласие с автором настоящей статьи;

5) что разграничение всей сложности вопроса на 4 разных отдела, производимое нами, И. П. Павлов считает правильным и – наконец –

6) что И. П. Павлов считает свое учение соответствующим выполнению только одной задачи: изучению механизма нервной деятельности, т. е. задачи чисто неврологофизиологической, а не психологической, философской и т. п.

И так, мы пока можем констатировать, что между Павловым и представителями диалектического материализма (Маркс, Энгельс, Ленин, Плеханов, Бухарин, Деборин), с одной стороны, и между указанной группой наших учителей-педологов, с другой стороны, по вопросу о материализме едва ли в настоящее время можно установить гармоническую солидарность. Это, конечно, не может не отразиться на миросозерцании педологов-учеников, внимающих каждому слову своих учителей.

Тем более это ощутимо, что и среди педологов-учителей появляются голоса, протестующие против того понимания материализма, которое нам преподносится. Так, проф.

К. Н. Корнилов и И. Д. Сапир письмом в редакцию газеты «Правда» (1927 г. № 298 (3830) от 29 декабря) протестуют против изгнания терминов: «душевная жизнь», «психология», «психика», «психическая деятельность» и т. п.

«Об ощущениях, сознании, чувствах и пр. – пишут эти авторы – постоянно упоминается у Маркса, Энгельса и Ленина». Эти авторы приводят следующие слова Ленина:

«Психическое, сознание и т. д. есть высший продукт материи, есть функция того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека» (Ленин, т. X, стр. 189).

«Взгляды же механистические, – продолжают К. Н. Корнилов и И. Д. Сапир, – суть прежде всего метафизические взгляды»...[25)]

Одним из важнейших научно-философских принципов, который выставляется нашими учителями-педологами как специфически свойственный рефлексологии и бихевиоризму, является принцип диалектического характера бытия.

Что этот диалектический характер бытия и мышления действительно есть законченный принцип научной философии последних лет, об этом едва ли приходится спорить.

Но что этот принцип специфичен для рефлексологии и бихевиоризма, в этом дозволительно усу мниться.

Мы уже видели, что последние течения склонны к механистической философии, которая диаметрально противоположна диалектическому методу мышления.

С другой стороны (и об этом еще горевали и Маркс и Энгельс и Ленин), патентованные ученые-естествоиспытатели как раз грешили полным отчуждением от диалектики; наоборот, философы-идеалисты все время занимались ее разработкой. Диалектика началась не с Маркса и даже не с Гегеля.

Первый положил начало диалектике все тот же Кант, которого теперь поучают диалектическим приемам механисты-поведенцы.

Кант еще в 1 763 году в работе об отрицательных величинах проводит различие между идеальной и реальной противоположностью. В реальной противоположности оба члена, из которых один утверждает то, что отрицается другим, имеют положительное значение, в то время как с точки зрения идеального один из членов исключает другой. По Канту, отрицание столь же положительно, как и утверждение, но только в противоположном направлении. Реальные противоположности составляют единство. Деборин замечает: «Введением принципа реальной противоположности Кант положил начало диалектике»[26)].

Продолжателем Канта явился Фихте, значительно углубивший диалектический метод и преобразовавший кантовский дуализм в монизм[27)].

Фихте с самого начала исходит из идеи диалектического синтеза, которая является для него руководящим принципом. Наше мышление, по Фихте, диалектично; в принципе противоречия Фихте усмотрел начало движения, изменения и развитие как мышления, так и бытия. Недостаток Фихте – в обособлении тезиса от антитезиса и синтезиса.

Маркс и Энгельс, а впоследствии Ленин, высоко ценили диалектические построения идеалистов-философов, которые гораздо более диалектично мыслили, чем современные механисты-поведенцы и рефлексологи...

Энгельс прямо говорит: «Гораздо легче... втоптать в грязь старую на тур-философию, чем оценить ее историческое значение» (см. Об историч. значении натур, философии. Цит. соч. 132).

Поэтому, нужно помнить, что часто в похороненных течениях более современности, чем в самых новейших модных направлениях.

Итак, резюмируя взгляды указанной группы педологов-учителей по вопросу о взаимоотношении педологии и материализма, мы можем сделать следующие выводы:

1) Указанные педологи-учителя призывают нас не к диалектическому материализму Маркса – Энгельса – Плеханова – Ленина, а к материализму вообще, т. е. смешанной сумме вульгарно-материалистических мнений, объединенных одной общей чертой: отрицанием реальности психики и отрицанием науки о психике.

2) Опытная психология в своем современном оформлении утверждает, что психика есть высший и особенный результат деятельности мозга и всего организма. Этот тезис опытной психологии вполне совпадает с тезисом В. И. Ленина: Психическое, сознание и т. д. есть высший продукт материи».

3) Признавая, что и психика и физика составляют единое слитное неделимое целое (материалистической монизм), современные педологи могут придерживаться взгляда, что монизм как философское credo не препятствует в процессе изучения организма дифференцировать науки по изолированным областям: монизм не препятствует существованию физике, химии, анатомии, физиологии как отдельным наукам. Точно также монизм не препятствует существованию науки о «высшем продукте материи» – психологии.

4) Эта наука, называемая опытной психологией, и есть наука об отражениях, общественном сознании, надстройках, т. е. обо всем том, о чем всегда говорил марксизм.

5) Таким образом, мы – ученики-педологи – усматриваем во взглядах указанной группы педологов-учителей некоторое противоречие с основами диалектического материализма, и это противоречие приводит нас в смущение.

Литература к 2-й главе

[1)] Карл Маркс. К критике некоторых положений политической экономии. 1897. Пред. XI.

[2)] Карл Маркс. Капитал, т. 1. стр. 126.

[3)] Г. Кунов. Философия истории и государства Гегеля. Из «Ист. филос. в марке, освещении ч. 2. Стр. 171.

[4)] Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 246.

[5)] Бухарин. Истории, материализм. 2-е изд. Стр. 52.

[6)] Там же.

[7)] «Под знаменем марксизма» ст. Струминского В. 1926.

[8)] Энгельс. Людвиг Фейрбах. Цит. по: Деборин А. Введение в филос. диалектич. материализма. Стр. 211.

[9)] А. Деборин. Введение в философию диалектического материализма. Стр. 213.

[10)] Там же.

[11)] Там же. Стр. 214–216.

[12–16) и 17–18)] Там же вплоть до 233 стр. включительно.

[19)] К. Маркс. Цит. по «Психологии и марксизм» Г. И. Челпанова. Стр. 12.

[20)] К. Маркс. О Фейербахе. В «Ист. псих. в маркс. освещ.». Стр. 207.

[21)] См. туже. «Психол. и марксизм». Стр. 15–16. Цитата К. Маркса из «Материализма XVIII века».

[22)] Маркс. Письма к Кугельману. Цит. оттуда же. Стр. 16.

[23)] Келлес-Краус. Марксизм и позитивизм в «Ист. фил. в маркс. осв». Стр. 292.

[24)] И. П. Павлов. 2 письма от 25/VII 1925 г. и 14/XI 1926 г.

[25)] Проф. К. Н. Корнилов и И. Д. Сапир. Письмо в редакцию. Правда. 1927. № 298.

[26) и 27)] Деборин. См. Ист. фил. в марке, освещ. Стр. 109, 110 и 132.

III.
ПЕДОЛОГИЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Далее наши педологи-учителя указанной категории дают нам, ученикам, следующие советы.

Если хотите быть педологами, будьте прежде всего естествоиспытателями. Поскольку основою научного мышления является материализм, постольку основою материализма является естествознание. Итак, путь к идеально поставленной педологии лежит прямо чрез естествознание.

Мы, ученики-педологи, еще с детства слышим этот лозунг о всемогуществе естествознания. Вся публицистическая и беллетристическая литература 60-х годов твердила нам, что вне естествознания нет спасения. Медицинское образование и профессия врача еще более укоренили в нас этот взгляд, что единственно мыслимый подход в науке – это

подход естественно-научный. Однако нас смущает следующее обстоятельство. Мы знаем многочисленные случаи, когда выдающиеся сторонники научного материализма никогда не соприкасались с естествознанием, и, наоборот, знаем, что целый ряд самых выдающихся естествоиспытателей отвергает материализм всех видов и часто делает уклон в религию и мистику. В чем здесь дело? Напр., Маркс, Энгельс, Плеханов, Ленин – эти крупнейшие адепты монистического материализма – не были никогда естествоиспытателями и никогда специально не занимались разработкой естественно-научных проблем.

А, с другой стороны, гениальный химик нашей эпохи Вильгельм Оствальд является крайним противником всех видов материализма, особенно же диалектического. Он пишет книги «О несостоятельности научного материализма» и в одной из своих речей на съезде немецких естествоиспытателей заявляет: «Материя есть плод воображения, созданный нами для того, чтобы представить себе то постоянное, что существует в преходящих явлениях».

Ряд физиков, как-то проф. Август Риги, проф. Лехер, Ауэрбах – не признают никакой материи и никакого материализма. Материя, по мнению Ауэрбаха, есть просто логическая спекулятивная концепция, символизирующая идею сопротивления. Идея вещества «из теоретико-познавательного принципа превращается в призрак, с которым ничего нельзя сделать для высокой задачи»... Замена принципа силы понятием материи ведет нас назад, а не вперед. Носителем электрической и магнитной энергии является не материя в строгом смысле. Носитель же психической энергии нам мало известен». Свое научное мировоззрение Ауэрбах формулирует так: это «не материализм, не идеализм, не формализм, не феноменализм; оно, несомненно, не монизм, но в известном смысле дуализм. Еще скорее он может быть признан витализмом» (Физическая теория жизни).

Итак, естествоиспытатель-физик открыто отрекается от материализма и монизма и также открыто заявляет себя дуалистом и виталистом.

Мы спросим, почему естествознание не воспрепятствовало ему сделаться дуалистом и виталистом?

Конечно, Ауэрбах – не единичное явление в этом роде. Имеется много выдающихся представителей естествознания, которые являются врагами материализма и монизма. Проф. Август Риги является сторонником «новой системы, которая ставит электричество на место материи. Электроны не являются материей... Они не обладают никакой иной массой, кроме той кажущейся, которая связана с ними вследствие их движения и электрического заряда» (Современная теория физических явлений).

Проф. физиологии Макс Ферворн заявляет: «Материализм не объясняет ни одного самого простейшего ощущения движением атомов. Бездельно спасать его развалины... Все наши стремления обленить психические явления при помощи материальных факторов – не более, как борьба с ветреными мельницами».

Вот что говорят естествоиспытатели. Как видим, углубление в занятия естествознанием не спасает их ни от витализма, ни от дуализма и не делает их сторонниками материалистического монизма.

Тем более они далеки от симпатий к диалектическому методу.

Все это доказывает, что одно естествознание недостаточно для построения цельного миросозерцания; последнее возможно тогда, когда естествознание будет проведено чрез систему диалектического мышления и оформлено общественной точкой зрения, каковой не хватает многим естествоиспытателям, как бы гениальны они ни были.

Энгельс в этом смысле и говорит, что «нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое, подобно природе, имеет свою историю развития и свою науку».

А так как этой наукой, т. е. социологией, не занимались ни гениальный химик Оствальд, ни талантливые Ферворн, Ауэрбах и пр., то они и проглядели ту связь общественных наук с материалистической основой, которую подметили Маркс, Энгельс, Ленин, Плеханов…

Итак, естествознание далеко не все.

И это признают такие почтенные деятели науки, как С. П. Федоров. В своей статье «Хирургия на распутье» (которую Московский мед. журнал называет знаменитой – Моск. мед. ж. 1927. № 6. Стр. 77) наш крупнейший ученый-хирург говорит: «Два больших переворота последнего пятидесятилетия, которые совершила патологическая анатомия и бактериологическое толкование болезней, привели нас, несмотря на блестящие завоевания и успехи, в тупик. Все наши работы вертятся вокруг последних отпрысков бактериологических и патологоанатомических идей»...

С. П. Федоров указывает, что-то, что переживает русский хирург, переживает также и английский и французский и американский хирурги.

Так, французский хирург Лериш пишет: «Мы грубо невежественны подчас в самых банальных вопросах, и зависит это от того, что хирургия не познала еще истины. Поэтому столько различных мнений, взглядов и методов хирургического лечения».

Проф. Бурже пишет: «Пресловутая теория внутренних секреций дала столько же лекарств, сколько есть органов... Достаточно заставить больного сесть соответствующий его больному органу такой же орган... Правда, это не так последовательно, как у дикарей-людоедов Конго, которые для исцеления своих болезней берут целебные средства из мяса и органов человека».

С. П. Федоров указывая, что теперь приходится уповать лишь на биологию, тут же отмечает, что «сама биология находится, так сказать, в колыбели» (стр. 78).

Автор статьи в Моск. мед. ж. С. А. Гуревич, цитирующий С. П. Федорова, добавляет: «Это есть кризис не только хирургии, но кризис всей медицины всех естественных наук нашего времени» (стр. 78).

Итак, если такая не имеющая в медицине соперниц область, как хирургия, не питает абсолютного доверия к естествознанию... Если на страницах советской медицинской прессы 1927 года говорится, что биология находится еще в колыбели и что все естествознание переживает кризис; то каким образом мы, провинциальные рядовые единицы педологии, можем поверить нашим учителям-педологам, что в естествознании – единственный ключ к разгадке всех проблем психологии, педагогики, социологии, теории права и пр.

Естествознание – великое дело, но одно оно не спасает не только от ошибочных мирозерцаний, но иногда еще прямо уживается с верою в несокрушимость «божьего промысла». Доказательства:

Знаменитый профессор Ашоф, воспитавший целые поколения врачей, делает доклад на конгрессе немецких врачей и естествоиспытателей на тему: «Религия и естественные науки». В этом докладе он склоняется пред религией и смиренно просится опять в лоно церкви. Религия, по его мнению, дополняет науку. «Мир божий выше всякого другого мира» – кончает свой доклад Ашоф (Моск. мед. ж.).

Подобное же преклонение пред зиждителем небес и творцом непознаваемого выразили другие представители естествознания – П. Эрнст и Зауэрбрух. Оба они преклоняются пред дивным промыслом творца, оба смиренно называют свои знания блужданием во мраке. Зауэрбрух даже в воспалительном процессе ищет вмешательство потустороннего... «Долгий опыт изучения истории медицины научил меня уважению к старине и благоволению перед непознаваемым» (цит. по: Моск. мед. ж., стр. 76, тот же №).

Франция в этом отношении не отстает от своей соседки. Мы уже цитировали во 2-м выпуске «Детской психологии» мысли и опыты известного профессора физиологии Шарля Рише, которой весь ушел в изучение таинственных явлений, призраков, предчувствий, предзнаменований и прочих дружеских связей с загробным миром. В результате своих опытов над столами, дынями и пр. он создал особую науку, названную им «Объективной метапсихикой». Как видит читатель, термин «объективный» можно применить к чему угодно...

Наши учителя-педологи указанной группы требуют, чтобы всякая паука, если она только хочет именоваться наукой, превратилась в отрасль естествознания; что это наиболее касается и педологии; при этом они добавляют, что подобный подход к ребенку как

нельзя более совпадает с принципами марксизма. А сами-то Маркс и Энгельс, признавая великую роль природы, все же утверждали, что «человек живет не только среди природы, но и в обществе; человек – продукт не только природы, но и общества; и таким образом, они создали исторический материализм, чтобы получить понимание человека., как продукта общества»... (Ф. Меринг. На философские и литературные темы. Стр. 356 ц. «Ист.»). Марксизм отнюдь не довольствуется одним только естествознанием, особенно же тем естествознанием, которое представлено Бюхнером, Геккелем, Фохтом... «С каким чувством верноподданичества приседали они перед курьезнейшими заместителями бога, которых они открывали на земле. Бюхнер бредил старым Фрицем, Геккель – Бисмарком, а Фохт дошел до того, что Бонапарту поклонялся, как человеку, отмеченному судьбой» (стр. 357).

Точно также В. И. Ленин не благоговел пред всяким естествознанием и считался не с тем, что ученый занимается естествознанием, а с тем, какое мировоззрение у такого естествоведа. Он знал цену и многим физиологам и физикам. «Что ряд крупных физиологов гнул в те времена к идеализму и кантиантству, это так же бесспорно, как бесспорно и то, что ряд крупных физиков гнет в наше время к философскому идеализму» (Материализм и эмпириокритицизм). Наконец, чтобы покончить с этим вопросом совершенно, приведем мысль К. Маркса, что естественно-научный материализм совершенно недостаточен для объяснения общественных явлений» (см. Плеханов. Рецензия на книгу Риккерта «Науки о природе и науки о культуре». Прив. по: Ист. фил. в маркс., освещ. Ч. 2. Стр. 405).

Таким образом, можно считать установленным положение, что, с точки зрения марксистской социологии, ограничение предпосылок педологии одним только естествознанием является недостаточным.

Итак, естествознание не может разгадать человечеству все загадки жизни, во-первых, потому что добрую половину этих загадок призваны разрешать общественные науки, а, во-вторых, потому что само естествознание находится еще в колыбели. А между тем нас учат, что достаточно взять одну из ветвей естествознания, именно, физиологию, отцепить от нее веточку – неврологию, и, наконец, отломить от этой веточки отдельный сучочек – отдел о рефлексах, и тогда этот сучочек откроет человечеству все тайны мира. Учение о рефлексах призвано будто бы заново перестроить все науки, начиная от психологии и кончая инженерным делом. Мы не будем повторяться, так как еще в 1925 году в 1-м выпуске подробно разобрали сомнительность этих взглядов; много работ разных авторов за период с 1925 по 1928 г. подтвердили эту точку зрения. Мы сейчас намерены говорить вовсе не о крушении указанного рода надежд, а о том, что учителя-педологи, пропагандирующие панрефлексологизм, особенно те из них, которые получили филологическое образование, не вполне осведомлены в современной неврологии, и эта неосведомленность делает их горячую защиту панрефлексологизма не вполне убедительной...

А. Деборин в своей статье: «Энгельс и диалектическое понимание природы» (Под знаменем марксизма. Москва, 1925. № 10–11) указывает, что среди марксистов обнаружились разногласия по основным вопросам диалектического материализма. Одни стали третировать диалектику как схоластику, другие пытались отожествить диалектику с механикой. Как те, так и другие одинаково стали на ту точку зрения, что диалектич. материализм исчерпывается «современным естествознанием». Следовательно, диалектический материализм «лишний балласт, от которого марксизму следует освободиться».

«Наиболее темпераментные товарищи объявили жестокую войну философии: эти товарищи просмотрели совершенно, что марксизм имеет свою философию. А у нынешних марксизм превратился или в вульгарный позитивизм или в механический материализм»...

Таким образом, проповедуется возврат к механике именно в то время, когда естествознание уходит от нее. Взамен диалектического материализма и современного естествознания подносится старое механистическое естествознание. Последнее и рекомендуется многими учителями-педологами для руководства.

Сама механика, с точки зрения Маркса – Энгельса – Ленина, насквозь метафизична; она – оплот метафизического материализма. Естественники смешивают философский материализм с физическим учением о строении материи. Энгельс и Ленин нередко упрекали естествоиспытателей в ограниченности за их презрение к диалектике. Энгельс говорил: «Не превозноситесь над философами – у них, начиная древними греками и кончая Гегелем, вы могли бы многому поучиться. Они могли бы исцелить вас от вашей ограниченности, если только что-нибудь способно вас исцелить» (цит. по упом. ст. Деборина).

Итак, естествознание, к которому апеллируют наши учителя-педологи как к единственному и абсолютному источнику научного миросозерцания, и притом к такому единственному источнику, из которого будто бы непреложно возрос диалектический материализм Маркса и Энгельса, едва ли на самом деле является исключительной первоосновой марксистского мировоззрения.

Естествознание приемлется марксизмом, но не одно естествознание; приемлется, но с оговоркой; то естествознание, которое входит в смычку и с религией, и с метафизикой, которое игнорирует научную философию, такое естествознание едва ли может быть опорой марксизма. А поэтому в фундамент педологии, кроме естествознания, должно быть заложено еще что-то.

IV.
ПЕДОЛОГИЯ И НЕВРОЛОГИЯ

Если мы возьмем любую книгу по педологии или педагогике последних 5–6 лет, то мы большею частью, как правило, найдем требование о знании педагогом рефлексологии. Вот, напр., пред нами сборник «Педагогика современного детского дома» под ред. С. С. Тизанова В. М. Васильевой и И. И. Данюшеского (Гос. изд. 1927).

В статье Н. О. Корст «Педагог детского дома... и повышение его квалификации» читаем: «В связи с этим особенно резко подчеркивается важность знания педагогом детского дома педологии и рефлексологии. Без изучения этих дисциплин педагог не сможет ориентироваться в сложном психическом и физическом организме ребенка» (стр. 128).

Эта мысль о необходимости рефлексологии для педагога, можно сказать, стала универсальной. За пять лет непрестанных указаний, вероятно, уже каждый педагог СССР проникся ее абсолютной необходимостью и ему остается только завидовать тем счастливцам, которые изучили эту рефлексологию и после этого изучения легко и свободно ориентируются в сложном психическом и физическом организме ребенка.

Педологические массы СССР не принадлежат к этим счастливцам. Они верят, что эти требования о знании рефлексологии обязательны, что требуется не дилетантское ознакомление с этой дисциплиной, а именно ее основательное изучение. Поэтому, у большинства рядовых единиц этой массы возникает вопрос, как должно изучать эту рефлексологию?..

Если прочесть «Общие основы рефлексологии человека» акад. Бехтерева, то те из педологов, которые не знают медицины, т. е. педагоги, едва ли много вынесут из чтения этого объемистого труда. Без основательного знания анатомии, гистологии и физиологии эта книга будет весьма мало понятна.

Самое штудирование этого труда педагогом, а не врачом едва ли будет столь плодотворно.

Если же под рефлексологией понимать свод данных, опубликованных в «20-летнем опыте» и в «Лекциях о работе больших полушарий», то опять эти труды ни врачу, ни натуралисту не дадут многого. К тому же и сам автор этих трудов, и его сотрудники всячески открещиваются от смешения своих трудов с рефлексологией.

Педагогическое образование едва ли дает возможность так свободно ориентироваться в тончайших вопросах мозговой физиологии, как этого требуют авторы идеи о необходимости изучения рефлексологии.

Но допустим, что с чьей-то помощью эти труды проштудированы. Однако разве методика исследования ребенка будет нами усвоена на основании теоретического штудирования «Общих основ»? Да и разработана ли эта методика в отношении педагогических проблем настолько подробно, чтобы педагоги всегда имели возможность применить ее в нужных случаях?

Допустим, однако, что мы преодолели и это: съездили в центр, прослушали курсы, участвовали в практических занятиях... Действительно ли после этого мы стали подготовленными педагогами-практиками рефлексологического типа, как того требуют от нас авторы сборников и статей? Действительно ли на каждый жизненный вопрос нам всегда приходит па помощь рефлексология?..

А тут еще мы узнаем от представителя школы И. И. Павлова прив.-доц. Фролова, что никакой рефлексологии как науки нет; что никакого метода она не изобрела, что она «пользуется сплошь физиологическим методом, иногда лишь (и то исподтишка) добавляя кое-что из методов старой субъективной психологии» (стр. 60 выше цитир. книги пр.-доц. Фролова).

Рефлексология, по мнению этого ученого, по типу относится к психоэнергетике XIX столетия и предназначена для врачей-психиатров старого склада.

Мы, мелкие захолустные врачи и педагоги, совершенно озадачены этой квалификацией рефлексологии. Ведь, она исходит не от случайного досужего критика, не от традиционного психолога-метафизика, а от ассистента И. П. Павлова, от доверенного, так сказать, представителя Павловской школы, наконец, от выразителя мнения той лаборатории, из которой только и выросло и создалось это учение об условных рефлексах, в публике смешиваемое с рефлексологией. Прив.-доц. Фролов этой характеристикой достаточно определенно дает понять читателю, чтобы последний не смешивал истинное учение о работе больших полушарий с вульгаризующим и компрометирующим это учение течением, именующимся рефлексологией.

Итак, что же делать педагогам детского дома? Обратиться к подлинным классическим трудам И. П. Павлова: «20-летний опыт», «Лекции о работе больших полушарий»? Но даст ли теоретическое штудирование этих трудов ту массу идей и точек зрения, которые открываются в процессе лабораторной работы, той непосредственной работы, которую И. П. Павлов называет пленительной по своей научной красоте? Мы полагаем, что не даст. Это дается, вероятно, работой в лаборатории, а не чтением про эту работу. Итак, в итоге получится только ознакомление, а не изучение. Чтобы изучить это дело, нужно временно оставить профессию педагога и стремиться получить доступ в лабораторию Павлова. Возможно это для педагогов? Для единиц возможно, но для педагогических масс всего СССР это едва ли достижимо.

Поэтому, педологи-ученики из педагогов опять делаются жертвой тревог и сомнений: на рефлексологию потрачено столько труда и времени, а, оказывается, она и не наука: физиологического метода мы, как не врачи, все равно не приложим в педагогической практике, а субъективно-психологический метод мы приложим и без рефлексологии. В чем же наши достижения? А ведь мы ответствуем за каждый час своего труда, дабы этот час впоследствии оправдал себя на деле для пользы детей.

Если педагоги по этому поводу начнут совещаться с беспристрастными врачами, то те ответят нм так: конечно, ваши столичные учители пишут правильно, что знание учения об условных рефлексах, которое в публике смешивается с рефлексологией, полезно. Но, во-первых, это знание не приобретается чтением книг, посещением и осмотром кабинетов, а систематической работой в лаборатории Павлова или равноценных ей учреждениях, если таковые где-либо имеются; но для этого придется, конечно, поступить сперва на медицинский факультет, окончить его и затем уже усердно заняться научной работой в лаборатории Павлова. Поверхностное же ознакомление не даст педагогу главного: умения отличить подлинную научную физиологию больших полушарий от пародирующих течений. Далее врач скажет: собственно, почему вы избираете для пополнения своего образо-

вания именно учение о рефлексах? Ведь это один из отделов физиологии нервной системы. Это лишь учение о механизмах больших полушарий. За такое определение ручается вам такой добросовестнейший и выдающийся ученый, как И. П. Павлов. Зачем же вы берете только часть и пренебрегаете всем другим? Почему не изучаете физиологию всей нервной системы вообще? Почему не изучаете нормальную и патологическую анатомию, гистологию, гистохимию, обшую патологию, учение о конституциях? Неужели вы думаете, что, изучив рефлексы, вы сразу овладеете ключей естественнонаучного подхода к ребенку?.. Ясно, что вам необходимо поступить на мед. факультет, ибо ознакомление с одним отрезком физиологии даст вам немного. Что же касается основательного понимания нервнобольного ребенка, то и чтение «20-летнего опыта» или «Лекций о работе больших полушарий» является недостаточным. В этом убедится и всякий школьный врач, который ознакомится хотя бы в самом кратком виде с теми течениями и тенденциями, которые в настоящее время являются самыми животрепещущими в областях неврологии и невропатологии.

А дело в этих последних областях обстоит в настоящее время таким образом.

О рефлексах можно говорить постольку, поскольку можно говорить о деятельности нервных элементов как пунктов, между которыми этот рефлекс вершится.

О деятельности же нервных элементов можно говорить с точностью постольку, поскольку можно говорить предварительно о ясно доказанном и проверенном строении этих элементов и о точно доказанном предназначении такого-то элемента для такой-то роли.

Это-то учение о строении нервных элементов отнюдь не достигло достаточного развития, чтобы успешно ответить на вопрос о функциях элементов.

Мы можем добросовестно проштудировать труды Павлова о работе механизмов в коре полушарий, но этого далеко недостаточно, чтобы, напр., приблизиться к правильному подходу в изучении психики ребенка.

Такой знаток анатомии мозга, как проф. В. А. Гиляровский, говорит: «Анатомам нужно еще многому научиться и перестроить во многом свои представления об отношении мозга к психике. Давно стало аксиомой, что при изучении мозга душевнобольных ни в коем случае нельзя ограничиваться корой полушарий и мозжечка, а нужно иметь в виду все отделы мозга... Теперь со строением стриопаллидарной системы приходится знакомиться не только, так сказать, для полноты, но учитывая роль этого отдела нервной системы вообще в построении душевной жизни соответственно современным взглядам (Введение в анатомич. изучение психозов. Стр. 4).

Эти слова проф. В. А. Гиляровского весьма знаменательны.

Во-первых, если анатомам нужно еще много учиться, дабы правильно построить свои представления об отношении мозга к психике, то каким образом наши педологи-учителя указанной группы, многие из которых с полуфилологическим образованием, успели уже так быстро построить подобные представления?

Во-вторых, учение о рефлексах по преимуществу разработано Павловым в отношении коры; остальные отделы мозга ждут своих Павловых. Стало быть, это учение далеко недостаточно для выполнения и осуществления тех чаяний, которые на него возлагаются.

В-третьих, как мы увидим ниже, учение о строении и функциях промежуточного мозга и стриопаллидарной системы в настоящее время отнюдь не приведено к полному гармоническому согласованию с учением Павлова.

В-четвертых, анатомы, изучая строение головного мозга человека, приходят к заключению, что дело сводится не только к архитектонике коры: что пито- и миэлоархитектоника у человека и животных не совсем сходственна; что характерным для человека является именно устройство теменных и лобных долей и извилин Гешля, относящихся к верхней височной извилине; что в этих участках кроется что-то специально свойственное только человеческому мозгу (стр. 24). Это нужно учесть в вопросе о перенесении на человека всего, наблюдаемого при опытах на собаках.

С другой сторон, чисто животной жизнью, инстинктами, влечениями, побуждениями ведают, главным образом, бугры и стриопаллидарная система; а между тем все реакции собаки школа Павлова изменяет в плоскости функций и механизмов коры. Согласно новым авторам, стриопаллидарная система является высшим центром, заведующим прежде всего процессами животной жизни, влияющими на деятельность коры полушарий, которая является подчиненным центром; она в функциональном отношении находится под зрительным бугром, как высшим центром (стр. 4–5).

По взглядам Кюпперса, помимо коры и связанных с ней систем элементов, существует еще особая система, имеющая высшим центром основные ганглии; она связана только с жизнью инстинктов, общей с животными. Она представляет собою центральный комплекс животного субъекта.

Некоторые педагоги с филологическим образованием, авторы многих интересных и хороших работ по педагогике, выступают в наше время горячими пропагандистами учения о рефлексах как основы жизнепонимания и воспитания. Если, в самом деле, посмотреть на тот круг педагогических идей и приемов, в котором вращались эти педагоги до ознакомления с Павловским учением, то вполне можно без удивления понять, что оно внесло в их миропонимание, овеянное классицизмом, как бы нечто живое и оригинально-новое. Однако для известной группы врачей, приобщенных к современной педологической работе, учение о рефлексах не является совершенно исчерпывающим и отвечающим на все вопросы о соотношении психики ребенка и взрослого с нервною физиологией вообще. Как известно, Павлов глубоко разочаровался в экспериментальной физиологии своего века. Он больше, чем кто другой, пессимистически отозвался об «ужасной методике» этой науки, о злодеяниях рубца, который спутывает все точные умозаключения экспериментатора. Об этом читатель много найдет и в его «20-летнем опыте» и в «Лекциях о работе больших полушарий». По дело-то в том, что те задачи, которые решаются Павловской методикой и Павловскими экспериментами, отнюдь не исчерпывают большинства вышеупомянутых вопросов о соотношении психики ребенка и взрослого с данными анатомии и физиологии головного мозга и всего организма в целом. Путем метода секреторного нельзя еще понять целой массы вопросов нервно-психического характера, совершенно не раскрываемых Павловским учением. Таким образом, кроме той настоящей физиологии коры больших полушарий, о которой говорит Павлов, есть, была и будет настоящая физиология всего головного мозга в его целом и в его отдельных частях, которая хотя и переживает кризис, но не может быть всецело изъята и заменена сигнализационной физиологией одной коры полушарий. Филологи об этом не заботятся, ибо им достаточно построить контакт между Павловской доктриной и педагогическими советами и поучениями, но у врача является еще ряд тревожных вопросов. Эти вопросы таковы.

Павлов делает условное допущение, что условный раздражитель адресуется вероятно к корковой клетке. Сейчас же возникает вопрос о конкретной форме этого адресования. Возникают вопросы эндо-топического, внутри-локального характера. К какой части нервной клетки адресуется условный раздражитель? К нейрофибриллям? Или к нейроплазме клетки? Или к тельцам Ниссля? Учение Павлова не дает нам ответа на эти вопросы. Физиология не-Павловская дает нам на это косвенный ответ. Ввиду того, что тельца Ниссля (иначе – тигроидные глыбки) имеют, по мнению многих авторов, отношение к резервно-питательным функциям клетки, то мы отсюда можем сделать опосредствованный вывод, что, вероятно, условный раздражитель адресуется не к этой части клетки.

Но в нейроплазме нервной клетки имеется еще кое-что. Имеются еще хондриозомы – мелкие зернистые образования, разбросанные между тигроидными глыбками и нейрофибриллями. Адресуются ли к ним условный раздражитель? На этот вопрос ни настоящая физиология Павлова, ни «не-настоящая» не-Павловская физиология не дают никакого ответа. «Не знаем», – отвечают на этот вопрос обе эти физиологии. Может быть, условный раздражитель адресуется к эндо-целлюлярной сети Гольджи? «Не знаем и этого», – отвечает Павловская физиология; «Полагаем, что не адресуется», – отвечает не-Павловская

физиология, основывающаяся на тесной связи с гистологией мозга: «Внутрисетчатый аппарат Гольджи едва ли несет функции преемника условных раздражений, ибо он принимает, главным образом, участие в обмене веществ клетки»... Тогда этими адресатами условных раздражителей нужно признать нейрофибрилли, ибо они несут функции проведения нервных импульсов. Если мы только позволим себе хоть на минуту принять это предположение, отнимающее рецепторные функции от клеточных тел и их дендритов, то мы сейчас же окажемся по ту сторону теории нейронов, – и тогда, все рассуждения Павлова о великой роли корковых клеток, о коре, как о массовом рецепторе и т. д. – сейчас же зашатаются, и мы погрузимся в лоно фибрилярной теории... А согласно этой последней, нервные клетки и специально нейроплазма не имеют ни функции проведения импульсов, ни какого-либо другого вида нервных процессов; все значение нервных корковых клеток сводится к трофическому влиянию на определенные участки нервнофибриллярного аппарата; словом, корковая клетка – лишь кухня, питательный пункт для нейрофибрилль, этих подлинных созидателей нервно-психической жизни. Ни основная длинная непрерывная фибрилла, ни околоклеточная перицеллюлярная сеть, ни оплетающая пространство между двумя клеточными телами корзинка не являются элементами клетки. Разрешает ли нам учение Павлова этот простой, но важный вопрос? Ни Павловское учение, никакое иное этого вопроса не разрешают – и мы пока остаемся в полном неведении.

С другой стороны, пока вопрос о соединении нервных элементов между собою еще не решен, представить себе подлинную физиологическую картину действия анализаторов и замыкателей мы тоже не можем.

Далее. Согласно теории условных рефлексов, все многочисленные реакции, наблюдаемые в опытах над собаками, монопольно связаны с работой коры полушарий. Спрашивается, что делает в это время промежуточный мозг – этот специфический орган животной жизни млекопитающих? А какова в эти моменты функция среднего мозга? Действительно ли за все условные реакции ответствует всегда и во всем одна кора полушарий, один конечный, мозг, а, напр., ножки мозга, четверохолмие и т. п. в это же время не выполняют никаких нервных функций, имеющих связь с условными рефлексами? Следует иметь в виду, что объяснительная часть учения Павлова при учете поведения животных принимает в расчет не весь передний мозг. Павлов считается главным образом с теленцефалоном, а не с прозенцефалоном вообще. Главное, по Павлову, полушария; главное в полушариях – кора.

С другой стороны, современная не-Павловская физиология головного мозга говорит: зрительный бугор, подбугорная область, бледное тело, хвостатое тело, путамен – вот где ищите объяснений главнейшим проявлениям высшей нервной деятельности животных.

Мы этих вопросов коснемся подробнее ниже, а сейчас поставим на обсуждение следующую проблему. Допустим, что вот эта последняя не-Павловская физиология ошибается и что так или иначе, но именно в коре полушарий коренится вся суть нервных механизмов и психореакций (т. е. поведения) высших млекопитающих и человека. При таком утверждении необходим целый ряд наглядных и исчерпывающих анатомо-физиологических доказательств. Прежде всего спрашивается, целиком ли участвует кора, (по направлению вглубь) в механизме условного рефлекса или только некоторые из ее шести слоев имеют отношение к условным механизмам? Каков смысл шестислойного строения коры в отношении «производства» корою рефлексов временной связи? Когда Павлов говорит, что условный раздражитель адресуется к воспринимающей клетке, то клетку какого слоя разуметь надо при этом?.. Вот здесь-то анатомия мозга и ставит нас, профанов в этой области, в тупик. По-ученически мы рассуждаем так: вероятно, условный раздражитель должен адресоваться к таким корковым слоям, которые наиболее богаты нервными клетками, и эти нервные клетки должны быть самыми совершенными, самыми высоко организованными по своему строению и функциям в сравнении с клетками других слоев, ибо Павлов приписывает воспринимающим клеткам высшую анализирующую и

синтезирующую деятельность. А между тем не-Павловская физиология головного мозга, базирующаяся на новейшей гистологии нервной системы, как бы не вполне согласуется с этим предположением. Напр., 2-й и 4-й слой зерен, по утверждению анатомов, беден нервными клетками, а самые клетки мелки, бедны протоплазмой, форма их особенно в 4-м слое звездчатая, многоугольная. По развитию им далеко до настоящих пирамидальных нервных клеток, и что же? Как раз этот бедный в нервном отношении слой является главным воспринимающим слоем коры (Кононова Е. П. Анатомия центральной нервной системы). У нас теперь и возникает сомнение: если высшие дробные функции анализа связаны с наиболее усовершенствованными приборами коры, то почему воспринимающим слоем является как раз слой бедный нервными клетками вообще, а усовершенствованными клетками почти и не располагающий? А, ведь, анатомы прямо так и говорят, что именно к слою зерен тянутся клетки Мартинотти со своими восходящими аксонами; именно в слое зерен заканчиваются центростремительные волокна, образуя своими разветвлениями широкое и густое сплетение. Об исключительной связи пирамидных клеток с процессом восприятия условных раздражителей анатомы что-то не упоминают, а между тем морфологические особенности нервных клеток именно выражены на более крупных пирамидальных элементах 3-го и 5-го слоя. Итак, к каким же клеткам каких слоев коры адресуется, по Павлову, условный раздражитель? Ответа на этот вопрос мы, к сожалению, у Павлова не находим.

Сам И. П. Павлов порою чувствует всю великую неопределенность и загадочность такого органа, как головной мозг. Своим учением он и не думает исчерпать всего о мозге. «Мозг, конечно, – объёмная тема, которая и своим строением и своими функциями займет, понятно, длиннейший ряд поколений исследователей; поэтому о каких-нибудь окончательных заключениях относительно определенного типа или плана мозга и т. п., конечно, говорить не только сейчас, а и долгое время будет еще рано» (Общее о центрах больших полушарий. Стр. 92).

И. П. Павлов занимается изучением нервной системы несколько десятков лет. Из этого видно, каким колоссальным авторитетом обладает он в этой области. Он находит, что исследователи слишком мало до сих пор обращали внимания на ту часть рефлекторной дуги, которая называется воспринимающей клеткой. «Все усовершенствования, вся сущность нервной работы – в воспринимающей клетке», – говорит он в цитируемой статье (стр. 94).

И вот, когда мы спросим И. П. Павлова, чем доказывается эта самая выдающаяся роль воспринимающей клетки, он ответит вам целой серией блестящих известных опытов, которые доказывают эту мысль извне, сигнализационным путем, путем многогранных вариаций в количестве капель выделяемой слюны. Что эти опыты блестящи, что самый метод оригинален, самобытен – об этом нечего спорить.

Но прямых, простых, анатомически доказанных данных в учении Павлова мы не найдем.

Возьмем самый острый вопрос современной педологии – вопрос об умственно отсталых детях.

Павловская физиология коры полушарий освещает этот вопрос в плоскости известных концепций о побуждении и торможении, об иррадинации и концентрации этих процессов, о растормаживании и угасании условных рефлексов... Эта группа концепций применяется теперь ко всем вопросам психологии, педологии, социологии, криминологии и т. п. И великое произведение, и экстаз религиозный и совершение убийства – все это обгоняется в плоскости торможений, растормаживаний, и посему как объяснение универсальное, заранее имеющееся на голове у каждого лица, знакомого с приемами применения Павловского учения, оно мало убедительно в отношении каждого отдельного вопроса. Поэтому, в проблеме об умственной отсталости это уже ставшее трафаретным объяснение ничего убедительного и проясняющего не дает.

Дает ли что-либо в этом вопросе не-Павловская физиология мозга?

Если мы обратимся к не-Павловской физиологии и патологии головного мозга, то прежде всего встретимся с таким фактом. При нормальной умственной деятельности и нисслевские глыбки и нейрофибрилли не затронуты. При понижении, ослаблении и расстройстве умственной деятельности нисслевские глыбки исчезают, а нейрофибрилли или разрываются, или перерождаются, или утолщаются (судя по виду дефекта или болезни).

Педолог уже приблизительно научился трафарету пришивания к каждой проблеме изучения ребенка схемы условных рефлексов. Все эти примеры задержки положительных навыков, доминанты антисоциальных импульсов, растормаживания атавистических цепных рефлексов, выражаясь вульгарно, уже навязли в зубах. Трафарет пришивания Павловского учения к самым разнообразным вопросам педологии можно считать к 1929 году уже усвоенным большинством врачей О.З.Д. и педагогов Губоно.

Но, кроме этого, можно считать вполне закономерным дополнение этого трафарета весьма нелишними сведениями, касающимися тех же проблем.

Итак, возвращаясь к жизни воспринимающей клетки мозговой коры, мы должны еще раз подчеркнуть, что в функционировании ее, в нормальной «продукции» ею умственной деятельности (не в Бюхнеровском, конечно, смысле, а в Марксово-Ленинском – см. 2 гл.) играют какую-то важную роль тигроидная субстанция и нейрофибриллы. Эксперименты па животных косвенно как бы подтверждают подобное значение тигроидных телец. Отравите лягушку стрихнином – и тигроидные тельца исчезнут. Выяснено, что работа нервной клетки связана с хроматиновым веществом ее. Чем больше истощается клетка, тем слабее окрашивается нисслевская субстанция. Согласно опытам Манна, у собак в спокойном состояли хроматин накапливается в ядре; у собак после 10 часов мышечной работы хроматин израсходован, протоплазма вспучена.

Д-р Верзилов исследовал полосатое тело у голубей. Голуби были убиты во время сна – замечено набухание хроматиновых зерен... В сплошной массе нельзя найти границ, клетка разбухша, хроматин отошел к отросткам. Если же голуби были убиты в бодрственном состоянии, в отростках хроматина не наблюдалось.

Итак, тигроидные тельца, хроматин являются прямыми показателями в ту или иную сторону жизнедеятельности клетки. Умственная работа, если признать тесную связь ее с клетками головного мозга, находится в какой-то зависимости от судьбы этих образований.

Что касается до нейрофибриллей, то, по исследованиям Телло, при зимней спячке у ящериц наблюдается утолщение нейрофиблилль. По Рамон-и-Кахалю, нейрофибрилли – аппарат изменяющийся; они увеличиваются при параличах и покое. Что нам говорит современная неврология (и невропагология) о динамике клетки? Она говорит, что при активной работе клетки последняя увеличивается в объеме; ядро ее тоже увеличивается; при ослаблении работы клетки объем ее уменьшается, ядро сокращается, ядрышки исчезают, и клеточная субстанция обнаруживает менее сильное сродство к краскам. Когда мозговая клетка работает, хроматин ее растрачивается. Всякий раздражитель, идущий к нервной клетке, будь он условным или непосредственным, адресуется к ней не хаотически, а при соблюдении известной закономерности. Ощущения, притекающие из подкоровых узлов и окружающих областей коры, направляются к внутреннему слою зерен, отсюда они передаются верхним слоям коры, откладываясь и сочетаясь с прежними впечатлениями. Возникающий в верхних 2 слоях психический импульс собирается в больших пирамидах поверхностного слоя. Большие пирамиды – это коллекторы ощущений. Отсюда ощущения передаются на различные группы ассоциирующих клеток, и через гигантские клетки осуществляется движение. Так смотрит на дело современная европейская физиология головного мозга. Павловская физиология не признает никаких ощущений, впечатлений, психических импульсов и т. п. Схема ее объяснений известна и не может быть согласована с указанной схемой европейской неврологии. Педологу-ученику предстоит задача так или иначе руководствоваться каким-либо одним из этих различных направлений. Но представляется, что разрешение этой задачи едва ли явится уделом педологов-учителей нашего

времени, так как здесь необходимы десятки лет тончайшей работы в областях гистологии, физиологии и психологии.

Итак, согласимся на признании следующих положений: 1) педологу, особенно врачу, необходимо знакомство с учением о рефлексах и приемами его применения к педологии, каковы бы ни были эти приемы; 2) кроме этого знакомства, необходимы иные сведения по нормальной и патологической анатомии, гистологии и физиологии мозга, которые часто более уясняют суть дела, чем однотипное рефлексологические объяснение. Так, возьмем тот отдел педологии, который касается трудновоспитуемых детей, в организмах которых имеются эндогенные задержки развития… Напр., допустим, что нам надо понять особенности микроцефалического ребенка. Прежде чем гадать о том, каким путем адресуется условный внешний раздражитель к воспринимающей клетке коры полушарий этого ребенка, необходимо знать, в каком состоянии находятся эти воспринимающие клетки у данного ребенка. Оказывается, что эти клетки и расположены и сформированы своеобразно. Прежде всего отмечается резкая скученность этих клеток, особенно в соответствии 2–4 слоям. Наружная граница клеточных слоев особенная: линия, отделяющая наружный слой зерен от молекулярного слоя, часто образует ряд выпячиваний в сторону поверхности коры. Это типичные признаки задержанного развития. Итак, педолог, знакомясь с умственными дефектами ребенка-микроцефала, должен прежде всего иметь в виду, что подобная умственная отсталость тесно связана с большою скученностью клеток и расположением по слоям. Строение коры в эмбриональном периоде именно характеризуется этими чертами (Гиляровский. Цит. соч. Стр. 81–82). Что касается формы клеток, то они редко имеют вполне выраженную пирамидальную форму: они имеют закругленное основание, недостаточно развитую нейроплазму, в которой помещается большое ядро. Словом, это вовсе не та усовершенствованная нервная клетка, которой Павлов приписывает всю сущность нервной работы и которой предназначена, роль сложнейшего и дробного анализа. Таким образом, и условия рефлекторных механизмов в подобных примитивных приборах должны быть иные. Поэтому трафаретные рассуждения об условных рефлексах у умственно-отсталых подобного рода без знания анатомо-физиологических возможностей самих приборов, участвующих в рефлекторных актах, являются для педологов малополезными. Когда вместо сложно дифференцированных усовершенствованных воспринимающих клеток имеются серии примитивных невробластов, то педолог сам по собственному разумению вынужден перестроить в своей голове представление о нервных механизмах в коре головного мозга микроцефалического ребенка. Эта перестройка мыслима при наличии двух факторов: 1) знания анатомо-гистологической картины головного мозга такого ребенка; 2) знания тех «клинических продукций» этого мозга, которые выявляются путем научной психологии с ее экспериментальным и иными методами, примененными к нуждам клинической психиатрии.

Логика неврологии при размышлении о механизме высшей нервной деятельности заставляет ученых предполагать о существовании таких приборов, которые анатомически еще не открыты, но которые должны быть открытыми, иначе для объяснения механизма нервной работы не окажется ни фактических, ни логических возможностей. Так возникает учение о шлюзовой нервной системе, которая не открыта, но о которой считают нужным говорить, ибо то, что открыто, не может объяснить механизма нервной деятельности. Следовательно, ни учение о врожденных механизмах, ни учение об условных механизмах, недостаточно для простого понимания функций нервной системы... Каким же образом при таком уровне неврологии можно категорически утверждать, что учение об условных механизмах превосходно разъясняет нам и теорию уголовного права, и вопросы о построении, государств и обществ и вопросы о воспитании ребенка и проблемы инженерного дела?

Мысль хирурга С. П. Федорова о том, что сама-то биология пребывает еще в колыбели, находит себе наиболее яркое подтверждение именно в отношении функций нервной системы. Вот, можно сказать, область, в которой слишком много темного и неизвестного. Еще далеко не установлено, с какой частью нервной системы связана психическая дея-

тельность: с нервными ли клетками, или с нейрофибриллями? Одни говорят, что с клетками; другие утверждают, что клетка не более чем трофический центр, а психические явления связаны с перицеллюлярным волоконцевым аппаратом. Ни те ни другие при современном зачаточном состоянии неврологии не могут доказать своих взаимно противоположных воззрений и только гадают, предполагают... Может быть, правы первые, – может быть, вторые, а, может быть, ни те ни другие. Но если мы допустим, что правыми окажутся вторые, то самое представление о механизме безусловного рефлекса должно быть изменено, ибо каким образом клетка может быть дробным разлагающим весь мир раздражений рецептором, когда судьба ее быть простым трофическим центром? При возможном доминировании нейрофибриллярной теории в духе Лугаро самое понятие о рефлекторной дуге должно быть модифицировано.

Сам Павлов выражает недовольство этим первобытным пониманием рефлекторной схемы. Для коррекции этой схемы он и предложил гипотезу об анализаторах, замыкателях и исполнителях; но эта гипотеза, переносящая центр тяжести на анализаторы, т. е. отводящая главнейшую роль воспринимающим клеткам, может быть приемлемой только тогда, когда будет радикально разбито учение о первенстве в психических явлениях именно нейрофибрилль как внеклеточных элементов; если гистологи и неврологи не могут в наше время решить спора о том, с чем связана психическая деятельность: с клетками или с внеклеточными нейрофибриллями, то гипотеза об анализаторах не может считаться основанной на прочных анатомических данных. А раз нет анатомического подтверждения, то и физиологическое толкование становится условным; проф. Сепп предчувствует открытие этих данных; проф. Lugaro прямо утверждает, что интеллектуальные функции связаны с нейрофибриллярным аппаратом, а не с клетками... И если Lugaro оказался бы правым, то гипотеза об анализаторах – этот важнейший стержень Павловского учения – явилась бы бездоказательной. Кстати заметим, что и Бехтерев считает учение Павлова об анализаторах недостаточным (Общие основы рефлексологии человека. Стр. 158).

Итак, при современном состоянии микроскопической анатомии коры головного мозга, мы не имеем никаких достоверных фактов, которые позволяли бы нам категорически утверждать о том, что главнейший и единственный элемент нервной ткани, связанный с психикой, это именно нервная клетка, а не иной прибор; а, не имея таких фактов, мы не вправе утверждать, что вся высшая нервная и связанная с нею психическая деятельность совершается по типу клеточно-контактного механизма, а это имеет громадное значение для теории безусловного или условного рефлексов.

Мы можем сказать, что внешняя обстановочно-коррелятивная сторона опытов Павлова может быть признана венцом экспериментальной физиологии; что методическая и технико-выполнительная часть опытов Павлова по заслугам считается неподражаемой, но современный уровень достижений нервной анатомии и нервной физиологии, к сожалению, не дает возможности ни Павлову, ни кому другому достоверно утверждать, какова подлинная механика приборов головного мозга человека и собаки...

Не надо забывать того, что – как это видно из собственных признаний И. П. Павлова – учение о рефлексах не достигло такой точности, как другие отделы естествознания. Возьмем, напр., самые простые факты элементарной географии. Если учитель сообщает в классе, что река Нил находится в Африке, а река Сена во Франции, то таковые факты он может сообщать, как аподиктически достоверные в пределах того времени истории земли, в которое эти реки действительно локализованы в данных точках земного шара. Различные геологические перевороты, бывшие до этого срока и имеющие быть после этого срока, не могут нарушить достоверности отмеченного факта.

К сожалению, такой аподиктической достоверностью учение о рефлексах не обладает. Сам Павлов говорит следующее: «Изучение рефлексов, как ни давно оно в руках физиологов, еще очень, очень далеко от законченности. Открываются все новые рефлексы: рецепторные аппараты, принимающие удар агентов как внешних, так и в особенности внутренних, еще в многочисленных случаях, что касается их свойств, остаются совершен-

но неисследованными; пути проведения нервного возбуждения в центральной нервной системе часто малоизвестны или совсем не установлены; центральный процесс задерживающих рефлексов, если исключить рефлексы на задерживающие эфферентные нервы, совершенно темен; также очень немного ясного в соединении и взаимодействии различных рефлексов» (Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Гос. изд. 1927. Стр. 18).

Здесь мы весьма далеки от географической точности. Согласно Павлову, мы очень мало знаем о воспринимающих аппаратах; мы почти ничего не знаем о путях проведения нервного возбуждения; совершенно темен для нас центральный процесс задерживающих рефлексов и так же темен для нас вопрос о соединении и взаимодействии различных рефлексов. Это все весьма серьезные тормозы для воспризнания всеобъемлемости рефлексологии (с точки зрения научной точности). Но это говорит сам Павлов. Другие авторы еще более пессимистичны и недоверчивы. Они сомневаются там, где Павлов утверждает.

Например, известно, что физиологической школой Павлова функции высшей нервной системы сводятся к анализаторной деятельности по отношению к внешним раздражениям и к замыкательной деятельности, устанавливающей связь организма с разложенными или проанализированными раздражителями внешнего мира. И вот этот важнейший факт, который мы желали бы усвоить с географической достоверностью, подобно нашей уверенности, что Нил протекает в Африке, а не в Тамбовской губернии, спокойно и непринужденно оспаривается Бехтеревым: «Я признаю недостаточным определение роли корковых областей как анализаторов. Не в одном анализе или дифференцировке и замыкательной деятельности заключаются высшие функции нервной системы, тем более что анализ в той или иной мере принадлежит и низшим органам нервной системы» (Общ. осн. рефл. чел., 1926 стр. 168).

Здесь важно не то, что Бехтерев с такою легкостью подрубает ствол грандиозного учения Павлова, а то, что анатомо-физиологические основы современной рефлексологии настолько еще шатки и неуверенны, что Павлов не может представить больших доказательств для опровержения мнения Бехтерева.

Точно с такою же легкостью Бехтерев отрицает существование Павловских рефлексов цели и свободы и не потому, что ему удается привести какие-либо убедительные доводы против этих рефлексов, а потому, что все эти метафорические рефлексы можно с легкостью и признавать, и отрицать, причем нет никаких точных и положительных научных фактов, которые могли бы сколько-нибудь серьёзно говорить за или против этих гипотетических высказываний.

Павлов совершенно прав, когда сообщает, что в учении о нервной системе очень и очень много темного. Если же коснуться локализационного учения в коре мозга, то здесь многое полно недоговоренностей. Стоит только вспомнить бесконечные споры о центрах речи (школа Пьер Мари против Дежерина). В настоящее время Mingazzini полагает, что счет является независимой от речи функцией и имеет свой анатомический центр в мозгу в свои проводящие пути. Но центры речи и счета соседни. На наружной части pars tuangularis левой и правой стороны предполагается центр пения; центр музыки лежит левой височной доле мозга. Mingazzini ничего не говорит о центрах живописи, скульптуры, ваяния и пр. Все эти центры можно предполагать, но недаром такой выдающийся невролог, как v. Monakow предупреждает об осторожности в увлечениях гипотетической центрологией, а от Павлова мы не раз слышали о выдуманных и мнимых центрах, которые открываются что-то уж очень часто и легко. Прав П. П. Павлов еще и потому, что мы, в сущности, очень мало знаем еще об элементах нервной системы. Известно ли, напр., педагогам, что еще совсем, напр., мало изучен так называемый третий элемент центральной нервной системы – микроглия. Лишь с прошлого года. Del Rio-Hortega опубликовал свои исследования над этим элементом с помощью собственного метода импрегнации. Элементы микроглии состоят из клеток с очень маленьким телом и длинными, сильно ветвящимися извилистыми отростками, оканчивающимися на большем или меньшем расстоянии

от места выхода клетки. Каждое такое образование составляет круглое ядро. Элементы микроглии развивают значительную деятельность для ограничения разрушительных процессов, а соединительная ткань играет при этом второстепенную роль. Так наз. нейронофагия ганглиозных клеток зависит от той же микроглии. Микроглия проявляет свою активность не только при патологических состояниях мозга, но принимает участие и в обмене веществ нормальной ткани. Мы эти данные приводим для того, чтобы еще раз показать, насколько современные ученые еще очень мало знают о самом элементарном строении элементов нервной системы; тем более скудными должны быть сведения о физиологии нервной системы; и тем еще более рискованным становится аподиктический перенос этих сведений в виде аксиом-абсолютов в сферу психологии, педагогики, социологии и т. д.

Однако есть еще область, которая должна пролить совершенно новый свет на жизнь головного мозга. Эта область – психохимия.

Существует ли связь между психическими и химическими процессами, протекающими в мозгу, и в чем она заключается – вот вопрос, который ставит себе психохимия.

Высказывается в наше время взгляд, что различные психические явления возможны только при известном химическом составе мозговой ткани. С этой точки зрения, при наличности здоровых и единообразных рефлекторных механизмов могут быть различные психические процессы, обусловленные неоднородностью химических процессов. Стало быть, даже с точки зрения естествознания рефлексология не есть еще все о мозге, не есть альфа и омега нервно-психической деятельности. Серое и белое вещество мозга, большой мозг, мозжечок, кора, узлы различны по содержанию воды, белков, липоидов и солей. Различны они и по своей функции. Мозг различных животных характеризуется своей особой картиной содержания липоидов. Неразвитой еще мозг грудного ребенка состоит главным образом из веществ, растворимых в ацетоне (холестерин), в то время как у взрослого преобладает фракция ненасыщенных фосфатидов (Городисская Г. Я. К методике колич. опред. липоидов мозга в малых навесках. Врач. дело. 1924. № 16–17).

Автор поставленной в примечании работы справедливо говорит, что если уж различным участкам мозговой коры присуща особая функция, то следует ожидать и различной структуры этих участков и различных химических процессов во время их деятельности. Мы уже знаем, что структура различных участков коры мозга во многом различна– Если, стало быть, и структура, и химический состав, и психические функции можно считать различными в разных участках мозга, то почему мы должны считать единообразными физиологические механизмы? А если они не единообразны, то мы вправе ожидать в этом отношении еще чего-то; т. е. чего-то другого, кроме однородной механики условных рефлексов, поскольку последняя обрисована по однотипному динамизму – в опытах Павлова, оперировавшего с одним видом животного и с одним типом эксперимента (по идее).

Анатомический мрак и физиологическая тьма окутывают паши подлинные знания об анатомии и механизме высшей нервной деятельности. Такие выдающиеся и добросовестные ученые, как Павлов и ему подобные, вынуждены творить в условиях этого мрака. Они – первые звездочки на этом тернистом пути, который отнюдь нескоро будет освещен... «Наступило время, когда мы должны подвергнуть ревизии, пересмотру всю пашу медицинскую науку, когда нам нужно начать переучиваться», – говорит С. А. Гуревич на стр. Московск. мед. журнала (L. c. 75). Особенно это должно относиться к гистологии элементов нервной ткани к пересмотру нервных механизмов, которые все еще обретаются на примитивной стадии рефлекторной схемы, хотя гистология уже явно переросла эту схему.

Итак, наши учителя-педологи, издающие для нас популярные книжки с картинками, изображающими рефлекторную дугу и центральные извилины с надписью: «центры движения», должны все же знать, что мы, ученики, кое-что слышали, по этой части и знаем, что все эти картинки уж не так-то безусловно соответствуют действительности...

«Биологизируйте ваши знания, биологизируйте все ваши подходы, начинания, исследования, наблюдения»... – поучают нас те же наши неутомимые учителя-педологи; и под биологизацией они разумеют все то же учение об условных рефлексах...

Но сами-то биологи действительно ли усматривают в учении о рефлексах альфу и омегу «биологизации»? Биологи как раз наоборот высказываются, что органеллы простейших животных – не нервы, собрание их – не мозг, а процессы в них происходящие – не рефлексы. Если бы это было иначе, то пришлось бы признать целую нервную систему с мозгом и нервами в одной нервной клетке. Биологи подчеркивают, что и сама-то нервная клетка сделалась нервной лишь в результате разделения труда между клетками. Таким образом, жизнь, деятельность, активность живого вещества, предшествовали появлению нервных клеток. Лёб полагает, что «нервные элементы не необходимы для выполнения живым веществом известных реакций на воздействия среды». Таким образом, учение о реакциях может с биологической точки зрения обходиться без отожествления с учением о рефлексах. Окрасочные методы доказывают, что моториум и отходящие от пего фибриллы – не нервные образования, ибо ни в моториуме, ни в фибриллах методы Рамон-и-Кахаля, Гольджи и пр. не вызывают соответствующих реакций. Сближение этих образований с нервной системой баррикадирует движение науки (см. Вагнер).

Итак, биология, от имени которой поучают пас учителя-педологи, советует усматривать основу всего живого не в рефлексах.

Основу живого вещества биологи усматривают в раздражимости. Гормоны и рефлексы – это производные раздражимости. Когда для рефлекторной гипотезы применяют ионную теорию, исследующую действие электрического тока на нервную деятельность, то, по мнению биологов, начинают вопрос с середины, а не с начала. Ни начало (раздражимость), ни конец (психика) не выясняются теорией ионов. Выясняется лишь середина – физическая основа нервного процесса. Раздражимость порождает нервную систему, а нервная система, развиваясь, обусловливает психику, но раздражимость не есть рефлекс, а рефлекс не есть психика, подобно тому, как из яйца выходит гусеница, а из гусеницы бабочка, по яйцо не есть гусеница, а гусеница не есть бабочка. Так говорит биология. Организм – продолжают говорить биологи – не химический препарат, а живое вещество. В инфузории структурные перемены необъяснимы; мы ничего не знаем о внутренней природе основного свойства: способности к раздражению. Поэтому, приходится оперировать уравнением, по крайней мере, с двумя неизвестными (Вагнер. Развитие и возникновение психич. способностей).

Нас, учеников-педологов, приучили верить, что в учении о рефлекторных механизмах находится ключ к пониманию всех странностей и особенностей характера ребенка. Будучи педагогами, мы привыкли верить утверждениям некоторых публицистов и популяризаторов рефлекторной теории, что с помощью последней можно исчерпывающим образом и изучить и воспитать и здоровых и нервнобольных детей.

Оказывается, к сожалению, что дело обстоит не так просто. В патологии нервной системы отнюдь не все сводится к уклонениям в работе рефлекторных механизмов. Важнейшие элементы патологии нервной системы покоятся на закладках, вызванных повреждением плазмы какого-либо предка и относительно стабильно сохранившихся на протяжении целого ряда поколений. Весьма односторонним был бы тот невропатолог, который, изучая нервнобольного, успокоился бы па констатировании наличия патологических условных рефлексов. А что кроется в основе этого факта? Почему патологические условные рефлексы возникли, фиксировались в одних случаях и угасли в других? Ясно, что невропатолог, стоящий за биологический подход, не остановится на этом, а обратится к изменениям зародышевой плазмы. Хотя в наше время роль наследственности весьма урезана, но в то же время утверждается взгляд, что наследственна не форма явления, но лишь его закладка, возможность выявления какого-либо признака. Различие между фенотипом и генотипом объясняет, почему одинаковые явления имеют различные закладки, и одинаковые закладки могут выявиться различно в зависимости от существования или отсутствия внешних уже влияющих в момент оплодотворения факторов. Врачу-педологу, имеющему дело с разнородными картинами своеобразных заболеваний нервной системы ребенка, важно знать не только гипотезу о рефлекторных механизмах, но важно всесторонне разо-

браться в тех видах наследственного нервного вырождения, в тех наследственно-избирательных типах нервных заболеваний, которые, локализируясь в центральной нервной системе, являются до сих пор загадками, напр, так наз. церебральные конституанты генуинной эпилепсии: леворукость, дизартрии, энурезис. аносмия. Еще меньшее значение имеет гипотеза рефлекторных механизмов условного типа в так наз. краниовертебральных уродствах наследственного порядка. По мнению Керера (Kehrer'a) выдающимся доказательством в пользу наследственной передачи является преобладающий модус: регулярное появление данного страдания в целом ряде поколений без перерыва. Болезнь проявляется у половины родственников, так как патологическая закладка преобладает над здоровой закладкой (миотонии, Геттингтоновская хорея и пр.).

В невропатологии наступает период корреляционно-этиологического исследования нервных болезней, причем лучшие представители этой специальности в Европе настаивают на всех способах исследования, которые могли бы пролить свет на подозрительные в смысле наследственности случаи. К сожалению, у нас более всего скудны именно этиологические сведения о детях. Мы подробно отмечаем вес, рост, размеры туловища и бедра нервного ребенка, но мы весьма часто не знаем ничего о его родителях, предках, родственниках. Мы просто отмечаем наличность дрожаний, не вдумываясь в смысл подобных синдромов. Мы неоднократно отмечаем при исследованиях детей наличность у них крапивницы, односторонние головные боли, по не ставим первую в связь с акропарэстезиями, а вторые с эпилепсией; мы большей частью и то и другое относим за счет малярии. Исследуя детей, мы не останавливаемся на невропатической семье, дающей этих нервных детей, а в то же время много говорим об исследовании среды... Проходящие через профилактические амбулатории дети дают целый ряд картин нервных болезней, которые являются результатом не только внешней среды, а и гередо-дегенеративных факторов. Центр тяжести этих болезней не в механике рефлексов, каковая предлагается всюду одна и та же, а в элективности гистопатологические изменений, в заболеваниях главным образом эктодермально-нервной ткани. Учение о заболевании зародышевого листка вводит в гистопатологию системных гередо-дегенераций. Если мы у ребенка находим признаки амавротической идиотии, то ключ к пониманию этой болезни лежит не в области монопольных рассуждений о заторможенности рефлексов, не только в этом, а еще и в фактах сегментной и системной избирательности... При сегментной избирательности распространение болезней зародышевого листка следует соответственно цереброспинальной сегментации. «В зависимости от того, – говорит K. Schaffer, – занимает ли эктодермальная болезнь один, два или все сегменты, различают просто сегментную, комбинированно-сегментную и общесегментную гередо-семейные болезни. Примеры: просто семейная сегментная амиотрофия... общесегментная – инфантильно-амавротическая идиотия».

Или, напр., эпилепсия… В некоторых педологических сочинениях проповедуется, что эта болезнь может быть понята только под знаком рефлексомеханизмов и таковое понимание именуется биологическим. Однако, на самом деле, эти механизмы опять не все. Участие нервных механизмов не есть исчерпывающий патогенез эпилепсии. Важны также гематологические данные. Биологические исследования плазмы показали, что у эпилептиков имеются нарушения равновесия, изменения коллоидной структуры, выражающиеся в более или, менее сильном выпадении известных белковых тел плазмы. Лица, обещающие посредством однообразного и ставшего уже всем известным механизма сочетательных рефлексов, объяснить все нервные и психические заболевания, не желают принять во внимание, что этими объяснениями отнюдь не исчерпывается полное понимание этих заболеваний. Не только относительно эпилепсии, но и вообще относительно различных судорог и дрожаний в детском возрасте имеют значение многообразные факторы. Судороги могут возникнуть и от спазмофилии и от болезней мозга и его оболочек. В раннем детстве имеют значение интракраниальные кровотечения, менингиты, тромботические размягчения мозга, далее имеют место церебральные параличи, опухоли, сифилис мозга, лихорадочные состояния, кишечные интоксикации, ларингоспазм – везде здесь этиология раз-

лична, и влияние различных этиологических факторов на механику судорожных актов не может быть игнорируемо (Об изложенном см.: Совр. психоневр. 1925. № 3–4. Стр. 147–155). Что касается интимных процессов в центральной нервной системе, то, разумеется, с точки зрения структурно-целостного подхода нельзя ограничиться одним сочетательно-рефлекторным взаимодействием ганглиозных элементов, а принять во внимание жизнь и деятельность других элементов. Напр., за последнее время можно считать установленною фагоцитарную деятельность микроглии в центральной нервной системе. Элементы микроглии, происходящие из сетчатых и остаточных клеток, способны к фагоцитозу. Наблюдалось перемещение палочкообразных клеток из микроглии и нахождение их подле остальных (дендрофагоцитоз).

Изложенные данные свидетельствуют о том, что биологизация педологии вообще и неврологическая биологизация ее в частности едва ли может быть исчерпана только учением об условных рефлексах.

Сам творец учения об условных рефлексах вполне отдает себе отчет в приблизительности и неустановленности тех данных, с которыми ему приходится оперировать. Он еще не знает, функцией каких элементов являются процессы раздражения и торможения и удовлетворяется «временным предположением, что то и другое суть функции нервных клеток» (22-я лекция, стр. 328).

В то же время у И. П. Павлова мы находим следующее утверждение: «изучение условных рефлексов есть изучение деятельности клеток коры больших полушарий, конечно, не может подлежать сомнению» (стр. 329).

Теперь, когда мы знаем, какую огромную роль играет в жизни млекопитающих стриопаллидарная система и зрительные бугры, нам несколько трудно представить, что условно-рефлекторная работа у них есть деятельность клеток только норы. Особенно нам это трудно представить в отношении собаки. Для чего бы у нее тогда достигла высокого развития неокинетическая система? И почему даже у обезьян – существ высшего развития, чем собаки – относительное значение коры и полосатого тела несколько иное, чем у человека? Согласно опытам Леви, при удалении моторной коры у обезьян животные не теряют способности передвигаться и вообще движения мало расстраиваются, при удалении же полосатого тела животное делается совершенно беспомощным, теряет моторные функции (Вопросы педологии и психоневрологии». Сб. 1. 1924. Ст. проф. М. О. Гуревича. Стр. 8).

У собаки, значение деятельности стриопаллидарной и бугровой областей должно быть еще выше и самостоятельнее, а И. П. Павлов говорит: «Наша основная задача: регистрация и характеристика отдельных актов деятельности коры, определение точных условий их наличности и их систематизация» (стр. 329 лекций).

Ясно, что здесь должен произойти пересмотр и фактов и выводов. Особенно это должно быть сделано потому, что. По уверению И. П. Павлова, работа над деятельностью коры является исключительно трудной.

«Почти ни при одном явлении нельзя быть уверенным в обладании всеми условиями его существования... Понятно, при таком положении дела здесь в особенности горько дают себя знать обычные слабость мысли: стереотипность и предвзятость» (стр. 329). Если такой великий исследователь, по собственному признанию, делается жертвой стереотипности и предвзятости мысли, то что же сказать о его популяризаторах в областях педагогики, права, психологии, инженерного дела... Каковы размеры предвзятости и стереотипности их мыслей? «Мысль, – продолжает Павлов, – не может, так сказать, угнаться за разнообразием отношений. Поэтому, так часто приходится ошибаться при этой работе... Я уверен, что и в переданном материале немало промахов и даже больших. Но, посягая на такую сложность, нестыдно и ошибаться» (стр. 330).

Конечно, было бы неблагодарностью и нечуткостью даже помыслить с оттенком упрека, по поводу ошибок Павлова: всякий крупный исследователь ошибается, но своими ошибками расчищает путь к истине... Но мы интересуемся здесь не ошибками Павлова, а догматической фиксацией научных выводов, перенесенных на совершенно чужие области

(социология, педология, право и пр.) последователями Павлова, причем фиксация эта производится безапелляционно в тот момент, когда сам Павлов, вопреки этим скороспелым фиксациям, утверждает, что «возникают все новые вопросы, а позади остается еще много не решенных вопросов. От намеченных задач нас часто отвлекает неожиданное и нередко смущает многое непонятное с принятой нами точки зрения»... Сколько красоты, благородства и осторожности в этих признаниях Павлова и сколько смелости и отваги у некоторых его поклонников, которые уже уверенно реформируют социологию и педологию, психологию, уголовное право, инженерное дело и пр.

Эти лица не испытывают никаких сомнений, которые переживает сам Павлов. Для них все вопросы решены, для них пет ничего неожиданного и непонятного, их ничто не смущает: у Павлова «мысль не может угнаться за разнообразием отношений»; у них, его поклонников, наоборот, мысль перегнала всякие возможные отношения не только в области физиологии коры, но и в социальных, психологических, педагогических вопросах... Павлов признается, что ему приходится так часто ошибаться в лабораторной работе; его «поклонники» (не смешивать с сотрудниками!) никогда не ошибаются даже в чуждых им областях... От имени Павлова они реформировали всю науку, всю культуру, всю жизнь...

Чем глубже Павлов погружается в изучение работы головного мозга, тем яснее становятся для него необозримые трудности ее, ибо завеса изучения мозга едва только приоткрывается... «Сделанное до сих нор показывает, – говорит И. П. Павлов, – что у нас еще нет сейчас полного знания всех тех условий, которые определяют деятельность механизма образования условного рефлекса».

Эти условия, «значит, еще не полны, раз имея их в голове, мы не можем сразу понять результата анализируемого случая» (стр. 336).

И, наконец. Павлов признается, что в настоящее время не может быть речи о понимании всей деятельности полушарий из деталей физико-химического процесса; не может быть верных шансов для понимания этой деятельности из элементарных свойств нервной ткани: относительно самого основного явления этой деятельности мы не имеем еще полного знания.

Теперешняя задача – это приведение бесчисленной массы разнообразных явлений к меньшему числу общих основных явлений. И на этом-то пути встречаются неразрешимые вопросы и ошибки...

Как видит читатель, сам творец учения об условных рефлексах понимает всю необъятность задач.

Ассистент И. П. Павлова д-р Фролов критикует наши взгляды на тесную связь гистологии мозга с физиологией последнего и находит, что теории физиологические с успехом могут строиться, независимо от того, знаем мы или не знаем строение нервной системы, и что погоня за гистологией головного мозга не должна ставить рогатки физиологии. В отношении учения И. П. Павлова по поводу этой мысли следует сказать следующее. В той части учения Павлова, которая изучает отправления собаки (в частности, слюноотделение) в зависимости от многообразных вариации внешних раздражителей, – в той части учение И. П. Павлова неуязвимо и методически совершенно.

Но в той части, где это учение пытается точно выяснить тончайшие функции мозга, соответствующие наблюдаемым внешним актам, – в этой части учение Павлова находится в тесной зависимости от уровня современной гистологии головного мозга, и истинность его должна измеряться истинностью анатомической структуры мозга. В самом деле, нельзя высказываться аподиктически о деятельности рецепторов, о деятельности анализаторов в их анатомо-физиологическом смысле, раз имеют силу учения, доказывающие, что клеточные элементы головного мозга суть лишь трофические центры, не связанные с интеллектуальной работой.

Если группа клеток предназначена для трофики, то как она может заниматься дробным анализом? Ясно, что ладо суметь отвергнуть и нейрофибриллярные учения и учение Лугаро, отвергнуть с той исчерпывающей убедительностью, какая естествознанию не в

диковину, и уже после этого провозгласить несокрушимость учения об анализаторах. К сожалению, ни И. П. Павлов, ни вся современная европейская нейрология не могут сделать этого. Разумеется, это не должно служить сигналом к агностицизму, не должно «ставить рогатки» естествознанию. Но в то же время эта паша современная неосведомлённость в тончайшем строении мозга предупреждает нас о необходимости осторожности, с которой мы должны относиться к всеобъемлющим стремлениям учения о рефлексах реформировать и педагогику, и уголовное право, и социологию, и инженерное дело, и работу драматических театров.

Напомним тут же, что академик Лазарев допускает существование «самопроизвольных центров возбуждения в мозгу, обусловленных радиоактивными процессами, даваемыми солями калия», так что здесь мы имеем дело не с условным рефлексом, а с реакцией нового типа, «рождающейся в головном мозгу как произвольный процесс» (Выготский Л. С. Педагогическая психология).

Совершенно отмежеваться от знания строения нервной системы, строить целые серии физиологических соображений и не беспокоиться на счет того, насколько все это соответствует подлинной гистологии головного мозга – не будет ли такой путь тоже в некотором роде рогаткой естествознанию. До сих пор в естествознании такой автономии физиологическим теориям не давалось; они были тесно связаны и с гистологией, и с химией. Напр., многообразие ощущений, ассоциация этих ощущений у собаки (на языке Павловской школы – условные рефлексы) – все это изучается и объясняется школой Павлова с точки зрения, работы коры больших полушарий. Выражение собакой довольства и недовольства, ощущение голода, жажды – все это, подвергаясь в лаборатории Павлова иному объяснению и иной терминологии, все же в процессе изучения связывается с работой коры больших полушарий. А большинство современных европейских авторов связывает все эти явления и с деятельностью зрительного бугра.

В своем «20-летнем опыте» на стр. 18–19-й И. П. Павлов говорит о том, что собака обращает внимание на вкусовые вещества, «рвется к ним, если они съедобные и приятные»... – и все эти процессы анализирует, разумеется, с точки зрения работы коры полушарий. Современная неврология те же самые акты относит к работе зрительных бугров. Это можно найти в любой современной работе, посвященной физиологии зрительных бугров. Возьмем первую попавшуюся. Francis X. Dercum в своей статье «Значение зрительного бугра в физиологии и патологии психической деятельности» (Arch. of neurol. and Psych. 1925. vol. 14. № 3) (Цит. по: Совр. психоневр. 1926. № 2. Стр. 233–239) утверждает, что «система зрительного бугра (Thalamus, epi-u hypo-thalamus) является пунктом, куда стекаются все ощущения и где они ассоциируются друг с другом: пока в ряде животных не было такого центра – нельзя говорить о сознании; лишь при появлении сложных ассоциированных ощущений появляется и сознание, появляются такие ощущения, как сознание недовольства и довольства, которые при известных условиях принимают более определенный характер, как-то ощущения голода, жажды, слабости, страха и т. д.». Вся современная анатомия и физиология нервной системы утверждает, что эмоциональная сфера остается за Thalamus opticus, а школа Павлова ведет свои объяснения так, как будто дело касается только коры, как будто зрительные бугры собаки во время серий разнообразнейших опытов не подлежат нужному физиологическому учету. Современная неврология признала то положение, что в ощущениях голода, жажды, страха, гнева, чувства довольства, недовольства играют первую роль центры, заложенные в таламической системе, что первенствующее значение в психике животного играет зрительный бугор; но это анатомическое тело школою Павлова как бы не замечается. Гормоны внутренней секреции изменяют настроение и самочувствие животного; это изменение не может происходить без участия таламической системы, а школа Павлова все время имеет в виду только кору. Такие анатомические недомолвки могут создать путаницу не только в головах педагогов, но и лиц с нейрологическим образованием. В этом смысле едва ли прав д-р Фролов, предлагающий строить физиологические теории, не считаясь с движением анатомических изысканий.

Итак, игнорируя сопутствующие физиологическим теориям анатомические вопросы, можно нанести ущерб и самой физиологии головного мозга, как это мы видим в факте игнорирования физиологии зрительных бугров при экспериментах на собаках. Нужно при этом помнить, что самое понятие о рефлексе в невропатологии является не идеально установленным. В этом отношении поучителен взгляд M. Minkowski'oro согласно которому «понятие рефлекса как единичной реакции в смысле Шеррингтона является в известной степени искусственным упрощением из дидактических соображений» (Schweiz Arch. f. Naurol. u. Psych. Bd. 15, H. 2. 1925. Цит. по: Совр. психоневр. 515, 1926 апр. № 4).

Изгнав психологию из ее подлинных ей принадлежащих областей, некоторые последователи учения о рефлексах объявили, что учение о психозах и неврозах мыслимы только с точки зрения рефлексологии. Прежняя психиатрия и невропатология сдаются в архив, а между тем европейская наука не находит объяснений неврозов не только в рефлекторных теориях, но и в целом ряде доктрин.

Redlich указывает, что ни теории химизма, ни теория ослабления контакта между нейронами, ни влияние тока действия, нарушения отношения между потенциалиами – ни одна из них неудовлетворительны и необходимо заключить, что о субстратах расстройств нейротиков мы ничего не знаем (Съезд немецк. невропатол. в Косселе, 1925. Совр. психоневр. Стр. S3. 1926. № 1).

Что касается психозов, то такой авторитет, как Бумке, утверждает, что ни гистологическое исследование мозга, ни исследование крови, сыворотки и желез внутренней секреции не дало никаких определенных результатов. Гораздо более плодотворным оказался психологический подход к душевнобольным, учитывающий темперамент и характер, установку и способность к реакциям, среду и переживания (проф. О. Бумке. Klin. Wochenschr. № 41. 1926. С. У. Совр. психоневр. № 5. Стр 444).

Как осторожный исследователь, И. П. Павлов избегает категорически высказываться по таким отделам, которые фактически еще не обработаны. Он довольствуется в таких случаях лишь указаниями на вероятность. При этом он употребляет слово «очевидно», которое как бы приближает дело к известному факту, но в то же время отнюдь, этого факта не утверждает. Он, напр., говорит: «Условный раздражитель, очевидно, адресующийся в корковой клетке, естественно, прежде всего должен давать нам сведения о ее свойствах» (Лекция о работе больших полушарий). Это «очевидно» здесь весьма характерно. И. П. Павлов не скажет, что «слюнная железа, очевидно, выделяет слюну». Он знает, что она выделяет слюну и слово «очевидно» здесь будет совершенно неуместно. Но И. П. Павлов (как и вся наука) еще не знает с неопровержимою достоверностью, что условный раздражитель адресуется именно к корковой клетке. Поэтому, он вставляет слово «очевидно», которое освобождает его от упреков в предвзятой уверенности в факте, еще не установленном наукой. Может быть, условный раздражитель адресуется к корковой клетке, а, может быть, адресуется и не к ней, а к какому-то иному элементу нервной системы. А, может быть, адресуясь к корковой клетке, он избирает в коре не всякую нервную клетку и не всякого слоя. Мы еще не знаем, каково фактическое распределение нейрофизиологических функций между элементами коры головного мозга. Когда Павлов по завершении опыта над собакой обращался за расшифрованием слюноотделительных реакций к работе коры, то мы все же еще не знаем, о каких элементах коры идет речь... Если бы было доказано, что все элементы всех шести слоев коры участвуют в механизме протекающих процессов, то тогда вопрос не был бы так важен. Но если не всякие элементы коры действуют в моменты организации условных рефлексов, то сейчас же возникает вопрос: а что же делают другие элементы и как они работают и каково их отношение к общему типу работы коры? Например, относятся ли соображения Павлова к мелким нервным клеткам наружного слоя зерен? А какое участие в общей работе коры принимает слой полиморфных клеток? Скажут, что смешно и дико требовать от Павловских опытов ответа на такие вопросы, не соответствующие идеям, методике, плану и целям Павловской работы. Но от этого отгораживания наши знания о настоящей работе коры не увеличатся и вопросы останутся

вопросами. Стало быть, существует физиология больших полушарий, долженствующая продвигаться вперед, независимо от Павловской физиологии больших полушарий. И, стало быть, эта последняя – не все, а лишь одна из сторон этой физиологии. Нужно помнить, что все умозаключения Павловской школы по самому замыслу методики работы являются окольными: это не непосредственная экспериментальная физиология живого вещества, открыто очевидная экспериментатору: это сигнализационная физиология, обязующая ученого к логической и переносной расшифровке невидимого и незнаемого внутреннего чрез внешние символические знаки слюногонного характера.

Поскольку по телеграфным условным знакам трудно уразуметь тонкости внутренней структуры телеграфного аппарата, постольку по изменениям в количестве капель слюны трудно исчерпывающим образом уразуметь подлинную механику и физико-химическую жизнь всего головного мозга, особенно его тончайших элементов.

Проф. Гиляровский, отмечая соответствие атрофии мозга слабоумию, замечает, что важно выяснить, убыль каких именно элементов и каких отделов можно считать анатомическим коррелятом душевного расстройства, понимаемого в целом, или отдельных его элементов, напр. ослабления памяти. Он же отмечает, что при раннем слабоумии больше всего поражаются элементы наружного слоя коры, 2-го и 3-го слоя клеток и более поверхностных слоев тангенциальных ассоциационных волокон. И в параллель к этому клиника указывает на сохранность памяти и положительных знаний и на расстройство высших интеллектуальных актов. Если принять во внимание, насколько неразрывно связаны в современных толкованиях вопросы памяти, усвоения с учением об условных рефлексах, то мы увидим, насколько последнее недостаточно при объяснении проблем психофизиологии интеллекта. Оно указывает лишь общую гипотезу. Эта общая гипотеза должна быть проверена в свете конкретных анатомических и конкретных физиологических данных.

Сигнализатором работы коры, по учению Павлова, является реакция слюноотделения; но эта реакция, давая точный указатель того, что делается в полушариях, дает ли исчерпывающий ответ на то, какие элементы полушарий реагируют на раздражитель: только ли кора? Или, может быть, и подкорковые ганглии? Ведь, зрительные бугры не посредственно соединены с корой. Можно ли поэтому утверждать, что условный раздражитель имеет дело только с корковыми клетками, а не с гистологическими элементами зрительных бугров, особенно в тех случаях, когда, по личным наблюдениям Павлова и его сотрудников, собаки рвутся, волнуются, когда эмоциональное возбуждение их очевидно? И какую роль играют в это время центро-таламические и фронто-таламические пути? И. П. Павлов (19-я лекция. Стр. 287) пишет, что «после вливания воды у собаки наступали характерные движения, которые обычно появлялись, когда она была голодна: собака начинала ходить туда и сюда с наклоненной вниз головой и подергивающимися ноздрями, как бы чего-то ищущая». И. П. Павлов связывает все эти реакции с корою, а между тем современная неврология относит чувство голода и выразительные движения при этом к зрительным буграм.

Не нам, конечно, дерзать опровергать эти данные... Мы здесь выступаем в качестве учеников, недоумевающих, озадаченных и вопрошающих о возникших у нас затруднениях в усвоении предлагаемого материала. Мы не критикуем, а подводим учет тому, в чем-то разбираемся, и ждем с нетерпением соответствующих разъяснений от наших учителей-педологов. Мы просто, как слушатели и ученики, спрашиваем: действительно ли все, что проделывалось и проделывается с собаками в лабораториях Павлова, должно быть относимо исключительно; или главным образом на счет работы серой мозговой коры как центрального и доминирующего элемента головного мозга, млекопитающих?..

Действительно ли при современном состоянии неврологии можно относить на счет только корковых клеток больших полушарий все вариации в реакциях собаки или здесь играют и другие части головного мозга. И. П. Павлов склонен все, им описанное, отнести за счет именно коры полушарий. Современная анатомия и физиология мозга не склонна относить все описанные Павловым факты за счет только корковоклеточных элементов по-

лушарий. Напр., Muller u. Greving при судорожных состояниях появление слюноотделения прямо относят к раздражению hypothalamus. Глубокий сон после судорожных состояний они относят на непосредственное раздражение каудальных частей стенок 3 желудочка и фронтальных частей серого вещества вокруг Сильвиева водопровода. Обострение пищевого рефлекса («обжорство») Dresel экспериментально установил у собаки без большого мозга. Рефлексы бегства автор относит здесь за счет базальных ганглий. Правда, Head склонен признавать, что чувство боли характерно не для разрушения зрительного бугра, а есть результат его освобождения из-под контроля коры (расторможение) через разрушение кортико-таламических связей. По эго соблазнительное для адептов коркового влияния мнение опровергается гистологическими работами Лермитта, который в этих случаях не мог обнаружить изоляции зрительного бугра от коры.

Настоящим анализатором, фильтром общей чувствительности Лермитт считает именно зрительный бугор. Это он собирает все виды чувствительности к нему притекающие, он их фильтрует, перерабатывает (!) прежде, чем дать им пройти к коре.

Точно также весьма характерно понимает проф. Economo функции мозжечка и подкорковых узлов. При заболеваниях мозжечка больной хочет произвести правильное движение, но не может. При болезнях подкорковых узлов больной не может хотеть; при них страдает весь психомоториум.

Насколько изложенные факты согласуются с учением Павлова о корковом абсолютизме, пусть скажут веское слово сами павловцы.

При своих экспериментах И. П. Павлов испытывал порядочные затруднения со стороны сонливости животных. Причисляя таких собак к типу «меланхоликов» (стр. 251 лекций), Павлов объясняет эту сонливость развитием тормозного процесса в чрезвычайно раздражимых корковых клетках.

Далее, вызывая экспериментальные неврозы у собак, при которых прежде спокойные собаки начинали визжать, вертеться, срывать приборчики, перегрызать резиновые трубки, впадать в неистовство и т. п., Павлов объяснял их крайним ослаблением процесса торможения опять-таки в корковых клетках полушарий.

В целом ряде работ, в целом ряде превосходно поставленных опытов и ценнейших наблюдений И. П. Павлов улавливает как основную причину патологическое состояние коры полушарий. В случаях оперативного получения судорожных припадков и эпилептических эквивалентов у собаки И. П. Павлов тоже видит объяснение этому в двигательной области коры.

Единственный раз мимолетно И. П. Павлов делает условное предположение и о роли подкорковых узлов, но этого предположения не развивает (стр. 288).

Все эти и им подобные случаи Павлов связывает скорой; равным образом и роль внушения он считает возможным понять только при допущении коркового анализатора.

По целому ряду опытов (см. 21-ю лекцию) Павлов признает в подобных случаях действие коры, а роль низших отделов мозга отвергает (стр. 327). Наконец, и в «Двадцатилетием опыте», и в «Лекциях» И. П. Павлов отожествляет внутреннее торможение корковых клеток со сном во всех его видах и вариациях. Разумеется, все указанные нами работы Павлова представляют ценнейший вклад в науку, и о достоинствах этих работ никому не придет в голову спорить. Тем не менее фиксация внимания И. П. Павлова на корково-клеточных элементах с значительным игнорированием деятельности промежуточного мозга является именно иллюстрацией к той точке зрения, которую пропагандирует ассистент его д-р Фролов, согласно которой физиологические теории могут создаваться независимо от анатомических фактов. Во-первых, сам И. П. Павлов протестует против наименования его учения «теорией». Он называет работу свою и своей школы фактической физиологией больших полушарий или настоящей физиологией больших полушарий; стало быть, дело не в свободном изобретении теорий, а в установлении фактов, которые, без исчерпывающего учета, анатомических сведений, едва ли будут безапелляционны. Именно по поводу изложенных работ Павлова приходится почерпнуть, что полного согласова-

ния точки зрения Павлова с данными новейшей невропатологии, к сожалению, не усматривается. И это не только наше единичное мнение. Как раз, напр., по поводу механизма сна один из последователей Павлова д-р В. Браиловский говорит: «Школа Павлова, разрабатывавшая вопрос о корковом механизме сна, почти не затрагивала роли нижележащих отделов, но объективнейшие наблюдатели, сотрудники этой школы зарегистрировали при засыпании собак стадий, являющийся бесспорно, подкорковым».

«За областью подкорковых центров школа Павлова не признает здесь никакой первичности, никакой, так сказать, активности в генезе сонного состояния. А между тем вопрос именно об этой роли субкортикальной области является вопросом исключительного актуального интереса. За этими участками последние годы признано так много важных функций, что теперь пересматривается вопрос и о функциональной связи стволовых ганглий с явлением сна» (Браиловский В. К вопросу о патологической сонливости и центре сна. Совр. психоневр. 1925. № 3-4. Стр. 25–28).

Далее, автор указывает, что среди самих подкорковых центров имеются и возбуждающие, и тормозящие влияния и что есть указания на активацию корковых процессов импульсами, поступающими снизу, и, наконец, что на основании работ Hirsch'a и Adler'a имеются данные утверждать, что сон от коры независим; случаи этих авторов, подкрепленные секцией, рисуют картину, когда изолированное поражение левого зрительного бугра и дна 3 желудочка давало сон.

Сами рефлексологи признаются, что хотя в их школе и «утвердилось воззрение; что образование и существование условного рефлекса целиком зависит от деятельности коры, однако в последние годы накопился материал, заставляющий думать, что некоторые вне коры лежащие аппараты также имеют большое значение для соотносительной деятельности» (см. д-р Е. А. Попов из лаборатории рефлексолога В. П. Протопопова – Материалы к вопросу о роли экстрапирамидного аппарата в механизме двигательных условных рефлексов. «Совр. психоневр. 1927. № 10. Стр. 230). И далее автор приходит к выводу, что «условно рефлекторная деятельность (приспособление к среде) зависит не только от коры, но и от подкоркового аппарата, в частности от связей с вегетативными центрами» (стр. 242).

Могут возразить: для чего приводить все эти данные? Разве от этого великое значение учения Павлова хоть на йоту приуменьшится? Разве не все равно, в коре или под корой что-то совершается, раз получены такие опытные данные?

Мы нисколько не думаем заводить ненужный спор о великом значении учения Павлова. Это значение неоспоримо.

Мы только констатируем, что корковый монополизм, на котором зиждется объяснительная часть учения, расходится с неврологическими фактами. В то же время из работ Павлова мы знаем, что все великие думы последнего о настоящей фактической физиологии полушарий связаны с корковым монополизмом. Больше мы ничего не хотим сказать.

Все это мы приводим к тому, чтобы доказать предельность постройки автономных физиологических теорий, независимых от гистологии мозга. Автономия допустима, но не очень. Говорить о функциях, игнорируя участки, вещь рискованная. Когда мы говорим о возбуждении и торможении, об их иррадиации и концентрации и при этом имеем в виду только корковую жизнь, мы делаем некоторое упущение: ведь все ощущения со всех частей тела и органов чувств получают свою чувственную окраску в промежуточном мозге; лишь здесь, в зрительных буграх, возникает физическая боль, ощущения приятного и неприятного и только через таламо-корковые пути они проводятся потом к коре и отсюда локализируются и опознаются путем ассоциации, с прежними впечатлениями. Это особенно надо иметь в виду потому, что заболевания путей, идущих от зрительного бугра к коре, никогда не сопровождаются болями (!). А ведь болевые реакции в опытах Павлова что-нибудь да значат.

Далее разрабатываемое школой И. П. Павлова учение о торможении, главным образом, имеет отношение лишь к коре больших полушарий. Целые серии опытов над собаками разъясняются с точки зрения иррадиации и концентрации торможения в коре головно-

го мозга, а между тем в центральной нервной системе никакой определенной группе клеток или нейронов доныне не была специально присвоена функция торможения, в то время как, напр., в вегетативной нервной системе нервы возбуждающие и нервы тормозящие отделены одни от других. Однако появляются исследования, авторы которых не склонны связывать функцию торможения только с корой. J. Ramsay Hunt в своей «Теории механизма торможения в центральной нервной системе» приписывает функцию торможения мелким клеткам Гольджи II-го типа в области полосатого тела. При дрожательном параличе R. Hunt нашел атрофированными и уменьшенными в количестве лишь большие клетки Гольджи I-го типа. При хорее Гунтингтона, наоборот, были дегенеративно изменены и уменьшены в числе мелкие клетки Гольджи. Таким образом, поражение больших двигательных клеток полосатого тела вызывает, по-видимому, паралич (уменьшение движения), а поражение мелких клеток вызывает хореатические движения.

При ознакомлении с замечательными работами И. И. Павлова и его школы определенно выявляется следующая черта. Сперва ставится известное задание. Затем ставится опыт, при котором принимаются самым тщательным и добросовестным образом все условия. Делаются известные предположения и предвидения результатов. (Большей частью результаты вполне соответствуют тем ожиданиям, какие питает экспериментатор.) После этого наступает период объяснения опыта. То, что получилось внешним сигнализационным путем, необходимо объяснить внутренними процессами в ткани головного мозга. И вот здесь-то большею частью объяснение дается по преимуществу однородное в смысле локализации. И условия образования условных рефлексов, и внешнее и внутреннее торможение их, и дифференцировочное торможение, и анализаторная, и синтетическая работа, и иррадиирование, и концентрирование нервных процессов, и взаимная индукция раздражительного и тормозного процессов, и комбинирование явлений движения нервных процессов с явлениями их взаимной индукции, и феномены сна – все это И. П. Павловым и его школой ставится в непререкаемую и как бы единственную связь с одним отделом мозга: корою больших полушарий.

Конечно, И. П. Павлов и его школа превосходно знают все, что делается в современной неврологии; но при объяснении своих опытов мышление самых талантливых представителей этой школы неизменно ориентируется на кору, хотя при современном состоянии анатомии, гистологии и химии мозга такая ориентация не более аподиктически достоверна, чем ориентация и на некоторые иные отделы мозга. При этом нужно иметь в виду, что опыты ставятся с собаками, т. е. с такими животными, которые, несмотря на высокую степень развития мозга, все же отнюдь не являются существами, живущими корковой жизнью par excellence. Промежуточный мозг, стриопаллидарная система отнюдь не подверглись у собаки рудиментарному отживанию. А между тем при построении объяснений всех вышепоименованных процессов, получается впечатление, что вся жизнь собаки (в данном экспериментальном оформлении) есть не что иное, как жизнь коры, и что вся инстиктивная животная жизнь собаки обходится как бы без участия подкорковых ганглий и вообще вне-корковых образований.

В опытах Павлова и его школы фигурируют серии как бы нарочито «вегетативных» раздражений, но этот вегетатив отнюдь не является центральным пунктом внимания Павловской школы, т. е. мы хотим сказать, что школа эта не имеет тенденции изучать неврогенезис этого вегетатива по линии, напр., промежуточного мозга и иных районов. Определенных, исчерпывающих и неврологически убедительных доказательств такого предпочтения коры, как почти единственного стимулятора отправлений собаки, мы не нашли в трудах Павлова. Что же? Спит промежуточный мозг – зрительные бугры и подбугорная область или стриопаллидарные образования и т. п. – спят они или что-либо проявляют в моменты корковой работы и каковы взаимоотношения их с мозговой корой в эти минуты, мы точно себе не представляем.

Когда собаке наносится болевое раздражение, когда у нее возникает ощущение приятного и неприятного, напр. при шумах, ослеплении светом, неприятном вкусовом раз-

дражении, то только ли в объяснении жизни коры должны мы искать объяснений или привлечь к таковому и промежуточный мозг? Если при боли расширяются зрачки, усиливается слюноотделение (а у других живых существ и потоотделение), то надо ли иметь в виду только кору или и зрительные бугры? Когда при щекотании происходит ослабление сердечной деятельности и движений желудка и кишок, то искать ли объяснений только в коре или еще где-либо?..

У нас, провинциальных профанов и кустарных педологов, получается впечатление, что исследовательская работа в Павловской лаборатории ведется так, будто, кроме физиологической жизни par excellence, собака не живет одновременно никакими другими маломальски стоящими внимания жизнями. Мы уже не говорим о психологии... Это штрафная область. К анатомии и гистологии в ее неуместных претензиях гармонического согласования с физиологией относятся тоже косо. Нам кажется, будто, рассматривая процессы возбуждения и торможения, школа Павлова не стремится полно и отчетливо сопоставить свои материалы даже с химией... А между тем из химии головного мозга мы узнаем, что в процессе торможения некоторые химические тела играют большую роль. К ним, напр., принадлежит холестерин. Естественно является вопрос: возникают ли различные вариации в процессе торможения исключительно под влиянием внешних индифферентных агентов, замещающих безусловные раздражители или, может быть, возможны автономно возникающие процессы торможения под влиянием избытка холестерина и без всякого вмешательства физиологических экспериментально вводимых агентов?

И где должно искать этих очагов торможения, если количественные уровни холестерина неравномерно распределены по веществу головного мозга? Напр., Fränkel нашел в свежем мозгу: в коре 1,15 % холестерина, в белом веществе 2,47 %, в мозжечке 1,31 %, в мосту и продолговатом мозге 4,03 %; выходит, что холестерина больше всего там, где залегают миэлиновые волокна. В коре головного мозга его меньше всего. Как объяснить тогда тормозогенное значение коры и игнорирование остальных отделов мозга в процессах торможения?

Или, напр., роль фосфатидов. Сколько интереснейших работ произведено школой Павлова по поводу сна; но все эти работы мало входят в контакт с химией. А, между прочим, имеются указания, что усыпление находится в тесной связи с наличностью фосфатидов в коре головного мозга. «Обеднение коры головного мозга фосфатидами, – говорит Max de Crinis, – у прогр. паралитиков... является причиной трудности их усыпления... В силу этого можно заключить о возможности различать мозговые заболевания по изменениям химического состава мозга» (Max de Crinis. Липоиды и их значение для центральной нервной системы. Ztsch. f. g. Neir. u. Psych. 78 Bd. H. 1–5. Цит. по: Совр. психоневр. 1927. № 3. Стр. 287).

Нам важны здесь не мозговые заболевания, а именно изменения в мозговой коре химического характера, которые возникают при экспериментах, подобных Павловским. Возможно, что иногда эти процессы первичны и в некоторых случаях дело именно в них, а не в физиологии.

Таким образом, мы, ученики-педологи, обуреваемы сейчас следующими недоуменными вопросами:

1) Педологи-учителя нам настойчиво советуют изучать рефлексологию, без чего мы не постигнем психофизического облика детей.

2) Представители школы Павлова учат нас, что никакой рефлексологии нет; что есть смесь физиологических фактов и методов с фактами и методами старой субъективной психологии.

3) Само учение Павлова при изучении животно-инстиктивной жизни собаки в своих объяснениях ориентируется на кору.

4) Современная неврология относит эту же самую жизнь к промежуточному мозгу, стрио-паллидарным образованиям и пр.

5) С точки зрения приемлемости ориентации на кору, значение подкорковых ганглий у собаки, представляется непонятным. Мимоходом и у Павлова, и у его учеников, конечно, встречаются указания и на работу среднего (и промежуточного) мозга: слегка упоминаются и полосатые тела и зрительные бугры как центры реакции (см. у Фролова, стр. 80–81), но в отношении к объяснительным рассуждениям о роли коры все это составляет каплю в море. Таково же отношение и к химизму крови, упоминание о котором молниеносно пролетает в какой-нибудь из работ, чтобы потом этот химизм крови исчез навсегда.

V.
ПЕДОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Школьный врач и врач-педолог, а также педагог-педолог, работая в детских учреждениях и являясь в процессе этой работы не просто специалистом, а и общественником, не может, конечно, не поработать над оформлением своего общественного миросозерцания, которое достижимо путем гармонического слияния данных естествознания с данными общественных наук: социологии, политической экономии, истории, теории права и т. п. Изучение детских коллективов, как самостоятельных социальных образований, побуждает педологов обратиться к научным основам социологии, которая, несмотря на свою молодость и неопределенность, все же дает возможность уловить некоторые закономерности в возникновении, развитии и увядании общественных феноменов.

В этом отношении уже появляются интересные работы, носящие печать оригинальности и самостоятельного творчества. К числу их можно, напр., отнести «Проблемы изучения и воспитания ребенка» под редакцией проф. В. П. Кащенко (Москва, 1926). Все работы этого сборника, особенно Г. В. Мурашева и Е. В. Гурьянова, являются ценнейшим пособием при изучении детских коллективов. Редактор сборника замечает, что наше время – это «переходная ступень от эмпирической психологии к объективной науке о поведении». Конечно, это мнение не только В. П. Кащенко, а большинства педологов, педагогов, рефлексологов, павловцев и т. д. Мы должны рассмотреть этот вопрос как в свете современного учения о поведении, так и в свете социологии, дабы выразить все те сомнения, которые возникают при воспризнании подобного тезиса.

Для нас, учеников-педологов, весьма важно разрешение следующей практической задачи:

1) Можно ли при изучении и воспитании ребенка, при строительстве и педагогическом упорядочении детских коллективов совершенно обойтись без помощи опытной психологии, причем при таковом изгнании последней следует соблюдать последовательность, не идти на компромиссы, не делать экскурсий в опытную психологию в виде исключения, по недостатку терминов в науке о поведении и под другими предлогами?

2) Настолько ли в настоящее время гармонично слилось учение о поведении с марксистской социологией, что педолог, стоящий на платформе советской общественности, спокойно может быть уверенным в существовании строго научного марксистского бихевиоризма?

Если мы на эти два вопроса получим утвердительные ответы, то положение о «переходной ступени от эмпирической психологии к объективной науке о поведении» можно считать прочно установленным.

Какие ученые являются виднейшими представителями науки о поведении?

Заграницей ими являются Уотсон, Вейсс, Мельрос, Боде, Уоррен, М. Дауголл, Метир. У нас – Павлов, Бехтерев, Корнилов, Басов, Болтунов, Вагнер, Ладыгина-Котс.

Если мы в работах всех этих ученых найдем прочно обоснованное положение, что опытная психология отошла в вечность, а наука о поведении заняла твердо и непоколебимо установленную позицию, то тогда, конечно, вопрос является исчерпанным.

Возьмем прежде всего Уотсона. Это – отец бихевиоризма. Он создал науку о поведении, хотя ему удалось это создание без точного знания анатомии и физиологии цен-

тральной нервной системы, как в этом убедится всякий невропатолог, который прочтет четвертую и седьмую главу его книги «Психология как наука о поведении» (стр. 111–121). Так или иначе, Уотсон – самое популярное имя в истории бихевиоризма.

Таким образом, нужно установить следующих четыре положения:

1) Уотсоновский бихэверизм безоговорочно изгоняет эмпирическую психологию во всех областях и вопросах.

2) Уотсоновский бихевиоризм соответствует принципам марксистской социологии и советской общественности.

3) Идеалы уотсоновского бихевиоризма совпадают с лозунгами классовой пролетарской идеологии.

4) Уотсоновский бихевиоризм не встречает никаких возражений в самых позднейших направлениях пауки о поведении.

По поводу первого пункта, мы, открыв упомянутую книгу Уотсона, читаем, на стр. 36 следующее: «Во многих областях психологии и, в частности, в психиатрии, самонаблюдение, обычно словесно выражаемое субъектом, является единственным способом наблюдения, имеющимся в нашем непосредственном распоряжении».

Уотсон вскользь указывает эти многие области психологии и психиатрии. Они, в сущности, охватывают все случаи, когда люди интересуются чем-то другим, кроме мускульных и железистых выявлений.

По второму пункту.

Госиздат предпосылает переводу книги Уотсона следующие строки: «Несмотря на (в общем) материалистическую точку зрения, отнюдь не все утверждения автора представляются приемлемыми. Особенно это относится к стремлению Уотсона включить изучение социальных факторов, управляющих поведением целых классов общества, в область психологии поведения с тем, чтобы методами последней предвидеть и управлять общественными явлениями». По третьему пункту (т. е. о гармоническом слиянии пролетарской идеологии с принципами поведения по Уотсону): «Застенчивость и подчиненная установка, – говорит Уотсон, – могут привязать человека на всю жизнь к привычной, по не вознаграждающей работе. Они часто препятствуют женитьбе или приводят к плохо приспособленной женитьбе... С другой стороны... большая агрессивность точно, также подрывает шансы человека на совершение выгодного дела и установление общественных связей».

При пониженном настроении человека Уотсон советует облегчить таковое посылкой ему чека (стр. 30).

Итак, женитьба, выгодные дела, посылка чека – вот элементы идеологии общественного человека по Уотсону. В. А. Вагнер называет эту «науку о поведении» кодексом практически полезных правил для устройства своих дел и делишек, и характер ее ему представляется буржуазно-практическим, рассчитанным на достижение мещанского счастья... И ради получения этих советов о женитьбах, выгодных делишках и т. п. действительно ли необходимо похоронить экспериментальную психологию Вундта, учения Гефдиига, Тичнера, Фрейда, Адлера, Блейлера, Юнга и пр. и пр.?..

Наконец, по четвертому пункту.

А. Р. Лурия в своей книжке «Современная психология в ее основных направлениях» сообщает, что в мире европейских и американских ученых, а также (прибавим от себя) и в среде русских сторонников диалектического материализма пауке о поведении делается ряд весьма серьезных возражений. Многие авторы указывают, что поведенцы не учли постепенных усложнений нервной системы; что они не приняли во внимание изменений среды, в которой находится организм; что поведенцам чуждо диалектическое понимание возникающих новых качественных образований; что для уразумения таковых необходимы новые принципы, которые неведомы поведенцам... Что перенесение на человека закономерностей, наблюдавшихся у животных, несостоятельно; что современная американская наука все чаще и чаще выражает недовольство на современную науку о поведении; что

примитивные грубые построения поведения, учитывающих лишь чисто внешнее поведение, вырождается в чисто механическое объяснение... Все это делает науку о поведении во многом несостоятельной и, конечно, особенно делает ее враждебной марксизму, который стремится к диалектическому, а не механическому объяснению явлений природы и психики.

У того же А. Р. Лурия в той же брошюре мы читаем, что бихевиоризм (т. е. наука о поведении) хочет свести все мировые проблемы психики просто к мышечным движениям и что крупные американские психологи констатировали в конце концов распад психологии на две самостоятельных дисциплины: 1) науку о сознании и 2) науку о поведении... А так как наука о поведении свелась к проявлению мышечных движений, то она автоматически выпала из психологии и впала в один из дробных отделов физиологии: учение о мышечных движениях в их внешнем проявлении.

Этим самым констатируется возврат к опытной психологии, ибо новейшие психологи «обращаются для пояснения более сложных явлений к науке о сознании».

В дальнейшем, при более тщательном анализе всех положений науки о поведении, оказывается, что она слаба по всем вопросам, и несостоятельность ее обнаруживается решительно по большинству затрагиваемых ею тем.

Так, исходя из ложной предвзятой идеи приемлемости механического подхода, бихевиористы пришли к заключению, что приобретения новых видов поведения собственно не существует, что сложные приспособления к новым ситуациям сводятся лишь к комбинациям простых рефлекторных (врожденных) движений и что постепенное закрепление новых навыков происходит путем повторения этих механических сочетаний.

Новейшие немецкие исследования и опыты доказывают полную несостоятельность, ненаучность и неприемлемость всех этих положений бихевиоризма (см. стр. 45 и далее у А. Р. Лурия). Объяснить сложное поведение из простого сочетания рефлексов нельзя. Поведенцы не понимают главного в поведении: отдельные реакции являются лишь деталями, определяемыми цельной установкой животного. Эту цельную установку наука о поведении просматривает и не понимает, что само поведение в данном случае является функцией всей той цельной ситуации, в которую животное попадает. Наука о поведении лишена способности понять самое главное в поведении животного: того, что последнее (поведение) всегда направлено к достижению какой-либо задачи.

В действии животного наука о поведении отмечает пустяки, закрывая глаза на главную суть поведения: она выводит формулу движения четырех конечностей животного, не схватывая попыток животного.

При опытах с обезьянами немецкие экспериментаторы (стр. 47) устанавливают, что действия обезьян носят строго организованный и планомерный характер, чего не понимают поведенцы-механисты; известные опыты Келера, о которых мы упоминали в 1-м нашем сборнике (1925 г.) на стр. 94, приводятся теперь в 1928 г. как живое опровержение взгляда бихевиористов и рефлексологов. Они говорят о формах поведения, «несводимых к механическому сочетанию отдельных рефлексов» (стр. 49).

Таким образом, бихевиоризм или наука о поведении, столь страстно похоронивший опытную психологию, в свою очередь сам низвержен и похоронен новым течением (о нем – ниже), и главной причиной его гибели является склонность к механизации психики, игнорирование задач и целенаправленности – этих старых знакомых атрибутов опытной психологии. Как видно, мертвые повелевают в этой области спора...

Еще более несостоятельным оказывается бихевиоризм, когда он «пытается из примитивных биологических процессов объяснить сложнейшие социальные явления», как говорит А. Р. Лурия (стр. 31).

Посмотрите теперь, как наука о поведении похожа на марксизм. Разбирая инстинкты, лежащие в основе собирания и накопления, Уотсон устанавливает, что у человека имеется наклонность, приближающая его к обезьяне – «разбрасывающий тип поведения». Пример: «Страховая статистика показывает, что только около 4 % 60-летних мужчин «накопили» достаточный капитал, который мог бы обеспечить им доход»... А. Р. Лурия заме-

чает: «Трудно придумать пример, ярче этого убеждающий нас в исключительной наивности примитивно-биологического подхода к сложным явлениям психики».

Вот каким путем объясняется капитализм наукою о поведении. Но далее наука о поведении становится еще решительнее; похоронив психологию, она смело хоронит уже и социологию (а с нею и марксизм, конечно). Социологию она просто сводит к математике, химии и физике.

Поведенец A. Weiss говорит: «Социальная эволюция – лишь более сложная форма органической эволюции; она ни в коем случае не является чем-то большим, нежели объекты математики, физики, химии»... В конце концов он советует подождать некоторое время, пока будут открыты электроны-протоны демократии... (стр. 32).

А. Р. Лурия считает подобные объяснения поведенцев не случайными, а, напротив, характерными для бихевиоризма.

Итак, в сложных проблемах психологии приходится от науки о поведении отвернуться; в социологических вопросах – тоже отвернуться. Далее, А. Р. Лурия приводит взгляды критиков, согласно которым в науке о поведении, кроме бессвязного перечисления отдельных видов поведения, ничего путного не найдешь: нет ни цельности, ни системы, ни основного принципа; одно сплошное механическое наслаивание, которое в сущности случайно. В действительной жизни ничего не бывает так, как учат поведенцы; никогда живые существа не действуют в жизни так, как автоматы, и вообще точка зрения поведенцев и неверна, и недостаточна (стр. 34).

Итак, что же, собственно, должен делать педагог-педолог, желающий последовательно проводить в жизнь идеи, тенденции и методы науки о поведении?

На это дает ответ бихевиорист S. Fernberger: материалом последовательного бихевиориста являются реакции поперечно-полосатой мускулатуры и желез и их взаимоотношения.

Вот мы, наконец, и получили точную программу производственного плана педологов. Изучайте деятельность желез и мышц – и задача будет выполнена.

Кроме этого, и самый способ изложения педологами своих наблюдений должен радикально измениться. Если, напр., учитель наблюдает, что мальчик прислушивается к классному звонку, то он не должен думать, будто «мальчик слышит звонок», а должен изъясниться иначе.

A. Weiss в своем труде Behaviorism and Behavior излагает это событие так: «Аггрегат электронов-протонов, известный как звонок, изменяет аггрегат, известный как ребенок... Это наблюдается агрегатом, известным как бихевиорист» (стр. 13).

Такой способ изложения у самого А. Р. Лурия, как он признается (13), навряд ли может вызвать что-либо, кроме улыбки...

Каковы остальные бихевиористы? Говоря об Уотсоне, мы вскользь приводили особенности бихевиоризма Вейса. Фернбергера... Их наука о поведении свелась к отделам химии и физиологии мышц.

Мельрос исповедует смягченный бихевиоризм, весьма нуждающийся в опытной психологии... Боде предлагает новый бихевиоризм с сознанием, т. е. опять таки с возвратом к опытной психологии... Уоррен допускает психологию как нормальное явление в жизни наук, Мак Дауголл резко восстает против механистического бихевиоризма и строит свое учение об инстинктах, стоя целиком на точке зрения психологии Гефдинга... Метир, обрадовавшая было поведенцев своими симпатиями к работам Красногорского, в то же время признает необходимыми чисто психологические работы, находится под сильным влиянием Штерна, Меймана, психоаналитической, школы, большое значение придает обычным тестам и т. п.

Таким образом, заграничная наука о поведении или выпадает из психологии или тесно связана с опытной психологией. Коснемся вкратце русского бихевиоризма.

Мы приводили уже мнение Павлова, которой признает и субъективный мир и науку об этом мире. Приводили места из соч. Бехтерева, по которым вполне ясно, что Бехтерев

вернулся к опытной психологии (см. «Вступление»). Приводили мнение Корнилова, протестующего против изгнания психологии. В 1-м нашем сборнике мы приводили цитаты из работ Басова, который никоим образом не хочет отступать от понятий и терминов опытной психологии. Что касается Болтунова А. П., то его учение о внутреннем поведении демонстрирует всю поверхностность науки о внешнем поведении, замкнувшейся в самой себе. Внутреннее поведение, блестяще обоснованное Болтуновым, – лучшая апология эмпирической психологии. О взглядах Вагнера В. А. излишне распространяться, так как этот ученый вскрыл все крупнейшие дефекты бихевиористов, поставивших знак равенства между отправлениями организма и социальным поведением. Н. Н. Ладыгина-Котс признала экспериментальную методику бихэвeристов недостаточной и доказала это целым рядом опытов над шимпанзе.

Не особенно лестную оценку американскому бихевиоризму дает и Павловская школа, которая конечно, представляет собой вид отечественного бихевиоризма как учения о поведении животных. По мнению Фролова, бихевиоризм, вышедший из недр интроспективной психологии, сохранил все-таки вредный налет психологизма, дающий себя порою чувствовать. «Не будучи вполне оригинальным, – говорит пр.-д. Фролов, – бихевиоризм никогда не отличался к тому же и единством занятых позиций; он быстро разделился на множество направлений, причем одни группы заявили себя как более, другие как менее радикальные поклонники объективного метода исследования поведения... Бихевиоризм, как боевое направление, продержался в Америке около 12 лет. Дальнейшая судьба бихевиоризма показала, однако, насколько трудным является удерживание вполне объективной позиции в вопросах, так близко соприкасающихся с оценкой нашего собственного поведения» (стр. 83).

Итак, мы не имеем ни одного ученого ни в СССР, ни вне его, который наглядно, убедительно и путем опытов доказал бы несостоятельность опытной психологии и необходимость абсолютного изгнания ее наукою о поведении.

Мало того. Рьяная противница опытной психологии – Gestalt-психология тоже крайне резко развенчала науку о поведении.

Из изложенного следует, что никаких реальных оснований мы до сих пор не имеем, чтобы считать наше время переходным от опытной психологии к науке о поведении.

Представитель Павловской школы ассистент его пр.-доц. Фролов даже утверждает, что «бихевиоризм как боевое направление продержался в Америке около 12 лет» (стр. 83 цит. соч.).

Итак, текущий момент и современное состояние бихевиоризма очень мало дают для того, чтобы считать психологию, основанную на опыте, пройденным периодом. Нового в бихевиоризме лишь то, что он появился позднее, чем опытная психология; лишь то, что он склонен брать поверхность и соматическую интерпретацию психики, отрешаясь от анализа ее глубины; лишь то, что он более внимателен к популярным физиологическим доктринам, успех которых отнюдь не пропорционален анатомическим подтверждениям. Четыре свойства, которые покоряют в бихевиоризме, при ближайшем рассмотрении оказываются не столь ослепительными, как это кажется с первого взгляда.

Первое свойство – это объективизм. Однако при ближайшем знакомстве оказывается, что объективизм как беспристрастное освещение многообразных и внешних и внутренних фактов заменяется здесь часто культом соматизма и внешнего par excellence. Распространяясь дальше, этот квазиобъективизм очень часто вырождается в фетишизм объекта.

Второе свойство – это материализм. Но как далек этот материализм от диалектического материализма Маркса и Энгельса!.. Большею частью в учениях о поведении мы встречаемся с вульгарным материализмом типа Бюхнера или с метафизическим материализмом. Многие учения о поведении философски не согласованы между собою. Чаще всего они дуалистичны, ибо изгоняют совершенно психизм как факт или как свойство материи, и моноистичность их именно куцая: они не сливают материю и психику в нечто

единое; нет, они отбрасывают психику и, оставляя одну материю, воображают, что это – монизм, тогда как это типичнейший дуализм. Особенно это подтверждается теми поведенцами, которые отмежевывают сознанию, психике особую область. Мир рефлексов сам по себе, мир духовных явлений – сам по себе... Разве это не чистейший старомодный дуализм?

Третье свойство – это лабораторность. Дилетантов прельщает особенно это свойство. В их представлении психолог – это человек, спокойно развалившийся в кресле и предающийся досужим мыслям; а бихевиорист – это строгий ученый, не выходящий из грандиозно обставленной лаборатории. На самом деле все это обстоит не совсем так. Лабораторная сторона экспериментальной психологии со времен Вундта не нуждается ни в рекомендации, ни в защите. С другой стороны, поведение личности и массы никак не может уложиться в лабораторную обстановку, так что 9/10 проявлений человеческого поведения не может быть обследовано вне жизни, общества; лаборатория никогда не сможет скопировать всю разнообразную картину жизненных ситуаций и личности, и аггрегата.

Наконец, самым эффектным козырем бихевиоризма является его демократизм. Почему за этим течением установилась такая репутация, трудно понять. История возникновения и развития американского бихевиоризма, наоборот, свидетельствует, что это учение едва ли расцвело главным образом в пролетарских учреждениях.

Вообще, по поводу научных экспериментов, как сообщают Н. А. Бухгольц и А. М. Шуберт, «практические янки идут на все это не ради каких-нибудь проблематических благ, но ради благ совершенно реальных и хорошо оправдывающих себя на деле...» «Денежные суммы, отпускаемые на эту работу, очень значительны» (Испытания умств. одаренности. 1926). Все, что расходуется американским капиталом, все это имеет классовую подоплеку, – и популяризация бихевиоризма тоже не лишена таковой.

Физиологическая психология В. Вундта и экспериментальный метод исследования, сменившие метафизическую богословскую психологию, никоим образом не могут нести упреков в оппозиции какому бы то ни было демократизму.

Наоборот, уж если кого следует упрекать в антидемократической подоплеке, то именно бихевиоризм, потому что он, ликвидируя проблемы интеллекта, переживаний, стремлений, вместе с тем и ликвидирует социальную психологию, трактующую о сознании масс, об интеллекте класса, о переживаниях классов и о стремлениях этих классов.

Авторы «Очерка психологии» (1926) Лиги плебс – сами рабочие – говорят: «Психология не менее важна для воинствующей культуры пролетариата, чем биология и экономика... Психологией можно пренебрегать не в больших размерах, чем экономикой... Научные абстракции психологии представляют собою оружие, которое он может использовать в своей классовой борьбе. Это оружие не менее важно, чем прямое действие или политическая организация... Мы пролетарии, должны уяснить себе работу наших собственных интеллектов и интеллектов наших врагов; мы должны понять, как работает психический аппарат тех, кто может идти рядом с нами или кто идет против нас, в зависимости от результатов нашей собственной пропаганды или пропаганды наших врагов. Эти вещи можно постигнуть, только изучая психологию». Это изучение рабочие-авторы и проделывают, опираясь на сочинения чистейших психологов: Гарта, Фрейда, Адлера, Джонса, Джемса, Годдара, Юнга и пр.

Кроме И. П. Павлова, ассистент его д-р Фролов считает ненормальным явлением, что «несколько горячих голов, любящих по преимуществу все новое именно потому, что оно новое, объявили систему открытий физиологов, заключенную пока в тесные лабораторные рамки, неким новым кораном и стали вычитывать из нее отдельные фразы, без связи с контекстом, стараясь приспособить ее на каждый случай жизни, в том числе и на вое педагогические случаи».

Далее д-р Фролов, дает такую отповедь «педологам-рефлексологам», что вряд ли кто из них захочет еще раз получить подобный комплимент от Павловской школы.

«Все вопросы педагогики, – пишет д-р Фролов, – над которыми ломали головы целые поколения, оказались таким образом решенными легко и просто. Однако, совершив этот подвиг, изобретатели нового отношения к предмету педагогики теперь не знают, что собственно следует делать сейчас с тем физиологическим инструментом (а метод в науке – это тот же инструмент), который достался им в руки: поставить ли его в пустую божницу или забросить на чердак?» (Учение об условных рефлексах как основа педагогики).

Далее, мы позволим себе задать вопрос: требует ли социологическая сторона учения Карла Маркса совершенного изгнания не только всей опытной психологии с ее экспериментальным отделом, но хотя бы изгнания метода самонаблюдения?

Кружок материалистов 1-го МГУ, поставивший целью непримиримое отстаивание принципиальных положений марксизма, кружок, соединяющий представителей диалектического материализма и притом воинствующего, выпустил в свет свои труды под названием «Медицина и диалектический материализм». Казалось бы, от этого кружка нельзя было ждать пощады интроспективной психологии, однако авторы сборника не обнаружили той узости, которая свойственна многим бихевиористам. Так, мы читаем следующие знаменательные строки (Врач. газ. 1927. № 7):

«Что же касается взглядов самих творцов рефлексологии, то эти взгляды идут вразрез с основными положениями марксизма. Напр., Бехтерев противопоставляет материализму энергетическое мировоззрение, как будто энергия есть нечто отличное от материи в единственно правильном, марксистском смысле этого слова. Павлов страдает безудержным физиологизмом, пытаясь объяснить человеческую деятельность исключительно биологическими моментами. И тот и другой не замечают диалектической природы изучаемых ими нервных процессов. Все это заставляет относиться к трудам основоположников рефлексологии с большею критической осторожностью».

Несколькими строками ниже мы читаем:

«Метод самонаблюдения не должен быть отвергнут. Необходимо только комбинировать его с объективным методом и не выпячивать его на первое место. Творцы рефлексологии совершают крупную ошибку, отвергая его полностью (Павлов) или почти полностью (Бехтерев)».

И наконец:

«При непосредственном же изучении человека рефлексологический метод должен быть усложнен применительно к усложненным функциям взрослого человеческого организма. Здесь он неизбежно выливается в методику современной экспериментальной психологии, которая в свою очередь подлежит основательной марксистской переработке».

Ниже мы укажем, почему учение о поведении не может быть солидаризировано с марксизмом в вопросах общественной или социальной педагогики, а теперь только спросим: если даже с точки зрения врачей – сторонников диалектического материализма метод самонаблюдения не должен быть отвергнут; если творцы учения о поведении совершают крупную ошибку, отвергая его; если, наконец, бихевиоризм выливается в обычную методику экспериментальной психологии, то откуда идет это принуждение отказаться от эмпирической психологии или считать ее этапом? Это было бы правильно, если бы за этим превзойденным этапом шло что-либо действительно новое, а не просящее поминутно подаяний у опытной психологии.

Социальное поведение человека совершенно не имеет ничего общего с тем поведением, о котором говорят бихевиористы. Последние разумеют под ним биологические реакции. Маркс разумеет под социальным поведением далеко иное. «Сущность человека – это вовсе не абстракт, – говорит он, – свойственный отдельному лицу. В своей действительности это есть совокупность всех общественных отношений».

В социальном поведении личности или коллектива интересны и важны не биологические отправления единицы или ряда единиц, а то взаимовпитывание психических особенностей, идущих от аггрегата к личности и от личности к аггрегату. Эти особенности могут трактоваться как элементы социальной психологии; комбинация их, типизация и

коллективное оформление и есть идеология – понятие, никоим образом не сводимое к механике рефлексов, доминантам, торможениям и т. п.

Весьма интересные и важные в этом отношении соображения находим у В. Н. Волошинова в его критическом очерке «Фрейдизм» 1927 г. Автор придерживается строго марксистской точки зрения. «Объективной психологии – говорит автор – угрожает одна серьёзная опасность – впасть в наивный механистический материализм. Эта опасность далеко не так страшна в областях естествознания, изучающих неорганическую природу. Она становится уже более серьёзной в биологии, – в психологии же упрощенно механистический материализм может сыграть прямо роковую роль. Такой уклон в примитивный материализм и связанное с ним чрезвычайное упрощение задач объективной психологии мы замечаем у американских behaviorist'ов и у русских рефлексологов».

По поводу рефлексологического метода В. Н. Волошинов говорит: «Сфера применения этого метода далеко не так широка, как этого хотелось бы некоторым рефлексологам: это один из физиологических методов, одно из разветвлений единого физиологического метода, не больше». Вне эксперимента «рефлексологический метод становится пустой рефлексологической фразеологией»... «Когда основные рефлексологические понятия перестают организовывать эксперимент, а начинают организовывать едва ли не мировоззрение, когда они с чисто спекулятивною легкостью переносятся на области, не поддающиеся никакой лабораторно-экспериментальной обработке, эти понятия утрачивают всякую научную ценность, и с марксизмом такая рефлексология ничего общего не имеет. Оторванный от конкретной экспериментальной методики, аппарат рефлексологических понятий превращается в пустую ничего не говорящую схемку, которую можно применять буквально к чему угодно. Почему бы, например, не истолковать рефлексологически учение Канта: кантовское a priori – это безусловный рефлекторный фонд, a posteriori – условные рефлексы и т. п. Вот Кант и оправдан рефлексологически. Нелепость подобной затеи ясна всякому. Но мы не думаем, чтобы перевод на язык рефлексологии и какой-нибудь чисто психологической теории был работой более продуктивной и благодарной ».

Обозревая работы московского сборника «Проблемы изучения и воспитания ребенка» мы можем с удовлетворением отметить, что работы В. П. Кащенко, Г. В. Мурашова, Е. В. Гурьянова представляют собою исследования, основанные на социологии и на опытной психологии; специфического духа поведенцев в этих статьях не усматривается. Естественное успешное развитие этих исследований и лежит именно в опытной психологии и социологии.

Ни «Программы изучения жизни детского коллектива», ни «Карта учета поведения детского коллектива», ни «Социальный профиль» не могут быть отнесены к продуктам отечественного кустарного бихевиоризма; это – продуманные, основанные на наблюдениях и опыте, данные социолого-психологического и антропологического типа, и ничего не имеют общего с теми работами, которые делаются под «бихевиоризм».

Обратимся теперь к другому сборнику, написанному для педологов. Он называется «Детский коллектив и ребенок» под редакцией А. Залужного и С. Лозинского. Издан сборник в Екатеринославе, но заполнен работами лиц, сотрудничающих в педологических учреждениях Одессы и Харькова.

Авторы сборника рекомендуются редактором С. А. Лозинским так: «Предлагаемые в настоящем сборнике работы являются результатом работ двух кабинетов социальной педагогики – Одесского и Харьковского. В этих работах ясно отражаются, как нам кажется, те методологические искания, которые являются характерными для всей советской педологии, стремящейся выйти из рамок, индивидуализма и психологизма» (стр. 9).

Из дальнейшего ознакомления со сборником следует, что при разрешении проблемы детского коллектива нужно прибегнуть к рефлексологии Бехтерева; что эта рефлексология должна быть дополнена и гармонично согласована с марксистской социологией и что в соответствии с этим должна быть изменена и научная терминология, путем изгнания

традиционной психологической терминологии и самоутверждения новой рефлексологической терминологии.

Посмотрим, в какой степени и как удалось авторам интересного сборника выполнить намеченные ими самими задачи.

Первое утверждение авторов – это что советская педология стремится выйти из рамок индивидуализма и психологизма. Это утверждение справедливо в том случае, если из сферы советской педологии преднамеренно выкинуть все наиболее ценное, выдающееся, талантливое, вызвавшее целый ряд исследований, обсуждений, плодотворных дискуссий. Так, придется выкинуть за борт такие замечательные работы проф. А. П. Болтунова, как «Педагогическая характеристика ребенка», «Трудовая школа в психологическом освещении» или «К вопросу о психологическом изучении ребенка» проф. Е. И. Тихеевой. Образцовый труд А. Е. Петровой «Психологическая классификация личностей», являющийся неоцененным пособием и для врачей, и для юристов, и для педологов, и для психологов, и для педагогов – тоже должен с точки зрения редакторов одесско-харьковского сборника, быть выкинутой за борт советской педологии. Далее, известные работы проф. П. О. Эфрусси «К вопросу о педагогических характеристиках» или проф. М. Я. Басова «Методика психологических наблюдений над детьми», «Педагог и исследовательская работа над детьми» (совместно с Е. Зейлигер, М. Левиной), классическое сочинение С. В. Кравкова «Самонаблюдение», отражающее движение европейской мысли последних лет, «Проблема школ для одаренных» проф. В. М. Экземплярского – все эти лучшие труды современных педагогов, психологов, как насыщенные психологизмом, должны подвергнуться остракизму с точки зрения одесско-харьковских авторов. Но этого мало. Углубленные психологические и психиатрические наблюдения и исследования ученых, работающих в Московской психоневрологич. школе-санатории, отразившиеся в 1-м и 2-м сборниках «Вопросы педологии и детской психоневрологии» тоже никоим образом не должны причисляться к области советской педологии, ибо психологизм Блейлера, Эвальда, Юнга, Кречмера господствует в этих трудах.

Бурное и шумное экспериментально-психологическое течение, нашедшее свое выражение в методах, приемах, тестах, скалах, программах, планах сотрудников Коммунистического университета имени Свердлова – Рудика, Дьякова, Петровского, а также труды Соколова, Нечаева, Россолимо, Шуберт, Стычинского и многих других авторов, давших массу материала именно психологического, – все это тоже, с точки зрения упомянутых авторов, должно быть выметено вон как никуда негодный хлам, ибо, вместо стремления выйти из рамок психологизма, эти ученые всячески углубляют этот психологизм, утончают его, обогащают массою новых идей, точек зрения, направлений... Одновременно со всем этим должна быть отринута и богатейшая переводная психологическая литература позднейших лет и даже гениальнейшее творение наших дней «Психологические типы» Юнга, ибо в этом творении психологизм достигает высочайших вершин... Таким образом, из сферы советской педологии, судя по мнению авторов сборника, придется выкинуть все выдающееся, талантливое, все относящееся к мощному расцвету педологии. Что же останется тогда на долю советской педологии?

Нужно заметить, что редакторы сборника идут гораздо дальше избранного ими как руководителя социологии академика В. М. Бехтерева. Последний все же отмежевывает субъективной психологии особое место, согласует свою теорию с работами вюрцбургских психологов, очень ценит метод Юнга и т. д. Редакторы же сборника убеждены, что психологизм должен быть изгнан бесповоротно.

Посмотрим, как это убеждение проводится авторами сборника на деле.

На правильном пути изучения коллектива, по мнению А. Залужнего, стоит В. М. Бехтерев (см. 24 стр.). Последний и указывает следующий правильный путь: «Коллектив людей, соотносительную деятельность которого изучает коллективная рефлексология, в основе своей всегда имеет связующее нечто, как, напр., общее настроение, общее сосредо-

точение, общее обсуждение, общее решение или постановление и общность или единство цели и действия».

Это определение оперирует понятиями и терминами, всецело имеющимися в старом учебнике психологии Г. И. Челпанова для гимназий. Каждому ясно, что настроение, сосредоточение (т. е. концентрация внимания), обсуждение, решение, стремление к цели – это понятия и термины старой традиционной описательной психологии par excellence. Равным образом эти же понятия и термины присущи обычной житейской и разговорной психологии. Таким образом, поначалу не видно изгнания психологизма.

Сам автор работы А. Залужный, не будучи доволен классификацией В. М. Бехтерева (об этом ниже) говорит: «Ко второму типу относятся коллективы более длительного характера. Этот род самопроизвольного объединения детей по симпатиям мы называем обычно дружбой» (стр. 29). Это классифицирование по признакам симпатии, дружбы – тоже не выходит из рамок традиционного психологизма. Третий автор сборника Тагамлицкая, написавшая хорошую и интересную работу «Дети-вожаки в детских домах города Одессы», дает характеристику вожаков в таком виде: в своей анкете она спрашивает, стоит ли названный воспитанник высоко в умственном отношении, по количеству знаний, по настойчивости и решительности, по инициативе, по моральным качествам (стр. 111). Далее отмечаются удачные идеи, особое настроение, пылкость (стр. 112). Резюме черт разных групп вожаков автор делает такое: положительная волевая установка (решительность, настойчивость, стойкость, энергия, внутренняя дисциплина); хорошо развитая интеллектуальная сфера (находчивость, рассудительность, любознательность, наблюдательность); социально-моральные чувства (правдивость, честность, справедливость, доброта и пр.); далее, самомнение, эгоизм, слабоволие, завистливость, скромность, небольшой ум и т. д. (стр. 120–121). Эти свойства автором описываются, соединяются, анализируются по всем приемам старой традиционной описательной психологии времен Л. М. Лопатина. Ни одного бихевиористского приема мы здесь не нашли.

В работе А. Черкасовой «К вопросу об экспериментальном изучении коллективного творчества детей» автор дает обычный описательный анализ, но каждую обычную в русском языке фразу заменяет рефлексологической. Получается не замена психологического исследования рефлексологическим, а приспособление и замена серии обычных фраз рефлексологической грамматикой. Так, автор рассказывает о совместной самостоятельной работе детей, об их удивлении, смущении, отказе, нерешительности, неуверенности (стр. 140–141), но все эти психические особенности ребенка она называет отрицательным и положительным ориентировочными рефлексами. Иногда автор не выдерживает этой роли постоянного переводчика и просто говорит, что у мальчика Андрея 13 лет «лицо удрученное тяжестью непосильной задачи, тоска и беспомощность в глазах» (стр. 142), т. е. автор пытается путем аналогии представить себе переживания ребенка – прием старой традиционной психологии до-экспериментального периода. Обычные разговоры и беседы детей именуются, конечно, речевыми рефлексами, причем и здесь автор срывается с роли и сплошь и рядом возвращается к обычной естественной человеческой речи. В эти минуты дети у автора говорят, спрашивают, спорят, заявляют, затем... снова начинают сыпать речевыми рефлексами (стр. 142–143). Если девочки более внимательны, автор говорит о большем рефлексе сосредоточения; если они много говорят, – это «доминанта словесного творчества» (стр. 144). Скрытность детей, их замкнутость, их смущение, молчаливость автор называет отрицательными ориентировочными рефлексами, причем этот общий термин покрывает разнородные психологические явления: отказ, смущение, молчаливость, тоску, детскую неловкость, замкнутость и т. п.

Если кто поинтересуется, чем же в рефлексологическом смысле отличаются понятие «тоски» от понятия «смущение», ответа не получится, ибо и то и другое есть отрицательный ориентировочный рефлекс – и только.

Если мальчик Валя нападает на девочку Лиду и говорит: «С этой девочкой сочинять нельзя», – это тоже именуется отрицательным ориентировочным рефлексом. Смущение

Лиды по поводу этого замечания Вали есть тоже отрицательный ориентировочный рефлекс (стр. 178).

Наиболее соответствующей рефлексологической методике является, по-видимому, работа Е. Шевалевой «Опыт коллективной рефлексологии дошкольного возраста». Автор оперирует здесь следующими понятиями: коллективный рефлекс, рефлекс сосредоточения, доминанта, внутреннее торможение, возбуждение и пр. Однако было бы ошибочно думать, что автор произвел подлинное рефлексологическое обследование и выразил его в соответствующих рефлексологических терминах. Прочитав внимательно работу Е. Шевалевой, всякий педолог убедится, что эта работа выполнена путем собирания определенных сведений и результатов наблюдений обычного анкетно-описательного характера, затем эти материалы восприняты и поняты психологически, и, в-третьих, они, как и у А. Черкасовой, переведены на рефлексологический язык. Кроме лингвистической интерпретации описательно-психологического материала в работе Е. Шевалевой специфически-рефлексологического исследования (ни индивидуального, ни коллективного) не усматривается. В работе есть и план, и цель, и статистическая обработка, но все это никоим образом не характерно для рефлексологии как таковой. Напр., схема обследования свободного коллектива касается обычных биографических сведений, затем трудовых процессов коллектива, длительности его, наличности вожаков, порядка выбывания детей, причины распада коллектива и пр. (стр. 69).

Далее идет обычная статистическая сводка, затем наблюдения над активностью детей, под которую подводятся подвижность, инициатива, общительность, т. е. понятия традиционной психологии. Приводимые примеры автор старается изложить рефлексологическим языком, но самые примеры таковы, что они ничего не выигрывают, не проигрывают, какими бы терминами они не излагались. Напр., жил-был пятилетний мальчик С. Его поместили в детский сад. Он сперва долго не хотел играть и заниматься вместе с другими детьми, но прошло 7 месяцев и он стал и играть, и заниматься. Однако дети сперва долго не принимали его к себе, потому что он был невнимателен и шаловлив, пытался ломать игрушки детей и вообще нарушал игры. Но затем он исправился и стал охотно играть. Дети его полюбили.

Вот наблюдение, которое приводит Е. Шевалева. Любая воспитательница любого детского учреждения может привести тысячу таких наблюдений. Однако в стремлении Е. Шевалевой изобразить этот случай в рефлексологическом аспекте получается следующее.

Пятилетний мальчик С. не проявлял в детском саду коллективного рефлекса, но спустя 7 месяцев участие его в коллективно-трудовых процессах вырастает. Однако мало был развит рефлекс сосредоточения. Затем проявлению коллективного рефлекса мешал разрушительный рефлекс. Но прошло некоторое время, и коллективный рефлекс у него дифференцировался и упрочился (стр. 72–73).

Здесь простые несложные факты изложены в терминах рефлексологии и получается иллюзия рефлексологического исследования, весьма, впрочем, призрачная.

Второй пример, взятый нами у Е. Шевалевой, таков.

Жили-были два маленьких щенка. Когда им было по 8 дней, их разделили и положили отдельно на расстоянии 2 аршин. Собачки стали беспокоиться, визжать, вилять хвостами, рваться. Тогда их вновь положили друг возле друга и они успокоились.

В изложении Е. Шевалевой этот незатейливый эпизод излагается со всеми признаками объективно-экспериментального рефлексологического исследования. Автор повествует об этом так: «Произведенные нами наблюдения над щенками показали нам, что у них коллективный рефлекс появляется очень рано. Уже в восьмидневном возрасте щенки, положенные на расстоянии полутора и двух аршин друг от друга, начинают сейчас же сильно возбуждаться, и это возбуждение проявлялось рядом двигательных рефлексов как со стороны конечностей, так и со стороны голосового аппарата, и продолжалось до тех пор, пока щенки снова не приближались друг к другу» (стр. 71).

Но подобным путем можно изложить любой случай. Вот вам пример.

Жил-был у бабушки серенький козлик. Бабушка обнаруживала к нему упроченный рефлекс привязанности. Но козлик выявил двигательный рефлекс, сочетанный с рефлексом свободы, и сделал уклон экзогенного характера: в лес погулять (целевая установка). На козлика напал коллектив волков, окрашенных в серый цвет, и обнаружил ряд разрушительных рефлексов. Козлик избрал своей доминантой серию мимико-соматических и защитно-оборонительно-сочетательных рефлексов, как то: крики, блеянье, копытно-брыкательные рефлексы передних и задних конечностей, усиление моторной реакции в лоно-таранно-подвздошном сочленении, но, несмотря на это, от него остались лишь одни рудименты, как-то рожки да ножки...

В помещенной в том же сборнике работе Д. Г. Элькина «О влиянии коллектива на процессы репродукции» автор, крайне резко и отрицательно отозвавшись о современной экспериментальной психологии, приводит свои опыты на репродукцию, причем выясняется, что в этих опытах он пользуется маленькой модификацией старых опытов Кона на типы памяти: зрительный, слуховой и т. д. В другой работе того же автора «К вопросу об ориентировке ребенка во временных отношениях» экспериментальному исследованию предшествует предварительный опрос детей, которые должны были сообщить свои субъективные показания о самочувствии, продолжительности и характере труда и т. д. В заключение автор подробно разбирает вопрос о разнице концентрации внимания у мальчиков и девочек (стр. 232).

Итак, репродукция и опыты на нее, субъективные показания о самочувствии, исследование концентрации внимания и т. п. все это называется изгнанием психологизма из педологии.

Таким образом, обозревая работы авторов сборника в отношении изгнания психологизма, мы можем сказать, что новейшие психологические методы исследования в их работах действительно отсутствуют, но именно психологизм как смесь остатков традиционной, старо-экспериментальной и житейской обиходной психологии выражен весьма, рельефно, хотя он порою и замаскировывается рефлексологическими терминами.

Второй тезис авторов сборника это рефлексологизация изучения детского коллектива. Разбираются два важных вопроса: 1) классификация коллективов; и 2) слияние бехтеревской рефлексологии с марксистской социологией. Мы уже упоминали, что весь сборник написан в духе стремлений открыть новую эру в педагогике и во главе этой эры ставится учение Бехтерева. Авторы начинают с классификации коллективов, причем им же сразу приходится резко отнестись к классификации того же Бехтерева. По уверению А. Залужного, даже традиционный психолог Мак-Дауголл «занял более объективную позицию», чем Бехтерев. «Бехтерев, – говорит А. Залужный, – недооценивает всю важность этого вопроса для методологии изучения детских коллективов. В основу классификации он кладет не временный и организационный принцип, а общность цели и действия». Разбирая классификацию Бехтерева, автор приходит к тому, что «потеряется всякий смысл установления классификации». Далее идет резкая критика Бехтерева по поводу неудачности определения коллектива по принципу настроения, и в конце концов А. Залужный говорит: «Я хочу только подчеркнуть то, что Бехтеревская классификация по существу не дает точного разграничения коллективов по типам, и тем самым не дает возможности близко подойти к изучению этих типов». В противовес Бехтереву «Мак-Дауголл стоит на более правильном пути, беря в основу классификации степень организованности коллектива».

Заметим, что А. Залужный подчеркивает несостоятельность Бехтерева в таких основных вопросах социологической проблемы коллективов, что трудно предвидеть, каким образом из подобных неверных и несостоятельных (с точки зрения Залужного) предпосылок можно создать истинно научное учение о коллективах. Пойдем далее. Речь идет о рефлексологическом освещении детского коллектива. Казалось бы, что редакторы и авторы, изгнав психологизм, очистили совершенно поле исследования для рефлексологии и для проведения взгляда редакторов, согласно которому человек есть «механизм, дающий

те или другие реакции в зависимости от окружающей его социальной среды» (собственные слова редактора С. Лозинского – стр. 10). И что же? Углубляясь в чтение сборника, мы убеждаемся, что редактор и автор А. Залужный круто повертывается спиной не только к рефлексологии, но и к физиологии и биологии.

«Для того, чтобы сделаться марксистской и научной, педагогика должна при изучении ребенка и детского коллектива исходить из социальной среды, а не из биологических свойств», – говорит А. Залужный на 40 странице. «Законов поведения детского коллектива мы должны искать в социальных законах». Педагогика, рассматривающая ребенка, как биологическое существо, противоречит положениям Маркса. Судя по введению, мы полагали, что авторы стремятся синтезировать биологизм и марксизм, но указанные цитаты скорее говорят об изгнании биологии, а не о равноправном ее сотрудничестве с социологией в изучении ребенка. Автор весьма решительно высказывается, что «современная педагогика знает столько же о законах поведения ребенка и детского коллектива, сколько знали об этом Платон и Аристотель». И во всем этом виноват биологизм, которому, конечно, рефлексология и бихевиоризм несколько сродни. Здесь уже не только сводятся к нулю Вундт, Джемс Мейман, Лай, Стенли Холл, Штерн и прочие выдающиеся психологи и педагоги, но и такие педологи, которые определенно проявили биологический уклон. Правда, автор обещает принять во внимание рефлексологию (см. 42 стр.), но в общем круто поворачивает в сторону социологизма.

Нас в данный момент не столько интересуют личные воззрения автора по данному вопросу, сколько два обстоятельства:

1) редакторы считают наше время временем переходным от традиционной психологии к рефлексологии;

2) рефлексология, которая в глазах авторов является квинтессенцией бихевиоризма вообще, должна солидаризироваться с марксистской социологией.

О том, насколько авторам удалось освободиться от традиционной психологии и о том, насколько работы сборника могут быть причислены к истинно-рефлексологическим работам, мы уже говорили выше. Посмотрим теперь, насколько удачно обстоит дело с солидаризацией рефлексологии и марксистской социологии.

В сущности, редакторы сборника впадают в некоторое противоречие. Изгоняя психологизм и вводя рефлексологизм, они признают биологизм как первооснову, ибо рефлексологизм без биологизма есть nonsens. Но вводя социологизм и изгоняя биологизм, они изгоняют и рефлексологию. Однако будем считать это просто недоразумением и будем верить, что авторы стремятся построить учение о коллективе путем солидаризации рефлексологии с марксистской социологией. В этой плоскости и поведем рассуждение.

При всяком социальном анализе марксистское исследование идет не от личности, а от общества, как целого. Человек рассматривается не как отдельный физиологический человек с его нервной системой, кровообращением, пищеварением, с его рефлексами головного мозга и разрывающимися в последнем процессами торможения, возбуждения, растормаживания и пр., а как общественный человек, живущий в группе других людей и немыслимый вне этой группы. Для понимания общественного человека как такового малоинтересны особенности структуры его мозга, аппарата кровообращения, лимфоотделения и т. п. Наоборот, рефлексологическое исследование обязательно идет от личности, а не от общества. Человек рассматривается именно как физиологический человек со всей его нервной системой, сочетательными рефлексами и всеми процессами в мозговой коре и пр. Вне дискуссии о рефлекторных механизмах никакого рефлексологического подхода и быть не может. Если же при анализе общественных явлений в литературе начинают употреблять теперь рефлексологические термины, то эти термины фигурируют помимо рефлексологического исследования, словесно заменяя рефлексологическую суть. Например, сплошь и рядом употребляют термин «доминанта». В физиологическом смысле доминанта есть очаг наибольшего возбуждения в коре головного мозга. Теперь посмотрите, что из этого физиологического термина делают некоторые авторы. Они отбрасывают от него

специально мозговую локализационную и ирритативную сторону и оставляют лишь в нем идею преобладания, т. е. лишают его естественно-научного значения и награждают чисто психологической характеристикой (вернее даже математической, ибо в идее преобладания, главное, величина, превосходство величин). Эту идею преобладания они вводят в анализ быта, общественных отношений, в анализ социальных ситуаций, забывая, что в этих смыслах доминанта как психологическое понятие о первенстве ничего нового не представляет, ибо в житейской психологии она уже давно употребляется, в иных аналогичных терминах, напр., лейтмотив, первая величина, первая звезда, рекорд, шеф и проч. Такую подстановку (вероятно, бессознательно) проделывают многие авторы, причем искренно верят, что они добросовестно выполняют рефлексологическое обследование. Но это иллюзия. Так и авторы сборника. Напр., они приводят в пример, как дети выбирают одну и ту же вещь – и делают вывод, что это доминанта как рефлексологическое понятие. На самом же деле нет никаких доказательств, что выбор детьми таких-то игрушек есть одновременное отражение скапливания возбуждения в определенном участке коры мозга. Если барышня на балу предпочитает какого-либо кавалера и выбирает его для постоянных танцев; если читатель предпочитает брать из библиотеки Джека Лондона, если зритель предпочитает смотреть пьесу «Гамлет» или слушать оперу «Фауст», то неужели все эти акты последовательного предпочтения суть на самом деле полные соответствия процессам скапливания возбуждений в коре мозга? На это нет никаких доказательств. Но если бы таковые и были, то все равно, это не обогащает ничуть методики исследования, ибо прежние термины «предпочтение», «преобладание» словесно заменяются термином «доминанта», но кроме нового слова самое наблюдение остается примитивно-психологическим. Дети играют, выбирают вещи, затем бросают их и т. п. Здесь нет решительно ничего общего с классической постановкой опытов Павлова, где налицо полный физиологический ансамбль и логическое оформление эксперимента, причем у Павлова вслед за вариацией механических раздражителей наступают определенные секреторные реакции; а здесь дети сознательно выбирают, обнаруживают интерес к вещам, обнаруживают увлечение, радость, удовольствие и т. п. Таким образом, подобный род исследований вряд ли может быть назван рефлексологическим, а лишь пользующимся рефлексологической терминологией в метафорическом смысле. В театральной прессе нам пришлось прочесть, что пьесы из жизни гражданской войны являются доминантой современного репертуара. Всякий согласится, что такое употребление слова «доминанта» вполне уместное, в то же время является метафорическим приемом и ничего общего с физиологической методикой Павлова не имеет.

Итак, рефлексологическое исследование должно обязательно быть связанным с физиологией личности, иначе оно становится фигурально рефлексологическим. Наоборот, социальное явление – это прежде всего социальное отношение в том смысле, что оно есть результат отношений между индивидами не в их изолированном существовании, а в связи с целым и общим, оно есть продукт общественной связи. Рефлексологическое же явление – это прежде всего нечто апеллирующее к физиологическому механизму личности.

Или возьмем, напр., Павловскую концепцию об анализаторе. Это – воспринимающая часть рефлекторной дуги, так как при помощи ее осуществляется познавание феноменов окружающей среды. Анализатор состоит из периферической части, проводящего пути от последней к центру и мозгового конца, где образуется очаг возбуждения. Научность этой концепции пропорциональна анатомо-физиологической стороне ее; вести речь об анализаторе можно, лишь оставаясь в пределах физиологических рассуждений.

Если мы вздумаем эту концепцию перенести в сферу общественной психологии или социологии, у нас получится следующее.

Допустим, что многолюдная аудитория слушает в театре певца. Если описывать эту процедуру псевдорефлексологически, то мы можем сказать так: место оркестра – это периферическая часть; вся аудитория со слушателями – это воспринимающая часть анализатора; т. е. анализатором мы назовем собрание лиц, воспринимающих впечатления из

внешней среды. Такая квалификация аудитории ничего общего не имеет с истинным учением Павлова об анализаторах. Это своеобразное пользование аналогией, которую можно применить ко всему.

Здесь-то и лежит причина заблуждения миссионеров рефлексологии, насаждающих учение Павлова среди «дикарей» педагогического мира. Поскольку эти миссионеры отступают от строго ограниченного театра действий мозговых процессов, совершающихся в организме единой личности и поскольку они переносят динамику этих процессов в совершенно особенный мир социальных феноменов, постольку они впадают в символизм, ибо они делаются жертвой метафорического метода. Единичная личность и даже не личность, а животная особь может исследоваться с громадным успехом вне всякого отношения к другой личности или особи, не говоря уже о целом аггрегате. Исследования Келера над орангутангом, Н. Н. Ладыгиной-Котс над шимпанзе, И. П. Павлова над собаками могут считаться огромным вкладом в науку, но они строго индивидуальны, а не коллективны. Если бы Павлов ввел коллективное исследование собак, то что бы получилось от его плодотворного учения?.. Только на одном виде (по времени исследования) животных (собаке) Павлову удалось открыть целый мир физиологических явлений. Совершенно не то мы видим в социальных явлениях. Социальное явление не может быть понято вне целого, его обусловливающего. Для социального познавания необходима социальная точка зрения; для рефлексологического познавания социальная точка зрения во всяком случае не обязательна. Социальная точка зрения в исследовании социальных отношений отмежевывает метод исторического материализма от индивидуалистических методологий; рефлексологическая точка зрения немыслима вне какой-либо индивидуалистической методологии, вне охвата физиологической механики высшей нервной деятельности единичного организма. Поэтому-то самое сцепление слов «коллективный» и «рефлексология» представляется нам нецелесообразным постольку, поскольку было бы нецелесообразны термины «коллективная эндокринология», «коллективная гематология», «коллективная серология», «коллективная химия головного мозга» и т. п.

К естественно-научным дисциплинам и их подотделам, на наш взгляд, мало применимы термины «социальный», «коллективный». Исключение может касаться лишь таких дисциплин, которые трактуют о массах, напр. социальная профилактика, социальная гигиена и т. п., т. е. когда речь идет об охвате масс в их отношении к внешней среде, а не об организме как объекте лабораторного или клинического изучения. В прессе уже отмечалась нецелесообразность придумывания будто бы новых наук, которые не причисляют себя ни к социологии, ни к психологии народов и в то же время ухитряются сохранить самостоятельность существования; понятно, что таких «коллективных» наук можно придумать многое множество, но все это, конечно, не может быть предметом серьезного обсуждения.

Вторым важнейшим признаком социального явления с точки зрения исторического материализма считается его гетерогенность, т. е. что оно представляет собою выражение или результат противоположных сталкивающихся воль, интересов, желаний. Здесь Марксом устанавливается неразрывная связь социологии как абстрактной дисциплины с эмпирической психологией как областью, формулирующей ингредиенты антагонистического соприкосновения (т. е. воль, интересов, желаний, проявляемых на фоне определенных производственных отношений и учитываемых в смысле классовой психологии). Рефлексология как научная дисциплина отнюдь не апеллирует к этой гетерогенности, ибо она совсем не занята конфликтами общественных групп и совершенно не хочет заниматься анализом воль, интересов, желаний, каковые – с ее точки зрения – как метафизические сущности и не подлежат ведению биологических наук, а заместительные понятия этих метафизических сущностей, если они выработаются, не нуждаются в изучении социальном, раз имеется превосходная индивидуальная сочетательно-рефлекторная лабораторная методика исследования личности. Для социологии типа Маркса – Энгельса – Ленина гетерогенность – самая существенная черта социальности. Она особенно выступает в классовом обществе, особенно типична для социальных явлений, характерных для взаимосоприкос-

новения общественных классов. Для рефлексологии классовая точка зрения совершенно не нужна. Объективизм рефлексологии в социологическом смысле именно нейтрален. Объективизм марксовой социологии тесно связан с активным раздроблением социального материала на два противоположных лагеря с обязательно различными и даже контрастными миросозерцаниями, причем вообще ни Маркс, ни Ленин не признавали никаких нейтральных наук; особенно в сфере обществоведения. Объективный нейтралитет, аполитичность и социальный индефферентизм рефлексологии как естественной науки – это conditio sine qua non всяких предварительных постулатов последней. Когда идет, напр., речь об иррадиации, т. е. распространении возбуждения в коре полушарий, когда говорят об образовании очага возбуждения, захватывающего последовательно ближайшие и более отдаленные окончания нервных волокон, то дело исследования сводится к определенной естественно-научной проблеме, замкнутой в круге материальных процессов, разыгрывающихся в коре мозга; здесь ни при чем ни классы, ни классовая борьба, ни гетерогенность, то сейчас же рефлексологические механизмы теряют свою необходимость и важность, ибо для коллективного анализа важно не то, что вершится внутри мозга личности, а то, что вершится вне обладателя этого мозга.

Идентификация же смыслов рефлексологических понятий с социологическими приведет к явной путанице, которая будет равносильна тому, как если бы мы отожествляли воедино юридическое понятие о конституции как государственно-правовом явлении с понятием о конституции как телесном укладе личности.

Когда, напр., рефлексологи уверяют нас, что любовь есть совокупность особых условных рефлексов, то они тем самым характеризуют лишь анатомо-физилогическую сторону любви как сложного явления, но они совершенно при этом не обрисовывают социальной стороны любви; а если они начинают приступать к этой социальной стороне, они перестают быть рефлексологами и только оперируют рефлексологическими терминами над психологическим материалом. Особенно рельефно обнаруживается заблуждение рефлексологов, когда социологическому анализу должны быть подвергнуты классово-социальные феномены. Иррадиации и концентрации свойственны мозгу и капиталиста и рабочего, – и сцепить эти важнейшие физиологические факты с важнейшими социальными фактами, оставаясь и на почве рефлексологии, и на почве марксистской социологии, совершенно невозможно.

Физиологические законы, управляющие высшей нервной деятельностью, одинаковы для людей всех классов. Наоборот, социальные законы базируются на результате отношений неравенства, разделения труда, социальной неоднородности в обществе с различными групповыми образованиями.

Некоторым пунктом сближения исторического материализма с рефлексологией является, по-видимому, тенденция к объективации, свойственная и первому, и второй.

Исторический материализм постулирует объективацию социального, т. е. существование социального вне индивида и его сознания.

На этом собственно базировалось Зиммелем отсечение социологии от психологии. И, конечно, если соглашаться во всем с Зиммелем, то отсечению должны быть подвергнуты не только индивидуальная психология, но и физиология с рефлексологией.

Однако если рефлексология допускает принципиально существование чего-либо вне сознания, то она никак не может пойти на какую-либо объективацию вне индивида, ибо вся рефлексодинамика и строится и вершится внутри индивида, идет ли речь о безусловных, условных, цепных, следовых рефлексах и т. д. Объективное исследование индивида – это conditio sine qua non всякой рефлексологии. Правда, психические переживания личности как будто бы на первый взгляд не нужны ни историческому материализму, ни рефлексологии. Но глубочайшая разнородность марксистской социологии с учением о рефлексах в том, что социальное в первой отрывается от данного индивида, живет вне всякой личности, не только вне его переживаний, но и вне его органических функций, вне индивидуальной жизни его головного мозга, тогда как рефлексологическое отойти от этой жизни

головного мозга никак не может, ибо самая концепция о рефлексодеятельности предполагает орудование в пределах организма, в пределах нервной системы.

Кроме того, объективация по понятиям исторического материализма воплощается в том или ином виде социального существования (Джемс Коллир называл это социологическими видами). Таковы, напр., государственные законы, право, церковь, товары, театр, моды, костюмы, произведения искусства. Это – все формы надындивидуального существования.

Здесь отвлеченные социально-исторические формы, которые живут, оторвавшись от личности, и уже независимо от нее, сколько бы ранее личность не потрудилась для их оживления. Христианство существовало без Христа; лютеранство без Лютера; марксизм существует без Маркса; ленинизм существует без Ленина как индивидуального творца его.

Постигать конституцию социологических видов посредством теории сочетательно-рефлекторных механизмов, орудующих в коре мозга было бы странной и ненужной натяжкой. До сих нор ни одному социологу не приходило в голову заняться выполнением столь причудливой идеи.

Совершенно искусственной, наконец, была бы тенденция сшивать рефлексологию с исходным пунктом марксистско-социологического анализа, именно с исследованием производительных сил или технических основ развития общества. Примат производственного момента никак нельзя породнить с приматом рефлексологического момента, каковым является условный индифферентный раздражитель, достигающий результатов по принципу сигнализации, временной связи и совпадения. Оба эти примата находятся в разных кругах взаимно-чуждых идей, содержаний и целей. Из вышеизложенного явствует та грандиозная серия различий и в объектах исследования и в методике между рефлексологией и марксистской социологией. То зерно материализма, которое имеется в рефлексологии, отнюдь не может заполнить пропасти, которая лежит между этими двумя дисциплинами. Зерно материализма и даже сплошную насыщенность материализмом можно найти в любой естественнонаучной специальности, будь то ботаника, кристаллография, бактериология, серология, гематология и т. п. В них нет ни тени субъективизма, ни оперирования с сознанием, психическим... И тем не менее эти науки мало имеют отношения к марксистской социологии, ибо направления и предметы их несравнимы и бесконечно отдаленны.

Далее. В своем стремлении превратиться ad maximum в естественную науку и тут же пресечь всякие связи с внутренним миром идей, переживаний хотений личности, рефлексология тем самым отграничивает себя от главного стержня марксистской социологии, именно, проблемы классовой борьбы. Последняя никоим образом не может изучаться через посредство естествознания и его методов исследования. Это проблема исключительно социолого-экономическая. Рефлексология как естественнонаучная дисциплина не знает никакого классового подхода – и нужно много изощренного остроумия и специфической искренности, чтобы сочетать ее с Марксовой концепцией классовой борьбы. Во всех своих смыслах учение о работе больших полушарий является дисциплиной объективно-нейтральной, она не делит рефлекторные механизмы и внешние действия экспериментируемых животных и людей на классовые, пролетарские и буржуазные. Бехтеревский принцип избирательного обобщения относится к процессам в полушариях, независимо от того, кому принадлежат эти полушария: эксплоатируемым или эксплоататорам.

Наоборот, марксистская социология вне дилеммы наемного труда и капитала не может давать анализ общественных явлений.

Рефлексология не может ничего иметь против классовой точки зрения, но и за эту точку зрения ей нечего сказать. Идея классовой экономики и классовой психологии просто ей не нужны. Совершенно иначе обстоит дело в марксистской социологии. Последняя требует предварительного экономического и психологического анализа.

Плеханов резко восставал против тех узких марксистов, которые полагали, что экономика – фактор первейший, главнейший и единственный. Что экономика – фактор пер-

вейший и главнейший – это правильно. Но что она – единственный фактор – это отнюдь не проистекает из марксизма. Напр., по поводу искусства Плеханов указал, что в первобытном обществе, лишенном классов, действительно господствует одна экономика, но в обществе, разделенном на классы, непосредственное влияние хозяйственной деятельности на идеологию становится гораздо менее заметным. «Если, напр., – говорит Плеханов, – один из видов пляски у австралийской женщины туземки воспроизводит работу собирания ею кореньев, то само собою разумеется, что ни один из тех изящных танцев, которыми развлекались, напр., французские светские дамы XVIII века, не мог быть изображением производительного труда этих дам, ибо никаким производительным трудом они не занимались... Тут нам приходится иметь дело с танцем, выражающим собою психологию непроизводительного класса. Психологиею этого рода обгоняется огромное большинство «обычаев и приличий» так наз. порядочного общества. Стало быть, экономический фактор уступает здесь место психологическому» (Осн. вопр. марксизма. Стр. 63–64).

Итак, в классовом обществе можно говорить о влиянии на нравы, искусство, идеологию классовой психологии. Сама эта психология, конечно, зависит от экономики, но опосредствованно она обусловливает идеологию.

Таким образом, марксистско-социологическая схема устанавливает:

1) первичный фактор – экономика;

2) экономика определяет общественную психологию;

3) общественная психология обусловливает идеологию;

4) идеология определяет поведение человеческих групп.

Посмотрим теперь, насколько этой схеме соответствует рефлексологическая схема:

1) первичный фактор – сочетательно-рефлекторная деятельность;

2) эта деятельность личности выражается «только внешними особенностями действий человека, его мимики и жестов, голоса и речи как связной совокупности знаков, в соотношении с теми внешними физическими, биологическими и в особенности социальными, а также и внутренними воздействиями в настоящем и прошлом, которые их обусловливают» (Бехтерев. Общ. осн. рефл. чел. Стр. 11);

3) это дает основание «к применению такого же метода к общественной жизни человека» (стр. 7);

4) поведение личности и общества обусловливается сочетательно-рефлекторными механизмами, работающими в коре головного мозга личности или совокупности личностей.

Если внимательно сопоставить две эти схемы, то можно убедиться, что для проведения на деле рефлексологической схемы необходимо совершенно разрушить схему Маркса – Энгельса, до того они ярко различны.

И, действительно, в живой практике жизни ясно выступает разница в марксистско-социологическом подходе и в рефлексологическом.

Допустим, что нам нужно произвести обследование какого-либо общественного момента или эпизода из жизни коллектива. Напр., нам нужно осветить следующий вопрос: «Борьба фабричного коллектива за нормальный рабочий день при капитализме». Здесь нам нужно будет определить поведение коллектива, поступки этого коллектива и стимулы, определяющие эти поступки.

У нас могут быть здесь три подхода:

1) рефлексологический как таковой;

2) марксистско-социологический;

3) метафорически-рефлексологический.

Непосредственное применение первого подхода заключалось бы в последовательном изучении мимики, жестов, голоса каждого рабочего, поскольку эти проявления варьировались бы в течение всего эпизода.

Если последний продолжался бы год и охватывал собою тысячу рабочих, то можно себе представить положение исследователя. Но даже если бы эта нечеловеческая работа и

увенчалась успехом, то мы никак не могли бы понять, почему выявленные рабочими мимика, голос, жесты обязательно должны быть отнесены именно к эпизоду борьбы за рабочий день при капитализме.

Исследование данной проблемы по марксистско-социологическому методу будет таково. Прежде всего устанавливаются нормы количественных колебаний рабочего дня, который не может достигнуть ни максимального предела (24 часа), вследствие физической невозможности, ни опуститься до уровня необходимого рабочего времени, ибо при таком уровне отсутствовали бы условия прибавочного труда, этого необходимого ингредиента капиталистического хозяйства.

Колебательная позиция уровня рабочего дня с неуклонным давлением кверху со стороны предпринимательского класса вызывает в рабочем коллективе психическую реакцию сопротивления, противодействия, борьбы. Ум рабочего стремится постигнуть пути выхода из тягостного положения; чувства рабочего, базируясь на страдании, формируются в плоскости гнева, негодования, возмущения; воля рабочего проявляется в стремлении к борьбе – экономической, политической, революционной, дабы сбросить давление вкоренившегося факта прибавочной стоимости как рычага экономического порабощения. Испытывая единство в осознании, восприятии и усвоении объективных отношений наемного труда и капитала, схватываясь единообразием переживаний, однородностью эмоций, рабочие массы устремляются к единству действий. В данном примере социальная психология массы, выросшая на определенной производственной конъюнктуре исторического момента развития предпринимательского капитала, насыщает рабочий коллектив именно той прибавочной энергией массы, о которой говорит Л. И. Войтолойский. Вопреки рефлексологии, путь здесь идет от масс, к личности, тогда как, по Бехтереву, «коллективная рефлексология в отношении своего метода должна идти по стопам рефлексологии отдельной личности» (Коллект. рефлексология. Стр. 53). Ясно, что сам Бехтерев противопоставляет свой метод марксистско-социологическому, как нечто диаметрально противоположное. Эта противоположность усугубляется еще тем, что самый исход от личности он разумеет не как предел насыщения социальным содержанием, а как нервно-физиологическую физиономию организма, выражением которой является данная личность.

«Метод объективно-биосоциологического наблюдения, – говорит Бехтерев, – есть возможно полный внешний учет наблюдателем высших и низших рефлексов и вообще всех физиологических проявлений сторонней личности в соотношении с внешними текущими и прошлыми воздействиями» (Рефлекс настораживания или подготовки. Совр. психоневр. 1926. № 4. Стр. 236).

Каждому ясно, как социологическое здесь вкраплено, как частица, в общий внешний учет всяких рефлексов и физиологических проявлений, так что о гармонии и солидаризации с марксизмом едва ли можно здесь говорить. Здесь можно говорить лишь о замене исторического материализма рефлексологической философией.

Как же мы рефлексологически можем дифференцировать два антагонистических в социальном смысле коллектива? И рабочие, и капиталисты подчинены законам сочетательно-рефлекторной деятельности. И у рабочих, и у капиталистов условные рефлексы то возникают, то затормаживаются, то растормаживаются. И у рабочих, и у фабрикантов проявляются и коллективные и разрушительные рефлексы. И у тех и у других имеются доминанты, цепные рефлексы. С точки зрения лабораторного изучения факт социальной, классовой принадлежности безразличен; политическая направленность личности тоже безразлична. Строго объективный лабораторный анализ организмов не интересуется субъективными миросозерцаниями, переживаниями и целевыми устремлениями двух социально-экономически различных лагерей-коллективов. Наоборот, социальная психология как последовательный учет всех психических данных, всех марксовых отражений, надстроек, идеологических форм, вырастающих на почве классовой борьбы, дает возможность установить объективно мир коллективных восприятий, мир усвоений, суждений, взглядов, вы-

водов; мир коллективных эмоций, мир хотений, классовых чаяний, намерений, решений. И это есть настоящая объективная психология в том смысле, как ее понимает, напр., Хозе Инхенерос. Общественному психологу, равно как и марксисту-социологу, не столь важно знать, какие тончайшие неврофибриллярные сети, охватывающие ганглиозные клетки мозга, привели обладателя этого мозга к каким-то интеллектуальным выводам. Ему важно выявить, какие экономические и социальные стимулы выработали определенную психологическую физиономию, т. е. идеологию эксплоатируемых и эксплоатирующих. Социальный психолог аппелирует к классовой борьбе как к стержню, который поворачивает туда и сюда психологию массы и личности.

Рефлексология же стремится отвлечь внимание исследователя от этого стержня и привлечь его к лаборатории, к электроаппарату, где вдали от общественной борьбы коллективов, спокойно изучается физиологическая жизнь человека, собаки, кролика, морской свинки. Все это, конечно, нужно, полезно, похвально, но все это не есть ни психология личности, ни социальная психология коллектива. Все это есть физиология нервной системы – область почтенная и нужная, но не могущая по самой своей сути стать на место психологии и социологии. Маркс и Энгельс испытывали глубочайший интерес к физиологии (см. их переписку), но одновременно с этим они не упраздняли социологии и психологии, ибо если бы они это сделали, то человечество не получило бы ни «Капитала», ни «Нищеты философии», ни «Научного социализма»; эти труды не только экономические.

Детский коллектив как объект исследования является уделом социологии. При изучении его придется изучать и его идеологию, поскольку, конечно, идеология может выявляться в примитивных образованиях и организациях.

Но что такое идеология? Мы ее понимаем так. На определенной стадии исторического развития при господстве какого-либо общественного строя, возникшего в данной форме вследствие доминирования определенного способа производства, возникает определенное миросозерцание данного аггрегата. В состав этого миросозерцания входят господствующие представления и идеи об окружающем мире, об общественных отношениях, праве, морали, культуре, искусстве; эти идеи выливаются в известные суждения и выводы. Проведение их в жизнь сопровождается определенными эмоциями – дружбы, симпатии, антипатии; чувственный тон окрашивает поступки, побуждения. Наконец, все эти идеи и эмоции завершаются стремлениями, намерениями, готовностью действовать.

Когда представления, идеи, суждения, понятия, выводы, эмоции, стремления, намерения, решения синтезируются в целый ряд сводных взглядов, воззрений и убеждений на природу, мир, психику, общественные, политические, правовые, семейные и иные отношения, причем они становятся характерными для преобладающего большинства данного аггрегата (будь то первобытная община или обществ, класс поздних эпох), то мы вправе такое сводное преобладающее миросозерцание большинства назвать идеологией.

Из этого явствует, что идеология – понятие социолого-психологическое; это абстрактное понятие, получаемое путем отвлечения от экономических, социальных и психологических отношений аггрегата в данный исторический период времени. Идеология немыслима без экономической подоплеки, без опоры на какой-либо момент в росте производительных сил; она сопровождает, как отраженная тень, слагающуюся в своем развитии коллективную психику агрегата, каковая в свою очередь сопровождает как тень устанавливающиеся производственные отношения и техническую ситуацию данного периода. Судьба больших полушарий головного мозга человека, обезьяны, собаки, морской свинки и проч. ни в какой мере не входит в круг основных понятий идеологии. Столкнувшись в общей согласительной точке материалистического понимания природы, физиология и социальная психология расходятся из этого пункта по разным дорогам. Первая уходит в глубь лабораторий, аппаратов, микроскопов и погружается в исследование жизни тканей; вторая идет в общественную жизнь и, руководимая экономическими вехами, концентрируется на исследовании групп, классов, обществ. Таким образом, стремление рефлексологии подвести себя под протекторат марксистской социологии допустимо только в

упомянутой точке схождения материалистического понимания, а дальше это пользование протекторатом научно неправомерно.

Напр., по поводу взгляда, что характер русского народа диалектичен вследствие замораживания крови, проф. М. Н. Покровский говорит, что дело здесь не в замораживании крови, а «в необычайной отсталости народного хозяйства с одной стороны и чрезвычайно быстром росте капитализма в России с другой... Это создавало резкие контрасты»... (Ефимов, 18). Таким образом, внешнее, в понимании марксистской социологии это отнюдь не то, что является внешним в понимании рефлексологов (мимика, жесты и пр.).

На 407 стр. «Общих основ» говорится, что рефлексология является базисом для социологии, а Маркс, Ленин, Энгельс, Плеханов учат, что и сама-то рефлексология как часть естественно-научного изучения природы человека познается в ее генезисе лишь при помощи социологии как устанавливающей особые закономерности, подчиняющие себе ход общественного развития.

Принципы исследования собраний и сборищ, по данным рефлексологии, таковы:

1) Необходимо исследование соотношения организма с окружающей средой путем строго объективного наблюдения и опыта (Колл. рефл. Стр. 47).

2) Устранение показаний самосознания.

3) Рассмотрение человека с внешней стороны.

4) Подведение всех внешних проявлений личности под схему развития сочетательных рефлексов.

5) Определение доминант.

Позднее к пункту 3-му присоединены и «внутренние раздражения», чем ослабляется значение 2-го пункта.

«Такое исследование, – говорится на стр. 196 «Общ. осн. рефлекс, чел.», – хотя и осуществимо, но в большинстве случаев затрудняется тем, что нелегко иметь достаточно полные и точные сведения о прошлом того или другого лица, да и вообще все поводы к действиям взрослой личности в отдельных случаях трудно поддаются учету, но все же это возможно».

Итак, из сопоставления точек зрения рефлексологической и социологической проистекает, что той солидарности, о которой говорят нам некоторые наши учителя-педологи, к сожалению, между ними не усматривается и сама проблема чисто рефлексологического исследования детских коллективов представляется неясной.

Естественно поэтому обратиться к социологическому исследованию детского коллектива. В данном случае ученикам-педологам, особенно врачам, придется оперировать с дисциплиной, которая на медицинских факультетах совершенно не преподается, и пользование которой поэтому должно отличаться сугубой осторожностью. Нельзя на веру принять марксистскую социологию; нужно ознакомиться с тем, как эта марксистская социология утвердилась после целого ряда сражений с буржузной социологией и, в частности, после целого периода борьбы с субъективной социологией, являвшейся стержнем критического народничества во главе с Н. К. Михайловским.

Итак, что же это за наука социология?

Мы отнюдь не намерены выступить в несвойственной нам роли социолога и нижеследующее приводим лишь с единственной целью показать, что нам, ученикам-педологам, выступающим в качестве исследователей коллективных агломератов, следует предварительно ознакомиться с постановкою социологических проблем.

Огюст Конт под социологией или социальной физикой понимал науку об обществе, изучающую общественные явления и устанавливающую законы отношений между этими явлениями. Социология разделяется на две части: социальную статику и социальную динамику. Первая устанавливает постоянное сосуществование явлений, вторая определяет последовательность общественных явлений.

Спенсер стремится построить науку об обществе с точки зрения эволюции, а потому его социология носит внешний искусственный вид естествознания. Общество рассматривается по аналогии с организмом.

Шефлэ и Лилиенфельд являются продолжателями направления Спенсера. К ним же примкнули Фуллье, Вормс, Изуле.

Противниками этой школы явились Лестер Уорд, указавший, что спенсеровская школа не учитывает роли сознательных факторов, и Н. К. Михайловский. Последний доказывал, что нельзя огульно применять принципы естествознания к социологии.

Лестер Уорд совместно с Гиддингсом (оба американцы) являются представителями психологического направления в социологии; к ним примыкает итальянский социолог Сигеле. Согласно этой школе, нельзя называть всякое сборище людей, находящихся в физическом соприкосновении, словом «общество». Для того чтобы назвать таковое обществом, необходимо сознание общности, когда лица, входящие в общество, понимают свою связь, чувствуют ее, желают ее. Это основной психический факт, без которого общество немыслимо. (Гиддингс называет это сознанием рода; впоследствии Маркс конкретнее определил сознание класса, т. е. классовое самосознание.)

Наконец, согласно учению французского социолога Габриэля Тарда, общество организуется в зависимости от особого фактора: взаимоподражания его сочленов. Тард пытался исчерпать феноменом подражания все основы и сущность общественности.

В противовес школе психологов германский социолог Георг Зиммель полагал, что понятие об обществе имеет смысл только в том случае, если общество так или иначе противополагается простой сумме отдельных людей. То особенное, что наблюдается в общественности и что выходит за пределы проявления отдельных личностей – это взаимодействие частей. Поэтому общество, по Зиммелю, есть сумма взаимодействий между отдельными людьми или группами лиц.

Наконец, представители материалистического направления Маркс и Энгельс дают объяснение общественным явлениям в зависимости от действия экономических факторов. Подробную разработку этого тезиса сделали Меринг, Лориа, Плеханов, Лакомб.

Таков общий бледный силуэт истории социологии. Крупнейшие представители этих школ ведут длительные споры но поводу основных вопросов социологии – и понятно, что для того, чтобы примкнуть к какому-либо из этих направлений, необходимо весьма тщательно проштудировать главные труды, а не выбрать наугад или по чужой указке какое-либо из этих течений.

Возьмем, напр., тот вопрос, о котором трактуют одесско-харьковские педологи: об изгнании психологизма из сферы изучения детских коллективов. В теоретической части этот вопрос является вопросом об участии психологии в социологии и о возможном изгнании первой из последней. Авторы сборника решают этот вопрос без всяких дискуссий: постановили и изгнали психологию. Но в научном мире такие вопросы не решаются с такой простотой и категоричностью. Оказывается, что этому вопросу посвящены целые труды. Прежде всего основательному анализу подверг этот вопрос Е. В. Де-Роберти в своей работе «Социология и психология» 1914 г. Он примыкает к школе неопозитивистов, согласно воззрениям которых «не одни лишь внешние перемены в отношениях между людьми, соединенными узами общественности, не одни их поступки, не одно их поведение составляют предметы изучения социолога, но в равной – чтобы не сказать значительно большей – мере, и глубокие причины этих перемен, этих действий, этого поведения... Из биосоциальной гипотезы неопозитивизма вытекает логическое заключение, в силу которого конкретные психологические факты и процессы составляют нераздельное достояние, condominium, и отвлеченной социологии и конкретной психологии...

Социологу пришлось бы покорно сложить оружие и навсегда отказаться от честолюбивой мечты завоевать своей науке сколько-нибудь равное положение с ее старшими сестрами – биологией, химией и физикой, уже не говоря о механике и математике, если б

ему был отрезан доступ к конкретным психологическим фактам, предмету наблюдения и описания психологического (а также исторического), эмпирического знания».

Д. Драгическо подвергает этот же вопрос с точки зрения фактических условий появления сознания и отрицательно относится к идее возникновения сознания в физической среде.

Мы лишены возможности останавливаться на литературе этого вопроса и приводим эти данные лишь для того, чтобы показать, что вопрос о признании или изъятии психологии из пределов социологии не может решаться так просто, как это делают редакторы одесско-харьковского сборника.

Итак, мыслима ли советская педология без тех требований, которые к ней предъявляют Залужный, Лозинский и им подобные авторы, т. е. без требований изгнания психологизма?

На это отвечает сама советская педология рядом изданий, разрабатывающих многоразличные проблемы вне касательства рефлексологических задач и методов.

Возьмем, напр., интереснейшую работу М. Бернштейна и А. Гельмонт «Наша современность и дети» (Педологическое исследование о социальных представлениях, современных школьников Госуд. изд. 1926 г.). Авторы справедливо указывают, что Павлов, Бехтерев и их ученики суть и остаются естествоиспытателями, биологами в широком смысле этого слова. Так наз. психические процессы интересуют их с биолого-механической, функциональной стороны... Но психические явления имеют... еще... известное содержание («смыслы», «образы», «комплексы»), которое по самому своему существу является социогенным».

«Самая непосредственная и тесная увязка марксизма с психологией, как наукой о поведении человека, мыслится, как раз, в этой части психологии – в изучении идеологии»...

«Непосредственной связи между социологией марксизма и объективной психологией (т. е. учением о рефлексах) нет и быть не может» (цитата, приводимая авторами из книги «Очередное извращение марксизма»).

Изучая «идеологию» ребенка, авторы изучают содержание сознания, представления, понятия, стремления ребенка, т. е. работают как представители опытной психологии.

Итак, если признать правильною мысль, что поведение человека есть главным образом общественное поведение его, то апелляция к социальной психологии и социологии является неизбежной. Таким образом, изучение педологами социологии в целях приложения ее положений к анализу детских коллективов является необходимым. Вопрос же о приемлемости или изгнании данных опытной психологии из пределов социологии должен решаться не путем циркулярного постановления, а путем тщательного расследования задачи, насколько абстрактно-социологический анализ может оказаться практически целесообразным в проблеме развития учения о коллективах. Применяясь же к принципам марксистской социологии, педолог убедится, что ему придется иметь дело с идеологией классов, умонастроением общественных групп, психической активностью массы, волею пролетариата, слиянием революционных переживаний вождей и рабочих слоев и т. п. Все эти факты едва ли будут свидетельствовать о том, что изучение социальных образований без участия опытной психологии будет успешным.

Что касается детских коллективов, то смысл тех или иных изменений в жизни последних будет для нас понятен тогда, когда мы, учитывая факты внешнего поведения, не будем также проходить мимо того, что проф. А. П. Болтунов называет внутренним поведением.

Игнорируя это внутреннее поведение ребенка, педолог попросту превращается в обычного соматика, регистрирующего внешнее телесное движение ребенка без его логического осмышления.

В литературе уже отмечалась крайняя недостаточность такого подхода к ребенку, об этом писали и С. В. Кравков и П. О. Эфруси. Последняя подвергла анализу работы подоб-

ного подхода к ребенку и нашла, что «интроспекция в трудах по объективной психологии проводится, но проводится не в новой экспериментальной форме, с соблюдением правил, обеспечивающих получение точных данных, а в наиболее несовершенной устаревшей форме опроса, без какого-либо учета или элиминирования многочисленных источников ошибок... На основании опроса и подсчета путем полученного голосования ответов испытуемых без всякой критической проверки и психологического анализа этих объективных данных делаются выводы относительно сложных вопросов социальной психологии»... (П. О. Эфруси. Успехи психологии в России. 1925. Стр. 25).

То, что справедливо и четко отмечено С. В. Кравковым и П. О. Эфруси, развито в блестящую критическую систему проф. А. П. Болтуновым, и на этой критике мы остановимся поподробнее, так как она дает ключ к разоблачению «психологической науки только о внешнем поведении».

А. И. Болтунов прежде всего ярко демонстрирует неразрывность связи между внешним и внутренним поведением. Он останавливается на известном опыте с концентрацией внимания (текст с вычеркиванием нескольких букв). Легко подсчитать, какое количество букв просматривает испытуемый в единицу времени, сколько он делает пропусков и ошибок при вычеркивании, а след., легко учесть среднюю производительность его труда за единицу времени и изменения этой производительности от начала до конца работы.

Испытуемые разрешают данную им задачу далеко не одинаково. Один стремятся к быстроте действия, другие к аккуратности; одни обращают главное внимание на подлежащие вычеркиванию буквы, выделяя их из быстро пробегаемых глазами строчек, что оберегает от пропусков, но не от ошибочного вычеркивания букв, сходных с заданными; другие озабочены тем, как бы не зачеркнуть лишнюю букву, почему не делают ошибок, но нередко допускают пропуски. Одни читают текст но буквам, другие целыми словами; одни схватывают привычный комплекс букв, другие смысл читаемых слов; третьи стремятся понять смысл целых предложений и даже смысл текста в целом; четвертые присоединяют эмоциональное отношение к тексту; одни утомлены, другие возбуждены, третьи спокойны и т. д. Таким образом, внешнее наблюдение оказывается обманчивым: «внешне простая и, по-видимому, однородная для всех испытуемых деятельность по своему внутреннему составу очень сложна и у каждой отдельной личности своеобразна.

Допустимо ли в таком случае делать окончательные выводы о характерных особенностях личности на основании одних только внешних данных: количества просмотренных и пропущенных при вычеркивании, а также ошибочно вычеркнутых букв? Наши выводы будут надежно обоснованы только в том случае, если мы сумеем в данных внешнего поведения грамотно прочитать степень влияния каждого из тех факторов, которые во всей совокупности определяют эти данные» (Педагогическая характеристика ребенка. Стр. 9). Разбирая по поводу этого метода выводы, полученные путем ограничения внешними данными, свободными от функциональных истолкований. А. П. Болтунов говорит: «Отчего происходит это недоразумение при чисто внешнем подходе к разрешению проблемы человеческого поведения? Оттого, что в своих принципиальных основах это направление психологической теории обессмысливает человеческое поведение, а поэтому, естественно, в итоге подобных слишком «объективных» исследований приводит к бессмысленным выводам. Если ограничиваться лишь фактами внешнего поведения, не видеть за ними никакой внутренней, в частности, сознательной деятельности, то придется отказать себе в праве утверждать что-нибудь большее, чем полученные внешние фактические данные» (стр. 32).

Подобный квазиобъективный и квазинаучный «способ упрощения научно-психологических исследований должен быть отвергнут самым решительным образом» (стр. 23).

Это «объективное упрощение», в сущности, основано на незнакомстве с элементарными психическими явлениями. Когда исследователь дает испытуемому ребенку контурный рисунок домика, причем этот рисунок состоит из 6 линий в 3 сантиметра каждая и из

8 линий в 1 сантиметр каждая, то обычно и поведенцы, и рефлексологи отмечают как объективный факт словесного отчета, если ребенок называет этот рисунок словом «домик». Разумеется, здесь поведенцы и рефлексологи попадают в ловушку. Ответ ребенка будет обеъктивным лишь тогда, когда он скажет, что видит 14 линий: 6 больших и 8 малых. Если же ребенок сразу называет контурный рисунок в 14 линий домиком, то здесь работает субъективная сторона восприятия, т. е. апперцепция, т. е. определяемость нашего восприятия ранее бывшими состояниями сознания, стянутыми в данный момент и сливающимися с данным объективным восприятием. И если поведенец отмечает, что ребенок ответил словом «домик» и что этот ответ есть объективная реакция, речевой рефлекс, полученный объективным методом словесного отчета, то такой поведенец расписывается в собственной научной несостоятельности. Ребенок извлекает из запасов образов своего прошлого образ домика, и этот возникший моментально поток воспроизведенных представлений частей домика сливается с контурным изображением 14 линий, которые напоминают ему ранее виденный, ранее воспринятый, ранее запомненный и только теперь воспроизведенный образ домика.

Таким образом, контурный рисунок в 14 линий является для него намеком, поводом к целому ряду быстро протекающих психических актов. Весь центр тяжести здесь в субъективных ранее бывших содержаниях сознания, которые приплывают к данной перцепции. Поведенцы этого не замечают и воображают, что здесь дело идет об объективном материале. Они и сами ошибаются и неверно оценивают данные своего эксперимента и не понимают, что именно происходит в мыслительном аппарате ребенка.

Разумеется, с точки зрения физиологии полушарий можно сказать, что в основе такого вызова старых содержаний сознания лежит процесс образования сложных рефлексов; что при действии комплексного раздражителя один из признаков является доминантным, а на нем вырабатываются условные рефлексы, но все это относится к гипотезам физиологического типа, а не к непосредственной экспериментальной психологии ребенка.

Таким образом, указанный простейший эксперимент с рисунком домика и то доказывает, что при самом простом наблюдении должны во внимание приниматься и данные внешнего, и данные внутреннего поведения, если только можно признать удачным замену термина «апперцепция» термином «внутреннее поведение».

Совершенно правильно говорит проф. А. П. Болтунов: «Наблюдение даже простого предмета не есть фотографирование ею посредством органов чувств, – личный момент входит в него неотъемлемой составной частью и даже может преобладать над моментом предметным» (стр. 93).

А раз это так, то никогда наука о «внутреннем поведении», т. е. опытная психология, не сможет уступить место учению о «внешнем поведении», а тот, кто пойдет только по пути изучения внешнего поведения, тот – по энергичному выражению В. П. Кащенко – и будет прикрывателем своего грубого невежества.

«Что, однако, понимать под объективностью, – спрашивает проф. Болтунов, – фотографическое фиксирование действительности, свободное от какого бы то ни было личного момента, или же что-то другое? – Мы уже отмечали неотъемлемость актов внимания, ассоциирования, анализа, синтеза и суждения от всякого наблюдения, если последнее законно так называется». «Чувственные данные дополняются еще в большем числе образами, содержаниями «прежних восприятий» (стр. 96).

«Объективная» гипотеза сводит объективизм только к работе органов чувств. Для нее объективно лишь то, что человек видит, слышит, осязает. То же, что надо понять, осмыслить, сравнить, разложить, объединить – это все будто бы необъективно, ибо во внешних поверхностных фактах этого не имеется. Задачей внешне-поведенца является именно вытравить у исследователя эти оперативные акты интеллекта и оставить одни органы чувств. Понятно, что научная психология ничего общего не имеет с этим поверхностным и старомодным сенсуализмом. Научное наблюдение заключается не в том, как говорит А. П. Болтунов, «чтобы вытравить у наблюдателя личный момент и тем самым из

мыслящей личности превратить его в фотографическую пластинку, а в том, чтобы выработать навыки к координированию моментов личного и предметного, а тем самым выработать навыки к экономному, но в то же время полному и точному восприятию действительности» (стр. 96).

Что касается детей, то как раз А. П. Болтунов находит возможным применение истолкований и догадок, особенно находящих свое подтверждение post factum.

«Именно потому, что благодаря... непосредственной выразительности детской речи устраняется опасность различных истолкований, показания наблюдателей могут быть свободны от данных истолкования без ущерба для дела, но ни в какой мере не потому, что в функциональных истолкованиях нет никакой необходимости, и не потому, что автор показаний может сам обойтись в процессе наблюдения без догадок относительно смысла происходящих пред его глазами явлений... Догадки мы считаем вполне допустимыми, ничуть не нарушающими общего стиля объективности в показаниях, так как они вполне гармонируют с обстоятельно зарегистрированными фактами внешнего поведения… Подобные догадки мы считаем во многих случаях неизбежными, так как в нашем распоряжении – по крайней мере в настоящее время – нет еще общепризнанных форм внешнего поведения, однозначно связанных с различными степенями и формами напряженности, обдуманности, самостоятельности, общественности и эстетизма в поведении»... (ср. 101–103).

Итак, теория наблюдения только внешнего поведения без истолкования внутреннего смысла последнего, т. е. теория псевдообъективная, является совершенно несостоятельной и ненаучной как стремящаяся обойти внутренний смысл детского поведения и довольствоваться хаотической никчемной пестротой внешних признаков. Для бихевиориста поведение ребенка есть цепь беспричинных и бездельных внешних движений без учета побуждений.

Когда рефлексологи и поведенцы апеллируют к внешней среде как основе поведения ребенка, они как раз пропускают главнейший фактор этого поведения, именно то, что внешняя среда является источником побуждений детского поведения, тем более определяющим формы этого поведения, чем моложе ребенок.

«Ребенок безъязычного периода – существо чувственно-двигательное, т. е. внешние и внутренне, органические побуждения (стимулы) непосредственно определяют его движения (реакции): у ребенка этого возраста нет еще достаточно личного опыта, который мог бы видоизменить стимулирующее влияние среды. По мере того, как этот опыт накапливается и формальные способности к переработке внешних впечатлений развиваются, внешние действия перестают быть реакциями (ответными движениями) в собственном смысле этого слова, они нередко бывают связаны с побуждениями лишь косвенно: через внутреннее поведение, играющее тем большую роль, чем более зрелой сделалась личность ребенка» (стр. 100).

Вот что пропускают рефлексологи, и вот в чем их несостоятельность: они искажают подлинную естественную объективиую цепь факторов, умышленно выпуская внутренние стимулы в угоду пристрастно-субъективной игре в объективизм.

Далее, учение о внешнем поведении весьма грешит против дарвинизма. Оно именно не принимает во внимание эволютивного характера детского поведения, когда оно для всякого детского возраста применяет однообразно-гуртовой принцип изучения только внешнего поведения.

«В составе детского поведения, – говорит А. П. Болтунов, – даже в возрасте дошкольном наряду с рефлекторными и инстинктивными реакциями мы найдем в большом количестве также реакции привычные и обдуманные, а следовательно, наряду со случаями прямой связи между стимулом и реакцией нередко встретим и случаи связи отдаленной и даже случаи, где такую связь можно только предполагать, но невозможно с уверенностью установить» (см. стр. 113 и особенно пример 55-й с красным яйцом). Поведенцы связывают поведение любого ребенка только с пассивным вниманием и не считаются с учетом

накопленного ребенком опыта, а последний не учитывается простым глазом или одним только «здравым смыслом» (стр. 114).

Итак, при изучении поведения ребенка нельзя полагаться только на органы чувств наблюдателя (как это делают рефлексологи и поведенцы), а нужно считаться и с мыслительным аппаратом наблюдателя. Глаза, уха и носа недостаточно, чтобы обладатель их был назван педагогом. Нужно понять задачу наблюдения, суметь отобрать стимулы, внести в наблюдение дух обоснованной критики и исследовательской пытливости, ибо каждый акт детского поведения есть процесс, иногда процесс длительный... (см. стр. 117).

Далее, прямо ставится вопрос: возможно ли истолкование детского поведения для взрослого наблюдателя, структура сознательных действий которого совсем иная, чем у ребенка?

А. П. Болтунов отвечает на этот вопрос так: «Такой знаток законов развития детского сознания, как Штерн, утверждает, что душевная жизнь ребенка раннего возраста «в известном смысле для нас навеки потерянный рай», а рефлексологи готовы похоронить по первому разряду всякие попытки проникнуть во внутреннюю структуру детского поведения. Что касается Штерна, то в его утверждении есть ограничение «в известном смысле», и за ним следует разъяснение, которого некоторые сокрушители субъективизма почему-то не замечают: «Вполне, без остатка вчувствоваться в особенные свойства и структуру детской души нам, взрослым, уж не удастся».

Совершенно ясно, что Штерн имеет в виду описательное, мы же имеем в виду функциональное истолкование. Что же касается рефлексологов, то их объективизм в отношении научной психологии можно не без основания подвергнуть сомнению».

Поведенцы вопрошают, каким это образом можно истолковывать осторожно душевный мир ребенка по аналогии со взрослым.

Как раз на этот вопрос находим прекрасный ответ у А. П. Болтунова: «Несомненно, что ребенок – не маленький взрослый, что детская личность есть нечто весьма своеобразное по сравнению с личностью взрослого и поэтому в истолкованиях требуется очень большая осторожность. Но быть осторожным еще не значит совсем отказаться от истолкования. Мейман, опираясь на результаты многочисленных и разнообразных исследований, формулирует эти различия, постепенно убывающие с возрастом, в следующих четырех положениях: в самом раннем детстве у ребенка 1) некоторых функций нет совершенно; 2) интенсивность функций тем меньшая, чем моложе возраст; 3) качество их иное; 4) соотношение между отдельными функциями иное, чем у взрослого».

По поводу правомерности функционального истолкования А. П. Болтунов говорит: «Ведь о сенсорном или моторном типе реакции, о чтении целыми словами или по отдельным буквам, о большей или меньшей утомляемости и т. п. можно судить на основании чисто внешних данных и таким образом контролировать показания испытуемых, и их возможно контролировать потому, что испытуемые свои показания дают нам в терминах функциональных, а не описательных понятий. После того, как метод испытаний выработан – опять-таки благодаря тому, что исследуются функции, а не психические явления – он применяется в практике испытаний вне зависимости от показаний испытуемых и даже служит в качестве надежного объективного критерия правильности самих показаний испытуемых, если последние дополняют объективные данные эксперимента. И дети в этом отношении никакого исключения не составляют. Ребенку дошкольного возраста придется, разумеется, вместо букв для деятельности отбора подыскать более подходящий к формам его привычных занятий материал... но и об устойчивости, и о распределении его внимания мы будем делать выводы в тех же функциональных понятиях, которые применимы к поведению взрослого, и будем делать это на таком же законном основании, как физиолог, исследующий функции дыхания или пищеварения у ребенка и у взрослого, пользуется одними и теми же функциональными понятиями (стр. 133).

Мы постарались проанализировать взаимоотношение бихевиоризма и социологии и должны теперь формулировать подлинную связь педологии с социологией. Для нас эта связь представляется в следующем виде:

1) Принцип теснейшего контакта педологии и социологии неоспорим.

2) Этот контакт практические педологи могут осуществить в жизни после предварительного тщательного ознакомления с основами обеих дисциплин.

3) Ученики-педологи не должны «поверить на слово» учителям-педологам, что педология – это смесь каких угодно знаний, кроме опытной психологии, клинической психопатологии дескриптивного типа, учения о психоанализе и т. п. Точно так же они не могут положиться на этих учителей в том, что принципы марксистской социологии лучше всего принять догматически, без предварительного ознакомления с историей социологии вообще.

4) Гармонически-слитного учения о марксистском бихевиоризме в настоящее время не существует. Марксизм существует сам по себе, буржуазная (американская особенно) наука о поведении существует сама по себе. Полного совпадения в содержании, методах и идеологии этих двух течений не усматривается.

5) Учителя-педологи, считающие данные соображения учеников-педологов неправильными, должны представить систематический, целостный и исчерпывающий в смысле безусловных доказательств ответ по поводу изложенных недоуменных вопросов, так чтобы совершенно научно была выявлена картина несостоятельности опытной психологии и картина непреложного органически неизбежного слияния марксизма с учением о поведении.

6) С точки зрения неврологии, ограничение вопроса изучением внешнего поведения равносильно изучению органов чувств при сознательном игнорировании работы высших центров мозговой коры, особенно в ее лобных пределах.

VI.
ПЕДОЛОГИЯ И ОПЫТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Наука о поведении быстро популяризируется. О ней уже говорят в «Огоньке», ее излагают в общедоступной форме в дешевых библиотечках. Обычно в статьях, пропагандирующих науку о поведении, помещается портрет собаки и тут же предпосылается краткий исторический очерк отошедшей в вечность опытной психологии.

Происхождение этих исторических очерков и самый стиль их приблизительно таковы.

Какой-нибудь студент медфака, прогнанный пять раз с экзамена по фармакологии за то, что причислил опиум к средствам драстическим, получает наконец «уд.», запасается дипломом врача и... в этот момент внезапно испытывает тяжесть и утомление в голове от всех этих Вундтов, Титченеров, Пфендеров, о которых он никогда на медфаке не слыхал, но о которых теперь услышал, что они подлежат погребению.

Означенный студент, т. е. новоявленный врач, садится за стол и пишет исторический очерк психологии.

Оказывается, эта психология существовала много-много тысячелетий и как прежде, так и теперь представляла себой смесь богословских, церковных и метафизических суеверий. Эта психология верила и верит в какую-то душу, в какие-то психические явления, в святую троицу, в существование каких-то феноменов и функций, в таинство эвхаристии и т. п.

Представителями этой традиционной поповской мистической психологии являлись и являются Аристотель и Челпанов, Платон и Введенский, Кант и Иоанн Кронштадтский, Иоанн Гусс и К. Н. Корнилов. Лазурский и Даниил Заточник, Торквемада и Александр Петрович Нечаев...

Но вот появилась новая эра... Возникли перевороты, разрушения и целый поток открытий. Появились приват-доценты, страдающие острым недержанием научных открытий и эти доценты «открыли», «изобрели», «впервые применили», «впервые наблюдали», «впервые описали» и т. д.

Мы, педологи-ученики, читаем этот исторический очерк погребенной психологии и введение к новой науке и испытываем удовольствие: оно и кратко, и приятно, и не нужно ломать голову ни над Вундтом, ни над Пфендером...

Поэтому нас охватывает несколько тревожное чувство, когда нам указывают, что наши педологи-учителя, столь успешно сдавшие фармакологию, изложили историю психологии несколько более художественно, чем это оказывается на самом деле, и что фактически история психологии протекала несколько иначе, чем это излагается в «Огоньках» и им подобных педологических научных журналах.

Оказывается, что первоначальный период психологии характеризовался отсутствием дифференцирования психологии от трансцендентальной философии; что в это время стремились постигнуть мир сущностей, оставляя без внимания мир имманентный.

Его сменил второй период, характеризовавшийся относительной изоляцией психологии от философии, но поскольку психология этого периода заинтересована была проблемой познания сущности души, постольку она утопала в умозрении и спекулятивной философии, почему по справедливости и считалась метафизической психологией.

Видом общей метафизической психологии являлась рационалистическая психология, так как умозаключения о психических фактах делались только на основании логических операций.

Третий период – это время старой эмпирической психологии. Представители его принимали во внимание данные опыта и на основании последних делали соответствующие заключения, но о научном оформлении опыта не могло быть и речи.

Четвертый период характеризовался полным разрывом со всякими сверхчувственными путями познания. Этот разрыв произвели не наши приват-доценты, как сообщают наши педологические органы, а Иммануил Кант, который и был подлинным разрушителем метафизики. Кант первый объявил несостоятельной рационалистическую психологию как стремящуюся перешагнуть за мир имманентный.

Кант первый высказался, что если психология хочет быть подлинной наукой, то она должна бросить копаться в вопросе о сущности души, а исследовать только мир психических явлений, подобно тому, как естествознание изучает мир внешних явлений.

Кант первый указал на недостатки интроспективного метода – и вот почти полтора столетия эти указания Канта на недостатки интроспекции повторяются всеми натуралистами, врачами, педагогами. По милой забывчивости, дело почему-то повернулось теперь так, что недостатки интроспекции, подмеченные Кантом, стали приписывать самому Канту, а лицами, открывшими впервые эти недостатки, называются молодые люди, сдавшие фармакологию и расхаживающие с «Педологией» Блонского под мышкой.

Кант первый отметил, что психологическое наблюдение видоизменяет подлежащее наблюдению состояние: «Желающий познать свои переживания находится в критическом положении: когда наличны чувства, он себя не наблюдает: когда же он себя наблюдает, чувства остывают».

А наши ученые приват-доценты фармакологического происхождения, спутав Канта с Сергием Радонежским, захлебываясь кричат, что пришел теперь конец Кантовской интроспекции...

Кант первый предупреждает, что естественные феномены протекают и во времени и в пространстве, а психические процессы только во времени.

Таким образом, все то, что теперь говорится о дефектах интроспекции, все это было уже давно высказано Кантом в эпоху, составлявшую четвертый период психологии.

Пятый период характеризуется смесью отживающей метафизической психологии с математической психологией (Гербарт).

Наконец, появился новый как будто бы сериозный критик психологии. Это – Огюст Конт. Он первый (а вовсе не Джемс, как это думает прив.-доц. Фролов) поставил вопрос о том, возможна ли вообще какая бы то ни было психология, не только метафизическая, но и эмпирическая. Конт, а не поведенцы, исчерпав все доводы против интроспекции, пытался уничтожить психологию вообще, как науку, – и, как известно, эта попытка О. Конта потерпела полнейшее фиаско.

Итак, после всех этих пяти периодов, которые последовательно знаменовали о крушении теологической, метафизической, рационалистической, старо-эмпирической, математической психологии возник новый шестой период – период настоящей научной классической психологии, основанной на опыте. Этот период характеризуется введением научного эксперимента и последовательной индуктивной системы выводов.

Как творец физиологической психологии, Вундт является самым педантичным позитивистом-ученым. Все, что могла сделать физиология того времени для психологии, все это было исчерпано Вундтом. Как врач, как помощник знаменитого физиолога Гельмгольца, наконец, как профессор физиологии, Вундт, разумеется, дисциплинировал свое естественно-научное мышление до максимума. Сфера ощущений, выразительные движения, произвольные реакции как простейшие явления стали объектом экспериментов Вундта. Самый эксперимент признается таковым лишь тогда, когда посредством планомерного изменения материального раздражителя можно изменить психический процесс, непосредственно с ним связанный и регистрируемый по возможности объективно.

Итак, чисто научное направление в психологии зачинается лишь тогда, когда вводятся в исследование индукция и эксперимент. Три главных метода индуктивного исследования (метод согласия, метод различия и метод сопутствующих изменений) являются и поныне основными приемами научной экспериментальной психологии.

Несокрушимым в научном смысле является положение, что эксперимент в психологии является наблюдением, производимым при искусственных условиях, которые позволяют нам собрать материал, удовлетворяющий требованиям методов индуктивного исследования. Именно экспериментальная психология дает возможность поставить самонаблюдение под объективный контроль. Определенные раздражители вызывают в испытуемом те или иные переживания, которые чрез посредство выразительной деятельности точно регистрируются с помощью известных приспособлений… Субъективные же переживания здесь играют следующую роль. Подвергая и себя воздействию той же самой обстановки опыта, мы получаем возможность ближе понять самонаблюдения самих испытуемых. «Мы вырабатываем одинаковый с ними язык для выражения своих психических состояний. Точная регистрация данных эксперимента дает нам возможность применить к их обработке статистический метод и, следовательно, учесть достоверность получаемых нами общих результатов» (см. Нечаев).

В настоящее время нам, ученикам-педологам, стараются паши учителя-педологи доказать, что именно вот эта-то психология давно уже умерла, что никто из серьёзных людей, ни в Европе, ни у нас не станет считаться с этим трудом, который есть не что иное, как смесь метафизики, поповщины и суеверия... Что взамен этой психологии, эмпирической в кавычках, утвердилось учение о поведении, учение чисто естественно-научное, изгнавшее всякое соприкосновение с какими-то невесомыми и непротяженными «психо». Что педологи, если они желают заслуженно именоваться этим почтенным профессиоэпитетом, должны отрешиться от эмпирической в кавычках психологии и примкнуть к учению о поведении.

В предыдущих главах мы уже упоминали, что из 10 различных учений о поведении нет ни одного, которое не стремилось бы признать другие учения о поведении никуда не годными; что из этих 10 почти 8 течений вынуждены входить в неизбежный контакт с эмпирической психологией, несмотря на декларативные заявки о разводе; что оставшиеся 2 течения, по собственному их заявлению, суть не что иное, как частичные главы по физиологии нервной системы; ниже мы отмечаем, что недавно возникшее новое объективное

учение о целостном подходе (Gestalt-психология) объявило все эти десять учений о поведении никуда не годными и также торжественно устраивает им десять похорон, как учение о поведении устраивает похороны эмпирической психологии. Не будем забегать вперед и подождем организовывать какие бы то ни было похороны данным течениям, а рассмотрим следующие деловые вопросы:

1) Действительно ли опытная психология в Европе и у нас совершенно ликвидировалась?

2) Имеются ли какие-либо научные течения этой психологии и какова их жизнеспособность?

3) Оказывают ли они какую-либо пользу в качестве прикладной психологии или в качестве руководителя в вопросах патологической психологии?

В зависимости от ответов, читатель сам может решить, умерла или нет научная психология, основанная Вундтом.

Согласно текущей литературе, опытная психология в Европе существует. Широкой разработки достигла методика современных интроспективных исследований высших умственных процессов. Методы Вюрцбургской школы (K. Marbe, H. Watt, A. Messer, K. Bühler, Störring и пр.) вносят повое в эту область, создавая новый период опытной психологии. Отдельно от них стоит метод H. Аха, но и его деятельность относится к опытной психологии.

Упомянутая Вюрцбургская школа (и Бинэ) обращает особое внимание на изучение высших процессов психики – мышления и воли. Центр научного интереса перемещен здесь с количественных проблем па познание качественной стороны переживаний (подр.: Кравков С. В. Самонаблюдение. Стр. 101).

Это течение вполне жизнеспособно, что доказывается целым рядом оригинальных приемов, а также достижением своеобразных результатов, освещающих процессы мышления. Конечно, и на эту школу имеется критика, которая в свою очередь подвергается антикритике, что обычно во всякой науке. Усовершенствование активного опроса, полнота описания фаз переживания (Ах), установление соответствий между словесными обозначениями и переживаниями, определение качественной различности высказываний, дифференциация интроспекции от выводов рефлексии, учет «смыслов» и «значимостей», так наз. «имманентный контроль» – все это действительно является новым прогрессивным этапом в эволюции опытной психологии. Те непрестанные панихиды, которые отслуживает над опытной психологией меркантильный бихевиоризм в течение пятнадцати лет, решительно нисколько не отражаются на ее успехах и являются в мире науки не более чем булавочными уколами.

Что касается приложения успехов опытной психологии к практике, то мы обращаем здесь наибольшее внимание на развитие учения об эффективности, которое, выросши именно из психологического опыта, внесло живую струю в учение об эмоциях и параллельно с анатомо-патологическим прогрессом учения о зрительных буграх и полосатых телах, двинуло вперед старые застывшие теории. Учение о процессах возникновения образов, о законах агглютинации образов, о сгущении образов (Uerdichtung), новые данные о законах проекции образов, о проецировании аффективных состояний – все это является настоящей фактической психологией, научной опытной психологией, с которой должен считаться всякий педолог, врач-психиатр, педагог. Но в чем более всего развернулась опытная психология в ее аналитической ветви, так это в отделе о переживаниях. Учение о комплексах и сверхценных идеях (uberwertige ideen), отношение их к психическому кругозору, связь с идеями отношения, механизмы воздействия комплексов, новое оформление теории отреагирования (Abreagieren), генетическое значение переживаний, возбудившее столь шумный интерес среди психологов учение об узле мотивов («психический каузальный узел» Кречмера), анализ форм переживания, наконец, учение о рессентименте как о комплексной установке чувствований обойденных людей – все это говорит за то, какой

бурной и кипучей жизнью теперь живет опытная европейская психология последних десятилетий.

В заключение нельзя не упомянуть о разработке особенной области опытной психологии, именно, о ключевых переживаниях (Schlüs-selerlebnisse). Отношение последних к характеру личности является важнейшим диагностическим признаком определения целостной индивидуальности.

Что касается непосредственного практического приложения этих течений опытной психологии, то они, главным образом, выявились в реконструкции психиатрических понятий и вообще в реформе приемов подхода к психически больному, а во-вторых, выявили свою пользу в практической врачебной психологии вообще.

Гельпах и особенно Ясперс наиболее подробно разработали учение о психических реакциях. Гохе, Штранский, Юнг много поработали над изучением психогений и интрапсихической проводимости. Бленнер, Клагес у постели больного, в живой клинической действительности, улавливают особенности психогенных заболеваний и черты психотравматизированной личности. Феноменологические доктрины, проникнув в психиатрию, дали возможность Ясперсу построить тончайшую характеристику реактивных психозов. Своеобразное учение о психической реактивности развивает Kehrer, причем, конечно, интроспективный анализ у него занимает видное место.

Новейшие психиатры отмечают, что в вопросе о предрасположении к психозам теперь признается унаследование не готовых структур, а лишь сырой строительный психический материал. А каким же образом познать этот материал, как не путем аналитических приемов опытной психологии?

У нас в СССР разработкой подобных вопросов много занимается Н. Бруханский, который, разумеется, тоже психологическим путем изучает психические организации, так наз. «психическую перестановку», и таким путем доходит до понимания особенностей реактивного психоза. Интересный анализ динамики реактивного психоза представил д-р Л. А. Мирельзон. Он определяет характер травмы и особенности воспринимающей личности. Эта восприимчивость может быть в зависимости от наследственных влияний, но может быть и приобретенной. Когда имеется препятствие к немедленному отреагированию, наступает психическая переработка травмы. Дальнейшая судьба травмы зависит: 1) от способности ассимилировать ее путем внутренне-психической переработки; 2) способности задерживать переживания в неразряженном виде; 3) способности к реактивному оттоку. Как видит читатель, психиатрическая работа вращается все время в плоскости содержаний, приемов и проблем опытной психологии.

Могучий толчок к движению клинико-психологического направления в психиатрии дали, конечно, чисто психологические течения, выдвинутые Штумпфом, Гуссерлем, Шуппе.

Нам совершенно не нужно считаться с конечными философскими воззрениями Гуссерля и Шуппе. Нам важно то, что они дали в смысле обогащения научной психологии. В этом смысле аналитическая работа Гуссерля, Штумпфа и отчасти Шуппе может быть названа подлинной анатомией психической сферы, без знания которой едва ли возможен прогресс этой науки. Поэтому, мы в самом сжатом виде коснемся этих учений, дабы ясно было, насколько чисто научное изучение психики немыслимо без осведомленности в этой области.

Всякое обыкновенное нормальное познавательное переживание – полагает Эд. Гуссерль – обнаруживает (при феноменологическом уразумении) следующие составные элементы:

1) словесное обозначение, которое распадается

а) на физическое явление звука и мышечных движений;

б) психическое явление самого акта обозначивания;

2) психические переживания познающего, которые сообщаются этим обозначением;

3) акт «мнения» этим обозначением на почве данных психических переживаний какого-либо «смысла»;

4) этот самый «смысл», непосредственно «мнимый», т. е. «мнящийся» = «мыслимый», в познавательном переживании, выражающемся в данном словесном обозначении;

5) «мнимый» через этот «смысл» предмет познания.

N. B. Если познавательное переживание по своему содержанию носит при этом созерцательный, не номинальный характер (т. е. чистомысленный), то к этому присоединяются еще:

6) акт созерцательного осуществления смысла и

7) само осуществление смысла в созерцании, т. е. приведение его к очевидности при помощи какой-либо действительной или придуманной иллюстрации.

Эти элементы – подлинная фактическая анатомия психики. Игнорирование ее подобно отказу от соматической анатомии, а следовательно, равносильно отказу от естествознания, ибо последнее занято не только тем, что осязается и осматривается, а и тем, что мыслится, переживается и стремится. Элементы мысли, переживаний – это тоже часть природы и как таковая подлежит обязательно научному изучению.

Указанные черты познавательного переживания и составляют феноменологию, которая видит свою цель в том, чтобы дать нам описательное (а не генетически-психологическое) освещение этих психических переживаний, способное сообщить всем основным логическим понятиям определенное значение.

Феноменология – это описательная психология, т. е. научное старание передать данное так, как оно дается, и затем только явственнее отметить те различия, которые в нем непосредственно содержатся.

(В этом смысле она крайне близка по типу к гистологии; разница лишь в том, что последняя пользуется периферическим зрительным аппаратом, адресующим добытое к интеллекту; а феноменология пользуется «внутренним глазом» – интроспекцией, чтобы адресовать добытые к тем же высшим перерабатывающим отделам интеллекта. – Ю. П.)

Феноменология чужда всякой теории, ибо знаменует собою до-теоретический момент исследования. Ее орудие – интроспективный протокол; если он не всегда точен, то не всегда точны и глаз, и ухо, не всегда точны гистология и аускультация. Феноменология – это описание чистого сознания как такового. Никаких мотивов, кроме самой непосредственной данности.

Разумеется, феноменология лишь преддверие психологической науки, поскольку, напр., гистология печени, почек и пр. есть преддверие частной патологии; но без этого преддверия никакой науки о психических явлениях строить нельзя.

Феноменология должна «брать феномены так, как они даются, т. е. как вот это текучее осознавание, мнение, обнаружение, – чем и являются феномены, будучи взяты, как вот это данное осознавание переднего или заднего плана сознавания; как вот это данное осознавание какого-либо, как настоящего и преднастоящего; как вымышленного или символического или отображенного»... (Гуссерль).

Весьма близок во многих пунктах к учению Гуссерля Карл Штумпф.

Он различает явления и функции.

Явления – это прежде всего содержание чувственных ощущений, а также пространственная протяженность, распределение осязательных и зрительных впечатлений, продолжительность и последовательность во времени, одноименные образы памяти – представляемые цвета, звуки и т. п.

Функции – это акты, напр. подмечивание явлений, соединение явлений в комплексы, образование понятий, акты понимания, суждений, движения чувств...

Содержание и акт, по Штумпфу, связаны друг с другом, но не сводимы одно к другому.

Явления = содержания – это материал для функций.

Функции – оперативный прием интеллекта, который обрабатывает материал.

Дабы ярче оттенить разницу между явлениями и функциями, возьмем такой пример.

Допустим, что вы показываете испытуемому картину «Убийство Иоанном Грозным своего сына».

Вы просите испытуемого прежде всего воспринять эту картину во всех деталях, т. е. узнать Иоанна Грозного, узнать его сына, узнать жезл, узнать изображение пролитой крови и т. д.

Далее, вы просите определить, где стоит Грозный, где сын... Просите указать, в какую величину по сравнению с натуральной изображен Грозный, сын... Какого цвета лицо, костюм царя и т. д.

Далее, вы просите воспроизвести изображенную картину заочно; просите установить, с чем ассоциируется эта картина в памяти испытуемого; какие выводы социального, морального характера вызывает эта картина; какие эмоции возбуждает содержание этой картины и т. д.

Таким образом, одно и то же явление, одно и то же содержание вы подвергаете действию ряда функций, как то узнавание, восприятие величин, форм, цвета, воспроизведение, ассоциации, умозаключения и проч.

Явление одно – функций несколько.

Теперь возьмем обратный пример. Вы берете десять картин различного содержания, показываете их испытуемому последовательно и затем просите воспроизвести в общем виде содержание запомненных картин. Здесь вы будете иметь десять явлений, десять содержаний, подвергаемых действию одной функций – воспроизведению.

Таким образом, практическая важность учений Гуссерля и Штумпфа в процессе эксперимента не подлежит сомнению. Учение В. Шуппе (мы выбрасываем здесь идеалистические философские рассуждения Шуппе) о мышлении с чисто деловой аналитической стороны тоже близко к учениям Гуссерля и Штумпфа. Предмет исследования психологии, по Шуппе, – это развитие индивидуального мышления, начиная с детского возраста, методы мышления, основанные на природе индивидуализма.

Родовые свойства мышления:

а) мышление не осуществимо без чего-либо мыслимого;

б) то, что мыслится, наз. содержанием (Jnhalt) мышления;

в) эти стороны: объект и акт мышления неразрывно связаны друг с другом;

г) мышлением в широком смысле этого слова следует назвать связь между субъектом и объектом. Сознаваемый объект называется содержанием сознания.

Итак, мы видим, что все эти учения являются необходимым «анатомическим» преддверием ко всяким разработкам вопросов экспериментальной психологии. Когда будут отчетливо разработаны учения о явлениях и функциях и резко очерчены конкретные границы этих понятий, тогда научный эксперимент примет иную форму, чем это мы видим теперь в современной экспериментальной психологии. Можно лишь сказать, что психиатрическая клиника здесь опередила экспериментальную психологию.

Нам остается по поводу выше намеченных вопросов лишь указать, что современные разветвления опытной психологии дали возможность развиться практической врачебной психологии, как то экспертизе, педагогике, учению о психобиограммах, психотерапии. Психология высказывания, суггестивная система вопросов, учение об истерии, симуляции и аггравации, о целевом неврозе, о гипобулических волевых процессах, многочисленные схемы испытаний ума (масселоновские методы, гамбургские схемы, Роршаховские опыты), теснейший контакт с социологией, «психагогические» методы – все это свидетельствует, как многообразно, многоразлично и успешно расцветают все виды и подвиды опытной психологии, уже стеревшей почти грани между подходом к нормальной и больной психике... Венцом психологического расцвета являются работы Кречмера – этого мало удачного антрополога, но весьма удачного психолога и психиатра, оживившего науку последнего десятилетия. Говорить после всего этого о смерти опытной психологии – дело весьма своеобразное... Опытная психология умерла, лишь для отдельных групп ученых,

которые стремятся открыть что-то небывало новое. Но до открытия они усердно занимаются похоронами других течений, которые живы, здравствуют и прогрессируют.

Об одной такой попытке обновить науку мы будем говорить в следующей главе.

В современной педологии нашими учителями энергично прививается взгляд Сеченова, согласно которому «мысль является рефлексом с задержанным эффекторным концом» или, по терминологии современной рефлексологии, «мысль есть заторможенный рефлекс». Допустим, что это определение с точки зрения физиологии неоспорима. Но, имея в виду раздельность концепций феноменалистической и функциональной психологий, всякий вправе задать такой вопрос: является ли заторможение рефлекса основой содержания мысли или основой акта мышления? Говорит ли задержка: эффекторного конца о функции или о явлении? Точно так же указанная физиологическая база лежит ли в основе представления или суждения или умозаключения? Ведь некоторые под «мыслью» разумеют то представление, то оформленную идею, то еще что-либо... Наконец, какая разница в физиологической основе положительной и отрицательной мысли или суждения? Напр., «человек смертен» и «человек бессмертен» – две противоположных мысли; если в основе и той и другой лежит заторможенный рефлекс, то откуда в интеллектуальном оформлении возникает диаметральная противоположность мыслей?.. Вообще, каким образом одна и та же физиологическая основа может дать целый ряд качественно различных мыслей?.. Ясное дело, что такое утверждение, может быть, и верное, не объясняет нам всего качественного многообразия мыслей и посему мало движет этот вопрос вперед. Особенно же необходимо выяснить, основою чего является рефлекс с задержанным эффекторным концом: содержания мысли или оперативного приема интеллекта. И в том и в другом случае один из ингредиентов останется без физиологического базиса, ибо объяснять одновременно и содержание, т. е. то, что мыслится, и прием мышления является nonsens'ом именно с точки зрения физиологической динамики мышления.

Председатель первого педологического съезда проф. А. В. Залкинд, видный сторонник рефлексологии, в то же время отнюдь не устраняет психологию, особенно в отношении исследования причин различных психических проявлений – психогенологию. Будучи и материалистическим монистом и сторонником точного естествознания, А. Б. Залкинд в то же время признает «неотъемлемое органическое родство, абсолютное слияние психогенологии с рефлексологией, психотерапии – с грядущей рефлексотерапией» (Современное состояние активистического учения о «психоневрозах» и психической терапии. Научная медицина. 1919. № 1. Стр. 38).

«Обе эти дисциплины, – говорит А. Б. Залкинд, – не только не противоречат одна другой, но извне даже и не дополняют друг друга, так как представляют как бы совершенно одно и то же содержание, лишь по-разному названное». «Самостоятельная задача ее (психотерапии) оказывается настолько серьёзной, что права на дальнейшее независимое бытие этой науки можно домогаться без большого труда...

Наука о рефлексах находится сейчас еще в состоянии зарождения, оперирует она пока над чрезвычайно элементарными плоскими актами организма, поневоле истолковывая их механистически и потому у нас нет оснований ждать от нее в скором будущем сформированных, теоретических, тем более терапевтических указаний» (стр. 83–84).

«Далеко не так обстоит дело с психогенологией. Исследуя те же факты, как и наука о рефлексах, и подходя к ним, в конце концов, под одним и тем же углом зрения, она все же отличается от рефлексологии особым, глубоко ее пронизывающим методом мышления и совершенно своеобразными приемами исследования» (стр. 84).

Проф. А. Б. Залкинд относится к многовековой философии и психологии отнюдь не так презрительно, как упомянутая нами группа педологов-учителей; он не называет эти науки ни вздором, ни сором, ни средневековой галиматьей, а, наоборот, «старой мудрой наукой», «трехтысячелетней сокровищницей философии и субъективной психологии» (стр. 84). Философско-психологический базис психогенологии А. Б. Залкинд, в полном соответствии с взглядами Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, не отрицает, а, наоборот,

называет «мощным, ничем пока не поколебленным» и дающим возможность «захватывать анализом неизмеримо более тонкие и глубокие акты организма, в сравнении с юной изнанкой своей – наукой о рефлексах». Разумеется, А. Б. Залкинд – противник старой неэволюционирующей опытной психологии, застывшей на старых понятиях и сухих академических схемах. Но в применении последних к психогенологии даже они становятся «насыщенными плотью, кровью, гигантским творческим содержанием, – элементами неисчерпаемой действенной активности» (стр. 84). А. Б. Залкинд стоит не за старую мертвую книжную психологию, а именно за современную опытную психологию, черпающую материал в наблюдении, эксперименте и у постели больного. Такую опытную психологию он справедливо называет активистической психологией, работающей как бы в творческом сочетании с активистической биологией.

А. Б. Залкинд, указывая, что этот вид научной психологии представляет собой очень крупную жизненную ценность, с которой и научной, и повседневной медицине приходится считаться серьозно, предсказывает, что в ближайшем будущем с этой отраслью психологии станут считаться неизмеримо серьёзнее. Развитие европейской и советской психологии за последние годы вполне подтверждает предсказание А. Б. Залкинда.

С этой точки зрения, уверения некоторых наших учителей-педологов, что всякая психология умерла и давно погребена, что нет ни психики, ни науки о психике и т. п., представляются для нас, учеников-педологов, несколько непонятными и смущающими наш трудовой повседневный путь. Необходимы для нас в этом случае простые, но отчетливые разъяснения, дабы мы, наконец, поняли, делаем ли мы дело или выполняем нечто «гибельное по своим результатам», – как отзывается о такой работе немецкий представитель Gestalt-психологии Вертгеймер.

Характерно то, что некоторые педологи-учителя от имени рефлексологии предлагают разрешение многих педагогических вопросов, тогда как настоящая то рефлексология (т. е. учение Павлова) – по словам д-ра Фролова – только ставит вопросы, а мы здесь уже успешно разрешили их от имени Павловского же учения...

Поэтому-то у нас и «царит буря взглядов и противоречий в педагогике» (выражение Фролова).

Д-р Фролов (на стр. 57) подчеркивает, что сила бихевиоризма заключается в отказе пользоваться методом самонаблюдения.

На стр. 8 прив.-доц. Фролов упрекает изобретателей нового отношения к предмету педагогики в том, что они забывают познакомиться с тем, на чем они строили свои выводы – с экспериментальною основою высшей нервной деятельности. А сам решает без колебаний, что сила научного психологического направления – в отрицании метода самонаблюдения.

Д-р Фролов не работал с методом самонаблюдения ни как психолог, ни как психиатр, ни как криминалист, ни как педагог; он не убедился на опыте, как интроспективно-аналитический метод дает основы и для диагностики, и для терапии; он выступает в роли критика целой науки, не будучи на практике ознакомлен как врач с приемами исследования, какие напр., применяются Блейлером, Шторхом, Юнгом, Креймером, Бирнбаумом, Ясперсом и др. выдающимися представителями научного использования метода интроспекции у постели больного. Как лицо, не занимавшееся на деле психодиагностикой и психотерапией, д-р Фролов не знает, как длительная, несколькимесячная аналитическая работа с психоневротиками открывает психиатру совершенно новый мир. Он не испытал минут полного диагностического самоудовлетворения врача-психиатра, который раскрыл запутанный узел психотравматических симптомов, ни разу не отступив от метода интроспекции. Будучи правым, что открытия физиологов заключены пока в тесные лабораторные рамки, он сам выходит за пределы этих рамок, авторитетно высказываясь о таких областях, в которых он как неспециалист едва ли имел опыт.

Вопреки этому взгляду, мы должны сообщить, что отдел о переживаниях является наиболее ярким и выпуклым в современной европейской психиатрии; что этот отдел изу-

чается преимущественно интроспективно. Что инфроспективисты-психиатры создали в этой области учение о комплексах и сверхценных идеях; что переживания изучаются в связи с интрапсихической констелляцией переживающего индивида; что, по мнению самых выдающихся психологов и психиатров Европы, сверхценные идеи, открытые интроспективными путями, принадлежат к числу важнейших побудителей человеческих действий; что только благодаря планомерной научно-разработанной аналитической методике интроспекции мы теперь можем определять особенности мышления, ретенции, репродукции; что только благодаря интроспекции мы теперь постигаем динамику разрешения комплексов и сверхценных идей.

Прив.-доц. Фролов, полагающий, что мир всякого живого существа раскрывается как на ладони в количестве капель слюны, стекающей в сосуд, должен прислушаться к словам выдающегося психиатра современной Европы Кречмера, который говорит: «Нужно почувствовать в разговоре, подействует ли раскапывание комплексов скорее мучительным или облегчающим образом». Врач-клиницист по опыту знает, насколько важна интроспекция при изучении реакций ужаса. Для наглядности приведем случай Юнга, заимствованный Кречмером:

«Одна дама, несколько лет тому назад бесстрашно переходившая в Ленинграде улицу во время революции при свисте пуль, возвращалась вечером в обществе гостей. Быстро едущий за ними экипаж повергает ее в сильный ужас – она теряет голову и до тех пор бежит перед лошадьми, пока не падает обессиленная, и при продолжительной истерической реакции ее относят обратно в дом хозяина, где она была в гостях».

Мы не знаем, как объяснит генезис симптомов ужаса прив.-доц. Фролов, по вот как объясняет Юнг (цит. по Кречмеру. Мед. психология. Стр. 225–226).

«Анализ дает следующее: 1) ребенком она пережила ужас от опасного для жизни эпизода с лошадью, обрушившись с экипажем в реку; 2) она борется с подавляемым чувством симпатии к этому самому хозяину, который, правда, в эту же ночь сделал ей признание.

Итак, мы здесь снова имеем каузальный узел совершенно гетерогенных первичных комплексов; старых воспоминаний ужаса и нового желания.

Они лежали готовыми в сфере сознания; новое переживание ужаса попадает в насыщенный раствор; еще маленький толчок – и все это кристаллизуется. Такие подготовленные психические ситуации называют констелляциями».

Совершенно похожий случай приводит и сам Кречмер, который дает прекрасный интроспективный анализ его. Мы спросим, какому психиатру приходилось отказываться от интроспекции, чтобы добраться до истинного психогенеза невротического симптома?..

Выше указывалось, что сам И. П. Павлов высказался о нежелании лично применять свое учение к психиатрии, считая предмет последней весьма отдаленным от своей доктрины. А прив.-доц. Фролов открыто постановляет (стр. 57), что при построении новой психологии метод самонаблюдения должен быть изгнан.

Но нам, ученикам-педологам, неизвестно, понимает ли прив.-доц. Фролов под методом самонаблюдения способ приобретения знания о самом себе как носителе известных психических свойств? Или он под этими разумеет открытие закономерностей в индивидуальной психической жизни? Разделяет ли он взгляды Локка на «внутреннее чувство» или он склонен, подобно Тиченеру, понимать под самонаблюдением особый род восприятия, причем сюда совсем не относится открытие закономерностей о свойствах психики? Согласен ли прив.-доц. Фролов, что к методу самонаблюдения совершенно не относится обработка посредством оперативных приемов интеллекта полученного материала или к интроспекции относится также и самая обработка? Согласен ли прив.-доц. Фролов с теми психологами, которые полагают, что приложение логических операций к сырому материалу свойственно всяким наукам, а потому не есть специфическое качество интроспекции; или он, наоборот, примыкает к той группе психологов, которые относят к интроспекции не только феноменологию, но и логико-оперативные механизмы интеллектуального

аппарата? Понимает ли под самонаблюдением прив.-доц. Фролов лишь дескриптивный способ образования понятий или он сюда включает и функциональные понятия?

Напр., имеется в наше время очень авторитетная группа европейских психологов, полагающая, что такие акты, как сопоставление, сличение, обобщение, предположения, выводы; а также память, внимание и т. п., никоим образом не относятся к подлинной интроспекции; под интроспекцией эти ученые понимают лишь особый род восприятия впечатлений, причем в объем понятия «самонаблюдение» никоим образом не могут входить какие-либо оценочные моменты. Наконец, различает ли прив.-доц. Фролов понятия «самонаблюдение» и «самовосприятие», которое осуществляется без самосознания?..

Читатель может проштудировать весь трактат прив.-доц. Фролова, но нигде не найдет и намека на то, что автор хоть сколько-нибудь осведомлен по данным вопросам. Определенно выясняется, что Фролов никогда не думал об этих вопросах, никогда не разбирался в них, никогда искренно не встречался с возможностью этих вопросов.

Нам, ученикам-педологам, становится поэтому ясным, что все животрепещущие вопросы психологической современности, как то вопросы о специфичности интроспективного восприятия, о различении переживаний от не-переживаний, о дифференциации переживаний от «смыслов» и т. п. – все, что теперь особенно занимает психологов и клиницистов-психиатров у постели больного, все это является совершенно неведомым прив.-доц. Фролову, который, руководствуясь своими работами над собаками, решает путем короткого замыкания, что интроспекция должна быть изгнана.

Таким образом, мы, сидящие в провинции профаны, можем сделать еще одно характерное наблюдение и заключение, а именно: некоторые наши учителя-педологи приобретают привычку авторитетно и категорически высказываться о тех течениях и методах науки, о которых они не имеют ни малейшего представления.

Мы уже имели удовольствие ознакомиться с тем, как излагают историю психологии сдавшие фармакологию. Мы видели также, каково понятие о психологии вообще и о методе самонаблюдения, в частности у представителя Павловской школы прив.-доц. Фролова.

Посмотрим теперь, как на эти же самые объекты обсуждений смотрит европейская наука последних дней. Недавно в «Венском клиническом еженедельном обозрении» (1928 г. июль, № 28, стр. 981–986) появилась статья известного психиатра проф. Освальда Бумке (преемника Крэпелина в Мюнхене). Статья носит заглавие «О современных течениях в психологии». Указав, что в XIX веке психологию раздирали два одинаково метафизических лагеря: 1) спекулятивных философов и 2) физикалистов – Бумке замечает, что последние, подобно первым, потерпели полное крушение. Заявление последних, что «я» навсегда исчезло, есть не более чем очередная выходка метафизиков. Но к этой же группе Бумке причисляет и тех, «которые, по примеру Павлова, смотрят на человека как на рефлекторную машину и пренебрегают всем, что в психических переживаниях залегает между внешним раздражением и действием» (собственные слова Бумке, стр. 983). «Чувственную жизнь, – продолжает Бумке, – теперь отрицают и противополагают ей чисто «рефлекторное» действие живого автомата. Но существует ли он вообще? Нет, ни в каком случае. Даже самые лучшие исследования муравьев и пчел показали, что нельзя произвести это разделение. Даже у животного мы не можем видеть только рефлекс и забывать сознание... Уже инфузории, как показал Карл Бюлер, ведут себя иначе, чем автомат (стр. 983).

По поводу бихевиористов Бумке замечает: «Исследовать сознание методом, который о нем не хочет спрашивать, который избегает всякого сношения с психикой, нельзя».

С одной стороны мы видим, как пр.-д. Фролов, не имеющий никакого представления о прошлом психологии и еще того меньше о настоящем этой науки, призывает к устранению метода самонаблюдения, а с другой стороны, мы видим, как такой крупный авторитет Европы и знаток психики в ее болезненном состоянии, как Бумке, отмечает великую ценность описательной психологии Дильтея. Эта психология только теперь начинает оцениваться. «Тонкие и глубокие наблюдения Дильтея, – говорит Бумке, – остались совершенно

незамеченными. Только Ясперс и Шпрангер придали им позднее значение» (стр. 984). В итоге Бумке говорит, что он отказывается понять, как это «можно построить психологию, предварительно изгнав ее».

Излагая новейшие исследования Иенша, Бюлера, Мессера и прочих современных психологов, проф. Бумке говорит: «Воздвигается большое здание, которое заключает много этажей и стилей, которое служит для самых различных потребностей, но в котором фундамент также необходим, как и крыша, и в котором, можно надеяться, каждый будет работать по своему методу, не мешая работе своего соседа» (стр. 986).

Предоставляем читателю или следовать за этим ученым знатоком и авторитетом в разбираемых вопросах или последовать за пр.-д. Фроловым, предлагающим индульгенции на освобождение от всяких психологических знаний за примыкание к группе «непризнающих интроспекции».

У павловцев, рефлексологов и бихевиористов, пускающихся в рассуждения о мыслимости психологии как науки, есть всегда одно могучее средство за пазухой, пользуясь которым они, как это им кажется, убивают психологию наповал. Это средство – собственною рукою Джемса выданная расписка в том, что «психология еще не наука – это нечто, обещающее в будущем стать наукой...» Эта несчастная фраза Джемса с добавлением его же фразы о том, что «нет никакой новой психологии», вскружила голову поведенцам всех сортов, с упоением приводящих ее во всех своих полемических статьях и трактатах, ибо как же можно сомневаться в ненаучности психологии, раз сам Джемс признался в этом...

Увы!.. Это ликование не может быть долговечным. Самые выдающиеся естествоиспытатели признаются, что в сущности нет еще никакой биологии, что естествознание загнано в плачевный тупик, что понятие о материи есть фикция, призрак (Оствальд, Ауэрбах), что существуют две физики: одна, признающая эфир, другая непризнающая, что обе эти физики идут в разные стороны и, как две параллельные линии, никогда не сходятся, и никто в сущности не знает, которая из них наука, и которая – не наука. Что смешно считать наукой физиологию, когда она учит о функциях тех тел и вещей, которых не знает, не понимает, не видит... Пелисье удивляется, как можно серьёзно называть наукою собрание теоретических выкладок и технических достижений в области электричества, света, звука, теплоты, когда все эти понятия для нас неизвестны и исходя из них «все мы являемся более или менее метафизиками...» Итак, и Джемс, и обрадованные его скептической фразой бихевиористы и павловцы правы в отношении психологии лишь в том случае, если под наукой они разумеют «борьбу абсолютной истины с абсолютной ложью» (по удачному определению И. Е. Орлова, см. стр. 192).

Такая точка зрения и Джемса, и бихевиористов является страшным ударом именно по дарвинизму, согласно которому под наукой нельзя разуметь статическое достижение звания пауки. Противоречит это и диалектическому материализму, согласно которому на смену научных теорий надо смотреть как на процесс, в котором менее совершенный отпечаток вещей в сознании заменяется более совершенным, причем выбору основного материала наглядных представлений не придается решающего значения (Орлов, стр. 193).

Опытная психология реалистична, она исследует реальные объекты: психические феномены и функции. Реальность психики как части природы – необходимейшая предпосылка психолога и как таковая всегда научно правомерна. «Активность познавательного процесса облегчает проведение материализма: приспособляясь к вещам, интеллект строит целый мир представлений».

Таким образом, как отрасль, имеющая дело с реальными феноменами природы и общества, психология имеет право называться наукой. Это право у ней таково же, как и у логики, социологии, истории: правда, и психология, и логика, и история, и социология занимают особое место среди наук; они не так вещественно наглядны, как какая-нибудь кристаллография; но если судить о науке по вещественной наглядности, то выше всех других наук мы должны поставить мыловарение.

Нужно не забывать, что и само естествознание как наука протекает под неизменным контролем и при неизменном участии интеллекта:

«Нам даются в опыте только различные состояния сознания: мысли, чувства, восприятия, представления; кроме состояний сознания, мы ничего не представляем и представлять не можем» (Орлов, стр. 190).

Итак, фраза Джемса о том, что психология не наука, отнюдь не может рассматриваться как что-либо убедительное; она не более как проявление научного пессимизма и неуверенности. Но сколько таких примеров можно привести из области самого точного естествознания. Стоит только вспомнить, насколько ядовито и едко Вильгельм Оствальд излагает историю оптических теорий.

Пока содержанием оптики были только явления отражения и преломления, пользовались механической схемой Ньютона. Как только были открыты явления поляризации и интерференции, теорию Ньютона выбросили вон и признали теорию волнообразных колебаний Гюйгенса; но так как эфир должен колебаться, а явления поляризации требуют безусловно поперечных колебании, которые возможны лишь в твердом теле, а среда с такими свойствами непостоянна и не может существовать физически, то и эта теория была выброшена вон, – и физика, строящая свои положения на этой теории, объявлена была ненаукой. Воцарилась электромагнитная теория, которую в наше время тоже объявляют ненаучной и т. д., так что, собственно, не усмотришь, в какой же период физика была наукой?..

В представлении пр.-д. Фролова истинной наукой о психических явлениях можно назвать лишь учение Павлова, как дающее цельное механическое объяснение. Но современное-то естествознание как раз и не признает научными никакие механические теории не только в психологии, но и в биологии, ибо все механические уравнения допускают перемещение знаков величин, представляющих время, т. е. теоретически механические процессы могут протекать во времени как в одну, так и в другую сторону. В чисто механическом мире нет прошедшего или будущего: дерево могло бы стать снова ростком, бабочка превратиться в личинку, старый человек в ребенка. Почему этого не происходит – механическое мировоззрение не может объяснить. Явления в природе необратимы... Следовательно, существуют явления, которые нельзя выразить механическим уравнением. Так думает и естествознание, к этому принуждает и диалектическое мышление.

Таким образом, с механическим подходом нельзя вступать в такую область, как психология, а посему границы научности той теории, которую предлагает пр.-д. Фролов, весьма умеренны. Итак, в истории нападок на естественные науки есть нечто более веское, чем зацитированная всеми фраза Джемса.

Своеобразный взгляд пр.-д. Фролов устанавливает на понятие об опыте. По мысли Фролова, существует научно-лабораторная физиологическая точно и строго градуируемая объективная работа над вещами и их отношениями. Это есть опыт. С другой стороны, существует инертный поток досужих мыслей праздного созерцателя, развалившегося на диване у себя дома. Это есть субъективная психология, живущая методом самонаблюдения. Для науки это есть нуль.

Едва ли подобная дифференциация мышления, с точки зрения индуктивной логики, является правильной. Ведь, в понятие «опыта», нужного науке, входят следующие элементы: 1) вещи, явления и их отношения; 2) составные части интеллекта, оперирующие над этими вещами и их отношениями; 3) феноменальный материал как надстройка или отражение вещей и отношений. Без второй и третьей группы элементов никакой опыт, да еще строго научный, немыслим. Самый элементарный анализ простейшего явления требует и участия психических элементов, и умения научной комбинации этих элементов. Чем слабее развит этот анализ, тем мышление более вырождается в дурной тип экстравертированного мышления, все сильнее и сильнее ориентирующегося на объект и в конце концов вырождающегося в «фетишистически-объектное» мышление. Юнг в своих «Психологических тинах» блестяще обрисовал картину этого квазиобъективного мышления,

оперирующего над квазиопытом. В главе «Объективность опыта» И. Е. Орлов (Логика естествознания, стр. 185) говорит: «Опыт заключается в накоплении эмпирического материала и в упорядочении его посредством суждений рассудка. Истинное предсказание есть не только исполнившееся ожидание, но и сознание необходимости наступления предсказываемого... Всякая физическая зависимость есть зависимость между конкретными представлениями».

Прив.-доц. Фролов, изгоняющий интроспекцию, и Залужный, Лозинский, изгоняющие психологизм из современной педологии, одновременно с этим совершенно изгоняют ту широко развившуюся область науки, которая достигла высокой степени в Европе и которая называется психотехникой. Понять психотехнику, усвоить ее основные положения, разумеется, немыслимо без знания опытной психологии и без применения интроспекции и эксперимента. Вполне прав С. Геллерштейн в своей книге «Психотехника», указывающий, что если уж признавать психологию наукою о поведении человека, «то только в связи с психическими факторами или психикой его» (стр. 10). Еще более прав он, когда говорит, что «биологические процессы, не связанные непосредственно с определенными психическими состояниями, нельзя рассматривать как поведение» (стр. 17).

Итак, вопрос окончательно выяснился.

Если поведение есть отправление организма, то самый термин «поведение» излишний, ибо равнозначащие ему термины «отправление», «физиологическая функция» гораздо яснее и отчетливее говорят о сути дела, тогда как «поведение» как термин дает повод к различным толкованиям.

Если же поведение есть не только отправление организма, но плюс что-то психическое, то для науки о нем со времен Циэна и Вундта существует более подходящий термин «физиологическая психология».

Если же, наконец, понятие «поведение» претендует на охват социальных явлений, то для последних опять-таки имеется более солидные области, как то «социальная психология» (или «общественная психология»).

Как учение о «кусочках» и «отрезках» деятельности личности «наука» о поведении уже достаточно скомпрометирована.

Как учение, пропитанное метафизическим (механистическим) материализмом, оно также утратило авторитет.

Вообще, бихевиоризм, кроме словесных реформ, не внес в науку чего-либо нового.

У Фролова два взгляда на психологию и психические явления. Когда идет речь об объективном исследовании психики, он полагает, что для этого имеется учение о поведении в смысле условно-рефлекторного учения; в этом случае нет никакой необходимости прибегать к интроспекции или иным приемам психологии, каковая еще не есть вообще наука. Самые понятия о «желании», «радости», «внимании» и т. п. как понятия субъективные совершенно недопустимы в мире научной работы. Итак, нет не только никакой психологии как науки, но нет и психических явлений как реальных фактов. Это один взгляд. В нем – полная смерть и психике, и науке о психике.

Но есть у пр.-д. Фролова и другой взгляд. Это когда ему нужно осмеять Челпанова за его «уверение», что раз рефлексолог мыслит, то, стало быть, имеется и психика и психология. Здесь пр.-д. Фролов усматривает у Челпанова потерю здравого смысла.

Мы сейчас рассмотрим, каково на самом деле это раздвоение. Павлов отбрасывает в процессе естественно-научного экспериментирования субъективно-психологические понятия. Они ему не только не помогают, но мешают. Удобнее всего их признать несуществующими.

Затем из лаборатории Павлов возвращается в жизнь и... психика оживает... Она мешает лишь в опытах, но в жизни Павлов мирится с ее существованием и даже готов признать, по его собственным словам, науку о субъективных явлениях.

Следовательно, при каких-то условиях Павлов все-таки признает и реальность субъективной психики и реальность науки об этой субъективной психике. А так как, по утвер-

ждению Павлова, эта психика не пространственна, то и паука о ней не должна оперировать с понятиями пространственными, не должна быть целиком слепком с других естественных наук, т. е. она должна иметь и свое содержание, и свои методы. Итак, мы не видим доказательств, почему Г. И. Челпанов потерял здравый смысл. Приведем в этом отношении яркий пример, заимствованный из «20-летнего опыта» Павлова (стр. 73–74).

Физиолог, намереваясь изучить локализацию центров вкуса в коре, удаляет передние отделы (двустороннее удаление коры этих извилин). Собака спокойно после этого ест мясо, обсыпанное порошками поваренной соли, лимонной кислотой, хинином. Вывод автора д-ра Горшкова: указанные передние отделы суть центры вкуса (лаборатория Бехтерева).

Вывод Павлова: указанные отделы не суть центры вкуса. Выводы д-ра Горшкова – полная фантазия, плод предвзятой мысли и неточного наблюдения.

Таким образом, вещи и их отношения в трактовке физиолога из Бехтеревской лаборатории привели к одним выводам, а те же вещи и их отношения в трактовке Павлова и Тихомирова привели к другим выводам.

В чем же дело? Павлов объясняет это сам довольно ясно: первый автор работал посредством комбинации трех средств: 1) естественно-научного материала; 2) предварительных предвзятых мыслей, тенденций; соображений; 3) введения фантастического элемента, т. е. воображения.

Павлов и Тихомиров работали посредством следующих средств: 1) естественно-научного материала: 2) внимания, сообразительности, умозаключений и коррелирования всех этих приемов с точностью восприятия при исключении тенденциозных идей и фантазии.

Таким образом, при единстве естество-научного материала получились различные и даже противоположные результаты вследствие применения различных приемов мышления и наблюдения, т. е. различных приемов логики и психологии. А раз имеются функции и приемы мышления как реальные явления, то и учение об этих функциях и приемах может носить название науки.

Мы потому так много останавливаемся на соображениях прив.-доц. Фролова, что он являет собою яркий тин лабораторного мыслителя, искренне убежденного, что свет науки по всем ее разветвлениям исходит только из лаборатории его учителя и что вне этой лаборатории господствует тьма, в которой пребывают все несчастные инакомыслящие. Прив.-доц. Фролов твердо убежден, что от физиологии как от центра, идут все научные директивы, но сама физиология с ее методом условных рефлексов автономна и не подлежит не только критике, но и объективному анализу с какой-либо иной точки зрения. Такой тип мыслителя весьма распространен и, так как он выступает теперь в качестве учителя-педолога и руководителя-педолога, то для нас, учеников в этой области, далеко не безразлично это явление в научной жизни.

На самом же деле, физиология высшей нервной деятельности, как и всякий другой отдел естествознания, подлежит самому подробному анализу с точки зрения и психологии, и логики.

В этом отношении мы имеем две интересных попытки. Одна принадлежит И. Е. Орлову, который подверг естествознание логическому анализу; другая принадлежит известному психиатру Юнгу, который подверг естественно-научное мышление психологическому анализу.

Мы приведем некоторые наиболее рельефные места из «Логики естествознания» И. Е. Орлова 1925 г. (стр. 9–10).

«В естествознании постоянно прибегают к выводам из общих посылок и эти выводы считают достоверными. Но не надо обманываться относительно источника указанной достоверности; последняя проистекает не из посылок, а из аналогии, из сравнения с ранее наблюденными сходными случаями. Так, в астрономии с точностью предсказывается движение небесных светил. Но в существе дела лежит аналогия, позитивное умозаключение от прежних движений к будущим. Общие же теоретические посылки служат лишь для

удобства вывода, а не для сообщения последнему достоверности. Во многих вопросах астрономии удобнее всего брать заведомо ложные посылки Птоломея и делать на основании их точные предсказания».

Если бы прив.-доц. Фролов удостоил снизойти до ознакомления с психологией и логикой переживаний, то он прежде всего понял бы тогда, что его личная уверенность в универсальной применимости и непогрешимости учения об условных рефлексах стала бы не столь категоричной.

«Для неискушенного мышления, – говорит И. Е. Орлов, – всякая промелькнувшая мысль, всякая новая идея дает это переживание истины, но горький опыт постепенно разочаровывает и показывает, что многое оказывается ложным из того, что переживалось как истинное» (стр. 34).

«Всякий выдающийся естествоиспытатель может рассказать, какое количество идей надо перепробовать, прежде чем натолкнешься на идею, сколько-нибудь приспособленную к фактам: об этих предварительно погибших идеях знает только сам исследователь и его ближайшие сотрудники...» (стр. 170).

Об этом последнем следует подумать прив.-доц. Фролову как сотруднику Павлова: насколько, напр.. приспособлены идеи единодержавия мозговой коры к фактам, свидетельствующим о работе стриопаллидарной системы и бугровых тел...

При работе естествоиспытателя «ассоциации являются первоначальным инструментом познания, необходимым посредником между ощущениями и вещами» (стр. 179).

П. П. Павлов справедливо полагает, что субъективный мир и материя – одно и то же, но открываемое с двух сторон. Прав он также, когда признает, кроме своего учения, и науку о субъективном мире, т. е. психологию. Прив.-доц. Фролов полагает, что научная преданность учителю обязывает его не признавать ни психологию, ни ее метод – интроспекцию. Это всегда бывает с учениками, plus royaliste que le roi.

И. Е. Орлов метко определяет психологию построения теорий, что может быть применено и к Павловскому учению: «Материей всякой теории является тот психический материал наглядных представлений, который положен в основу теории... Формой теории можно назвать совокупность отношений между основными представлениями.

Основной психической материал после многих попыток и исправлений принимает наконец в опыте такую форму, при помощи которой возможно предсказание фактов... Мы можем, согласно Людвигу Фейербаху, рассматривать познание как диалектический процесс, примиряющий в себе субъективный и объективный моменты.

Для метафизиков всякого рода существуют только две возможности: или мы познаем самую сущность вещей в себе, или мы имеем дело только с субъективными представлениями. В действительности же как раз имеет место нечто третье: приспособление к вещам посредством психических построений» (стр. 193).

Прив.-доц. Фролов игнорирует именно эту работу психических построений и, отвергая оптом научную психологию под общим прозвищем «метода самонаблюдения», он думает, что изолированная ориентация в вещах и их отношениях позволила Павлову открыть то, что Павлов открыл. Представляя Павлова экстравертом в мышлении, прив.-доц. Фролов не заметил положительных свойств интровертированного мышления у своего учителя (см. об интроверсии у Юнга).

Метод самонаблюдения применялся и применяется в следующих отраслях: при душевных болезнях, при неврозах психогенного происхождения в криминальной психологии и нормальной психологии. Это применение касается и мужчин и женщин, и взрослых и детей. Применение этого метода с большими диагностическими и терапевтическими успехами исходило от самых выдающихся специалистов. Назовем среди них Крэпелина, Зоммера, Ашаффенбурга, Ферагута, Иссерлина, Фрейда, Абрагама, Ранка, Петерсена, Бонхеффера, Гейльброннера, Гельпаха, Ясперса, Адлера, Кречмера, Дюбуа, Жанэ, Бумке, Бюлера и др.

Различные в деталях, по однородные в смысле интроспективного корня, методы подхода к нормальному ребенку и к ребенку с больной психикой до сих пор оказываются главнейшим орудием в распознавании особенностей личности ребенка, его характера, стимулов поведения. Пр.-доц. Фролов только на основании своих лабораторных работ над собаками, будучи физиологом-экспериментатором, дает совет всем этим выдающимся психологам, психиатрам, криминологам отрешиться от интроспекции и последовать за теми советами, какие дает он, пр.-доц. Фролов. Лабораторные занятия над собаками столь плодотворны, что дают право поучения и психиатров, и юристов, и педагогов, и невропатологов. В истории наук такое положение является исключительным. Отсюда один шаг к авторитарному господству над историей. История есть наука о поведении человеческих групп в прошлом. Но так как никакая наука о поведении не есть наука, раз она не исходит от учения об анализаторах, торможении и пр., то все эти Моммсены, Шлоссеры, Веберы, Ключевские, Покровские не суть историки, ибо только из Павловской лаборатории могут выходить лица, научно правильно судящие об исторических фактах поведения Наполеонов и Цезарей. Курс русской истории Покровского должен быть переделан Фроловым.

Своеобразны также доводы прив.-доц. Фролова относительно исследования в жизни и в лаборатории. На возражение, что в жизни совсем иные условия и ситуации, чем в лаборатории, прив.-доц. Фролов отвечает, что лаборатория – часть жизни, а потому разницы здесь никакой нет; кроме того, механизмы, действующие у собаки в лаборатории, остаются таковыми же и в жизни. Этот взгляд – лучшее доказательство, что под поведением понимается физиологическое отправление. В самом деле, как в лаборатории, так и вне ее сердце у собаки бьется одинаковым образом, шерсть линяет и там и здесь, голосовые связки производят в лаборатории лай такой же, как и вне лаборатории... Стало быть, механизмы психической работы у человека одни и те же как в жизни, так и в лаборатории. Так как лаборатория есть жизнь, а жизнь есть лаборатория, то всякие возражения в этом смысле неудачны – думает прив.-д. Фролов. В самом деле. Какая разница между настоящим цветком и искуственным? Искуственный цветок – тоже часть жизни. Он изготовляется из бумаги или тряпки: тряпка из ткани; ткань из животных или растений. Все это часть жизни, природы, следовательно, искуственный цветок и естественный суть одно и то же. Оба они взяты из жизни. В учебниках логики имеются такие силлогизмы: «Человек изобрел железную дорогу. Готтентот – человек. Следовательно, железную дорогу изобрели готтентоты». Совершенно такой же ход логики у пр.-доц. Фролова, убеждающего нас, что между лабораторным и жизненным поведением в естественной обстановке никакой разницы нет.

Нужно сказать еще несколько слов о значении психологии в медицине вообще. В своей книге «Ваготонин, симпатикотонии, невротонии» Гильом говорит (стр. 179–182): «Каковы бы ни были причины вагосимпатических синдромов, всегда надо иметь в виду психологический элемент болезни»... «В психологическом факторе лечения... заключаются для врача преимущества общей культурности... Больной прежде всего является одним из тех высших млекопитающих, которые отличаются в ряду живых существ утонченной крайне чувствительной психикой... Самые тонкие успехи физиологии немного прибавят к тем огромным терапевтическим ресурсам, которые находит каждый врач в умелой психологии и благожелательной психотерапии... Есть некоторое количество больных у которых физические расстройства происходят от вытесненной мысли»...

Гильом приводит следующую мысль Фиссингера: «Некоторые врачи удивляются, что больные обращаются к коллегам менее известным, чем они сами. Может быть, те, в самом деле, не обладают такими знаниями, но они знают самое главное: психологию больного!».

Если так велико значение психологии в деле понимания и лечения взрослых людей, обладающих опытом и критическим чутьем, то каково должно быть значение психологии в деле изучения, воспитания и лечения ребенка?..

Каждый невролог, подходя к разработке вопросов о локализации в головном мозгу, обсуждает данные обследования амбивалентно: он никогда не разбирает проблему только анатомически, как это имеет право делать, напр., остеолог. Для остеологии дело в большинстве случаев сводится к описательной анатомии, и моновалентность изучения является законной. Анатом головного мозга, особенно локализатор, должен указать не только участок, но и определить, для какой психической цели природою создан и развит этот участок. Такой ученый вынужден и обязан отмечать исследуемые пункты головного мозга двояко, и одна половина этой двоякости обязательно является психологической, предназначенной для какой-то психической роли. Самая идея о «локализации психических способностей» предполагает неизбежно двусторонний круг явлений: анатомо-физиологических, определяющих, где и как осуществляется локализация, и чисто психологических, определяющих, что осуществляется. Поэтому неизбежно должно быть признание двух наук, дающих в итоге монистический взгляд. Так именно поступают европейские неврологи, понимающие, что никакая топическая диагностика головного мозга немыслима и не нужна, раз отсекается то, для чего природой и развита совершенствующаяся филогенетически функциональная локализация. Напр., когда современные неврологи разбирают вопрос о локализации движений, то они указывают, что задание части первой и второй лобных извилин имеют биологическое предназначение для выполнения следующих психических функций: инициативы движений, активирующего действия на всю моторную систему, составления проектов движений (Bewegungsentwurt), выработки и сохранения двигательных формул, участия в сложных движениях высшего типа. Отчетливо неврологи показывают, что без психологии, без ее терминов, понятий, смыслов и значимостей существование голой нейтральной неврологии (головного мозга) бессмысленно, не нужно и логически не осуществимо, ибо самая идея локализации «психических способностей» предусматривает неразрывную комбинацию анатомического «где» с психологическим «что».

Никто не станет отрицать авторитетность Z. R. Müller'a и Greving'a в проблемах изучения функций промежуточного мозга. Но и эти авторы, не зараженные предвзятой и больной идеей похоронить психологию во что бы то ни стало, в своем анализе анатомо-физиологических явлений прибегают к понятиям опытной психологии. Напр., разбирая вопрос о том, что Thalamus не только посылает таламо-корковые пути к горе, но и получает также возбуждения от коры чрез tractus cortico thalamicus, эти авторы устанавливают, что когда на основе соображений и путем ассоциаций возникают известные настроения, влияющие на иннервацию внутренних органов и желез, то и мимика изобличает тогда наше настроение. Из этого отчетливо явствует и то, что неврологи весьма считаются с явлениями и понятиями опытной психологии, и то, что самые мимические реакции зависимы дважды сперва от интеллектуальных процессов, а затем от настроения. Неврологи ясно показывают, что смысл мимических движений понятен будет только тогда, когда мы истолкуем эти движения, прибегнув к понятиям опытной психологии: ассоциации, сообразительности, настроению. При этом подобные понятия берутся во всем их автономном значении, а вовсе не потому, что для них еще не придумано заместительных физиологических коррелятивных понятий.

Разумеется, и рефлексологи на деле поступают так, как и эти неврологи, и стремятся согласовать, подвести, найти соответствие своему рефлексологическому базису в данных опытной психологии: а затем, использовав последнюю, установив соответствие, они провозглашают необходимость крестового похода против деспотизма опытной психологии.

В своей книге «Физиологическая природа инстинкта» прив.-доц. Фролов признается, что он человек неоригинальный, а только соприкасающийся «с крупнейшими людьми своего века» (стр. 210). Это делает честь скромности прив.-доц. Фролова, но, к сожалению, это откровенное признание не сопровождается проявлением скромности в отношении наук, о которых наш неоригинальный автор не имеет ни малейшего представления.

Будучи неоригинальным, по собственному признанию, в учении об условных рефлексах и будучи обязанным в этой области соприкосновению с крупнейшим ученым своего века, прив.-доц. Фролов зато оказывается весьма оригинальным и отнюдь не скромным в своих рассуждениях о психологии. Здесь он не только оригинален, но даже является на сотни и тысячи лет вперед чудесным предсказателем. Судьбы психологии будущего ему открыты как на ладони и прогноз этой науки в устах этого ученого звучит мрачно и безнадежно: «Единственное. что мы не допускаем, это то, что психология когда-нибудь даст больше для разъяснения инстинктов, чем она дала уже до сих пор», – предсказывает пр.-д. Фролов в своей книге (стр. 187).

Здесь прив.-доц. Фролову не мешало бы вспомнить следующую предупреждающую фразу своего учителя: «Я, конечно, отношусь весьма отрицательно к скороспелым и, правда, нелепым попыткам»... тех, кто от его имени реформирует психиатрию... ввиду теснейшей близости и даже неразрывности современной психологии с современной же психопатологией, это отрицательное отношение И. П. Павлова к скороспелым и нелепым попыткам может быть отнесено и к прив.-доц. Фролову, который от имени Павловской школы порочит психологию, уже давшую очень много в вопросе о влечениях, столь близких инстинктам.

Пр.-доц. Фролов считает себя большим авторитетом в вопросе об инстинктах и сообщает, что его работе об инстинкте оказан радушный прием еще 12 лет тому назад. Все это возможно, но в 1927 г. прием этот со стороны биологов нельзя назвать очень радушным. Так, проф. В. А. Вагнер (Возникновение и развитие психич. способностей. Вып. 7, 1928. Стр. 9–23), авторитет которого в зоологии, общей биологии и сравнительной психологии едва ли подлежит оспариванию, находит, что «существенно новое», открытое Фроловым, сводится к словам, а не к существу дела; что д-р Фролов – как это характерно для всех рефлексологов – занялся лишь переименованием: вместо инстинкта самосохранения – инстинкт самообороны, вместо инстинкта размножения – половой; вместо инстинкта питания – пищевой, что вносит лишь путаницу и неверный смысл и приводит к ошибочным заключениям (стр. 9–10); что попытки пр.-д. Фролова «решить вопросы психологии физиологическим методом в лаборатории» недостаточны и многого не только не выясняют, но и не обнаруживают. По поводу рассуждений пр.-д. Фролова об «интуициях» зоопсихолога проф. В. А. Вагнер даст следующий «радушный» отзыв: «Интересно было бы знать, где вычитал такую галиматью ассистент Павлова Фролов, сообщающий о ней в своей книжке, и как связать эту галиматью с серьёзным изучением вопросов науки современной биопсихологией»?.. Рассуждения же Фролова о погружении рыб в тормозное состояние проф. Вагнер прямо называет уклоном в метафизику.

Вообще по вопросу о торможении, по мнению Вагнера, физиологам надо работать, «не отмежевываясь от психологии, а при ее содействии и под ее руководством» (стр. 18). Не ясно ли, что для нас учеников-педологов, всею душою жаждущих познать, что такое инстинкты и как их изучать у детей, это мнение является сюрпризом: после стольких гонений на психологию, предпринятых пр.-д. Фроловым и ему подобными, вдруг раздается голос биолога, приглашающего нашего знаменитого и компетентного автора трактата «Физиологическая природа инстинкта» учиться под руководством психологии.

Прив.-доц. Фролов предсказывает, что едва ли психология когда-нибудь разлепит что-либо об инстинктах (стр. 187), а проф. Вагнер говорит: «На вопросы о том, что дает физиология для решения вопросов эволюции психических способностей вообще и их взаимоотношения в частности – приходится ответить: пока ничего!..» (стр. 19).

В заключение В. А. Вагнер, констатируя факт слабой осведомленности пр.-д. Фролова в биопсихологии, дает ему совет учиться, самому разобраться в неясных вопросах – и тогда уже выступать более свободно.

Совет В. А. Вагнера работать, не отмежевываясь от психологии, а при ее содействии и под ее руководством находит себе блестящее подтверждение именно в данных совре-

менной клинической и теоретической психопатологии, каковые уже совсем почти слились с опытной психологией, как это и предсказывал Кречмер.

Та ситуация в которой очутился прив.-доц. Фролов со своим трактатом об инстинкте, объясняется именно внушенным ему небрежением к психологии, а он и не замечает этой ситуации, ибо встретил от других Фроловых признаки радушного приема.

Первая ошибка Фролова заключается в том, что, собираясь изучать инстинкты и поучать этому вопросу других, он не учел того, что в понятие «инстинкт» входят наследственно утвердившиеся компоненты общей аффективности, которые прочно замыкаются и группируются вокруг известной жизненной цели. А раз инстинкты и влечения суть компоненты общей аффективности, то психологическое ознакомление с настоящим современным состоянием вопроса об аффективности обязательно. Таким образом, учение об инстинктивных формулах, о гиппоидно-ступорозном радикале, о «влечении к овладению», об «иррациональном влечении к стаду», об аутизме, об инстинктах охранения от опасности в связи с аффектами страха, о гипобулических механизмах, учение о нарцизме и либидо (в толковании особенно Штерке) – все, это должно было быть предварительно изучено тем автором, который собирается писать трактат об инстинктах. Прив.-доц. Фролов говорит много о половом инстинкте, но сразу видно, что он не знаком с учением о сексуальной конверсии, а также с учением о превращении сексуального возбуждения в страх – и обратно, а между тем психологическая литература на Западе о конвертированных страхах, о роли в них древних филогенетических связей поистине громадна. Трактуя о сексуальном инстинкте, пр.-д. Фролов просто не осведомлен о тех биологических феноменах, которые известны как сексуальные заместительные образования; точно также ему неизвестно учение об «энергетических изживаниях сексуального инстинкта» в современном его оформлении. Все эти дефекты ясно заметны рядовому провинциальному психиатру, что же сказать о читателях более высокого ранга?

К пр.-д. Фролову весьма применима фраза Фрейда: «В первую очередь должен быть улучшен исследователь, дабы быть пригодным для выполнения своей задачи» (Штерке А. Психоанализ и психиатрия. Стр. 12).

VII.
ПЕДОЛОГИЯ И GESTALT-ПСИХОЛОГИЯ

В жизни науки весьма часто наблюдаются два совершенно противоположных явления. Первое со времен Чезаре Ломброзо носит название мизонеизма, второе можно назвать филонеизмом.

Мизонеизм – это неприязненное отношение и даже ненависть ко всему новому, всему, что не укладывается в обыденный порядок... В науке многие исследователи привыкли к определенной системе, к традиционным формам мышления. Они с какою-то тревогою и боязнью встречают чуждые новые идеи; независимость и смелость последних пугает их традиционно установленную дисциплину мышления, нарушает ученую постепеновщину – и, как бы новые идеи ни были хороши, их встречают со злобой, досадой и ненавистью. Такие формы мизонеизма испытали па себе почти все выдающиеся представители науки. Стоит упомянуть о Дарвине, Пастере, Мечникове и многих других деятелях науки, чтобы убедиться в стойком существовании мизонеизма в научных кругах.

Гораздо чаще, чем мизонеизм. встречается обратное явление – влечение ко всему новому – филонеизм. Обуреваемые этим свойством лица тяготеют ко всяким новым веяниям: им как бы неловко и стыдно придерживаться в науке старомодных взглядов и они плывут за каждым новым течением, добровольно рекламируя его значимость. Параллельно с этим такие ученые любят устраивать публичные похороны тем течениям, на смену которым пришло вот это новое течение. Однако между мизонеизмом и филонеизмом, несмотря на родственность их натур, как это свойственно антиподам, имеются и резкие различия. Мизонеизм отличается упорством, косностью и устойчивостью раз избранной ли-

нии; филонеизм быстро охладевает к новой научной моде и изменнически беззаботно увлекается еще чем-нибудь новым. В области психологии за последние годы мы видим именно резкое проявление филонеизма.

Представители последнего, наскоро объявив классическую опытную психологию устаревшей, умершей, стали превозносить до небес бихевиоризм. Последний объявлен был последним словом эпохи, и целые дивизии и корпуса ученых боевых сил стали переходить на его сторону... Но прошло всего 5–6 лет, и бихевиоризм был объявлен машинным несостоятельным учением, которое надо сдать в архив и заменить новым, единственно правильным...

Это единственно-правильное течение, о котором теперь так много говорят, – Gestalt-психология. Пропагандисты этого течения с такой же спешностью и усердием хоронят бихевиоризм, с какою бихевиористы хоронили опытную психологию... Gestalt-психологии пророчат великую будущность. В ней все новое... От старого ничего нет... Ее подходы к изучению личности совершенно оригинальны. Предварительные постулаты и принципы необычайны по своей новизне. Ее опыты замечательны по остроумию и открывают новые горизонты... Gestalt-психология срывает завесу со всего мрака, нависшего над психикой... Нам необходимо с этим учением ознакомиться...

Одним из недостатков в жизни наших провинциальных педологических учреждений является отсутствие соответсвующей текущей иностранной литературы. Это отсутствие, к сожалению, не восполняется переводной педологической литературой, – и нам, единицам губернских педологических масс, приходится мириться с тем, что столица дискутирует о самых животрепещущих вопросах педологии, а мы не сможем не только принять участия в этой дискуссии, но даже не знаем, что высказали иностранные ученые, о взглядах которых сейчас в столицах идут споры. Количество переводов выдающихся сочинений отнюдь не соответствует количеству подлинного выхода их. Так, напр., на русском языке не имеется ни сочинений Шеррингтона, ни Монакова, ни Фохта; не имеется переводов работ Вюрцбургской школы, вызвавшей столько интересных споров в науке Запада. Из представителей учения о поведении переведен только Уотсон. По поводу Gestalt-психологии в провинцию дошла лишь маленькая брошюрка А. Р. Лурия, в которой этому течению отведено 25 с половиной страничек, да имеется 2–3 странички об этом направлении в книжке С. М. Василейского.

Поэтому крайне желательным является, чтобы дискуссиям об известном течении предшествовали переводы основных сочинений по этим течениям. Нельзя скрывать и того, что врачам-педологам, вышедшим из бедных слоев населения и учившимся на медные деньги, не удалось в достаточной мере овладеть иностранными языками; кроме того, материальные ресурсы едва ли позволят им выписывать на свои средства иностранную литературу, и, наконец, школьные врачи так завалены работой, что погрузиться в сосредоточенное чтение новейших работ на английском, немецком, французском языках не представляется возможным.

А между тем педологическая практика требует возможно быстрого разрешения чисто житейски-текущих педологических вопросов. Например, идет спешное заготовление разных схем, методов психологического исследования детей ленинградскими и московскими учреждениями; провинция бывает рада, если налаживается в этом отношении связь. И как раз в это время долетают новейшие идеи о том, что «мозаичный» метод в психологии, т. е. исследование по способу от частей к целому, следует признать не только неправильным, по и прямо «гибельным по своим последствиям» (мнение Wertheimer'a).

Необходимо все же знать школьному врачу, действительно ли он выполняет нужное дело, затрачивая на это энергию, труд; действительно ли Наркомздрав поступает правильно, оплачивая нашу работу, ассигнуя средства на пособия, или же школьные врачи и врачи проф. амбулаторий вот уже четыре года ведут не только неправильную работу, но и гибельную по своим последствиям.

Вопрос далеко не безразличный и если уже ничем не поправить прошлого, то НКЗ и НКП могут теперь вовремя приостановить неправильную и гибельную работу, выполняемую повсеместно по всему СССР.

Положение рядового педолога, выполняющего ежедневно текущую работу, поистине затруднительно и несравнимо с работой других специалистов в отношении точности и планомерности выполняемого. Рука об руку с ним работают ушной, глазной, зубной и иные специалисты, и работа их как велась пять и десять лет назад, так и сейчас ведется с небольшими разве изменениями, являющимися данью ежегодного движения вперед каждой отрасли.

Совсем не то педолог. Работая в 1924 году по методам экспериментальной психологии типа Вундта, Шульце, Меде, Штерна, он получает теперь сведения, что эта работа неправильна и ненаучна; научной должна быть работа по методам рефлексологов; стремясь к овладению методами последней, он уже слышит о резком осуждении учения рефлексологов, которое должно уступить место бихевиоризму как более широкому и всеобъемлющему учению о реакциях. Стремясь к изучению детей по тенденции бихевиористов, педолог узнает, что подобное изучение как перегибающее палку в сторону био и в ущерб социо, неправильно и должно уступить место такому учению, которое освещает весь вопрос с научно-социалистической точки зрения, не свойственной большинству представителей бихевиоризма. Только что педолог погружается в изучение социалистических проблем и основ социальной педологии, как является Gestalt-психология, которая заявляет, что единственно верный подход к изучению ребенка, – это целостный подход, постигание структуры, и что все, что делалось до этого направления, все это зря пропавший труд.

Каков бы ни был провинциальный педолог, но если он знает, что и в Европе, и в Америке, и в столицах СССР тип подобной работы признается устаревшим, ненаучным, неправильным и даже гибельным по своим последствиям, он должен на такую аттестацию как-либо реагировать.

Первое, что ему необходимо, это ознакомление с идеями и методами того нового направления, которое все предшествующие направления признало непригодными. Второе, что он должен сделать, это отчетливо представить себе все преимущества нового направления, так чтобы он был определенно убежден в бесполезности и даже вредности всех старых путей и в полезности и даже необходимости нового пути.

Как ни бедны отзвуки о Gestalt-психологии, а все-таки текущая работа требует обсуждения ее принципов сейчас же, ибо тут же надо поставить вопрос: как дальше работать.

«Под психологией обычно было принято понимать науку, изучающую паше сознание, душевные явления, наш внутренний мир. И, однако, современная научная психология ничего общего с этими проблемами не имеет...», – так начинает А. Р. Лурия свою «Современную психологию в ее основных направлениях». Теперь психология исчезла и заменилась наукой о поведении человека. Если сейчас имеются психологи и психиатры, которые все еще думают, будто психология есть наука о душевных явлениях, то эти психологи принадлежат эпохе, уже окончательно отошедшей в прошлое. Сюда, стало быть, относятся Блейлер, Юнг, Кречмер, Бумке, Ясперс – все это тени прошлого, живые трупы, призраки, явившиеся из отмершей эпохи... Как видно, против опытной психологии даже камни вопиют...

Наука о поведении целиком заменила старую психологию. Мы, ученики-педологи, как лица, совершенно не компетентные в диагностике признаков смерти одного научного течения и в диагностике появления на свет истинно научных направлений, разумеется, принимаем это сообщение к сведению и исполнению с соответствующей законопослушностью. Хорошо, пусть психология умерла и пусть утверждена наука о поведении.

Но нас смущает то обстоятельство, что лица, объявляющие о таком положении дел, тут же отмечают такие колоссальные нелепости учения о поведении, что последнее в их же характеристике принимает характер чего-то бессвязного, бессмысленного и смехотворного (см. выше – главу V).

В своем «Введении в философию диалектического материализма» А. Деборин говорит: «Поверхностное и легкомысленное отношение ко всякой «идеологии» и ко всякому философско-научному течению есть отличительная и самая выдающаяся черта нашей интеллигенции. Сегодня она торжественно (непременно торжественно, празднично) хоронит то, чему вчера еще с таким жаром и такой фанатичностью поклонялась. А завтра, будьте уверены, ни пылинки не останется от сегодняшней «веры»... И именно потому, что для нашей интеллигенции существуют лишь предметы веры, а не знания, – именно поэтому и возможны такие частые похороны миросозерцаний» (стр. 242).

Мы далеки от мысли причислять к подобным любителям похорон А. Р. Лурия. Наоборот, мы думаем, что этот автор более идет по линии знаний, а не веры, но мы полагаем, что в отношении увлечения бихевиоризмом многих наших учителей-педологов играла роль вот именно эта смена умонастроений, о которой говорит А. Деборин. Это верно еще и потому, что поскольку бихевиоризм вот уже 15 лет пытается похоронить опытную психологию, постоянно выпрашивая у нее исподтишка подаяний, постольку (за последнее время) возникающая Gestalt-психология организует пышные похороны бихевиоризма и пытается убедить, что все виды психологий давно уже умерли, а жива и здравствует только она, Gestalt-психология.

О похоронных тенденциях Gestalt-психологии мы будем говорить ниже, а сейчас укажем, что это увлечение погребальными ритуалами свойственно многим ученым и не только в отношении психологии, но и в отношении биологии. Так, D. Einhorn устраивает грандиозные похороны Дарвину и эволюционной теории. Дарвинизм – это «безжизненный труп». «Новая история обоснования эволюционной теории есть история ее опровержения...» «Вся теория эволюции оторвана от почвы эмпирического опыта...» «Она представляет произвольное спекулятивное построение, продукт чистого вымысла» (цит. по: Под знаменем марксизма. 1925. № 10-11).

Как видит читатель, дарвинизм закапывается в бездонную яму традиционного прошлого еще глубже, чем опытная психология. Еще Гертвиг, ученый первого ранга, утверждал, что дарвинизм устарел, отжил и мешает продвижению науки вперед. Таким образом, декларации о смерти нелюбимых теорий отнюдь не суть фактические удостоверения о подлинной смерти этих течений. Это есть лишь façon de parler. Объявление о смерти экспериментальной психологии с указанием, что последнюю не признали целый ряд держав, есть лишь полемически-дипломатический прием американцев.

Мы коснемся сейчас лишь основных принципов Gestalt-психологии:

1. Отрицание мозаичности. Согласно этому принципу, признается совершенно несостоятельным и ненаучным разложить всю психику на отдельные элементы и обратно сложить из этих элементов цельную психику.

2. Признание формы, структуры, образа (Gestalt) – это второй принцип как антагонист принципа анализа.

Мотивируется он так:

I. Сложно-нервные психические процессы дают качественные образования, неразложимые механически на элементы.

II. Всякая вещь имеет свою структуру.

III. Эта структура неразложима без того, чтобы самая вещь не потеряла твоего своеобразия.

IV. Вещи физического мира оформлены.

V. Эта оформленность имеет свои внутренние законы.

3. Признание оформленности сложно-жизненных процессов.

I. Структура сложно-жизненных процессов соответствует сложным условиям, в которых они развиваются.

II. Биологическое целое нельзя разделить на части.

III. Биологическое целое нельзя объяснить из функции его частей: дерево нельзя объяснить как сумму листьев, корней, коры, древесины, наоборот, и корни, и листья, и кора объяснимы, если исходить из структуры дерева, его положения в среде, ситуации и условий соотношения со средой. Целое определяет части, но не части целое.

4. Целостность нервно-психических процессов.

I. Отрицание «Und-Uerbindurs».

Старая психология построена по принципу сложения через «И»: ощущения, и эмоции, и память, и внимание, и суждения, и стремления = психическое целое.

Такой принцип неправильный, а последствия его приложения губительны.

II. Психические процессы более чем что другое, целостны и структурно-оформлены...

Безнадежно пытаться понять восприятия, работу интеллекта, поведение, не зная их структуры...

5. Целостный принцип в восприятии.

I. Восприятие формы самостоятельно, независимо от восприятия составляющих его частей.

Напр., если вы покажете шесть точек, расположенных в таком порядке, что по их расположению можно узнать шестиугольник, то всякий ответит, что это шестиугольник, а не шесть точек; так же воспримутся три параллельных пары линий, а не шесть прямых линий; так же воспримется круг, а не группа точек. Человеку свойственна тенденция воспринимать определенную систему точек как наиболее совершенную и полную фигуру (амплификация).

II. Первичность восприятия формы.

Из изложенного проистекает следующий закон: «Первичным оказывается не восприятие отдельных элементарных ощущений, а восприятие форм, структур...» (стр. 40). След., если нарисовать 6 точек, то сперва воспримется шестиугольная форма, а потом уже 6 точек... В начале восприятия, след., будет такой период, когда точки невидимы, а форма 6-угольника видна... Наша психика построена именно по такому структурному принципу.

III. Тенденция к закономерности форм.

Каждая форма подчинена закономерностям. Незаконченный круг заканчивается округленной линией; треугольник – прямой линией. Восприятие целостных фигур не зависит от привычки.

При восприятии G-угольника по нескольку десятков раз (до степени привычки), испытуемые не могут найти этой фигуры в более сложной фигуре, включающей первую как часть.

Не только геометрические фигуры, но и простые вещи обихода приобретают новую форму и новые качества, если они будут вставлены в другую ситуацию.

Напр., зеркало, вызывающее тенденцию посмотреться в него, теряет эту функцию, будучи вставлено в новую целостную систему, где оно играет роль рефлектора.

6. Физиологические и физические структуры.

I. Оформленность восприятий имеет в основе оформленность физиологическую.

Если глаз воспринимает раздражители не как элементы, а как формы, то и процессы в сетчатке и в зрительной области коры происходят не мозаично, но имеют структурно-оформленный характер.

II. Нервная система всегда работает как целое.

Для осуществления каких-нибудь движений и актов поведения вовсе не нужно предполагать наличие определенных местных возбуждений с последовательной ассоциативной «увязкой» их.

III. В физике тоже действуют определенные структурные законы.

7. Интеллектуальное поведение.

Здесь Gestalt-психологами устанавливаются следующие принципы:

I. Принцип крайне отрицательного отношения к бихевиористам и рефлексологам за их механистический подход, за веру в комбинацию простых рефлекторных движений как порождение целого, за непонимание смысла функции поведения и т. д.

II. Принцип целенаправленности поведения животного. У животного важны попытки, цель. Каждая ситуация действует на инстинкты животного и пробуждает соответственные импульсы. Но все движения направлены на выполнение задачи, цели.

III. Объединенность цели и способа создает отношение к объектам среды как к орудиям (инструментам).

IV. Инструментальный принцип создает формы поведения, несводимые к механическому сочетанию отдельных рефлексов или примитивных двигательных форм.

V. Опровержение тезиса рефлексологов и поведенцев, что среда состоит из ряда отдельных раздражителей, а поведение – из ряда рефлексов на эти раздражители. Уже животные часто воспринимают среду как структуру, реагируют не просто на раздражители, а на отношения раздражителей.

Главнейшая новизна и исключительная высоконаучная ценность Gestalt-психологии – это ее отрицательное отношение к принципу мозаичности, резное отрицание дробного анализа психики. Это-то отрицание и явилось побудителем к исканию целостности.

Вторым важнейшим плюсом Gestalt-психологии является совершенно новое в науке открытие, что и в нервной системе, главным образом в коре головного мозга, процессы происходят целостно, а не мозаично.

«Если мы зрительно воспринимаем раздражители не как элементы, а как формы, – значит, и процессы в сетчатке и в зрительной области коры происходят не мозаично, но имеют свой целостный и структурно оформленный характер (см. А. Р. Лурия. Там же. Стр. 43).

Эти два тезиса Gestalt-психологии должны иметь величайшее значение для науки; можно сказать, это целый переворот в естествознании.

В самом деле, Gestalt-психологи нам говорят, что «процессы в области коры происходят не мозаично», а между тем мы только что ликовали по поводу прогремевшего на весь мир открытия И. И. Павлова, что именно мозговая «кора полушарий должна представлять собою грандиозную мозаику, грандиозную сигнализационную доску» (Кора как мозаика. 13-я лекция. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. Москва, 1927. Стр. 191).

Можно сказать, весь 25-летний великий труд блестящего физиолога сводился к тому, чтобы доказать мозаичность коры, наличность в последней своих точек приложения для каждого положительного или отрицательного условных рефлексов – и вдруг Gestalt-психология объявляет принцип мозаичности коры фантазией!..

Павлов прямо говорит: «Одна такая единица коры (т. е. клетка или группа клеток) связана с одной деятельностью организма, другая с другой, одна вызывает деятельность, другая ее не допускает, подавляет»... При этом в коре «постоянно остаются огромные запасы пунктов для образования новых сигнальных условных раздражителей, и кроме того занятые ранее пункты более или менее часто подвергаются изменениям в их связях с разными деятельностями организма, в их физиологическом значении...

Механизм такой функциональной мозаичности коры полушарий как с анатомической стороны, так и с физиологической отчасти намечается и сейчас. Как состав рецепторов из множества элементов, так и обилие клеток коры с их огромным разнообразием по величине, форме, расположению в значительной степени отвечают требованию этой мозаичности. С этим достаточно согласуется, хотя и более грубая, локализация, устанавливаемая современной физиологией коры» (стр. 191).

А Gestalt-психологи по поводу той же физиологии коры утверждают, что те же закономерности, т. е. отрицание мозаичности и принцип целостности, «можно проследить и в динамике физиологических процессов» коры (Лурия, стр. 43).

Но Gestalt-психологи идут гораздо дальше. В то время как Павлов, путем 25-летних трудов, после целого ряда опытов, пришел к выводу, что нервная система обладает дробными разлагающими анализаторными механизмами, что «нервная система есть всегда больший или меньший комплекс анализаторных приборов, анализаторов», что «оптический отдел выделяет для организма световые колебания», что он «дробит соответствующую часть внешнего мира на длиннейший ряд отдельных элементов», что «высший тончайший анализ, на который способно данное животное, достигается только при помощи больших полушарий», что «в современной физиологии изучение анализаторной деятельности составляет очень важный отдел так наз. физиологии органов чувств» (Павлов, стр. 100–101), – в это самое время Gestalt-психологи высказываются, что «изучение восприятий привело их к созданию совершенно новых взглядов на строение и закономерности в деятельности нервной системы. Эти взгляды сводятся к тому, что нервная система всегда работает как целое и что для осуществления каких-либо движений и актов поведения вовсе не нужно предполагать наличие определенных местных возбуждений с последовательной ассоциативной «увязкой их» (Лурия, стр. 43).

Таким образом, учение Павлова об анализаторной деятельности коры, о мозаичности ее, как будто бы разбивается совершенно введением «новых взглядов па нервную систему»...

Эти новые взгляды касаются не только физиологических механизмов, но и строения нервной системы. Открытые Gestalt-психологами законы восприятия переносятся ими на законы строения и функций нервной системы. «В динамике оформления нервного возбуждения принимают участие те же основные законы, которые проявляются и в деятельности восприятия», – утверждают Gestalt-психологи.

Итак, пока мы, ученики-педологи, можем сделать следующие не лишенные важности выводы:

1) Gestalt-психология совершенно отрицает какую-либо ценность за методом анализа, разложения, т. е. за тем методом, которым пользуется все современное научное естествознание. Обычно, согласно формулировке В. Оствальда, содержание научного метода составляют следующие слагаемые: а) сопоставляется сходное; б) в многообразии ищется общее; в) от перечисления делается переход к системе; г) от системы к закону природы; д) выражение последнего сгущается до общего понятия.

Gestalt-психология начинает с утверждения, что «качественные образования в нервно-психической сфере нельзя разложить на элементы».

2) В связи с этим Gestalt-психология отрицает принцип мозаичности как в явлениях психической жизни, так и в динамике нервных процессов, – и входит в резкий и враждебнейший антагонизм с учением Павлова о мозаичности мозговой коры и о ее анализаторной работе.

Взамен этого учения Gestalt-психология предлагает свою теорию структурализма, согласно которой всякая вещь имеет свою структуру, неразложимую на части.

Итак, через трупы опытной Вундтовской психологии и бихевиоризма, через изгнание учения Павлова Gestalt-психология приходит к учению о структурализме.

(Любопытные мысли по поводу структурализма, воцарившегося на могиле погребенной психологии Вундта, высказывает Jordd S. Moore: «Структурализм смотрит на душевную жизнь исключительно с точки зрения структуры. Психология структурализма определяется как наука о душевных состояниях или душевных содержаниях. К структуралистам Мур относит, напр., психологов Вундта и Тичнера (см. Петрова А. Е. Психологическая классификация личностей. Стр. 283). И так структурализм похоронил Вундта, а представителем структурализма является тот же Вундт...)

3) Принцип анализа, принцип разложения и затем воссоединения (через «и») слагаемых в целое, по мнению Gestalt-психологии, «является неправильным, а последствия приложения его гибельными».

Наиболее убедительными и доказательными доводами являются в глазах этих психологов новые взгляды на восприятие.

Первое – это первенство восприятия формы. Человеку свойственно воспринимать прежде всего форму, целое. Если даны шесть точек, нарисованных в определенном порядке, то мы прежде всего воспринимаем форму шестиугольника, а потом уже точки!.. Да «навряд кто-нибудь ответит вам, что это – шесть точек; обычным ответом будет, что на бумаге точками намечен шестиугольник».

Следует заметить, что Gestalt-психология не говорит ни об одновременности восприятия точек и 6-угольника, ни тем паче об изолированном первоначальном восприятии 6 точек; она даже допускает совершенное незамечание факта бессистемной расбросанности точек; взамен этого опа утверждает, что прежде всего воспринимается 6-угольник... Стало быть, допускается такой момент, когда точки как таковые невидимы глазом; видимым является только шестиугольник (вроде, напр. стробоскопического или кинематографического слитного восприятия).

Таким образом, допускается период восприятия формы объекта без предварительного или одновременного восприятия составляющих его элементов.

Нас, учеников-педологов, воспитанных на традиционных психологах – Гефдинге, Крэпелине и Блейлере, интересует следующий вопрос. Можно ли проблему восприятия вообще изъять из сферы ведения аналитической психологии, как в этом уверены Gestalt-психологи? Точно так же – можно ли сводить все идеи и приемы опытной психологии только к одной мозаичности, которой так боятся Gestalt-психологи?

По поводу первого вопроса нужно указать, что приводимая Gestalt-психологами наклонность человека дорисовывать неоконченный круг закругленной кривой линией, а не прямой, – никоим образом не выходит (при ее трактовании) из пределов обычной эмпирической психологии. Эта наклонность, конечно, имеет основу в строении и функциях нервной системы, но от этой основы опытная психология никогда не отказывалась решительно в большинстве своих проблем; однако Gestali-психология хлопочет не об этой основе... Она отнюдь не занята желанием подвести под проблему восприятия какую-либо особую соматическую базу; она ставит эту базу как само собою разумеющееся условие, но занята она иными исканиями, которые отнюдь не похожи на поиски соматиков-физиологов и которые она считает совершенно не похожими на поиски опытных психологов. Наклонность дорисовывать круг закругленной линией она считает стоящей вне оперативных средств мышления, как это до сих пор трактовалось опытной психологией... Но так ли близорука была последняя, что совершенно обошла эту проблему, открытую Gestalt-психологами?

«Опыты Поппельрейтера выяснили, что если мы будем лицам, страдающим слепотою половин сетчаток (так наз. гемианопсией), показывать полукруг так, чтобы его концы как раз попадали на границу слепой половинки, то обычно эти лица видят не полукруг, а полный замкнутый круг, явным образом половинку его, дополняя от себя. Подобные дополнения мы всегда и проделываем, примышляя к воспринимаемому предмету свойства, прямо нам сейчас не данные» (Кравков С. В. Очерк психологии. Стр. 46).

Итак, чем можно доказать, что и наклонность закончить неоконченный круг закругленной линией не есть проявление в действии нашего примышления?

«Надо помнить, – говорит С. В. Кравков, – что процесс самого обычного нормального восприятия по существу такой же», как и в случаях иллюзий и болезненных состояний. «При наших восприятиях по поводу того, что мы непосредственно видим, у нас всплывают не только отдельные дополняющие представления, но порою и целые рассуждения. И интересно и важно отметить здесь, что эти рассуждения могут протекать иной раз под по-

рогом нашего сознания, не осознаваясь нами, а тем не менее оказывая самое явное влияние на нашу конечную оценку впечатления».

Нам до сих пор казалось, что восприятие формы, структуры, именно относится к дополняющим представлениям, которые могут выплывать из подсознательной сферы. И вообще нам казалось, что проблема этого восприятия никоим образом не выбывает из пределов опытной психологии. Gestalt-психологи избегают терминов «сознание», «подсознание», «представление», но кроме этой боязни, они как бы не говорят ничего такого, что под другими терминами разбирала опытная психология.

Gestalt-психология полагает, что восприятие прямых линий или точек как формы, как структуры и вообще тенденция оформления есть специальное открытие этой самой Gestalt-психологии и что последней принадлежит честь открытия закономерности этих форм.

Опытная психология своим старым учением об апперцепции дает кое-что, весьма напоминающие открытия Gestalt-психологов: «В какой мере воспринимаемое богаче того, что дается самими раздражителями, можно видеть и из рассмотрения нижеприводимого... Мы ясно видим (на рисунке) группу детей, несущих зажженные фонари; видим, как старшие ведут за ручки младших; видим, как две девочки повернулись назад и проч. ... Раздражение же состоит лишь из разрозненных и бесформенных белых черточек... Дополняя таким образом то, что дает раздражение, привносимыми от себя представлениями, мы вместе с тем воспринимаем эту смесь данного и привносимого обычно, как нечто объединенное целое, как нечто оформленное. Вот эта-то оформленность, форма, или, как говорят некоторые, «качество формы», является существенной чертой всего того, что мы воспринимаем... Всякая вещь, нами ясно воспринимается, характеризуется не только суммой определенных черт, ей присущих, но и взаимным соотношением этих черт. Подобное соотношение элементов и является формой вещи. Форма может оставаться одной и той же, несмотря на изменение элементов... С другой стороны, одни и те же элементы мы можем порою комбинировать в самые разнообразные формы. Напр., четыре точки **::** мы можем воспринимать то как прямоугольник, то как лежащий крест, то как две горизонтали, то как две вертикали, стоящие рядом и т. д. ...

Из всего высказанного нетрудно видеть, что воздействующие на нас раздражения претерпевают в наших восприятиях всегда известную субъективную окраску в зависимости от тех дополнений и оформлений, коим мы их подвергаем...

Словом, несомненно, что восприятия каждого из нас есть в известном смысле уже истолкования, зависящие от тех представлений, в кругу которых мы живем» (Кравков, стр. 48–49).

Какие же выводы из всего этого?

Выводы могли бы быть таковыми:

1) Восприятие форм, структур, тенденция реагировать восприятием форм – известны опытной психологии.

2) В виду обилия и многообразия этих форм и структур, как то круг, треугольник, ромб или фигуры дома, человека, дерева и пр. – невероятно, чтобы эти формы возникли помимо опыта; невероятно, чтобы они были априорными тенденциями мышления; они суть истолкования (часто подсознательные).

3) Опытная психология признает происхождение их из опыта; Gestalt-психология отвергает это и склонна приблизиться здесь к рационализму Канта. Но ни в том ни в другом случае проблема не выпадает из рамок специального отдела опытной психологии, а именно: отдела о мышлении и апперцепции.

4) Опытная психология, ставя первичное восприятие в тесную связь с истолкованием, в то же время знает, что такая механика интеллекта тесно связана с работою головного мозга. Gestalt-психология, повторяя эту мысль, следует за опытной психологией.

5) Отвергая в генезисе восприятия форм и структур прежний опыт (воспроизведенные представления и пр.), Gestalt-психология не дает никакого реального и фактически

оправдываемого объяснения. При этом она проговаривается, что эта власть вещей, отраженная на восприятиях, вероятно, задела особые закономерности в нервной системе, каковые повлияли на субъективные отражения. Этим Gestalt-психология признала в формах и структурах субъективно-отраженный материал, т. е. опять-таки пошла по стопам опытной психологии...

6) Самое дифференцирование элементов от форм, самое дифференцирование структур по закономерностям есть не что иное, как вид анализа, вид той мозаичности, на которую так нападает Gestalt-психология. В защите идеи целостного принципа в восприятии Gestalt-психология проходит чрез ряд этапов анализа.

Итак, Gestalt-психология оперирует приемами опытной психологии. В новейшей психологии, оперирующей над живым клиническим материалом, процесс восприятия форм трактуется именно с точки зрения основ опытной психологии.

«Самую элементарную форму сгущения (образов) представляет усматривание в наиболее простых геометрических линиях и фигурах, при разглядывании их, форм животных и предметов... Так для индейца из Центральной Бразилии ряд плоских треугольников превращается в летучих мышей и т. п.».

Gestalt-психология полагает, что опытная психология с ее понятиями и аналитическими методами умерла совершенно и окончательно.

По поводу этого мы, между прочим, заметим, что сейчас в новейшей неврологии и невропатологии идет широкая разработка вопросов архитектоники и физиологии слоев коры, причем исследователи ставят успех своей работы в связь с разработкой именно аналитически-мозаического метода в психологии. Чтобы узнать, в каком месте коры искать какой-либо локализации, нужно знать, что локализуется. Неврология ищет того, где находится та интеллектуальная функция, без указания на которую обессмысливается и топическая диагностика. Проф. невропатологии В. И. Русских говорит по этому поводу: «Локализация высших психических процессов и есть та основная задача, разрешение которой стоит сейчас на очереди. Решение этой задачи зависит с одной стороны от разложения психических процессов на простейшие составные части путем психологического эксперимента над здоровым и больным человеком. С другой стороны – последующим сравнением добытых данных с патологическим изменением коры, – мы можем выяснить, какие области мозга и какие группы клеток могут оказывать влияние на направление, развитие и проявление психических функций» (Сензо-моторная область головного мозга. 1924. Стр. 65).

От кого же ждет помощи неврология? От той ли области, которая совершенно упраздняет всякие понятия о сознательной и подсознательной деятельности, отвергает всякие законы психической жизни как таковой, принципиально выкидывает метод разложения психических процессов на простейшие составные части путем эксперимента, отвергает анализ феноменов, отдельных функций интеллекта и заменяет все это гипотезой об априорной склонности к восприятию форм? Или неврология ждет помощи от опытной психологии, которая в своем развитии сама отбрасывает части устарелые и заменяет их новыми, как это происходит в жизни каждой науки?

Ответ словами профессора невропатологии В. Н. Русских: «...(Невропатология) постарается детально выяснить путем эксперимента на животных и путем изучения патологических случаев связи друг с другом различных участков коры, а главное, места начала и окончания этих связей, а также отношение одних слоев коры к другим. Психология со своей стороны должна углубить свои изыскания определенных законов сознательной и подсознательной психической жизни и вместе с критикой теории параллелизма выкристаллизовать с большей ясностью грани новых психологических категорий, каковыми являются апперцепция, функции, акты и т. п.» (стр. 65).

И что же? Сделано что-нибудь этой совместной работой невропатологии и опытной психологии?

Факты говорят, что сделано. Сделано и в Европе, и у нас. Несмотря на уверения Gestalt-психологии и на выдачу ею свидетельства о смерти опытной психологии с печатями Вертгеймера и Коффки, оказывается, что самые новейшие европейские исследования указывают, что связь эта плодотворна.

Так, Ariens-Kappers «при рассмотрении сравнительно анатомического материала пришел к весьма важному заключению, что в то время, как слой зерен (в коре мозга) имеет рецепторный характер, инфрагранулярной слой ганглий заведует низшими интратерриториальными ассоциациями, а высший супраграпулярный слой пирамид совершает высшую экстратерриториальную ассоциационную работу» (стр. 65).

Мы приводили неоднократно данные, доказывающие, что еще очень мало развита анатомия и физиология мозга в отношении их к психике. Но если при этой тяжелой работе мы будем, подобно Gestalt-психологам, требовать изгнания опытной психологии, будем советовать невропатологам открывать только места без указания на то, что искать в этих местах мозга, тогда едва ли проблема соотношения мозга и психики подвинется вперед.

Новость, которую сообщает Gestalt-психология, заключается в том, что существуют закономерности в актах восприятия и эти закономерности сводятся к склонности воспринимать формами, структурами.

Таким образом, как бы утверждаются два положения:

1) врожденная априорная склонность к восприятию определенными формами-фигурами;

2) неподвергаемость этих формо-структурно-фигуро-восприятий дальнейшему анализу и психогенезу с точки зрения опыта.

Если бы в наше время наука признавала тезис Канта, что математические аксиомы суть истины безусловные и необходимые, то утверждения Gestalt-психологов о том, что восприятию свойственна первичная имманентная реакция формою, имели бы абсолютное значение. Но так как современная эволюционная точка зрения рассматривает всякие априорные аксиомы как основанные всецело на опыте, то и положение Gestalt-психологии едва ли оказывается вполне соответствующим современной науке.

Приводимая Gestalt-психологами наклонность интеллекта дорисовывать неоконченный круг закругленной линией может объясняться именно привычностью интеллекта, не сознаваемой нами ясно, но допустимой с точки зрения филогенеза и с точки зрения работы подсознания; способность интуиции рассматривается как приспособление интеллекта к среде; а ведь Gestalt-психологи со своей способностью восприятия формою, а не элементами, всецело стоят на точке зрения теории врожденных способностей к интуитивному созерцанию. Первичное восприятие форм, структур – этот краеугольный камень Gestalt-психологии – только индивидуально-психологически априорно, но логически оно апостериорно, ибо в конечном счете основано на филогенетическом опыте. «Современные математики усомнились в абсолютной достоверности интуитивного математического познания и даже в точности показаний интуиции и рассматривают основоположения математики как гипотезы... Постулаты и аксиомы только условные соглашения и, кроме условного смысла, никакого другого смысла не имеют... Если мы возьмем абстрактные исходные предложения, математики, как, например, аксиомы расположения (а, к ним-то и относятся формы, структуры. – Ю. П.), конгруэнтности, постулат непрерывности и т. п., то все эти предложения имеют ту особенность, что их можно рассматривать как описания того, что мы находим в чистом наглядном представлении. Наглядные аксиомы Евклида и абстрактные аксиомы Жильберта одинаково являются обобщенными описаниями наглядных образов, и разница между ними только в степени общности, т. е. в той сфере наглядных представлении которую они обнимают» (Орлов И. Е. Логика естествознания. Стр. 79).

В сущности, свойство воспринимать формою – даже если оставить пока в стороне опытный психогенез его – есть лишь одна из возможностей производить мысленные интроспективные эксперименты. Наклонность к восприятию круга, шестиугольника есть ти-

пичное переживание содержаний сознания, переживание видов протяженности, т. е. тех феноменов, явлений, о которых говорил еще Штумпф. Переворот, совершенный Gestalt-психологами в отношении того, что ими открыта способность восприятия формами, а не элементами, отнюдь не уничтожает интроспективного характера восприятия: реагируем ли мы точками, или линиями, или полукругами – от этого наше «интроспективное данное» ничего не теряет; целостно или кусочками мы выявляем интеллектуальные переживания – все равно это относится к опытной психологии (феноменологии, интроспекции, рефлексии); если бы даже и верно было положение, что шестиугольник мы воспринимаем ранее шести точек, то осознание этого восприятия шестиугольника все равно относится к самонаблюдению...

И. Е. Орлов прав, когда говорит в главе «Интуиция и действительность», что «творческое воображение позволяет нам дополнить недостающее» (т. е. в примере Gestalt-психологов докончить начатый круг закругленной линией).

Старое учение об апперцепции совершенно так же объясняет эту способность к заканчиванию неоконченного, как и Gestalt-психология.

«Мы никогда не увидели бы в действительности прямой линии, круга, квадрата, если бы наш интеллект не создал их в процессе апперцепции» (Орлов, стр. 83).

«Только опыт, только возможность антиципации фактов при помощи созерцаний дают гарантию применимости наших созерцаний к эмпирической действительности» (стр. 85).

Происхождение наклонности воспринимать формою, структурою, целостно может быть мыслимо двояко: 1) или извне; 2) или изнутри. Если признать, что эта наклонность возникает извне, то, следовательно, она возникает из опыта. Так учит старая эмпирическая психология, давшая учение об апперцепции («Новое в свете старого»). Gestalt-психология с этим не согласна. Она отрицает подобный путь формогенеза.

Следовательно, надо признать, что эта наклонность возникает изнутри. Это – имманентная тенденция нервной системы.

Таким образом, возрожденный старинный спор между эмпириками и нативистами решается Gestalt-психологией в пользу последних. Gestalt-психология не согласна, что указанная ею наклонность воспринимать целостно почерпнута из опыта. Она здесь становится на точку зрения Кантовского априоризма. Перцептивная реакция формою – это априорное, независящее в своем значении от опыта познание. Рационализм Канта, утверждавший, что математика и естественные науки покоятся па априорных основах, вполне совпадает с уверениями структуралистов о первичности целостно-формовой реакции. Правда, Gestalt-психологи стремятся укрыться от обвинения в Платоновском субъективизме (признание независимых идей) и пытаются путем аналогии найти базис в анатомии и физиологии, рассчитывая, что и нервная система работает целостно и структурно. Но так или иначе Gestalt-психологам приходится опираться на рационализм Канта, на идею априорного восприятия целостности, не зависящей от опыта и даже противоречащей опыту, ибо их рассуждения о врожденной наклонности воспринимать круги, шестиугольники, прямые и кривые линии суть именно типичные Кантовские априорные элементы сочетания, коренящиеся в закономерности сознания. Поскольку Gestalt-психологи пытаются видеть в своих восприятиях формами и структурами не только субъективные гипотезы, но и объективные значимости (Лурия, стр. 42), постольку и Кант в своих суждениях, построенных при помощи содержащихся в сознании априорных связующих элементов, видел не только субъективные измышления, а и объективную значимость, объективное отношение к реальным предметам. По Канту, «сами предметы или, по крайней мере, форма их создается априорными элементами познания, строится по этим элементам и определяется ими исчерпывающим образом» (Буссе Л. Мировоззрение великих философов нового времени. СПб., 1912. Стр. 126).

Кант утверждал следующее: что-либо, прежде чем сделаться предметом нашего опыта, должно предварительно войти в определенные фермы Восприятие формою – это априорная способность разума, которой должны подчиняться положения геометрии.

И далее: эти априорные наклонности разума создавать формы суть произведение нашего субъективного познания (стр. 131–132).

Итак, основные тезисы Gestalt-психологов о восприятии формами есть возврат к Кантовскому рационализму. Построенная в связи с последним психология предшествовала эмпирической психологии; базис ее – апелляция к силе субъективного познания.

С другой стороны, необходимо поставить следующий вопрос: какие объективные чисто научные доказательства имеются для того, чтобы утверждать, будто круг, квадрат, шестиугольник суть абсолютные формы, а точка, линия – суть элементы? С точки зрения психологической это не столь категорично. Точка как таковая может восприниматься как миниатюрный затемненный круг и, таким образом, сама может являться в процессе восприятия оформленной. Мы имели случаи разбирать детские рисунки, в которых ребенок, желая нарисовать пожарную каланчу, поместил на прямой линии три точки, объяснив, что это висят три шара, указывающие на пожар, в третьей части. Как видим, здесь воспроизведение точек замещает образы упругих черных пожарных шаров; если возможна заместительная роль точек в сознании ребенка, то и восприятие точек не может быть всегда трактуемо, как восприятие элементов, кусочков целого, антагонистичных структурно-целостному восприятию. Все зависит от того, среди какого ансамбля помещена точка или линия. В рисунке, изображающем каланчу, линия и точка и фигурируют, и воспринимаются как оформленные самостоятельные объекты; с другой стороны, структурно-оформленные объекты могут восприниматься как элементы (напр., известный фокус с изображением черепа при далеком рассматривании, оказывающийся вблизи изображением двух пьяниц). Все зависит здесь в конечном счете: 1) от концентрации внимания; 2) внимания с выбором; 3) характера ассоциаций; 4) потока воспроизведенных представлений; 5) моментальных суждений по типу «короткого замыкания».

Таким образом, понятие целостности, формы, структуры – относительно; равно как и понятие элемента, части – тоже условно. Все зависит от ансамбля воспринимаемого материала и от уровня развития (психического статуса) испытуемого.

Первичное восприятие форм, структур – как краеугольный камень Gestalt-психологии – не может фактически обойтись без старинного объяснения посредством апперцепции, как она понималась Ерузалемом. Опыты с неоконченными кругами и треугольниками давно фигурировали в экспериментальной психологии, причем здесь имелось в виду определение или воображения (Россолимо), или субъективной стороны восприятия. Репродукция ведет за собою старые запасы ретенции. Так как этот процесс происходит за порогом сознания, то получается иллюзия первичного восприятия формы, тогда как в действительности эта форма, давно была почерпнута из опыта, удалилась из ясного поля сознания, долго не была способна к репродукции и лишь при случае оказалась воспроизведенной.

Кроме того, трудно допустить, что при опытах с незаконченными фигурами не участвовало при заканчивании этих фигур внимание.

Своеобразна также демонстрация новизны в опытах с шестиугольником, не узнанным испытуемым в другой фигуре, вмещающей первую (Лурия, стр. 41). Здесь демонстрируется особая закономерность среды, а не привычность. Но в то же время шестиугольник, включенный во вторую фигуру, лишен совершенно своей основной и самостоятельной формы, так как его перебила внутренне-мозаичная форма фигур, включенных в периферический ромб. Шестиугольник исчез из восприятия не целиком, а именно как 6-угольник, но горизонтальные линии его – верхняя и нижняя – воспринимаются сразу. Остальные четыре части представлены на рисунке не самостоятельными сторонами 6-угольника, а отмеренными отрезками сторон двух треугольников. При первичном вос-

приятии этой сложной фигуры немедленно происходит акт распределения внимания. Последнее падает прежде всего на несколько форм, а именно:

1) на ромб (внешняя рамка фигуры);

2) на включенные в него два треугольника;

3) на перерезающие эти два треугольника две параллельные горизонтальные линии.

Последние не являются на фигуре составными частями какого-либо геометрического тела, а лишь выявлены как перерезатели двух треугольников.

Ввиду этого ни первичное восприятие, ни выбор внимания не могут остановиться на них как на частях 6-угольника. Предварительное же многократное заучивание фигуры 6-угольника первого рисунка является бесцельным, ибо на 2-м рисунке нет никаких опорных следов для его узнавания. 2-й рисунок не дает ни восприятия формы, ни величины, ни внимания с выбором, ни репродукции образа 6-угольника, ни ассоциации сходства с ним.

Однако если мы в тех же рисунках перераспределим внимание, то результаты сейчас же демонстративно обнаружатся. Для этого стоит только обратиться именно к экспериментальной психологии.

Если мы во втором рисунке окрасим общий фон ромба в красный цвет, а треугольники в синий, то никаких намеков на возможность восприятия здесь шестиугольника не окажется. Но если мы при том же красном фоне ромба окрасим в синий цвет шестиугольник, то никакого восприятия треугольников не будет, ибо наиболее яркое внимание пойдет на синий шестиугольник. Этот пример лишь уясняет посредством красочных оттенков, куда направляется внимание при первичном сложном восприятии. Дело здесь как будто бы не столько в закономерности структур, а в доминирующей яркости впечатления и направлении внимания.

Есть еще один вопрос по поводу Gestalt-психологии. Опровергая рефлексологов и поведенцев за их склонность сводить всю психику к механистическому сочетанию рефлексов, она особенно базируется на опытах Келера как антагонистичных грубому механизму. Разумеется, она здесь права. Но в то же время непонятным является ее отстранение от телеологического принципа. Казалось бы, раз люди утверждают, что им важны не рефлексологические формулы 4 конечностей животного, а важны попытки и цель животного, то отрекаться от признания цели едва ли правильно. Сознательный телеологизм открыто пронизывает изыскания Келера, и эти изыскания прекрасно расшифрованы еще Бюлером в его «Духовном развитии ребенка».

Наконец, разберем еще одно положение Gestalt-психологии, касающееся отмежевания ее от традиционной опытной психологии. Это ее старания к изоляции от субъективных опросов, дающих кусочковые материалы для будущего синтеза. Целостных» психологов такая манера шокирует и самая идея опроса, является компрометирующей научно-объективный дух структуралистов... Все это было бы понятно, если бы в числе основоположенников Gestalt-психологии не красовалось имя К. Koffka. Если Gestalt-психология похоронила опытную психологию, то она, конечно, похоронила и Вюрцбургскую школу, которая является высшим развитием опытной психологии. Но представителем Вюрцбургской школы является Курт Коффка. Он же представитель Gestalt-психологии. Каким же образом он сам себя похоронил? Каким образом он мог предлагать деление психологических понятий на обратные и функциональные, разбирать и анализировать испытуемых, работать почти в духе Бинэ, а, главное, пользоваться активным опросом испытуемых, требовать от испытуемых описания переживаний главного периода? (Кравков С. В. Самонаблюдение. С. 22, 100, 107, 108).

Одно из двух: или Коффка отрекся от Вюрцбургской школы или он должен быть изъят из числа Gestalt-психологов. В противном случае получается какое-то странное недоразумение.

В общем выводе, Келер и Коффка не могут считаться противниками опытной психологии.

Конечно, может быть, это не вина Gestalt-психологов, что их идеи изложены подобным образом в русской прессе, и поэтому желательно скорейшее разъяснение недоразумений.

Неправильно поймут нас те, которые в изложенных нами сомнениях усмотрят отрицательное отношение к структурно-синтетическим тенденциям К. Коффки. Мысль, что целое имеет свои законы бытия, что личность может проявлять себя целостно, отнюдь не считается нами неудачной; наоборот, все педологи жаждут открытия такого метода, который осветил бы эту личность в ее целом; но нам представляется непонятным, почему при возникновении какой-либо новой идеи или нового метода, должны быть сокрушены все другие идеи и методы, уже доказавшие науке свою плодотворность. Так и в данном случае. Почему целостному подходу может мешать индивидуально-аналитический подход? Почему одновременно с исканием реакций формами необходимо изгнать мозаический метод в психологии и неврологии? И вообще, почему только что возникающие неоперенные течения и методы должны в наше время зарекомендовывать себя каким-то башибузуцким отношением к другим солидным течениям, кричать об их гибели, рвать на куски и метать во все стороны тончайшие завоевания психологической мысли как прежних, так и нынешних времен?... Этот модный теперь вандализм в подходе к психологии сам себя компрометирует своей кричащей саморекламой, своим парвеню, как бы доказывающим, что солидно-спокойное и беспристрастное отношение к деловой стороне не выдвинет на должную степень популярности подобное течение.

То, что мы пока знаем о Gestalt-психологии, не есть еще целостный подход к личности. Застревая на форме и внешней структуре, это учение дает только путь, как подойти к внешней оболочке наблюдаемого организма. Формы, фигуры – все это внешние конфигуративные знаки внутренне-сложной структуры. Последняя ввиду именно своей сложности никогда не откроется какою-либо внешне-фигуральною формою. Чтобы подойти к ней, нужен именно анализ. Этот анализ и есть основа всякой науки – и естественной, и гуманитарной. Науки, ищущие только изучения форм и отказывающиеся от изучения того, что имеется кроме этих форм, застревают на начале дороги. Самое большее, что они делают, это более чем прежде, тщательное обращение внимания на жизнь форм, внешних структур. Но необъятно-сложная жизнь внутреннего ядра личности немыслимо вскрыть без анализа, который как до Gestalt-психологии, так и при ней, остается необходимым орудием всякого научного исследования. Поэтому аналитическая психология как часть опытной, имеет такое же значение для психолога, каковое имеет изучение внутренних слоев почвы для геолога.

При этом формы меняются. Если меняются формы или структуры физические и физиологические, то формы и структуры психического порядка еще более изменчивы. Поэтому, ограничиваясь изучением форм данного момента, мы сами себя ограничиваем именно в принципе целостного подхода.

Вообще, целостность и формативность (или структурализм) не могут считаться синонимами. Формативность есть часть целостности.

Нам представляется вообще, даже судя по скудно долетающей до нас литературе, что сообщения А. Р. Лурии об окончательной смерти опытной психологии в Европе несколько преувеличены. Разумеется, современная опытная психология совсем не такова, какою она была при Вундте. Как и всякая наука, она движется вперед, изменяется. То же мы видим и в других пауках. Современная физика, химия совсем не те, что были 30–40 лет тому назад, и, к сожалению, эти науки тоже не пришли к взаимопримирению своих воззрений. Напр., в настоящее время одни ученые стремятся объяснить большую часть явлений процессами в эфире, другие же вполне отрицают даже существование эфира. Такие крупные ученые, как Ленард и Томсон, горячо доказывают существование эфира и находят невозможным построить физику без признания эфира, а такие крупные ученые, как Норман Кемпбелл с таким же успехом доказывают, что учение об эфире умерло, что науке с такой гипотезой делать нечего. Так и в психологии в настоящее время существуют

разные течения – и, разумеется, антагонистические течения приняли манеру объявлять своих соперников умершими. На самом деле отнюдь не умерла мыслительная психология (Denkpsychologie), фундамент которой заложен был Эбингхаузом. Külpe, Ach, Bühler, Sclults и их последователи экспериментальным самонаблюдением изучают несозерцаемые переживания, сознавания сходства, различия, единства и пр. Психология устремлений (интенциональная психология) не только не умерла, по весьма существенно отражается на современной новейшей общей психопатологии. Патологоанатомы вроде проф. Клейста даже заявили ввиду этого, это «психология и патология мозга не должны обязательно быть антагонистами» (Клейст К. Современные течения в психиатрии. Берлин, 1926. Стр. 1–64).

«Мыслительно-психологическими результатами – сознаваниями (Bewutstheiten) – я пользовался уже в 1909 году при анализе мыслительных и двигательных расстройств».

Корифей современной новой психиатрии Бумке часто указывает на значение несозерцательного мышления.

Болес же всего – по уверению проф. Клейста – психиатрия последних лет получила психологических импульсов от Ясперса. Он перенес в новую психиатрию важнейшие завоевания опытной психологии последнего времени и довел анализ душевнобольных «до неслыханной полноты, многосторонности и внушительности» (Клейст, стр. 24).

Итак, не следует играть в похороны известных научных направлений. Это орудие обоюдоострое, ибо погребенные с неменьшим успехом начинают сами хоронить своих гробокопателей. Так, Kronfeld объявляет, что до сих пор естествознание и медицина ничему не научили психиатров и не могут научить. Schneider требует изгнания неврологии из психиатрии в виду бесполезности первой, Hildebrandt требует отнять психиатрическую экспертизу от врачей и передать ее философам, сам глава нынешней психиатрии Bumke настойчиво утверждает, что никакие успехи очаговой патологии мозга не в состоянии приблизить нас к пониманию психизма.

Все эти авторы, в сущности, хоронят естествознание и медицину во славу трансцендентальной философии и рационалистической психологии. Нам, конечно, с ними не по дороге, но нужно помнить, что «играть в похороны» они умеют ничуть не хуже, чем поклонники Gestalt-психологии, которые объявили умершими все, кроме этой последней.

Подобно всяким новым течениям. Gestalt-психология, вероятно, внесет свою долю в прогресс науки. Goldstein, напр., применил ее к психопатологии очаговых заболеваний. Она представляет некоторое значение «при объяснении слепоты по отношению к формам расстройств оптического восприятия, расстройств способности счета и некоторых расстройств интеллекта, обусловленных изменениями зрительной сферы в широком смысле этого слова» (Клейст, стр. 24).

Но даже патологоанатомы признают, что значение ее для понимания психики гораздо меньше и уже, чем, напр. значение интенциональной психологии.

Стало быть, до психологического единодержавия Gestalt-психологии еще далеко...

Поклонниками Gestalt-психологии следует помнить, что из той же Германии, из того же Берлина в наши дни доносится следующий лозунг современности: «Мы познаем и можем познавать лишь исключительно при помощи наблюдения, анализа и синтеза, объяснения, образования понятий, отвлечения, суждения» (стр. 10).

А Gestalt-психология уже похоронила анализ... Об этом следует подумать ее поклонникам...

Странно было бы говорить теперь об окончательной смерти опытной психологии еще и потому, что сейчас и в Берлине, и в Вене разрабатываются методы исследования отдельных психических функций и методы испытания пригодности для определенных профессий. В то время как выпускается брошюра А. Р. Лурии, разрабатываются в Берлине и Вене методы исследования Бюлера, Меде, Кера, Генигсвальда касательно памяти, интеллектуальных функций, функций воли, эмоций. Меде предлагает методы исследования быстроты установки внимания, устойчивости внимания, объема внимания, способности к

выбору и т. п. Все это у нас сообщается в изданиях 1926-го года. Неужели все эти работы – показатели смерти психологии?

Эрвин Лазар в Вене работает сейчас над изучением внимания и характерологических дефектов у трудновоспитуемых юношей, Штранский разбирает вопросы профконсультации с точки зрения психиатра... Все это есть проявление жизнедеятельности все той же развивающейся опытной психологии в ее разветвлениях... Можно пожелать каждой науке такой смерти.

Перейдем теперь к разбору опытов Gestalt-психологии, оставляя ответственность за точность их изложения на ее популяризаторах (А. Р. Лурия, С. М. Василейский).

Принципиальные условия опыта.

1. Не собирать никаких предварительных сведений.
2. Не опрашивать.
3. Не пользоваться никакими субъективными показаниями.
4. Особенно игнорировать переживания испытуемого.
5. Игнорировать отдельные звенья наблюдения.
6. Изучать поведение человека в лаборатории.
7. Не наблюдать поведение человека, а подсматривать за ним в щель или перископ.
8. Игнорировать прошлое.
9. Определять в настоящем власть ситуации вещей на поведение; ситуации, дающей нечто цельное, структурно-оформленное.

Итак, целостный подход к личности – это прежде всего отрицание нужности и полезности его исповедей, автобиографий, анамнезов. Совершенно не нужно знать, кто этот человек, откуда он, страдал ли, радовался ли, думал ли, действовал ли, объехал ли весь свет, или просидел всю жизнь в углу. Важно не то, кем он был в жизни и как он привык реагировать на запросы жизни: важно то, что он такое в пределах лаборатории, наблюдаемый через щель. В реальной жизни психика личности то развертывается но различным путям, направлениям, неограниченным возможностям, то свертывается... Здесь все это не важно, потому что метрический прием заранее для всякого предуготован априорной единообразной ситуацией вещей. Совершенно так же здесь не интересуются длительностью влияний среды в прошлом. Если испытуемый 50 лет подвергался многообразнейшим и длительным интимным раздражениям среды, то Gestalt-психологам это совершенно не интересно. Пусть психоанализ допытывается, откуда произошли тики, судороги, фобии, нейротические привычки, навязчивые сомнения. Пусть ассоциативный эксперимент докапывается, как «дошел до жизни такой» испытуемый. Многолетнее, полное событиями прошлое личности здесь в лаборатории не имеет никакой цены. Здесь, наоборот, важно то, что вершится сейчас. Здесь предпринимается изучение (сквозь щелку) власти вещей, власти их ситуации, власти строения обстановки среды на внешнее поведение испытуемого. Важно влияние целого, структурно-оформленного на поведение личности в лаборатории. Принципиально отрицается изучение кусочков поведения, как это делали бихевиористы, но лабораторный срок испытания оценивается как нужное целое, более важное, чем вся жизнь. При такой великой значимости опыта естественно было бы предполагать, что обстановка опыта должна быть исключительно сложна и хитроумна. Наивные люди должны думать, что если уж ждать влияния власти вещей на поведение, то эта власть вещей должна предстать во всеоружии, в исключительной обстановке, рассчитанной на вибрирование всех струн личности в целом. Ничуть не бывало. Обстановка организуется самая простая: стол, стул, зеркало, картина, маятник, газета. Незначительность, ничтожность, всеобщая неинтересность, шаблонность обстановки ставится как принципиальное условие опыта. Разнообразие форм поведения и сопряженная с нею точность объективно-психологической диагностики ставится в прямую зависимость от однообразия, скудости, общеизвестности, ходячести, скучности, повседневной заученности и обиходности раздражителей, идущих как грозная власть вещей.

Как бы нарочито выбирается самый пресный раздражитель, самый скучный уголок обыденной обстановки, серый момент жизни, где все личное, индивидуальное, остро переживаемое и волнующее умышленно прячется, стирается, душится, нейтрализуется и заменяется максимумом обязательной для всех индифферентности. Вещи взяты наиболее шаблонные, скучные, нарочито набившие оскомину, являющиеся минимальными раздражителями. Ни с данной обстановкой лаборатории, ни с ее элементами испытуемый нарочито не связан ничем. Он знает, что они для него ничто. И все же оказывается, что именно в них – по уверению Gestalt-психологии, – скрыта магическая тайна: тайна разгадки его личности.

Целые тысячелетия и философия, и психология, и позднее естествознание пытались постигнуть самое существенное в личности человека, – и все напрасно. Gestalt-психология открывает особенный прием разгадки главного в поведении человека. Фиктивная работа, даваемая экспериментатором этой школы испытуемому, не принимается первым в расчет. Все внимание обращается на время, проводимое испытуемым по окончании фиктивной работы. В этот-то срок и должна раскрыться личность во всей своей целостности. Таким образом, центр тяжести здесь в наблюдении за состоянием ожидания испытуемого. Тут-то – полагают структуралисты – и выявится целостное поведение, личность раскроется во весь рост. Как известно, состояния ожидания как психический синдром были предметом особого внимания интроспективной психологии. В психоаналитической литературе эти состояния тончайшим образом были исследованы в отношении патологических случаев (Фрейд и его школа, Джонс и пр.). Состояние ожидания изучено было разнообразно и блестяще именно с интимной, клинико-психологической стороны, путем, разумеется, тончайшей интроспекции. Работа эта послужила много для дифференциально-клинической диагностики состояний страха, неврозов тревоги и т. п. Gestalt-психология подходит к делу совершенно иначе. Минуты ожидания для испытуемого ставятся в условия, парализующие до высшей степени какое-либо значительное поведение. Здесь, в лабораторной комнате – судя по описанию – ожидание нарочито не оживляется никакой эмоцией и никакой целью. Оно безразлично для испытуемого. Ни интеллектуально, ни эмоционально он, собственно, ничего не ожидает, он только пережидает после моментов бездельной фиктивной работы моменты безусловного же неизвестного ему состояния психической пустоты без внешних зарядов, дабы потом после опыта перейти к своим делам, т. е. подлинным психическим содержаниям. Моменты ожидания приведены здесь в состояние максимального разрыва связи между испытуемым как живою переживающею личностью и между нейтральным застоем этой же личности в данной обстановке, которая низвела его жизнедеятельность и заинтересованность до нуля.

Ожидание вообще томительно для личности и извращает его естественные реакции. Но во всяком ожидании есть цель; а раз есть цель, то к ней пригоняются и соответствующие ассоциативные ряды, и соответствующие эмоции и стремления. Напр., ожидание в приемной врача сопровождается тревогой по поводу диагноза; в приемной следователя, прокурора – за ход дела; ожидание в приемной редактора, директора театра, в банке, на пароходе, поезда на почте – везде ожидание сопровождается сознанием цели и соответствующими представлениями и эмоциями; одни ожидают со страхом, другие – с надеждою, радостью, озабоченностью, тоской; одни суетятся, ходят взад и вперед, нетерпеливо теребят газеты, вещи; другие – молчат, отвлекают себя чтением... В этих естественных жизненных условиях обстановка (власть вещей) влияет на поведение, волнует человека. В кабинете врача власть вещей: череп на столе, хирургии, инструменты, скелет – волнуют человека; на реке силуэт парохода вызывает оживление, движение и т. п.

В лабораторной комнате Gestalt-психологов (как она изображается популяризаторами) все нарочито обставлено так, чтобы убить все мысли, все переживания, все стремления. Здесь никто ничего ниоткуда ни ждет и не ожидает. Здесь нет ничего, что навело бы на мысли (от самой обстановки), что заставило бы озаботиться, вздрогнуть, вспомнить, ибо предметы, вещи умышленно подобраны такие, которые никак не могут действовать и

никакого поведения вызвать не могут в виду своей приевшейся повседневной привычной обыденности и незначительности.

Обстановка для опыта здесь такова, что ее каждый почти человек, в это же утро видел у себя дома или в ином месте: почти каждый человек, вставая утром, испытывает эту «власть вещей»: он видит стол, стул, зеркало, картину... В день опыта эта обстановка, открываемая в лаборатории, является уже однажды воспринятой, пройденной, знакомой, запечатленной и, как заурядная серая скользящая поверх сознания, она почти не может играть роли заметного раздражителя или вариатора, поведения. Власть вещей, ситуации здесь низведена именно до безвластия, до положения до ситуации. Эта среда с вещами определенно ничтожна по стимулирующему влиянию в сравнении с той средою, которую испытуемый покинул до опыта, и с той средою, в которую войдет после опыта. Таким образом, Gestalt-психология создает обстановку, нейтрализующую всякое поведение, сводящую жизненное разнообразие к универсальной однородности, когда «все кошки серы».

В самом деле, до опыта испытуемый мог иметь заботы, конфликты, опасности, которые так, а не иначе стимулировали его поведение; после опыта он мог быть в театре, на свидании с нужными людьми и т. п. Везде его интересы, заботы, влечения, цели являлись побудителями того или иного вида поведения: только в лаборатории Gestalt-психологов он оказался бесстрастным, нейтральным, а поведение его стало мертвым... В такой ситуации, под властью таких редких вещей, как стул, стол и картина, – и Наполеон, и Шекспир, и Бисмарк, и Тамерлан, и гений и идиот – все приняли вид единообразных «серых кошек»... Поведение и героя, и идиота здесь спит...

Все важное и характерное в человеке – вне подобной лаборатории... Правда, испытуемый может посмотреться в зеркало, а может и не посмотреться, может взглянуть на картину, а может и не взглянуть, монет сесть на стул, а может и не сесть... Но все это не имеет никакого отношения именно к тому целому, к тому ядру личности, которое есть самое важное и типичное в человеке. Мало того. Все эти акты «поведения» он может делать и сознательно и машинально; может проделать все это в четверг и не проделать в пятницу; может делать, думая всецело о тяжелой болезни близкого лица или не думая ни о чем. Словом, данные акты поведения не имеют никакого отношения к личности испытуемого. Здесь нет ни целостного, ни частичного подхода к личности; здесь нет никакого подхода...

И, что всего удивительнее, Gestalt-психология и не хочет, чтобы здесь проявлялись какие-либо мысли, переживания, стремления... Ей это не интересно. Она предоставляет все это умершей эмпирической психологии, а сама только следит, в какую целостную форму, в какую структуру отольется поведение личности, заводимой столом, стулом и зеркальцем.

Какой же вывод получится из подобных опытов? В такой «ситуации» тысячи лиц разного душевного склада могут вести себя однообразно; и тысячи лиц однородного душевного склада могут вести себя разнообразно... В этих опытах человечество делится на смотрящихся в зеркало и не смотрящихся, сидящих на стульях и не сидящих на стульях...

При лабораторных экспериментах Gestalt-психологи стремятся точно определить влияние среды на поведение. Разумеется, этот принцип, честь открытия которого, между прочим, принадлежит не Gestalt-психологии, а еще Спенсеру, – признан всеми как необходимый. Возможно, что при непосредственной постановке опытов, как они организуются в лаборатории Gestalt-психологов, такое влияние среды на поведение демонстрируется более определенно, чем при опытах психологов иной школы.

Но вот что составляет затруднение: влияние среды различается как 1) влияние настоящей, здесь и сейчас организованной среды и 2) как влияние среды прошлого, которое при нарочито предусмотренной методике Gestalt-психологов никак не может быть учтено. При указанных выше примерах опытов, когда испытуемым дается фиктивная работа и принимается в расчет лишь их поведение, проявляемое после этой работы, может полу-

читься один единообразный тин поведения у двух испытуемых, претерпевших совершенно различное влияние среды прошлого. Один из испытуемых, напр., представляет собою личность, вся история жизни которого свидетельствует о борьбе, скитаниях, страданиях. Он был в походах и боях, перенес много личных драм, был на краю гибели, лишен был свободы, видел образ жизни и порядки других стран и народов... Другой прожил всю жизнь на одном месте, нигде не бывал, ничего не испытал, ничем не интересовался, не знал ни горя, ни страданий... Они – антиподы по психическому складу, по тем отпечаткам, которые оставила на них среда прошлого... Все отношение к жизни у них различно; но тем не менее они могут вести себя в лаборатории Gestalt-психологов совершенно единообразно: они могут посмотреться в зеркало, потрогать маятник, сесть на стул, взглянуть на картину, перелистать книгу или молчаливо углубиться в созерцание улицы…

Заканчивая эту главу, мы просим смотреть на нее лишь как на сводку соображений-сомнений возникающих у нас, учеников-педологов, при обдумывании тех научных положений Gestalt-психологии, с каковыми мы ознакомились по доступной для нас литературе. Возможно, что все эти сомнения рассеются, если мы получим ясное и подробное представление об этих течениях по более обширным работам и монографиям, а также когда некоторым из нас, может быть, придется лично на доле ознакомиться с постановкою работ этой школы. Поэтому-то и желательно скорейшее ознакомление педологов с указанной литературой. Сказанные, однако, сомнения и, может быть, неверное понимание находится все же в некоторой связи с имеющейся литературой, которая определенно оповещает об отрицании анализа, мозаичности и других основ научной методологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обсудив важнейшие предпосылки педологии, которые ставятся во главу угла последней значительной группой педологов-учителей, мы должны сказать несколько слов о причинах, обусловивших столь прямолинейный уклон последних. Разумеется, эти причины представляются нам, ученикам, таковыми в связи с уровнем нашего общего ученического разумения.

Итак, бихевиоризм американский, европейский и отечественный работает и развивается в связи с культом объективного принципа ad maximum. В понятие «объективный» не столько входит понятие о реализме, беспристрастии и отрешении от предвзятых идей, сколько культ зкзогенного, соматического и механического. Эти априорные постулаты: эгзогенность, соматизм и механистичность – избираются как абсолюты, и этим абсолютам поклоняются не в процессе работы или по ее завершении, а именно до работы. Получается парадокс.

Субъективно-настраиваемое на квазиобъективный подход мышление работает в процессе эксперимента субъективно-избирательно, т. е. откидывая все те материалы, отношения и вопросы, которые по произвольному предположению кажутся субъективными и ирреальными. Юнг весьма метко указывает, что здесь чисто субъективно придается решающая сила не только заранее уготованной проторенной манере собственного мышления, но объективно ориентированной интеллектуальной формуле внешней жизни. Такую степень предвзятой ориентации только на объект справедливо следует назвать фетишизмом объекта. В этом фетишизме объекта ключ к пониманию популярности бихевиоризма и к разгадке его физиономии с точки зрения психогенеза. Упомянутую формулу внешней жизни фетишист-объективист возводит в мировой закон.

Даже рудиментарные элементы противоположного типа мышления подавляются подсознательно обладателем этого типа. Поэтому-то все иррациональные формы психики, как связанные с подсознанием, атрофируются. И, несмотря на то, что биологическая позиция разума сама доказывает ограниченность интеллектуальной формулы фетишиста-объективиста, все-таки она берет перевес и иные точки зрения (интроспективные и ей подобные) изгоняются. В итоге такого прямолинейно проводимого культа внешне-

объективного как источника абсолютной истины, устанавливается однообразное мировоззрение, в котором начало, середина и конец – все однородны, равноценны и организованы не по типу естественной эволюции (возникновение – становление – развитие – завершение), ибо голая априорная убежденность в абсолюте-истине сомато-механики не нуждается ни в каких подъемах и спусках.

Такой культ внешне-сомато-механического как божественного идеала объективизма носит типический характер фетишизма или религиозной настроенности в науке.

Объективное начало из метода исследования превращается в обряд, в научно-оформленный ритуал. Вера в абсолютную истину экзогенного начала психологически вполне сходна с верой во всемогущество бога.

«Вследствие этого, – говорит Юнг, – происходят те известные из истории наук ограниченные и смешные взгляды, о которые в конечном результате споткнулись многие высокозаслуженные исследователи».

Юнг по поводу такого объективного мышления высказывается, что при нем суждения принимают ясно выраженный характер ингерентности (присущности), т. е. они совершенно ограничивают себя объемом своего предмета. Американские бихевиористы типа Уотсона, Вейсса, Фернбергера или отечественные бихевиористы, некоторые павловцы и рефлексологи – типичные фетишисты объекта. В своих исследованиях они ориентируются на данные, которые им доставляет внешний мир. Их ассоциативные работа, идеи, выводы обусловлены объективными отношениями внешнего. Внутри себя они не думают встретить никакого влияющего фактора; поэтому-то интроспекция, которую они сами стараются в себе атрофировать, представляется им как какое-то corpus alienum. Их интерес и внимание направлены только на объективные вещи и их отношения. Осязаемость предмета, его податливость на зрение, слух дает им критерий истинности; отсутствие этих свойств равносильно небытию. В естествознании такое мышление полезно и продуктивно в смысле усвоения, но оно само загораживает себе путь к творчеству. (К такому типу мыслителей никак нельзя отнести Павлова, который именно к объектам и их отношениям присоединил оригинально-творческую интроверсию.) Такое мышление Юнг справедливо называет связанным и близоруким. В областях психологии, логики, психиатрии, криминологии, педологии такое мышление недостаточно. Здесь не так легко ухватить все объекты и их отношения и не все сводится к жизни осязаемых, видимых и слышимых вещей. Вместо привычной продукции в знакомых уже проблемах отношений вещей, здесь приходится сталкиваться с невесомыми непространственными психическими феноменами и функциями. Поэтому не привыкшая к такого рода работе мысль экстраверта утомляется и ищет отдыха в повороте к излюбленному миру вещей и их пространственных взаимоотношений.

Здесь происходит добровольное самоограничение, добровольная урезка всей необъятности объективного мира за счет известной доли мира, открываемого посредством органов чувств. Такой объективизм в смысле переноса его в психологию, педагогику, педологию и проч. является примитивным объективизмом. Создавая в области естествознания много ценного, подобный примитивный объективизм, орудуя в психологических, философских и общественных проблемах, обнаруживает всецело свой уклон к конкретно-наглядному, непосредственно воспринимаемому, это и есть примитивное мышление в науке, которое, конечно, и приносит свои «плоды». Договориться до тфайтизма и гляндуляризма в проблемах философии и психологии – это и есть доказательство скатывания в интеллектуальный инфантилизм.

Мы ознакомились с логическими и психологическими особенностями мышления естествоиспытателя, бихевиориста, рефлексолога. Юнг и И. Е. Орлов в этом отношении помогают уяснить нам психогенезис бихевиористского ригоризма и интеллектуальной нетерпимости. Фетишизм объектов и их отношений, самокастрация интровертированных элементов мышления лежат в основе фанатической прямолинейности этих квазиобъективистов.

Подвергнем теперь психологическому анализу особенности мышления самого творца учения об условных рефлексах, чтобы определить, главным образом, с точки зрения теории Юнга, пределы экстраверсии в мышлении И. П. Павлова.

Прив.-доц, Фролов в своем труде «Физиологическая природа инстинкта» справедливо замечает, что не всем, идущим по пути Павлова, природою отпущен дар высокого научного творчества. Вот, именно, мы и должны здесь рассмотреть, чем отличается оригинальное творческое мышление Павлова от других объективистов, которые искания Павлова превратили в ряд догм и канонов и распространили эти догмы на совершенно посторонние области знаний.

Прежде всего, в Павлове замечается то явление, которое Геффдингом называется интеллектуальным чувством. Оно развито у Павлова до замечательной высоты. Он подходит к фактам не как бесстрастный систематик, не как сухой ученый, квалифицирующий спокойно и холодно наблюдаемые явления. Он признается в «чувстве поразительного изумления», охватывающего его при сопоставлении некоторых анатомо-физиологических фактов. Эмоциональный элемент врезывается в его отношение к работе, ничуть не нарушая должной меры научного объективизма. Чувство контраста испытывается им, по его собственному признанию, при предумышленном предположении, что сложной конструкции больших полушарий должна соответствовать грандиозно-сложная функция их. Резкою чертою в тенденции мышления Павлова проходит стремление к аналогии собаки и человека (стр. 12 и др.). Агностицизм царил в этой области до 70-х годов. Успехи начинаются с применением физиологических методов раздражения и разрушения (Фритч и Гитциг). В чем смысл метода раздражения? Какова идея этого метода? Экспериментатор приступает к применению метода раздражения не как объективист-экстраверт, ожидающий от механической вариации в отношениях вещей какого-то трансцендентального результата. Он предварительно оценивает достоинства этого метода в своем сознании.

Он уже идейно априори решил, что этот метод что-то даст. Не зная прямых, конкретных результатов этого грядущего применения, экспериментатор предполагает, что, применяя метод раздражения и вызывая этим изменения в вещах и их отношениях, он вправе ожидать научно интересных фактов. Это предположение базируется на его интеллектуальном опыте, согласно которому идея раздражения объектов в окружающей природе всегда сопровождалась теми или иными изменениями в вещах и их отношениях. «Раздражение» спокойной атмосферы громом, молнией, дождем сопровождается изменением сухой поверхности земных слоев во влажную. «Раздражение» громом вызывает соответствующие двигательно-оборонительные акты у живых существ и т. п.

Таким образом, идея об изменении материи и ее жизнедеятельности посредством раздражения была прочно установленной идеей в сознании и натуралистов и простых людей той эпохи, в которую жили Фритч и Гитциг. Эта идея неизбежно должна была быть испробована в экспериментальной физиологии головного мозга. Маркс недаром указал, что архитектор, прежде чем что-либо построить вовне, строит план этой постройки предварительно в голове. Предварительная постройка плана эксперимента, т. е. идейное предварительное оформление его с помощью воспроизведенных представлений, ассоциации их, выбора комбинаторных средств, критической оценки их – вот чисто логические (интеллектуальные) основания всякого научного метода, в том числе и метода раздражения, которые предшествуют всякому эксперименту. Таким образом, посредством построительной работы интеллекта создается скелет эксперимента, обсуждаются его формы и детали, отвергаются одни мотивы, принимаются другие, мысленно вырисовываются картины симметрии и пространственных отношений и после всей этой сложной плановой интеллектуальной работы исследователь приступает к внешнему выполнению эксперимента, который является лишь второй половиной дела – выполнением идеи.

Такие же доводы можно привести и относительно метода разрушения, научное оформление которого постольку же обязано внешним фактам, поскольку и творчески-построительной работе интеллекта, ставящего вещи в известные отношения.

Авторы часто говорят: «Лишь Павлову посчастливилось открыть»... и т. д.

Что значит это «посчастливилось»?.. Это значит, что Павлов ярче, чем другие авторы, воспринял недостающие элементы исследования, ярче их запечатлел, более, чем другие, сконцентрировал внимание на дифференциации методов, глубже подверг анализу, обсуждению, сопоставлению факты, с большим эмоциональным подъемом принялся за работу, обнаружил большую энергию, инициативу, изобретательность, чем другие физиологи.

Благодаря исключительной работе интеллекта, Павлову удалось достичь новых путей познавания, ибо факты, без прикосновения к ним творческого духа этого ученого, лежали бы и посейчас в форме бессистемной груды непонятных вещей и еще более непонятных отношений. Лишь Павлов подметил, остановился и придал значение идеям совпадения, временной связи, сигнализации, повторности, угасания и т. п.

Все эти идеи как психологические концепции реализовались в процессах многих экспериментов, а отнюдь не вытекали случайно вне зависимости от творческо-мыслительного процесса, совершающегося в познавательном аппарате Павлова, следовательно, к объективным вещам и их отношениям привнесены были специальные субъективные элементы интровертированного мышления Павлова, и благодаря этой комбинации экстраверсии и интроверсии стало возможным создание учения об условных рефлексах. Если бы это было иначе, то это учение было бы открыто любым посредственным физиологом. Но именно этого-то и не было. Эти физиологи сотнями и тысячами стояли у тех же фактов и ничего не сумели сделать, ибо их не озаряла ни одна из Павловских идей, с которыми они теперь так носятся везде и всюду. Когда учение было обосновано и упрочено, экстраверты восприняли его догматически, превратили учение о работе коры больших полушарий в катехизис но философии, психологии, логике, педагогике и т. д. – и, наконец, это учение докатилось до театральной рампы.

ВЫВОДЫ

Известная группа лиц, выступающая в качестве педологов-учителей, базируется на следующих основных предпосылках педологии, которые представляются им абсолютно установленными и признанными наукою беспрекословно:

1. Главнейшей предпосылкой педологии является материализм.

2. Этот материализм находится в теснейшей связи с естествознанием, которое есть главнейший и даже единственный базис педологии.

3. Стержнем этого естествознания является рефлексология, без знания которой немыслимо быть ни педологом, ни педагогом, ни социологом, ни криминологом, ни психиатром.

4. Рефлексология приемлема как таковая – или как учение, расширенное в науку о поведении.

5. Основою рефлексологии является учение о работе мозговой коры в больших полушариях.

6. Эмпирическая психология со всеми ее разветвлениями, как то интроспективная психология, экспериментальная психологий, аналитическая психология, клиническая психиатрия и т. д., совершенно изгоняются из сферы науки вообще и из сферы современного учения о здоровом и нервно-психически-больном ребенке в частности.

7. Изложенные принципы находятся в полнейшем и гармонически согласованном контакте с главнейшими основоположениями марксистского учения.

На основании изложенных в настоящей работе фактов, сведений, соображений, а также подлинных цитат из соответствующих сочинений, мы можем высказать по поводу этих тезисов следующие замечания:

1. Главнейшей предпосылкой современной научной педологии в марксистском оформлении является не материализм вообще, не всякий случайный материализм (бюхне-

ровский, французский, Бекоповский и пр. и пр.), а только диалектический материализм, разработанный Марксом и Энгельсом в особую стройную систему.

2. В связи с этим диалектическим материализмом, предпосылкою педологии не может быть только естествознание; в предпосылки педологии входят и иные науки, главным образом, обществоведение.

3. Стержнем естествознаний является отнюдь не одна рефлексология, а целый ряд общеизвестных естественных наук, как то: физика, химия, механика, зоология, физиология, гистология, эндокринология и проч.

Рефлексология как учение о сочетательных рефлексах есть имитация известного классического учения Павлова о работе коры в больших полушариях головного мозга, т. е. части физиологии нервной системы. Как часть этой отрасли, она не имеет непосредственного отношения к фактически действующим педологии, психологии, педагогике, социологии, логике, истории, криминологии, а лишь в большей или меньшей мере может влиять на общее мировоззрение лиц, занимающихся указанными специальностями. Учение о работе больших полушарий входит как одна из многих частей естествознания в одну из предпосылок педологии. Монопольное вхождение естествознания в предпосылки педологии не гарантирует от явного уклона в метафизику, мистику, идеализм и религиозные суеверия. Научно-философский и социологический базис предохранят от этого уклона.

4. Ввиду того, что школа Павлова не признает никакой рефлексологии как самостоятельной науки и не признает никакого особого рефлексологического метода, а считает его смесью обычного физиологического метода с субъективно-психологическим методом самонаблюдения, признание обязательной приемлемости рефлексологии как таковой (т. е. не-Павловской) в качестве всеобъемлющего и главнейшего базиса для педологии является спорным.

Что касается пауки о поведении, то распад ее на множество взаимно уничтожающих направлений, постоянная ее апелляция к традиционной психологии, вырождение в тфайтизм и гляндуляризм, борьба из-за слов и терминов, а не из-за сути, культ внешнего, соматического и механического в ущерб внутреннему, психическому и диалектически совершающемуся, а также фетишизм объектов и их отношений с явным уклоном в систему утрированно-экстравертированного мышления – вряд ли делает эту область бесспорной и главнейшей основой в изучении, понимании и воспитании ребенка.

5. Объяснение всех проявлений психической жизни животных и человека процессами, происходящими, главным образом, в серой коре больших полушарий этих же животных и человека, не может быть вполне гармонично солидаризировано с данными новейшей неврологии и невропатологии, которые значительную долю всех этих психических явлений связывают с деятельностью промежуточного мозга, стриопаллидарной системы и ниже лежащих подкорковых ганглий.

6. В настоящее время в науке не имеется ни фактов, ни методов, ни иных показателей к тому, чтобы опытная психология со всеми ее отделами оказалась бы излишней, вредной и подлежащей обязательному изгнанию. Наоборот, развитие лабораторной экспериментальной психологии, и психотехники заграницей и у нас в СССР, развитие этих дисциплин в коммунистическом Университете имени Свердлова, возникающие по всему СССР психотехнические лаборатории, богатство работ по клинически-интроспективной психопатологии свидетельствуют о научной жизненности и здоровом реализме этой науки.

7. Марксистские учение никогда не находилось и сейчас не находится в гармоническом контакте ни с метафизическим материализмом, ни с механистическим направлением в философии вообще. Оно также никогда не исчерпывалось естествознанием и не растворяло себя в нем, хотя и ценило и ценит его всегда. Тем более марксистское учение со своими классическими первоосновами: диалектическим методом мышления, трудовой теорией ценности, учением о борьбе классов, учением о росте производительных сил, учением о фазисах капиталистического развития и т. д. – тем более, повторяем, не может

считать себя исходящим из неопределенно-социологических предпосылок рефлексологии как одной из веток неврологии.

Благодарность за частичное укрепление позиции материалистического понимания природы – вот все что может послать марксизм этому учению – и только.

Как в начале работы, так и в конце ее мы опять повторяем, что на изложенные соображения следует смотреть, как на сомнения и скитания мысли захолустного педолога-ученика, лишенного возможности быть приобщенным к научным центрам, к текущей европейской литературе и вообще к той научной атмосфере крупных центров, где подобные вопросы решаются быстро, уверенно и точно... Нужно принять во внимание интеллектуальный кругозор провинциального работника, суженного предельностью и скрупулезностью губернского размаха теоретической науки, чтобы понять, почему всплывает такое обилие сомнений, недоумений, недоразумений и почему они вызывают возражения, которые, вероятно, будут шокировать своей наивностью и примитивизмом культурные педологические силы столиц и крупных центров. Это еще более говорит за необходимость основательной и убедительной популяризации тех непреложных фактов и идей, согласно которым с педологических кресел согнаны Вундт, Мейман, Лай, С. Холл, и на этих креслах удобно расположились прив.-доц. Фролов и многие другие наши педологи-учителя.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИМЕНА В АКТУАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ЮЛИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ ПОРТУГАЛОВ

Избранные научные труды

Отпечатано в типографии ООО «Волга Документ»,
г. Самара, пр. Карла Маркса, д. 185.

Формат 60x90 1/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 31. Тираж 100 экз. Номер заказа 1012/25.